This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

3 3433 07854613 6

Digitized by Google

Digitized by Google

INDE

*ack

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ ПОЛЕВЫМЪ.

Man kann, was man will —
Man will, was man kann. . . .

Оксенштирнъ.

ЧАСТЬ ПЯТНАДЦАТАЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1827.

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
810880
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
1916
R L

Печатать дозволяется, съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва, Мая 5го дня, 1827 года. *Ординарный Профессоръ, Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ Иванъ Снегиревъ.*

LIBRARY OF CONGRESS
DUPLICATE
EXCHANGED

Digitized by Google

МОСКОВСКІЙ
ТЕЛЕГРАФЪ.

Часть XV.

Отдѣленіе первое.

I. НАУКИ и ИСКУСТВА.
II. КРИТИКА.
III. БИБЛІОГРАФІЯ.
IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

Digitized by Google

Digitized by Google

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. НАУКИ и ИСКУСТВА.

Гёте и Шиллеръ (*).

Громкія имена сіи принадлежатъ двумъ мужамъ знаменитымъ, которыхъ возвеличилъ одинъ вѣкъ, образовала равная сила генія, которые лучшую часть своей жизни дышали однимъ воздухомъ, ѣли хлѣбъ-соль за трапезой одного повелителя, оба вмѣстѣ достигли высочайшей степени

(*) Изъ письма, напечатаннаго въ No 4 Телеграфа, читатели видѣли, что какой-то духъ недоброжелательства возникаетъ противъ Гёте, въ заднихъ рядахъ Германской Литтературы. Сообщаемъ здѣсь доказательство сему извѣстію, почерпнутое изъ Нѣмецкой газеты. Просвѣщенные и безпристрастные люди различатъ въ семъ приговорѣ истину отъ предубѣжденія, указанія заслуживающія вниманія, отъ указаній внушенныхъ криводушіемъ. Характеристика Гёте, начертанная нашимъ соотечественникомъ, въ письмѣ его, проливаетъ, кажется, яркій свѣтъ на рѣшеніе запроса о существенномъ достоинствѣ Германскаго Протея. Журналъ долженъ быть зеркаломъ современныхъ мнѣній, отражать въ себѣ свѣтъ и тѣни, истины и заблужденія современной эпохи, но отражать ихъ только съ честнымъ и несомнительнымъ направленіемъ. *Изд.*

Digitized by Google

славы, оставивъ ниже себя всѣхъ другихъ Германскихъ поэтовъ, если не во всѣхъ родахъ, по крайней мѣрѣ, разнообразіемъ и полнотою своихъ талантовъ въ нѣкоторыхъ. Гёте и Шиллеръ, первые представляются взорамъ наблюдателя, когда онъ вступаетъ въ Пантеонъ Германскихъ поэтовъ; въ библіотекахъ они всегда являются и будутъ являться рядомъ. Покровительство, оказанное одною благомыслящею, великодушною Принцессою Изящнымъ Искуствамъ, соединило ихъ въ одинъ кругъ, и отсюда-то лучи славы ихъ, подобно сіянію созвѣздія Близнецовъ, всегда вмѣстѣ озаряли образованную Германскую публику; но публика едва-ли чувствовала, какія враждебныя, по внутреннимъ свойствамъ одно другому противоположныя свѣтила называла она Діоскурами.

Вниманіе къ людямъ великимъ никогда не простываетъ, и упомянутая противоположность, которая всѣ, или почти всѣ сочиненія ихъ легко и удобно объяснить можетъ, доселѣ мало была опредѣлена, а потому, почитаемъ не излишнимъ изобразить здѣсь въ нѣсколькихъ общихъ чертахъ сравненіе Гёте съ Шиллеромъ.

Въ стихотворномъ геніи оба несравненны. Гёте болѣе владѣлъ своимъ талантомъ, болѣе игралъ имъ, не рѣдко даже съ пренебреженіемъ, и вообще обходился съ талантомъ своимъ, какъ роскошный, при-

Digitized by Google

хотливый Сатрапъ съ покорной одалискою гарема, къ которой нѣга чувствъ невольно влекла его. Шиллеръ своимъ талантомъ не могъ такъ играть: онъ хотѣлъ выражать онымъ безконечныя идеи, до высоты коихъ часто самъ не могъ достигнуть, хотѣлъ выражать глубокую грусть души своей, не мнимую, но дѣйствительную, и отъ того, можетъ быть, слишкомъ жертвовалъ строгой истинѣ красотою Поэзіи. Геній поэтическихъ думъ казался ему высокою трагическою богинею, которую любилъ онъ съ благоговѣніемъ и скорбію.

Гёте никогда не чувствовалъ другой грусти, кромѣ обиженной суетности; душа Шиллера вся была проникнута меланхоліею: и могло-ли быть иначе? Бѣдствія цѣлаго человѣчества въ ней отзывались.

Гёте воспѣвалъ болѣе веселую, ясную сторону жизни; Шиллеръ болѣе унылую, мрачную. Вотъ единственное достоинство Гёте, и единственный недостатокъ Шиллера.

Гёте хотѣлъ, во что-бы то ни стало, заслужить названіе всеобъемлющаго генія, и вмѣстѣ сдѣлаться поэтомъ-деспотомъ, съ намѣреніемъ хотѣлъ присвоить себѣ литтературную монополію во всей Германіи; Шиллеръ желалъ изображать и возвышать человѣчество. Добродѣтель была прекрасная цѣль, къ которой онъ постоянно стремился.

Digitized by Google

Гёте искалъ и нашелъ свое величіе, единственно въ удовлетвореніи всякой модной, временной прихоти Германской публики, помощію быстраго таланта своего выставляя себя первымъ жрецомъ моднаго вкуса, и стараясь такимъ образомъ всѣ похвалы, всѣ выгодныя мнѣнія, приписываемыя вкусу вообще, обратить исключительно на себя. Онъ мало заботился, хороша ли наклонность времени или дурна, нравится-ли ему самому или нѣтъ, достойна его таланта или недостойна, возвыситъ или уничтожитъ благіе обычаи и чистые нравы въ публикѣ. Лишь-бы сочиненія его читали, осыпали похвалами, превозносили до небесъ, лишь-бы полъ-вѣка называлось его именемъ: вотъ вся цѣль его, вотъ все, чего онъ искалъ! Но публика пошла еще гораздо далѣе, и облекла Гёте славою, какою едва-ли пользовался другой поэтъ. Забывая всѣ психологическія несообразности, она сдѣлала Гёте, съ его безчисленными и столь часто одно другому противорѣчащими стремленіями, предметомъ благоговѣйнаго удивленія, какъ будто-бы актеръ, который сегодня носитъ корону, завтра шлемъ, потомъ дурацкую шапку, потомъ спальный колпакъ, можетъ достигнуть совершенства хотя въ одной ролѣ, не говорю уже во всѣхъ. Неистовое ослѣпленіе, возможное только въ Германіи, обьяло цѣлую націю. Явились услужливые кри-

Digitized by Google

тики, которые, къ величайшему удовольствію самого Поэта, съ важнымъ Нѣмецкимъ видомъ, назвали многосторонность его чудомъ, небеснымъ вдохновеніемъ, а самого Гёте центральнымъ духомъ поэтическаго столѣтія, который, творчески повелѣвая въ средоточіи, изъ себя развивалъ для современниковъ и потомства всѣ разнообразные вкусы и наклонности. Гёте явно былъ слѣдствіемъ времени, а между тѣмъ рѣшительно утверждали, что онъ создалъ вѣкъ свой. Мнѣнія вѣка обнаруживались, отражались въ его мнѣніяхъ; между тѣмъ всѣ думали, что вѣкъ сообразуется съ его мыслями. Онъ угождалъ всѣмъ прихотямъ публики, а публика думала, что она покорствуетъ ему. Необыкновенный талантъ его, удивительное умѣнье приноровляться ко всякому господствующему тону, поселили въ людяхъ близорукихъ, ни себя, ни времени своего не понимающихъ, странный предразсудокъ, будто Гёте, по произволу давалъ умамъ такое направленіе, какое хотѣлъ. Нелѣпость этого мнѣнія легко доказать и психологически и исторически. Противорѣчія, встрѣчаемыя въ сочиненіяхъ Гёте, не могутъ назваться чистымъ проявленіемъ духа самостоятельнаго, который творитъ и дѣйствуетъ отъ внутренняго побужденія, по собственнымъ законамъ и кладетъ неизгладимую печать на цѣлое человѣчество. Сіи противорѣчія, напротивъ того,

Digitized by Google

кажется, выражають духъ совершенно не-самостоятельный, подобно воску поддающійся всякому прикосновенію, облекающій всякую форму. Это будетъ еще яснѣе, когда бросимъ взглядъ на историческій ходъ его литтературныхъ произведеній. Молодыя лѣта Гёте-вы протекли въ сантиментальномъ періодѣ, ознаменованномъ идилліями Геснера, безчисленнымъ множествомъ пастушескихъ романовъ, повѣстей, драмъ: желая угодить публикѣ, сосредоточить разсѣянную наклонность времени и увѣнчать себя славою вѣка, Гёте написалъ *Вертера*. Теперь весь этотъ періодъ называется *Вертеровымъ*. Сколь мало дорожилъ Гёте симъ произведеніемъ, доказываетъ вся жизнь его, доказываетъ насмѣшка, которою онъ сразилъ первое дитя свое. Чувства изнѣженныя должны были необходимо уступать истинно-суровымъ и доблестнымъ, какъ естественной своей противоположности. Поэзія среднихъ временъ ожила у Швейцаровъ. Страсть къ доблести рыцарской взяла рѣшительный перевѣсъ. Гёте тотчасъ издалъ превосходнаго своего *Гёца Берлихингена*, и трагедія его снова стала вывѣскою времени. Тогда начали кипѣть мятежи. Въ Сѣверной Америкѣ раздался голосъ дотолѣ неслыханный, и задолго до Нидерландской и Французской революціи, призраки ея мелькали въ литтературномъ мірѣ, подоб-

Digitized by Google

но вихрямъ передъ грозою; Гёте сочинилъ *Эгмонта* и прослылъ поборникомъ новыхъ мнѣній. Гёцъ нѣкоторымъ образомъ также относится къ этому періоду. Въ Германіи громко заговорили о тайныхъ обществахъ, мистицизмѣ; Гёте не остался празднымъ и всѣмъ извѣстная *Исповѣдь прекрасной души*, въ томъ порука. Германская публика пристрастилась къ театральному искуству; Гёте, въ качествѣ драматическаго писателя, могъ-ли здѣсь равнодушно промолчать? Конечно нѣтъ, а доказательство — *Вильгельмъ Мейстеръ*. Но это твореніе во всѣхъ частяхъ своихъ согрѣто у него какимъ-то непритворнымъ жаромъ сердца полнаго, и проникнуто далекими видами ума. Вмѣстѣ съ республиканскими мыслями родилась любовь къ древности и преимущественно къ Грецизму. Кого живѣе Гёте воспламенилъ духъ древнихъ, кто лучше его подражалъ оному? Безнравственность, перешедшая, къ несчастію, весьма рано изъ Франціи въ Германію, ославленная революціею, произвела нечистую литтературу соблазнительныхъ семейственныхъ романовъ, гдѣ всѣ благіе обычаи старины, особенно взаимныя, общественныя отношенія обоихъ половъ между собою, были ниспровергнуты и осмѣяны. Тогда Гёте съ удовольствіемъ написалъ Mitschuldigen, Wahlverwandschaften, *Стеллу*, и чрезъ то объ-

Digitized by Google

явилъ себя первымъ поборникомъ милостей.

Какъ Греки, такъ и Англичане, Италіянцы, Французы, имѣли честь везти на себѣ тріумфальную колесницу Гёте. Не было рода поэзіи, не было любимаго нарѣчія въ Германіи, которыхъ-бы Гёте не употребилъ съ успѣхомъ, выставляя себя начальникомъ и покровителемъ каждаго нововведенія. Все, что онъ, много-ли, мало-ли, произвелъ, какъ переводчикъ, описатель путешествій, автобіографъ, знатокъ и законодатель Изящныхъ Искуствъ, физикъ, нравоучитель, богословъ, театральный директоръ, придворный стихотворецъ, человѣкъ общественный, министръ и т. д., все служило только къ распространенію молвы о всеобъемлемости его генія, и если бы, по несчастію таланта Гётева, дворъ не принялъ его въ такую-же милость, какъ и публика, если-бы онъ не сдѣлался слишкомъ рано славенъ, гордъ и безпеченъ, то отъ него еще многаго-бы ожидать должно.

Нѣкоторыя сочиненія писалъ онъ не для публики, а для двора; другія, по крайней мѣрѣ написаны въ совершенномъ духѣ придворнаго и дышатъ лестью. Сюда относится *Тассо*, собственная его придворная исповѣдь; сюда относятся пошлыя, низкія шутки, которыми старается онъ набросить смѣшную тѣнь на мрачное величіе современныхъ событій; сюда при-

Digitized by Google

надлежатъ безчисленныя заказныя драмы и оды, которыя онъ въ качествѣ придворнаго стихотворца весьма часто принужденъ былъ писать, и въ числѣ послѣднихъ весьма замѣчательны похвальные гимны, писанные, смотря потому, куда повѣетъ политическій вѣтеръ, сперва въ честь Наполеона, потомъ въ честь Фельдмаршала Блюхера.

Гёте произвелъ собственнѣ только два сочиненія, о которыхъ можно сказать рѣшительно, что они невольно создались въ душѣ его, безъ всякаго желанія подражать, въ которыхъ онъ слѣдовалъ единственно внутреннему побужденію, между тѣмъ, какъ всѣ его другія сочиненія имѣютъ условія внѣшнія. Это *Фаустъ* и *Вильгельмъ Мейстеръ*. Въ Фаустѣ выразилъ Гёте грусть свою о недостаткахъ собственнаго генія, въ стремленіи сдѣлаться геніемъ всеобщимъ; въ Вильгельмѣ Мейстерѣ высказываетъ онъ новое правило жизни, которому остался вѣренъ во все продолженіе своей. Это правило, которое Гёте сдѣлалъ для себя талисманомъ бытія вполнѣ удовлетвореннаго, а міру завѣщалъ, какъ высочайшій законъ практической философіи, есть слѣдующее: *внутреннее достоинство добродѣтели и таланта — утѣшеніе нищаго, годное только для толпы, костыль хромаго. Верховнаго блага должно искать во внѣшней*

участи. Вельможи, коихъ происхожденіе и состояніе обыкновенно возносятъ выше народа, показываютъ ему прекрасную, свѣтлую, заманчивую сторону жизни; между тѣмъ, какъ другимъ состояніямъ, большею частію, падаютъ въ удѣлъ одни труды и заботы. Высшая цѣль, которую предполагаетъ себѣ самая добродѣтель, по мнѣнію Гёте, ни что иное можетъ быть, какъ завидная доля пользоваться лестными правами знатнаго чина. И такъ хорошо зналъ онъ Германскую публику, что осмѣлился рѣшительно и открыто проповѣдывать свое ученіе, рожденное въ періодѣ исторіи нашей, запечатлѣнномъ всеобщею испорченностью нравовъ, проповѣдывать, разумѣется съ такимъ видомъ, который истину выдаетъ за иронію, иронію за истину, чтобы всякій могъ по своему перетолковать мысль его.

Вотъ ключъ почти ко всему, что писалъ Гёте. Кто безъ предубѣжденія вникнетъ въ рѣзкую правду сего простаго и краткаго обзора, тотъ не ощупью будетъ ходить по лабиринту мнѣній Гётевыхъ, не смотря на густой туманъ, который многіе должностные эстетики щедро разливаютъ около себя на каѳедрахъ или въ толстыхъ сочиненіяхъ, и въ особенности замѣчанія наши могутъ служить Аріадниной нитью сквозь душный

Digitized by Google

жертвенный өиміамъ Г. Шубарта и компаніи (*).

Шиллеръ никогда не искалъ себя, своей славы, счастія, благосклонности публики; онъ хотѣлъ возвысить человѣчество, и почти всегда говорилъ какъ гнѣвный, карающій пророкъ. Высокія идеи любви, дружбы, нравственной свободы, чести, отечества, постоянно одушевляли его и никогда въ сочиненіяхъ Шиллера низкій напѣвъ не мѣшался съ гармоніей небесною. Кто не знаетъ, что всѣ величавыя, вдохновенныя стихотворенія его носятъ на себѣ печать благородныхъ, нѣжныхъ, сильныхъ чувствъ его, хотя, впрочемъ, часто обнаруживаютъ геній менѣе образованный, менѣе гибкій, нежели геній Гёте. Если нѣкоторыя сочиненія Шиллера показываютъ иногда стремленіе, его духу несвойственное, если иногда отзывается въ нихъ какое-то принужденіе, то мы не должны забывать, что онъ находился въ придворной службѣ.

Гёте плылъ всегда по теченію, и всегда сверху, подобно легкому челну. Духъ его былъ всегда въ тѣсномъ согласіи съ духомъ времени. Онъ славилъ добродѣтель, когда она была въ модѣ, и безуміе, когда оно явилось на сцену большаго свѣта. Онъ возставалъ противъ наукъ совершенно сухихъ, давно служившихъ

(*) Шубартъ, извѣстный Германскій писатель, превозносившій Гёте до nec plus ultrà. *Сот.*

Digitized by Google

предметомъ для сатиры, противъ людей, которые уже сами собою были смѣшны и всегда осматривался сперва, на его-ли сторонѣ толпа насмѣшниковъ.

Шиллеръ во всю свою жизнь плылъ противъ теченія. Его духъ былъ выше духа времени. Ему издалека свѣтили идеалы, давно забытые на землѣ, и вдохновенному пѣвцу оставалось только изображать пламенными буквами небесныя тайны, чтобы толпа невольно оглянулась на нихъ. Во всѣхъ его стихотвореніяхъ замѣтенъ дуализмъ: борьба добраго и злаго, благороднаго и низкаго, изящнаго и неизящнаго, и проч.

Гёте при Дворѣ находился въ своей родной стихіи. Тамъ улыбнулось ему счастіе, тамъ получилъ онъ доходныя должности, чины, ордена, и тамъ протекла долгая жизнь его. Шиллеру было душно въ придворной атмосферѣ: въ чертогахъ царедворскихъ посѣтили его печали, неудовольствія, и рано унесли съ поприща добродѣтели и славы.

Гёте съ удивительнымъ искуствомъ употреблялъ талантъ свой для выгодъ личныхъ; высокій духъ Шиллера презиралъ богатства, и онъ не зналъ даже, что заслужитъ упрекъ, отчасти справедливый, оставивъ семейство свое въ крайней бѣдности, и между тѣмъ сдѣлавъ огромное состояніе своему книгопродавцу.

*(Съ Нѣмецкаго, Р***).*

Digitized by Google

Мысли объ Изящныхъ Искуствахъ.

1. Было нѣкогда иначе и лучше. Небесные цвѣты любви, тоски, надежды; произрастаютъ не изъ сей суровой почвы; изъ лучшей страны простираютъ они свои вѣтви въ сію тѣсную, пустую, хладную жизнь, и оплодотворяютъ ее своимъ высокимъ вліяніемъ, дабы не вѣчно продолжалось владычество тмы и ея силъ.

2. Становись какъ хочешь, ты все думаешь быть зрящимъ. Человѣкъ имѣетъ сновидѣнія, можетъ быть для того только, чтобы не переставать зрѣть. Возможно, что внутренній свѣтъ изъ насъ когда нибудь выступитъ, такъ, что не будемъ имѣть нужды въ другомъ.

3. Мы питаемся еще плодами лучшихъ вѣковъ.

4. Кажется, что народъ прекрасный и народъ великій, должны были исчезнуть съ лица земли, дабы языки ихъ приобрѣли вѣчную жизнь.

5. Высшее знаніе есть только догадка, вѣрность которой повѣрить можно, опять только догадкою-же, но высшею.

6. Человѣка образовать не льзя; человѣкъ самъ себя образуетъ.

7. Толкуй что хочешь: книгу, картину, музыку, природу, человѣка и пр.; ты толкуешь или букву, или смыслъ, или духъ. Буква: все внѣшнее, наружное, тѣ-

Digitized by Google

ло, чрезъ которое духъ вступаетъ въ міръ явленій; смыслъ: внутреннее свойство частей, въ отношеніи къ цѣлому, предвѣстникъ духа, и какъ-бы первая заря свѣта. Духъ, высшее безусловное единство буквы и смысла, самый свѣтъ, истинная жизнь.

8. Произведеніе Поэзіи есть плодъ нравственной свободы и высшаго инстинкта, который можно назвать небеснымъ, ибо кому онъ не данъ, тотъ производитъ только автоматовъ, не имѣющихъ ни жизни, ни души. Онъ, сей инстинктъ, сіе небесное безпокойствіе и движеніе духа, онъ порождаетъ дивныя творенія Поэзіи и вдыхаетъ въ нихъ жизнь вѣчную.

9. Поэзія, собственно ни *слово*, ни *искуство*. Она не *слово*, потому что совершенство ея требуетъ такта, пѣнія, тѣлодвиженій и мимики; она не *искуство*, потому что вся основана на природѣ, которая поступаетъ по правиламъ или законамъ собственно своимъ, а не искуства, и пребываетъ истиннымъ выраженіемъ возвышеннаго духа, неимѣющимъ никакой цѣли. Краснорѣчіе, напротивъ, въ собственномъ смыслѣ, есть *слово* и *искуство*; оно основано на ясномъ, средственно возвышающемся *словѣ*, и есть *искуство* во всякомъ смыслѣ, преслѣдующее свою цѣль и притворяющееся отъ начала до конца.

10. Поэзія не имѣетъ никакой внѣшней цѣли. Всякое піитическое твореніе

есть необходимое произведенiе природы, а посему и органическое цѣлое, жизнь.

11. Поэзiя сама по себѣ совершенна и каждое произведенiе ея есть нѣчто цѣлое, имѣющее душу и тѣло, существо ограниченное и безконечное, живое и животворящее, которому не льзя дать ни другой души, ни другаго тѣла, есть отдѣльный органическiй мiръ идей и созерцанiй. Истинно пiитическое произведенiе есть гениальное, вмѣстѣ съ генiемъ рожденное, генiемъ, высшимъ духомъ, по подобiю своему порожденное, не временное, но вѣчное. Науки, напротивъ, подлежатъ безконечному усовершенствованiю, и всѣ ихъ произведенiя суть только средства, средства временныя, остающiяся въ употребленiи, пока нѣтъ лучшихъ. Занимающiйся наукою опирается всегда на предшественниковъ своихъ; поэтъ творитъ независимо, и только въ Поэзiи бываетъ *генiй*, духъ творческiй.

12. Природа для человѣка находится въ вѣчномъ антропоморфизмѣ, и все зависитъ отъ того, какою она одушевляется душою, душою Терсита или душою Гомера.

13. Одушевленiе есть внутреннiй огонь, прозябающiй всѣ цвѣты духа.

14. Генiй, не только образъ, но часть творческаго духа природы, и дѣйствуя сообразно ея законамъ, имѣетъ въ искуствѣ свою автономiю.

Б 2

Digitized by Google

15. Великому поэту извѣстны всѣ народы, всѣ времена, всѣ состоянія; природа для него открыта, и онъ видитъ не только ея сокровища, но постигаетъ и душу всякаго явленія; творенія его напоминаютъ намъ долголѣтнюю его метемпсихозу.

16. Не имѣющій внутренней музыки, въ чудеснѣйшихъ произведеніяхъ Искусства и Поэзіи ничего не видитъ.

17. Эпическая Поэзія представляетъ минувшее настоящимъ, спокойно и ясно предъ глазами нашими совершающимся въ постепенномъ развитіи, объемлетъ, подобно природѣ, и великое и малое, не ограничиваясь временемъ; представляетъ *одно* только дѣйствіе, во всемъ его многообразіи, коего центромъ одно главное лицо, какъ высокое явленіе эпическаго міра, затмѣвающее все прочее, но состоящее, какъ чадо природы, подъ законами вселенной, не вступающее въ борьбу съ судьбою, но повинующееся волѣ боговъ, несомое вихремъ временъ и колеблемое бурею происшествій, но твердо стоящее на незыблемомъ основаніи своего благородства, и ощущающее шествіе Божества по землѣ.

18. Трагедія есть представленіе цѣлаго и полнаго дѣйствія, ни прошедшаго, ни будущаго, но настоящаго, совершающагося чрезъ слово и дѣло, въ которомъ свобода и самостоятельность человѣка являются въ борьбѣ съ судьбою.

Digitized by Google

19. Покрыть что нибудь піитическимъ блескомъ, не значитъ еще сдѣлать стихотвореніе. Дидактическая Поэзія.

20. О піитическомъ произведеніи должно-бы судить, какъ мы судимъ о пріятномъ или непріятномъ вкусѣ яблока, не спрашивая на какомъ оно выросло деревѣ.

21. *Романсъ* (Romance) значитъ тоже, что lingua volgare, новѣйшій языкъ народа, который образовался изъ смѣшенія варварскаго съ ученымъ и классическимъ, такъ какъ вообще изъ сего хаоса противоборствовавшихъ себѣ стихій произошелъ романтическій видъ средняго вѣка. *Романсъ*, родъ стихотвореній, есть романтическое представленіе, въ народномъ вкусѣ или тонѣ. Изъ сего, въ то время, когда одно чтеніе уже составляло ученое образованіе, долженствовало слѣдовать само собою назначеніе онаго для легкаго пѣнія, равно краткость въ отдѣлкѣ и простота повѣствуемыхъ происшествій, для удобнѣйшаго удержанія въ памяти. Такъ Романсы отдѣлились отъ объятнѣйшихъ Романовъ, которые первоначально были рыцарскими книгами, въ послѣдствіи, переложенные въ прозу, сдѣлались народными. Разумѣется, что для сего не избираемы были чужіе и неизвѣстные предметы; но такіе, которые, хотя и совершенно въ области Фантазіи находились, однако не выступали изъ горизонта возможныхъ созерцаній: Романсы, по содержанію и отечествен-

Digitized by Google

нымъ акцентамъ и звукамъ своимъ, были національные Рыцарство, въ тѣхъ земляхъ гдѣ оно господствовало, составляло общую національность, и что къ оному относится, вездѣ кажется тоже, отличаясь только нѣжными оттѣнками. Впрочемъ, въ старыхъ народныхъ пѣсняхъ напечатлѣны отличительныя черты всего образа мысленія и чувствованія каждаго народа, часто слитыя съ неизгладимыми и характеръ опредѣляющими воспоминаніями. Такъ отзывались въ нѣкоторыхъ Испанскихъ романсахъ сцены изъ послѣдней войны противъ Мавровъ, съ такою трогательною силою, что запретили ихъ пѣть, потому что всѣ слушатели впадали въ неодолимое уныніе. Въ другихъ горитъ тихая и пламенная любовь, отважная ревнивость, фантастическая вѣжливость Кастиліянца, подъ Маврскимъ именемъ и въ щелковомъ великолѣпіи двора Гернадскаго. Достопримѣчательно, что въ сихъ южныхъ стихотвореніяхъ нѣтъ ни привидѣній, ни другихъ страшилищъ фантазіи, между тѣмъ, какъ въ сѣверныхъ балладахъ, особливо Англійскихъ, Шотландскихъ и Датскихъ, міръ духовъ, хладнымъ и тихимъ дуновеніемъ переселяетъ свои ужасы въ жизнь. Слогъ въ древнихъ романсахъ вообще краткій и отрывистый; иногда упоминаются дѣянія и имена, какъ въ хроникѣ, но чудесное никогда не приготовляется, и развитіе побудительныхъ

Digitized by Google

причинъ ему чуждо. Отъ сего, поелику ничего не изобрѣтено по волѣ ума, но все ограничено въ чистѣйшемъ, невиннѣйшемъ созерцаніи, отъ сего и происходитъ несвязность, преисполняющая догадокъ и предчувствія, и удерживающая насъ очаровательною силою. Нѣтъ никакой риторики въ выраженіи страстей, при коихъ, почти робкомъ, указаніи, живое дѣйствіе тѣмъ сильнѣе является. Вообще, въ описаніи предметовъ, нѣтъ преувеличенія, дѣло само собою говоритъ просто и безъ намѣренія произвесть эффектъ. Чрезъ все сіе древніе романсы, въ смѣлости благоразумны, въ покоѣ трогательны, въ странномъ и фантастическомъ еще натуральны и просты, а что кажется дѣтскимъ, имѣетъ чрезвычайную глубину и высокое благородство. Безпечно-творящему побужденію удалось, къ чему только образованнѣйшій стихотворецъ возвращается: простѣйшими средствами произвесть величайшее. Просвѣщенный вѣкъ разсматриваетъ сіи естественныя произведенія съ удовольствіемъ, каковое знатокамъ живописи доставляютъ легкіе эскизы и очерченныя мысли, представляющія въ немногихъ удачныхъ очеркахъ, какъ-бы основное созерцаніе великаго и богатаго творенія. Требуется исполненіе воображенія. Разумѣется, что сказанное относится только къ древнѣйшимъ и собственно первоначальнымъ романсамъ; позднѣйшіе,

Digitized by Google

хотя и въ духѣ оныхъ, имѣютъ однако правильнѣйшую подробность. Испанскій романсъ въ послѣдствіи составилъ весьма многообразный и искуственный родъ стихотворенія. Англійскія баллады напротивъ сохранили свое назначеніе для народа, но приходили въ большой упадокъ: многія, до Шекспирова вѣка существовавшія, уже очень поверхностны, пространны, убраны прозаическими воззваціями къ соучастію и нравоученіями, такъ какъ и переложенія старыхъ любимыхъ романсовъ въ новый языкъ, никуда негодятся. Рѣдко слышенъ былъ тогда истинно романтическій звукъ. Что стихотворцы, какъ Shenstone, Collins, Mallel, Goldsmith и др., выдавали за баллады, когда онѣ вошли опять въ моду, есть ни иное что, какъ сантиментальное риѳмоткаціе, безъ малѣйшей искры духа древнихъ. Въ сравненіи съ слабостью и превратностью сихъ опытовъ, у націи, которая образцовыми произведеніями сего рода, съ древнѣйшихъ временъ сохранившимися, гораздо богаче нежели Германская, заслуги Бюргера о возстановленіи истиннаго романса чрезвычайно велики. Что Англія, удивленная, воздала его Ленорѣ безконечную похвалу, весьма справедливо.

22. Новѣйшая Германская Словесность у насъ почти вовсе не извѣстна. Сущности оной и не льзя видѣть въ одномъ какомъ-либо авторѣ. Она не имѣетъ ни

Digitized by Google

опредѣленной критики, ни столицы, ни Академіи; разнородныя явленія авторовъ и сочиненій, и безконечный расколъ мнѣній и характеровъ, разсматривая оныя съ высшей точки зрѣнія, соединяются въ одну все сокрушающую силу.

И. Кронебергъ.

(Будетъ продолженіе.)

Историческое обозрѣніе Миѳологіи Сѣверныхъ народовъ Европы.

(Окончаніе.)

У Цельтовъ, сего древнѣйшаго, таинственнаго поколѣнія, тщательно должно отличать ученіе жреческое отъ Миѳологіи народной; все, что о сихъ предметахъ говорятъ древніе писатели, относится только къ внѣшности жреческихъ учрежденій и народной Миѳологіи. Миѳы Галліи основаны были на трехъ великихъ идеяхъ: ученіи о мірѣ, о Богѣ и о душѣ. Съ ученіемъ о сотвореніи и о мірѣ, въ тѣсномъ соединеніи находилась религіозная Астрономія; къ ней присоединялось религіозное ученіе о времени, коего годъ міра (Weltjahr) получалъ значеніе только въ переселеніи душъ (метемпсихозѣ), такъ какъ оба получали значеніе отъ всеобщаго сожженія міра, ко-

торое Галлы приняли, и которое (что изъ сказаннаго выше извѣстно уже намъ) было основаніемъ Скандинавской и Нѣмецкой религіи, слѣдственно, было вѣрою народною. Изъ Друидской психологіи, въ народную вѣру было принято одно положеніе, именно, ученіе о другомъ мірѣ, которое опять основано было на трехъ важныхъ идеяхъ: *переселеніи*, *оживленіи* и *безсмертіи* души. По удивленію, съ какимъ древніе приводятъ сіе мнимо-Пиѳагорово ученіе, должно уже заключить, что въ семъ отношеніи Цельто-Нѣмецкая народная вѣра была гораздо выше Римской и Греческой. Галлы, также какъ и Нѣмцы, вѣрили продолженію жизненныхъ отношеній въ другомъ мірѣ и обязанности, которая не прекращается съ смертію. Отъ того у нихъ заповѣдь о презрѣніи смерти (какъ и у Нѣмцовъ) и ученіе о безсмертіи, хотя и имѣли величайшее вліяніе на воинскую храбрость, но не для нее были составлены. У нихъ былъ, такъ называвшійся, *годъ души*, заключавшій въ себѣ время переходовъ души чрезъ другія тѣла; только послѣ сего, очищенная душа, по мнѣнію ихъ, входила въ безсмертіе. Сожиганіе умершихъ было въ Галліи прообразованіемъ сожженія міра.

Краткія извѣстія Цезаря о Галльскихъ божествахъ состоятъ въ отрывкахъ изъ планетной народной вѣры. Они достойны замѣчанія еще въ другомъ отношеніи, ибо

Digitized by Google

нѣкоторыя изъ нихъ приняты были въ Римскую государственную религію въ Галліи, а другія не приняты. Римляне, какъ кажется, не признали важныхъ туземныхъ боговъ; по неизвѣстнымъ причинамъ слили только меньщихъ съ своими. То, что Римляне называли Меркуріемъ, у Галловъ именовалось *Теутатъ*, и въ Отцѣ Дисѣ сдѣлалось поколѣннымъ героемъ народа, безъ всякаго сомнѣнія, весьма близкое имѣя сродство съ Нѣмецкимъ Тіуско, а можетъ быть, составляя съ нимъ одно и тоже. Но изображеніе сего бога въ тройственномъ видѣ, какъ *изобрѣтателя* всѣхъ искуствъ, *защитника* на всѣхъ дорогахъ и *охранителя* денегъ и торговли, должно конечно приписать Галламъ. Аполлонъ назывался по Галльски *Беленъ* или *Белинъ*; по сему имени онъ очень сходенъ съ Сѣвернымъ Бальдеромъ, что доказывается также особеннымъ почитаніемъ его какъ врача (стоитъ вспомнить только о растеніи Бальдеріанѣ (Valeriana offic.) и о многозначительной Сагѣ растеній при смерти Бальдера). Белленъ вообще былъ почитаемъ во всѣхъ родовыхъ жилищахъ Галловъ. Марсъ у нихъ назывался *Гесъ* или *Аесъ*; въ немъ не намѣренъ я искать ни Этрусскаго Аезара, ни Скандинавскаго Аза, ни Нѣмецкаго Ганзена, хотя имя и существо его въ сродствѣ съ обѣими послѣдними, но указываю только на древне-Ирландскаго *Аозара* (имя сіе значитъ

Digitized by Google

Богъ). Впрочемъ, онъ у Галловъ, кажется, былъ точно тѣмъ-же, чѣмъ Воданъ у Нѣмцовъ; а Юпитеръ, съ его собственнымъ именемъ *Таранъ* и *Таранъукнъ*, есть во всемъ Сѣверѣ извѣстный Торъ, и напоминаетъ (впрочемъ, можетъ быть, только по созвучности) предпочтительно Финскія божества: *Тара* и *Укко*. Галльское названіе Минервы мнѣ не извѣстно. Беленъ и Таранъ включены были въ государственную религію Римлянъ, а другіе боги оставлены; всѣ они почитались богами планетъ.

Главное мѣстопребываніе Цельтской вѣры было на островахъ Британскихъ, гдѣ долго поддержавшееся учрежденіе Бардовъ сохранило множество Друидскихъ преданій. Съ ними случилось тоже, что съ Скандинавскими Сагами. Изъ любви къ отечественному, имъ придавали болѣе достоинства, нежели сколько они дѣйствительно имѣли, а изъ суемудрія пренебрегли ихъ. Если-бы отъ Цельтовъ остался даже одинъ Оссіанъ, а отъ Скандинавовъ только одна *Велуспа* (Wöluspà), то и тогда можно бы предполагать многое. Къ сему мнѣнію принуждаютъ насъ какъ извѣстія древнихъ, такъ и недавняя находка монетъ на островѣ Жерзеѣ. Справедливо, что въ Ирландіи Барды были чрезвычайно образованы, и что въ пѣсняхъ Валлисскихъ Бардовъ сохранилось множество извѣстій изъ Друидскаго уче-

Digitized by Google

нія. Было три рода Ирландской музыки и семь классовъ стихотворцовъ, которые, вообще называлисъ *Олламгаинѣ-ре-данѣ* или *Филидѳ*, составляли орденъ столь-же отдѣльный, какъ орденъ Друидовъ, и имѣли множество значительныхъ Сагъ о своемъ происхожденіи и дальнѣйшемъ образованія. Валлисскіе Барды разлили самый яркій свѣтъ на ученіе о вѣрѣ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что только изъ ихъ преданій можемъ мы изслѣдовать Цельтическую вѣру въ томъ видѣ, какъ она была образована въ Монѣ.

Въ Британскомъ ученіи Друидовъ произошли многія измѣненія, какъ о томъ говорятъ ихъ Саги; въ немъ замѣтны многія иностранныя примѣси, и потому можно сказать, что ученіе сіе состоитъ изъ разнородныхъ частей и ограничивается кругомъ извѣстнаго числа боговъ, которые всѣ относятся къ ученію о водѣ; но, такъ какъ символика въ именахъ, знакахъ, числахъ и т. д. неограничена, то оня и являются въ разнообразныхъ и многочисленныхъ соединеніяхъ и отношеніяхъ. Сага творенія, кажется, затемнена была баснею Цельтовъ о потопѣ, который весьма естественно оказываетъ отечественный колоритъ. Озеро Лліонъ, говорили Цельты, выступало изъ береговъ и наводняло весь міръ; всѣ люди потонули; только Дlivanъ и Двивахъ спасены въ челнокѣ и населили Британію. Тогда сдѣланъ

былъ корабль Невиддъ - Навъ - Нейвіонъ (ковчегъ) и волы Гу - Гадарна вытащили ящикъ (Avanc) на землю, для того, чтобы озеро болѣе не разливалось. Сей Гу составляетъ одно изъ значительнѣйшихъ существъ въ ученіи Друидовъ; онъ мужъ воды, творецъ въ водѣ, обладатель земли и моря, всеобщій отецъ, душа міра и создатель всего міра; болѣе человѣчески понимаемый, онъ солнце, отецъ людей и князь неба, волъ и благодѣтель, а въ понятіи отечественномъ, онъ владыка Британскихъ островов и богъ Моны. Во всей Британіи имѣлъ онъ свои священные острова, озера и луга, гдѣ ходилъ и гдѣ являлся своимъ поклонникамъ. Потому существо сіе, въ основаніи обнимающее творческую цѣлость, по неограниченной дѣятельности своей, имѣетъ безчисленныя имена и символы. Оно представляло собою мужескую силу; но въ Миѳологіи Цельтовъ находилась и первородная жена (Церидвенъ). Она имѣла разительное сходство съ Церерою, и также какъ Церера у Грековъ, служила поводомъ большей части таинствъ. Солнцу, Гу, противополагается она какъ луна; всемірному отцу, какъ матъ земли. Ея котелъ и корабль съ парусами принадлежатъ озеру Лліонъ и воламъ Гу. Къ сравненію съ Церерою, въ ней конечно не подходитъ то, что она въ видѣ зеленьщицы представляется охранительницею хлѣбныхъ сѣменъ, что она яв-

ляется какъ образовательница юнаго поколѣнія, также, какъ правительница и учредительница Бардовъ; далѣе, что она является птицею, исполинскою женщиною и бѣснующеюся, и что служеніе ея бывало иногда бурно и необузданно; впрочемъ сравненіе и не нужно, ибо необыкновенныя качества и символы Церидвены можно объяснить изъ Британской Миѳологіи. Церидвена имѣла, также какъ Гу, множество именъ и встрѣчается подъ весьма многоразличными видами, а потому обѣ сіи существа, по причинѣ безконечно-обширнаго своего значенія, составляли основаніе Друидскаго многобожія и тайнаго ученія.

Сколь ни обработано кажется Финское ученіе о числахъ, но должно согласиться, что Цельтское было еще значительнѣе. И здѣсь число *три*, равно какъ у Финновъ, составляетъ основное число, но соединенія и значенія онаго необозримы. Менѣе всего можно ихъ исчерпать скудными планетными и Естественной Исторіи указаніями, хотя и сіи указанія въ нихъ заключаются.

Окончаніе статьи Г-на Моне заключаетъ въ себѣ мысли о томъ, какимъ образомъ въ послѣдствіи, во многихъ государствахъ, къ истинамъ Божественной религіи примѣшивалось язычество. Если не предположить сей примѣси, то не льзя объяснить, какъ

въ христіанствѣ Сѣверныхъ народовъ являлись многія мнѣнія, повѣрья и обряды, по всему замѣтно, не принадлежащія къ священнымъ обрядамъ христіанской религіи. Обративъ взоръ на одну Россію, мы находимъ въ старинномъ бытѣ простаго народа слѣды ворожбы, таинственнаго понятія о числахъ, смѣщенія Библейскихъ понятій о діаволѣ съ мнѣніями языческими о духахъ и полубогахъ (лѣшіе, домовые, русалки, полевые); находимъ языческія названія христіанскимъ праздникамъ (Семикъ, Русальная недѣля, Купало, Радуница, Бабье лѣто) и даже языческія жертвоприношенія (хворосты, блины, сочни, жженіе соли, бросаніе въ воду вѣнковъ). Г-нъ Моне говоритъ о земляхъ, гдѣ дѣйствовали Католики, что »Католическіе обращатели язычниковъ не имѣли никакихъ познаній о внутренней сторонѣ Сѣверной Миѳологіи и ученіи оной, а потому всѣ запрещенія ихъ обращены были только на явное языческое идолослуженіе и на то, что съ нимъ ближе всего было соединено. Отъ сего, въ духѣ народа, язычество оставалось въ большой силѣ при христіанской вѣрѣ. Обращателямъ казалось достаточнымъ, когда они уничтожали идолослуженіе, не зная, что есть еще внутренняя сторона, и поелику обращеніе производилось вездѣ почти безъ всякаго предварительнаго наставленія въ истинахъ христіанской вѣры, то *ученіе* язычества, составлявшее *главное* въ Сѣверной Миѳологіи, и не было совершенно уничтожено, ибо для сего потребно было новобращеннымъ язычникамъ внушить на убѣжденіи основанное истинно-христіанское благоговѣніе, но сего нигдѣ не могло быть, тѣмъ болѣе, что Папское утѣсненіе и соединенныя съ Католи-

Digitized by Google

цизмомъ подати духовенству былъ первымъ и отвращавшимъ язычниковъ дѣломъ, такъ что въ нѣкоторыхъ областяхъ Германіи, и другихъ земель, язычники почитали обращеніе только гражданскою необходимостію и принимали его для избѣжанія совершенной погибели, а не почитали себя обязанными слѣдовать святой Вѣрѣ и соображать съ нею жизнь свою. Отъ того видимъ безпрестанно въ прежніе вѣка повторяемыя запрещенія противъ тайнаго язычества, которыя не были-бы нужны послѣ обращенія, основаннаго на убѣжденіи сердца и ума. Свѣтскіе властелины, обратившіеся въ христіанство, рѣдко издавали законы противъ язычества (сего требовала политика); потомки ихъ, воспитанные уже совершенно въ христіанскомъ ученіи, не знали языческихъ основаній, таимыхъ въ душѣ народа. Училищъ не было никакихъ, кромѣ монастырскихъ, и тѣ заведены были только для послушниковъ, почему ученіе народа ограничивалось нѣкоторыми только догматами христіанства. Такъ новое поколѣніе возрастало съ языческими мыслями и воззрѣніями и не произвольно передавало ихъ своимъ потомкамъ, а когда иностранные обратители вымерли и монастыри стали брать монаховъ изъ самыхъ природныхъ жителей, то сіи взростши совершенно съ мнѣніями своего народа, въ смѣшеніи истинной вѣры съ ложною, никогда не могли совершенно отстать отъ него. Вотъ почему въ ученіи народномъ, въ вѣрѣ народной, по незнанію, сливалось христіанское съ языческимъ. Истинный Богъ во многихъ случаяхъ называемъ былъ такими именами и отличаемъ такими качествами, которыхъ не льзя было ни объяснить, ни оправдать

Digitized by Google

Священнымъ Писаніемъ, и позднѣйшее потомство твердо вѣрило, что исполняемые имъ языческіе обряды и уважаемыя мнѣнія были мнѣніями и обрядами христіанскими. Еще менѣе христіанскіе учители думали объ истребленіи народныхъ Сагъ, почитая ихъ сказками или исторіею и не зная, что въ нихъ, подъ историческими событіями, крылись догматы язычества. Сообразивъ вышеобъясненныя обстоятельства, по коимъ бытъ сѣверныхъ христіанъ долженъ былъ смѣшаться съ прежнимъ языческимъ образованіемъ, мы видимъ, отъ чего донынѣ сохранилась для насъ большая часть исторіи Миѳологическаго образованія Сѣверныхъ народовъ.«

Хотя мысли Г-на М. не могутъ быть совершенно приложены къ Россіи, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, изыскатели Миѳологіи нашихъ предковъ, могутъ съ успѣхомъ пользоваться, какъ самымъ изложеніемъ Сѣверной Миѳологіи, Г-мъ Моне составленнымъ, такъ и предположеніемъ его о необходимомъ по обстоятельствамъ смѣшеніи нѣкоторыхъ языческихъ мнѣній и повѣрьевъ съ догматами и обрядами христіанскими. Нынѣ такое смѣшеніе совершенно почти прекратилось и Божественная Религія христіанская является намъ въ свѣтлой чистотѣ.

Digitized by Google

II. КРИТИКА.

Начальныя основанія Химіи, Александра Іовскаго, часть первая. О простыхъ Химическихъ веществахъ. Изданіе второе, совершенно вновь переработанное. Москва 1827. in 8. 162 *стр.*

(Письмо къ Издателю Телеграфа.)

Въ вашемъ Журналѣ было когда-то сказано, что на Русскомъ языкѣ *нѣтъ полнаго курса Химіи*, сообразно нынѣшнему состоянію сей науки написаннаго. Это совершенно справедливо, ибо первое изданіе *Химіи*, Г-на Іовскаго, не могло быть почтено сочиненіемъ современнымъ. Новое, второе изданіе есть *совершенно переработанное*, какъ называетъ его Авторъ, и не должно никакъ быть смѣшиваемо съ *первымъ*, о которомъ мы и не упомянули-бы здѣсь, если-бъ самъ Г-нъ Іовскій не ссылался на многія мѣста онаго. Пополнитъ-ли въ нашей Литтературѣ недостатокъ курса Химіи сіе новое сочиненіе Г-на Іовскаго, увидимъ, когда будутъ изданы въ свѣтъ остальныя части. Въ вышедшей первой части *помѣщено описаніе однихъ простыхъ началъ.*

Что касается до новостей, то мы находимъ здѣсь многія свѣдѣнія, какія не были еще внесены въ наши курсы, и много такого, чего на нашемъ языкѣ не было еще говорено. Любопытно прочесть о *Вроміи*, о *превращеніи газовъ въ жидкости*, о *Гальванической цѣпи Лондонской;* впрочемъ каждый судія по своимъ свѣдѣніямъ, можетъ находить болѣе

Digitized by Google

или менѣе новаго; посему объ этомъ распространяться много и вѣчего. Довольно если сказать, что въ сочиненіи Г-на І. собрано въ одно мѣсто многое изъ того, что разсѣяно въ разныхъ сочиненіяхъ. Въ томъ, что мы сказали здѣсь, осмѣливаемся думать, и заключается достоинство *Химіи Г. Іовскаго*, для читателей, прибавимъ, начальныхъ основаній, а не полнаго курса. Система и планъ самой книги не улучшены противъ тѣхъ, какія у насъ уже извѣстны. Посему намъ слѣдуетъ замѣтить о томъ, что-бы могло послужить къ улучшенію книги. Г. Іовскій въ предисловіи говоритъ: »Дабы не увлечься односторонностію, я всегда готовъ принять со всею моею благодарностію здравое сужденіе другихъ о семъ важномъ предметѣ. *Omnia possumus omnes.*« Не знаю, покажутся-ли *здравыми* мои сужденія Г-ну Автору, или нѣтъ: во всякомъ случаѣ прошу васъ, Г-нъ Издатель Московскаго Телеграфа, дать мѣсто моимъ замѣчаніямъ въ вашемъ Журналѣ. Я написалъ ихъ потому, что успѣхи отечественнаго просвѣщенія почитаю предметомъ для себя близкимъ.

У васъ въ Москвѣ *новѣйшая Химія* издана Г-мъ Іовскимъ; а здѣсь въ Петербургѣ *новѣйшая Физика* издана Г-мъ Щегловымъ. Сообразивъ оба сочиненія, не льзя понять ясно изъ оныхъ, что есть Химія и что такое Физика. Теплоту, свѣтъ, электричество, магнитность, Г-нъ Щегловъ почитаетъ собственностію своей *частной Физики*; а Г-нъ Іовскій описываетъ ихъ въ своей Химіи, и гораздо подробнѣе чѣмъ другія вещества. Но Г-нъ Щегловъ по крайней мѣрѣ сказалъ кратко, но ясно (см. *Основанія общей Физики*, стр. XXVIII),

Digitized by Google

что въ частной Физикѣ разсматриваются свойства невзвѣшиваемыхъ, тончайшихъ и повсемѣстное на природу вліяніе имѣющихъ дѣйствователей, каковы: теплотворная, свѣтотворная и электрическая матеріи. Г-нъ Іовскій, не отличивъ Физики отъ Химіи предварительно, изъясняетъ гальванизмъ въ Химіи, а *строеніе и дѣйствіе гальванической колонны* — говоритъ онъ — *обширно объясняются въ Физикѣ* (28 стр.); *рѣшеніе вопроса: какъ производится электричество? принадлежитъ Физикѣ, а вопросъ: какія явленія обнаруживаетъ электричество? рѣшается въ Химіи* (23 стр.).

Прочитавъ (на стр. 1 и 2) различеніе Химіи на *теоретическую* и *практическую*, не льзя опредѣлить: Химія Г. Іовскаго теоретическая или практическая? . . .

„*Хозяйственная Химія* раздѣляется на 1) *Сельскую*, 2) *домашнюю* или *Технологическую*.“ По опредѣленію, данному *первой*, ее должно-бы назвать *земледѣльческою. Домашняя* и *Технологическая* едва-ли одно и тоже.

Излагая исторію Химіи, Г-нъ Іовскій говоритъ: *Находятся сочиненія, изъ коихъ видѣть можно, что названіе Химіи еще прежде потопа извѣстно было.* Надобно было сказать, какія это сочиненія, безъ чего не всякій повѣритъ. Если рѣчь идетъ о Ѳовелѣ, то *ковать* вовсе не есть дѣло Химіи. Здѣсь замѣтимъ кстати, что подробное описаніе способа сгущать газы, само по себѣ весьма интересное, въ краткомъ изложеніи исторіи Химіи неумѣстно и мѣшаетъ *точности изложенія*. Точность и порядокъ должны быть наблюдаемы

Digitized by Google

строго въ изложеніи наукъ, а особливо въ сокращенномъ курсѣ: все должно быть (если можно такъ выразиться) взвѣшено на аптекарскихъ вѣскахъ: должно ограничиться существеннѣйшимъ, всему дать надлежащее мѣсто въ порядкѣ обдуманномъ, опредѣленномъ. Тогда читатель удержитъ удобнѣе все въ памяти, а въ случаѣ нужды будетъ знать, гдѣ чего искать должно. Такой стройности размѣрянной и порядка, необходимыхъ качествъ науки, Химія Г. Іовскаго не имѣетъ: въ ней все какъ будто набросано на скорую руку. Примѣръ: на стр. 80 сказано *для удобнѣйшаго обозрѣнія мы подраздѣляемъ оныя* (образуемыя вещества) *на три степени* описаны-жь оныя совсѣмъ не такъ подраздѣленными. Въ исторіи сказано было объ алхимикахъ и обруганъ Парацельсъ: довольно-бы! Но въ статьѣ о металлахъ находимъ сверхъ чаянія вторичное распространеніе сего предмета. Съ великимъ пыломъ понося Алхимію, Авторъ опять нападаетъ на покойника *главу ихъ*: *буйный*, говоритъ, *и развращенный Парацельсъ, тщеславящійся имѣть таковое сверхъ-естественное лекарство, погибъ предъ глазами ихъ смертію столь-же гнусною, какова была жизнь его.* Къ чему такія выходки? За чѣмъ касаться личной нравственности, жизни и смерти, и тревожить прахъ людей, когда говоримъ объ ихъ заслугахъ въ ученомъ мірѣ? И развѣ мало досталось алхимикамъ? Пріятно видѣть пламень, какимъ Г-нъ Іовскій пожигаетъ противное истинной наукѣ: это показываетъ его сильную любовь къ ней. Но онъ говоритъ объ Алхиміи, словно объ ученіи господствующемъ въ наше время. Не на тѣхъ ли нападаетъ онъ Химиковъ, кои изо всего хотятъ извле-

Digitized by Google

кать одно золото? Не для того-ли онъ, говоря *Парацельсъ тщеславящійся*, употребляетъ настоящее время вмѣсто прошедшаго? . . .

Кстати объ языкѣ: Г-нъ Іовскій составилъ нѣкоторые термины, кои ему *казались ни мало не противными свойству нашего языка, столь гибкаго въ измѣненіяхъ своихъ*. Правда, что языкъ нашъ довольно гибокъ; но сіе свойство есть условное понятіе и имѣетъ свои степени. Иной предметъ погнешь слишкомъ, онъ переломится; а иной опять выпрямится: желательно, чтобы нашъ языкъ съ симъ вторымъ свойствомъ вышелъ изъ Химіи Г-на Іовскаго. Русскій языкъ при всей гибкости разборчивѣе Французскаго, въ которой можно вводить всѣ термины Греческіе, Латинскіе, и брюзгливѣе Нѣмецкаго, который такъ способенъ для составныхъ словъ.

Г-нъ Іовскій принялъ за правило иногда называть предметы именами, выражающими качество, производя ихъ отъ прилагательныхъ именъ. Такъ въ Русскомъ языкѣ производится, отъ слова Alcali — *щелочь*, прилагательное alcalinus — *щелочный*, а отсюда существительное имя выражающее качество — *щелочность* — alcalitas. У Г. Іовскаго же извѣстные металлы называются *кремнистость*, *глинистность*, *известковость*. . . . Такимъ же образомъ у него есть слова: *плавиковость*, *осѣренность*, *обыѳденность* и проч. Это совершенно противно свойству языка. По этому должно называть кислотворъ — *кислотвностію*, селитротворъ — *селитренностію*, солетворъ — *вольностію*? Но самъ Г.

Digitized by Google

Іовскій, переводя Cyanogenium, назвалъ его не синильностью, но *синетворомъ;* иногда принималъ имена иностранныя безъ перевода: на прим. *Іодій*, *вромій*, *потассій*, *содій* и проч.; иногда не принималъ иностранныхъ названій и не переводилъ ихъ: Strontium — *основаніе стронціаны*, Barium — *основаніе бариты.* Если онъ въ наименованіяхъ не слѣдовалъ опредѣленнымъ правиламъ, тогда-бы не должно говорить: *реактивы.* Слово *roche*, которое въ первомъ изданіи Химіи выражалъ Авторъ неправильно словомъ *матка*, не должно-бъ называть *оскальностію* и т. д. — Г-нъ Іовскій, кажется, слишкомъ много приписываетъ гибкости языку, когда употребляетъ слова неправильно и неопредѣлительно, пишетъ: *допущалъ* вмѣсто допускалъ; *вліятъ* — вмѣсто *имѣетъ* или *оказываетъ вліяніе; удѣльная тяжесть* (128) — вмѣсто *удѣльный вѣсъ; окрашиваніе и раскрашиваніе* — вмѣсто *разокрашиваніе;* individuum иногда выражаетъ словомъ *недѣлимое*, иногда-же *особенностію* (на пр. *минеральныя особенности*); иногда фразы у Г-на Іовскаго сложены несвойственно Русскому языку, а особливо гдѣ находятся дѣепричастія. Вотъ одинъ образчикъ: *Но разсмотрѣвъ со вниманіемъ свойства сихъ основаній, много не достаетъ, чтобы точно принять ихъ за металлы* (стр. 128) Подобныя мѣста иногда затемняютъ рѣчь, а ясностью всего болѣе выиграетъ Авторъ. Къ неясности другаго рода можно отнесть слѣдующее мѣсто, на стр. 119: »*Къ симъ-же произведеніямъ* (Алхиміи и Астрологіи) *должно отнесть такъ названную Философію Природы* — худое,

Digitized by Google

извороченное *ученіе браминовъ. Счастливы мы* (*), *что мраки сего ученія были столь мгновенны въ нашемъ отечествѣ.«* Что разумѣетъ здѣсь Авторъ? . . . Невтонъ назвалъ свою Физику *Естественною Философіею;* у Англичанъ и теперь сіе слово въ употребленіи. Да, вотъ и Г-нъ Щегловъ (см. *Общ. Физ.* стр. II) Естествопознаніе раздѣляетъ на Естеств. Исторію и *Ест. Философію;* Ест. Философію раздѣляетъ на двѣ части: на Физику вообще и Физіологію; Физику вообще на Физику въ тѣсномъ смыслѣ и Химію. И такъ, по мнѣнію Г-на Іовскаго, Физика Г-на Щеглова будетъ *четвертая часть извороченнаго ученія браминовъ?* Поелику-же, какъ мы видѣли выше, половина Физики, т. е. Частная Физика Щеглова зашла стороною въ Химію Г-на Іовскаго, да сама Химія, по мнѣнію Г-на Щеглова есть четвертая часть Естественной Философіи; слѣд. Химія Г-на Іовскаго = ($\frac{1}{4}+\frac{1}{8}=$) $\frac{3}{8}$ частямъ извороченнаго ученія браминовъ. Почему Г-нъ І. желаетъ, чтобы такіе мраки у насъ были мгновенны? . . . На страницѣ 22-й говоритъ Авторъ: „Для легчайшаго обозрѣнія *мы раздѣлимъ* оныя на вещества простыя невѣсомыя и на вещества простыя вѣсомыя.« Тѣ, кои свѣтъ, теплотворъ, электрич., принимаютъ за *вещества,* обыкновенно раздѣляютъ вещества на вѣсомыя и невѣсомыя. Г-нъ Іовскій раздѣляя вещества простыя на *простыя невѣсомыя* и *простыя вѣсомыя*, противорѣчитъ самъ себѣ: свѣтъ, по его мнѣнію, состоитъ изъ многихъ лучей, слѣд. онъ не есть *простое* невѣсомое вещество, а потому и не долженъ быть описываемъ въ первой части.

(*) Выражая словомъ *мы*, не объ себѣ ли и здѣсь говоритъ Авторъ?

На стр. 59.« Всѣ сіи вещества, какъ *мы замѣтили еще въ первомъ изданіи* сей книги (см. стр. 40-50), по видимому сутъ измѣненіе одного и того-же вещества.« Предположеніе совершенно справедливое и даже необходимое; но только это не Г-нъ Іовскій замѣтилъ: на Русскомъ языкѣ лѣтъ двадцать уже это сказано. —

Такъ Г-нъ Іовскій принимаетъ видъ, будто ему принадлежитъ предположеніе, что *гальванизмъ есть особенный случай электричества*, когда говоря о семъ, ссылается на *первое изданіе Химіи*. Онъ говоритъ далѣе: *явленіе электромагнитныхъ теченій подало* (стр. 32) намъ *поводъ къ сему замѣчанію* (т. е. о тожествѣ магнитности и электричества). Это замѣчено было, кажется, прежде Г-на Іовскаго. Тутъ-же дѣлаетъ онъ предположеніе, что свѣтъ и теплота *вѣроятно суть измѣненія самаго электричества:* это вовсе не вѣроятно, ибо свѣтъ есть первоначальное явленіе физическаго міра и кругъ дѣйствія его въ природѣ обширнѣйшій.

Изъ теоріи Г-на Іовскаго замѣтимъ еще одно мѣсто: это непонятное ученіе о жизни природы (стр. 55). „Третьею причиною теплоты можетъ почесться *всеобщая жизнь природы.* Все живетъ; и въ самомъ измѣненіи и въ самомъ видимомъ разрушеніи является новая жизнь. Такъ называемая неорудная природа, которую неправильно опредѣляютъ на вѣчную мертвенность, не исключена изъ законовъ всеобщей жизни. Слѣдовательно и въ ней развивается теплота также, какъ развивается она въ животныхъ и въ человѣкѣ. Опытъ и наблюденія подтверждаютъ это ясно, растенія производятъ

Digitized by Google

теплоту уже ощутительнѣе; животные одарены оною уже въ высшей степени.“ Съ симъ кто не согласится; далѣе: „но человѣкъ — въ немъ сосредоточивается пламя Божественное. Онъ дышетъ огнемъ; всякое его движеніе распространяетъ теплоту. . . .“ Говорятъ, что только однѣ Саламандры могутъ жить въ огнѣ и слѣд. дышать имъ; но и то сказка, а это — воля Автора! это въ самомъ дѣлѣ *нѣчто браминское!* Сказанная выше истина о жизни природы не совсѣмъ, видно, понята Авторомъ, когда онъ продолжаетъ: „четвертою причиною теплоты могутъ почесться всѣ явленія химическихъ соединеній. Всякое преобразованіе въ составѣ вещества сопровождается болѣе или менѣе ощутительною теплотою.“ Эта причина не есть ли предыдущая? Жизнь неорганической природы не состоитъ-ли въ одномъ преобразованіи вещества, въ *явленіи химическомъ?* Да и самое разрушеніе и возстановленіе вещества въ тѣлахъ органическихъ, особливо въ отношеніи къ произведенію теплоты, не есть-ли химизмъ?

Первою причиною теплоты полагается огонь: pater ex filio! . . . .

Послѣднее замѣчаніе: при концѣ исчислены наименованія простыхъ веществъ, Латинскія съ Русскимъ переводомъ. Между прочимъ исчисленіе *невѣсомыхъ* веществъ оканчивается такъ:

Materia lucis	————	свѣтотворъ.
Polarisatio lucis	————	поляризація свѣта.
Materia caloris	————	теплотворъ.

Какимъ-же образомъ *поляризація свѣта* (свойство его) числится какъ *особое вещество?* . . . .

Digitized by Google

Вотъ, М. Г., замѣчанія мною сдѣланныя по прочтеніи сочиненія Г. Іовскаго. Если они *здравы*, то желаю, чтобы послужили Г. Автору къ большей обработанности и выгоднѣйшему изложенію богатства его свѣдѣній. Можетъ быть, увлекся я односторонностію, въ такомъ случаѣ по разувѣреніи пришлю къ вамъ *отреченіе*; теперь-же увѣренъ въ томъ что писалъ, а писалъ то, что казалось истиннымъ. Надѣюсь видѣть письмо сіе, въ Критикѣ вашего Журнала напечатаннымъ. Имѣю честь быть и проч.

— *хов*ъ.

С. Петербургъ.

III. БИБЛІОГРАФІЯ.

Русская Литтература 1826 года.

196. *Россійско-Латинскій Словарь*, съ присоединеніемъ Латинскихъ *синонимъ* (синонимовъ?) и *фразовъ* (фразъ?), составленный Николомокренскія церкви Священникомъ Андреемъ Ивановымъ Лебедевымъ. 4 Части. М. 1825 и 1826 гг. in 8, 155, 173, 208 и 187 стр.

Не льзя не удивляться, что донынѣ не было у насъ *никакого* Словаря для употребленія при переводахъ *съ Русскаго* языка *на Латинскій*. Говоримъ: *никакого*, ибо Русско-Латинскаго Целларія, по его недостаточеству, а другихъ давно встарину изданныхъ (впрочемъ, *весьма немногихъ*) Словарей, начиная съ Поликарповскаго (Москва 1704 г.), сдѣлавшихся нынѣ библіографическою рѣдкостію, не

Digitized by Google

льзя уже считать книгами, находящимися въ употребленіи. Самъ собою представляется вопросъ: какъ-же обходятся безъ Словаря при переводахъ съ Русскаго на Латинскій? Мы знаемъ, что Латинскій языкъ, въ учебныхъ заведеніяхъ (и особенно духовныхъ) *оффиціяльно* употребляется; но у насъ обходятся безъ Словаря (также, какъ и многое дѣлается въ нашей Литтературѣ) кое-какъ, пробиваясь сначала изустными уроками, а потомъ принимаясь за Словари иностранные. Чему приписать нерадѣніе *нашихъ* Латинистовъ? Не тому-ли, что никто изъ нихъ не рѣшается посвятить много времени на трудъ тяжелый и не могущій блестяще вознаградить трудящагося ни въ какомъ отношеніи, ибо Латинскій языкъ донынѣ считается у насъ *школьною необходимостію*: ему учится молодежь, зная что безъ него не льзя войдти въ казенное училище (свѣтское и духовное), учится небрежно, считаетъ его случайною обязанностію и забываетъ, какъ скоро нѣтъ уже необходимости знать Латинскіе вокабулы. При совершенномъ забвеніи Латинскаго языка и Латинской Словесности разумѣется, ни современной славы, ни вознагражденія за трудъ не можетъ ожидать *Русско-Латинскій* лексикографъ, и не должно уже удивляться, что у насъ почти совсѣмъ не появляются обширныя учебныя пособія для Латинскаго языка и что хорошій Латинистъ почитается въ Россіи рѣдкостью. Нѣмцы, Французы, Англичане и Поляки (у которыхъ Латинская Словесность полагается въ числѣ первыхъ основаній ученаго образованія) часто смѣются, читая *нѣкоторыя* изъ сочиненій, издаваемыхъ въ Россіи на какомъ-то странномъ языкѣ, который сочинители на-

Digitized by Google

зываютъ Латинскимъ, и отъ котораго Цицероны и Квинтиліаны содрогнулись-бы.

При такомъ невыгодномъ литтературномъ отношеніи къ Латини, по нашему мнѣнію, великую благодарность заслуживаетъ Сочинитель Русско-Латинскаго Словаря, о которомъ извѣщаемъ нашихъ читателей. Строго разсматривая вновь издаваемые въ Россіи Словари Нѣмецкіе и Французскіе, мы не должны простирать сей строгости на трудъ Русско-Латинскаго Лексикографа: здѣсь совсѣмъ другое дѣло. Послѣ трудовъ Гейма и Татищева мы въ правѣ требовать большаго совершенства отъ слѣдующаго за ними сочинителя Словаря Нѣмецкаго или Французскаго; но Сочинитель Русско-Латинск. Словаря не можетъ опираться на трудъ предшественника, почти все вновь долженъ дѣлать, и ждать снисхожденія большаго имѣетъ всѣ права.

Охотно желаемъ, чтобы трудъ Г-на Лебедева получилъ свое вознагражденіе, и въ надеждѣ только на то, что оный, хотя и не скоро, можетъ достигнуть *втораго* изданія, скажемъ, что извиняя нынѣ всѣ недостатки *перваго* опыта, мы хотѣли-бы видѣть *второе* изданіе его Словаря въ лучшемъ и исправнѣйшемъ видѣ. Для этого предложимъ мы нѣсколько критическихъ замѣчаній, полезныхъ въ будущемъ.

Намъ кажется, что въ каждомъ Словарѣ должно имѣть въ виду изъясненіе того языка, для перевода съ котораго Словарь предполагается руководствомъ. Такъ при составленіи Словаря Русско-Латинскаго, Сочинитель долженъ былъ имѣть въ виду *Русскій* языкъ, т. е. стараться объяснить всѣ

Digitized by Google

Русскія слова, изъвороты, разнообразіе, идіотизмы; Латинскій языкъ здѣсь уже посредствующій предметъ. Въ Словарѣ Г-на Л. этого мы не замѣчаемъ, и разсматривая Словарь его скорѣе можно подумать, что Русскій языкъ былъ у него рамкою для Латинскаго, что онъ слова Русскія приноравливалъ къ Латинскимъ, слѣдуя какому нибудь Латинско-Русскому Словарю, а не обратно. Отъ того фразеологія его, почти вся, чисто Латинская, а не Русская. Кто говоритъ по Русски: *Схвативши за уши кого цѣловать — отъ сего мѣста и имя свое ведетъ — въ первый ясный день, мы оставимъ пристань?* Видимъ, въ первомъ примѣрѣ, стараніе выразить Плавтову фразу: prehendere auriculas; во 2-мъ и 3-мъ переводы Латинскихъ фразъ: ex illo loco nomen *ducit* (traxit) — ex portu solvam prima serena die. Латинскія слова, поставленныя при Русскихъ: *Корень* и *Нѣсколько*, еще болѣе доказываютъ нашу догадку: тутъ первую ролю играетъ Латинскій, а не Русскій языкъ; не говоримъ о доказательствахъ дальнѣйшихъ.

Другіе недостатки сего Словаря можно раздѣлить на общіе и частные. Къ первымъ отнесемъ: поставленіе глаголовъ въ 1-мъ лицѣ единственнаго числа, настоящаго времени, изъявительнаго наклоненія, а не въ неопредѣленномъ наклоненіи, при чемъ гораздо удобнѣе развивается изъясненіе всѣхъ частностей глагола; отдѣленіе именъ уменьшительныхъ отъ простыхъ именъ, женскихъ окончаній отъ мужескаго и проч.; введеніе многихъ неупотребительныхъ словъ (*хитроватенькій, хитростица, ва-оръ, именовальщикъ, тріумворскій, трифель, осадитель, осла, молоріе, etc.*); недостатокъ

множества словъ Русскихъ; помѣщеніе ботаническихъ, географическихъ и другихъ техническихъ словъ и именъ собственныхъ, не въ отдѣльныхъ реэстрахъ, а прямо въ Словарѣ, и великій притомъ недостатокъ оныхъ; неправильный переводъ многихъ словъ. Вотъ недостатки общія!

Дабы подтвердить общія, а вмѣстѣ и показать частныя погрѣшности, мы наудачу развернемъ какую нибудь страницу: намъ выпала 88-я въ IV-мъ томѣ; разсмотримъ ее. Въ ней находится слова отъ СТРОГ до СТРЯС.

1. Здѣсь совсѣмъ упущены слова: *стрѣльба*, *стрѣха*, *стропота* (и производныя его: *стропотивый*, *стропотный*, и проч.), *струить* и *струиться*, *стрѣлокъ*, *строусь*, *строфа*, *строчить* и производныя его (*строчка*, *строченіе*).

2. При словахъ: *строй*, *строка*, *стругъ*, *струпъ*, *струна*, *стряпня*, *струя*, *стрясать* упущены: *строевой*, *строчный*, *струйный*, *струйчатый*, *струнный*, *стручистый*, *стручковатый*, *стручковый*, *стряпущая*, *стряпучая*.

3. При словѣ: *строитель*, пропущено значеніе: *строитель міра*, *судебъ*; при словѣ: *строю*, значенія его: *строить чудеса*, *проказы*; *строить войско*; при словѣ: *стрѣляніе*, значеніе *стрѣлянія*, *какъ болѣзни*; при словѣ: *стрѣлка*, значеніе его: *стрѣлка на вѣсахъ*, *на чулкахъ*, *на рѣкѣ*; *насѣкомое*.

4. При словахъ: *строеніе*, *строка*, *стругъ*, *струна*, *струпъ*, опущены уменьшительныя степени; при нѣкоторыхъ другихъ, окончанія въ множ.

числѣ; *Струкъ* переведено: Siliqua и *Стручекъ* Siliqua.

5. *Струбъ*, напечатано по-Русски неправильно; должно бы *срубъ; стружу* должно-бы замѣнить словомъ: *стругаю*, какъ болѣе употребительнымъ, и поставить *стружу*, послѣ *стругаю*, *(строгаю)*, вмѣсто: *стрѣтеніе*, должно писать: *срѣтеніе*.

Такія замѣчанія можно сдѣлать на каждую страницу. Сочинитель конечно не оскорбится послѣ сего, если извинивъ Словарь его, само по себѣ разумѣется, не безполезный учащемуся юношеству для *перваго* случая, мы скажемъ, что при *второмъ* изданіи онъ долженъ быть рѣшительно и совершенно передѣланъ; иначе, не смотря на полезную цѣль, плохо замѣнитъ онъ у насъ недостатокъ Словаря Русско-Латинскаго.

Св. І. Гр.

197. *Фантазія* или Россійско-Римскій Словарь, то есть: собраніе Славянскихъ и Римскихъ словъ, одни корни имѣющихъ. Спб. 1826 г. in 8, 96 стр.

Мысль о сродствѣ языковъ для многихъ ученыхъ этимологовъ составляла страшное мученіе. Кромѣ самыхъ забавныхъ системъ, которыми доказывали намъ, что именно тѣмъ или другимъ изъ извѣстныхъ языковъ говорили первобытные люди до потопа, и самый Адамъ, было много системъ, заводившихъ изыскателей въ не-менѣе странныя предположенія. Нашъ Тредьяковскій въ трехъ своихъ

Digitized by Google

Разсужденіяхъ о Славянскихъ древностяхъ, достаточный примѣръ этого (*).

Должно намъ рѣшительно бросить безплодное стараніе *изъ созвучныхъ словъ выводить что нибудь о сродствѣ языковъ.* Есть правила Лингвистической этимологіи, по коимъ можно добираться до истинъ, не упоминаемыхъ нашими Исторіями, но эти правила совсѣмъ не тѣ, какими подчиваютъ насъ искатели созвучій. Правила сіи состоятъ въ философическихъ разсмотрѣніяхъ законовъ того или другаго языка. Сродство Санскритскаго языка съ Славянскимъ доказывается однообразіемъ внутреннихъ законовъ въ обоихъ языкахъ. Если къ этому присовокупляется еще въ нихъ и созвучіе, хорошо; но *на одномъ созвучіи* основывать систему, все равно что строить зданіе на пескѣ и изъ песку. Еще страннѣе, что въ такомъ случаѣ этимологи забываютъ всѣ законы аналогіи звуковъ, не разсматриваютъ историческаго происхожденія словъ; въ жару своемъ, какъ говорилъ Шлецеръ, *подымаютъ слово на этимологическую дыбу и сѣкутъ его, пока издастъ оно звукъ, какой имъ угодно.*

Фантазія, о коей хотимъ мы говорить, есть доказательство, что люди, какъ ни учись, а все старые предразсудки будутъ въ нихъ проскакивать. Сколько забавлялись донынѣ надъ подобными этимологическими предпріятіями, но вездѣ отъ време-

(*) Онъ увѣрялъ, что Адамъ назывался не Адамъ, а *Мижа*, т. е. *Мужъ*, а Евва не Евва, но *Мижина*, т. е. *мужня жена*; что всѣ земли Европы были заселены Славянами и получили имена свои отъ Славянъ, какъ-то: Италія, есть *Удалія* (земля удалыхъ); Иберія, *Уперія*, т. е. земля *упершихся* въ горы Пиренейскія, etc.

ни до времени, во Франціи, Англіи, Германіи, они появляются. У насъ рѣже другихъ, но много-ли у насъ и всего-то въ Литтературѣ *появляется!*

Фантазія издана Г-мъ Руссовымъ, которому обязаны мы за прекрасное *Изслѣдованіе о дочеряхъ Ярослава.* Въ другихъ трудахъ его видна оригинальность мнѣній, хотя ни одно уже, кромѣ упомянутаго Изслѣдованія, не носитъ на себѣ признака ученой достовѣрности, ученаго труда. Впрочемъ, не Г. Руссовъ сочинитель *Фантазіи:* она есть произведеніе (какъ видимъ изъ предисловія) какого-то *трудолюбца,* приславшаго къ Г-ну Р. большую тетрадь, изъ коей онъ *большую половину вымаралъ и достальное совѣтовалъ было Автору уничтожить,* но Авторъ изъ *уваженія къ трудамъ своимъ* просилъ напечатать. Трудъ всегда почтенъ; но здѣсь — *къ чему гибель сія бысть?* Авторъ принялъ на себя *отвѣчать на могущія быть критики;* очень хорошо. Спрашиваемъ Автора:

1. Что̀ хочетъ онъ доказать? Что Славянскій языкъ происходитъ отъ Латинскаго и Греческаго, или обратно? Изъ книги его ничего не видимъ. Онъ ставитъ слово Русское впереди; къ нему прибавляетъ Латинское или Греческое, которое *кажется* ему, по звуку и по смыслу, сходственно съ Русскимъ; какое-жъ изъ этого слѣдствіе? Кто у кого бралъ? Что во всѣхъ языкахъ найдемъ слова выражающія звукъ грома, шумъ воды, крикъ птицъ, сходными, это доказываетъ только, что человѣкъ вездѣ одинаково поражаемъ былъ слышимыми звуками; но какое сродство мы выведемъ между Латинскимъ и Русскимъ языкомъ, когда можно доказать

Digitized by Google

законами сихъ языковъ, что они *совершенно различныхъ* поколѣній.

2. Авторъ ставитъ слова не-Славянскія, а *нынѣ употребляемыя Русскія*, безъ разбора откуда дошли они въ Русскій языкъ: отъ Татаръ-ли, Нордмановъ-ли, или приняты въ новѣйшее время. У Автора находимъ слова: *абуза*, *артель*, *баулъ*, *баранъ*, *халатъ*, *каланча*: это Татарскія! Находя сходство сихъ словъ съ Латинскими, надобно доказывать, что *Татары родня Римлянамъ*. Слова: *бобръ*, *бокалъ*, *сасаче*, *каналья*, *канапе*, *каштанъ*, *кедръ*, *келья*, *кивотъ*, *клиръ*, *линея*, *маргаритъ*, *тюльпанъ*, развѣ Славянскія? Довольно странно *ими* доказывать близость Русскаго языка къ Латинскому или Греческому!

3. Между *Икаю* и Hisko (*зѣваю*), *какъ разъ* и Cras (завтра), *Колдунья* и Caldonia (банщица), *Калъ* и Kayl (творогъ), *Квасъ* и Quassus (разбитый), *Мадежъ* и Madeo (мокну), *Неволя* и Naeuolae (болячки у козъ), *Перло* и Perla (насѣкомое), *Пища* и Piscis (рыба), *Тихій* и *Τιχος* (стѣна), есть-ли какое нибудь сходство въ значеніи? Если Авторъ скажетъ что *есть*, то беремся отыскать ему на цѣлый Латинскій лексиконъ подобо-звучныя слова.

Но заговоривъ не шутливымъ тономъ о *Фантазіи* неизвѣстнаго Трудолюбца, поняли-ль мы его намѣреніе? Не для шутки-ли онъ выдалъ свою книгу? Вѣдь это *можетъ быть?* И мы окончимъ разборъ *шуткой*.

Если угодно Автору, пусть назначитъ онъ какой ему угодно языкъ, изъ всѣхъ существующихъ на земномъ шарѣ, и мы беремся изъ созвучія словъ извлечь сродство сего языка съ Русскимъ, съ Нѣ-

Digitized by Google

мецкимъ, съ Испанскимъ, съ какимъ угодно. Для опыта, возмемъ, напримѣръ, *Японскій* языкъ. Надобно напередъ согласиться, что сродства между Японцами и Русскими, не льзя подозрѣвать. Но посмотримте, что могутъ заговорить Японскія слова на ложѣ какого нибудь этимологическаго Прокруста. — Не угодно-ли кому нибудь изъ досужныхъ трудолюбцовъ повѣрить это? Они найдутъ матеріялы въ Élémens de la Grammaire Japonaise, изд. Абель-Ремюза (Парижъ, 1825 г.). Мы съ своей стороны увѣряемъ ихъ, что *Русско-Японская Фантазія*, какую произведутъ они, не будетъ ни менѣе достовѣрна, ни менѣе забавна, какъ *Русско-Латинская Фантазія*, которую издалъ Г. Руссовъ.

1827 года.

40. *A practical Grammar of the Russian language* by James Heard (*Практическая Грамматика Русскаго языка*, соч. Якова Герда). Спб. 1827, въ тип. Деп. народн. просвѣщ., in 8, XIV и 323 стр., съ гравиров. листочкомъ Руской скорописной азбуки.

41. *Key to the themes contained in Heard's Russian Grammar*, to which are added a vocabulary, dialogues and reading-lessons in prose and verse (*Ключъ къ изъясненію примѣровъ, находящихся въ Гердовой Русской Грамматикѣ*, съ присовокупленіемъ вокабулъ, разговоровъ и отрывковъ для чтенія, въ прозѣ и стихахъ). Спб. 1827 г. въ тип. Деп. нар. просв., in 8, 197 стр.

Для Нѣмцовъ Г-нъ Таппе, для Французовъ Г-нъ Рейфъ, издали уже Грамматики, могущія достаточно руководствовать ихъ въ ученіи Русскаго

Digitized by Google

языка (Neue theoretisch-praktische Russische Sprachlehre für Deutsche, von A. W. Tappe, 5-е изданіе, Спб. 1819 г. — Grammaire Russe à l'usage des étrangers, par Ch. Ph. Reiff. Спб. 1821 г.). Не доставало еще Грамматики для народа имѣющаго съ нами большія сношенія, и особенно въ послѣднее время возобновившаго на литтературный міръ то вліяніе, какое завѣщалъ ему великій Шекспиръ, для Англичанъ. Впрочемъ, по послѣднему отношенію, намъ слѣдовало-бы предупредить Англичанъ и издать хорошую Англійскую Грамматику; но у насъ, всегда какъ-то много времени проходитъ въ сборахъ. Мы давно уже видимъ, что Англійской Грамматики, сколько нибудь сносной, нѣтъ у насъ; съ нѣкотораго времени начинаемъ уже учиться Англійскому языку и твердить: *надобно, надобно сочинить Англійскую Грамматику!* Но пока мы говорили, Г-нъ Гердъ исполнилъ для своихъ соотечественниковъ то, что *надобно было* намъ сдѣлать для своихъ — и выдалъ Русскую Грамматику и хорошую Хрестоматію для Англичанъ. Скоро-ли мы дождемся Англійской Грамматики? Скоро-ли издадутъ у насъ *какую нибудь* Польскую Грамматику? Ибо теперь Англійская, хоть старинная и плохая, есть, а Польской *никакой нѣтъ* (*).

Предпріятіе Г-на Герда исполнено очень удачно: Грамматика его хорошо расположена, немногословна и не недостаточна; онъ воспользовался

(*) Англійско-Россійскій Словарь, начатой Г-мъ Грамашинымъ и конченный Г-мъ Паренаго, довольно хорошъ, особливо для перваго опыта. Онъ требуетъ впрочемъ поправокъ, а еще болѣе пополненій: съ нимъ не льзя читать Шекспира или В. Скотта.

Digitized by Google

лучшими руководствами изданными донынѣ на Русскомъ языкѣ, также Грамматиками Г-дъ Таппе и Рейфа. Замѣтимъ, что онъ благодаритъ Г-на Свенске, помогавшаго ему въ трудѣ. Г-нъ Гердъ искренно признается, что *письменное* наставленіе не можетъ показать Англичанамъ вполнѣ Русскаго произношенія (pronunciation); онъ такъ выгодно отзывается о нашихъ литтературныхъ успѣхахъ, что мы охотно исполняемъ взаимную обязанность нашу въ отношеніи къ нему: если соотечественникамъ его потребно подтвержденіе *Русскаго* Журналиста объ исправности Грамматики *Русской*, изданной Англичаниномъ, увѣряемъ ихъ, что *Грамматика Г-на Герда, удовлетворительна для изученія языка Русскаго, сколько есть возможность, при нынѣшнемъ, еще не совершенномъ состояніи нашей Грамматики, быть удовлетворительною.*

И если, на примѣръ, какой Англичанинъ, знатокъ языковъ, спроситъ: почему въ мѣстоименія (pronouns) включены: *который*, *кой*, *мой*, *твой*, *свой*, *нашъ*, *сей*, *тотъ*, *кто-либо*, и почему *причастія* глаголовъ отдѣлены отъ *прилагательныхъ*, когда тѣ и другія, суть *прилагательныя* и должны заключаться въ *одномъ* отдѣлѣ? Далѣе: что такое indefinite branch, perfect branch, semelfactive branch? Почему: *растрогалъ*, *растрогаю* зашли въ спряженіе *несложныхъ* глаголовъ, когда это явно части *сложнаго* глагола *(растрогать)*, имѣющаго отдѣльно *свое* собственное спряженіе, и почему вообще въ спряженіяхъ замѣтна большая сбивчивость? На все это будемъ отвѣчать: Г-нъ Гердъ невиноватъ! Наши грамматики еще сами себѣ не отдали въ этомъ порядочнаго отчета.

Digitized by Google

Въ *одной* книжкѣ заключается у Г-на Герда *собственно-Грамматика*; *другую* составляютъ переводы *примѣровъ*, находящихся въ первой книжкѣ, собраніе нужнѣйшихъ вокабулъ, нѣсколько разговоровъ и статей въ прозѣ на Русскомъ языкѣ, съ словами Англійскими внизу страницъ; наконецъ, нѣсколько избранныхъ Русскихъ стихотвореній, съ переводомъ на Англійскій и Англійскихъ съ переводомъ на Русскій. Здѣсь мы нашли басню Крылова, басню Хемницера, Кладбище (Карамзина), Русскую пѣсню: всѣ переведенныя Баурингомъ; Good night, изъ *Чайльдъ Гарольда*, Байронова, переведенную Козловымъ; Гольдсмитову Балладу (The Hermit) и Русское подражаніе ей (Жуковскаго), Грееву Элегію и Русское подражаніе ей (Жуковскаго).

Не льзя кстати не примолвить здѣсь, какъ хорошо и вѣрно переведены Баурингомъ наши Русскія стихотворенія. Удивляться должно, какъ превосходно понялъ онъ духъ и самое *выраженіе* нашихъ стиховъ, и даже, что еще труднѣе, нашихъ народныхъ пѣсенъ! Читая

On an oak there sate
A turtle with his mate —
There in amorous meeting
One another greeting,
Each with flapping wing
All its joy repeating. . . . !

Кажется, слышите *Русскій* напѣвъ пѣсни
Поверхъ дубчика, и проч.

Подражанія Жуковскаго Грею и Гольдсмиту имѣютъ прелесть удивительную; кажется, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они превосходятъ подлинники. Пере-

Digitized by Google

водъ Козлова былъ помѣщенъ въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ*, 1826 года. Онъ вѣренъ и хорошо передаетъ намъ подлинникъ; самый размѣръ стиховъ соблюденъ въ точности. Приведемъ въ доказательство одну строфу:

Adieu, adieu! my native shore
  Fades o'er the waters blue,
The night-winds sigh, the breakers roar,
  And shrieks the wild seamew.
Yon sun that sets upon the sea
  We follow in his flight;
Farewell awhile to him and thee,
  My native land — good night!

Прости, прости, мой край родной,
    Ужь скрылся ты въ волнахъ!
Касатка вьется, вѣтръ ночной
    Играетъ въ парусахъ.
Ужь тонутъ огненны лучи
    Въ бездонной синевѣ,
Мой край родной, прости, прости!
    Ночь добрая тебѣ.

Прибавимъ здѣсь, что Козловъ скоро можетъ быть обогатитъ Русскую Словесность переводомъ Байроновой поэмы: *Лара*. Мы читали отрывокъ сего перевода въ *Славянинѣ* и отдаемъ полную справедливость способностямъ Переводчика. Таковъ истинный талантъ: критика никогда не вредитъ ему, а только служитъ къ большему усовершенствованію. При появленіи *Абидосской Невѣсты* читатели сказали: *прекрасно, но невѣрно!* Козловъ переводитъ имъ *Лару* и вѣроятно заставитъ ихъ сказать: *прекрасно и — вѣрно!*

Digitized by Google

Надобно замѣтить, что въ изданіи книги Г-на Герда участвовалъ Лондонскій книгопродавецъ Бузей и нашъ Петербургскій Н. В. Слёнинъ: едва-ли не *первый* примѣръ союза Русскаго книгопродавца съ Англійскимъ; тѣмъ болѣе чести Г. Слёнину. Книга напечатана прекрасно и опять, кажется, *первый* примѣръ, напечатана на *Англійскій манеръ*. Библіографамъ должна быть извѣстна разница между Англійскимъ и Французскимъ манерами печатанія книгъ. Рецензентъ признается, что не смотря на превосходныя изданія Дидота, онъ болѣе любитъ Англійскія изданія, съ ихъ простотою и оригинальностію въ расположеніи заглавія книгъ, формѣ и образѣ расположенія буквъ. Въ Германіи Англійскій манеръ беретъ нынѣ рѣшительный перевѣсъ надъ Французскимъ. У насъ все еще перевѣшиваетъ *нашъ особенный вкусъ*, т. е. печатанье на сѣрой, квадратной формы, бумагѣ, какими-то кругленькими буквами; впрочемъ, въ послѣднее время появляется гораздо болѣе прежняго порядочно и хорошо изданныхъ книгъ, на Французскій манеръ; Англійскаго наши типографіи еще не знаютъ.

Н. П.

---

42. *О кормчей книгѣ.* Введеніе къ сочиненію Барона Г. А. Розенкампфа (*изъ 3 й кн. Матеріяловъ для Исторіи просвѣщенія въ Россіи, собираемыхъ Петромъ Кеппеномъ).* СПб. 1827 г. въ тип. К. Крайя, in 4, 11 стр.

43. *Объясненіе нѣкоторыхъ мѣстъ въ Несторовой Лѣтописи* (сочиненіе Б. Р.). СПб. 1827 г. in 12, 24 стр.

Digitized by Google

Первая изъ сихъ книгъ составляетъ *шестую* статью въ собраніи матеріяловъ, которые издаетъ Г-нъ Кеппенъ (Тел. No VII. 230), и теперь отпечатана въ небольшомъ числѣ отдѣльныхъ экземпляровъ. Она есть введеніе къ довольно-обширному изслѣдованію о Кормчей книгѣ, которое будетъ помѣщено въ Трудахъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Росс.

Вторая книга весьма важное дополненіе къ критическимъ изслѣдованіямъ о Россійской Исторіи (она была напечатана въ *Отечественныхъ Запискахъ*, сего 1827 года). Въ скоромъ времени надѣемся мы отдать отчетъ подробнѣе о сихъ двухъ сочиненіяхъ Барона Розенкампфа, обращающихъ на себя особенное вниманіе знатоковъ отечественной Исторіи и Археографіи и показывающихъ въ Авторѣ обширныя приготовительныя свѣдѣнія для критическихъ разысканій по части отечественной Исторіи.

44. *Систематическое изложеніе способовъ обезводненія мокрой, болотистой почвы и обсушенія топей.* Съ XXIV *таблицами чертежей* (?). Иждивеніемъ Вольнаго Экономическаго Общества. Спб. 1827 г. въ тип. Акад. Наукъ, in 8, IV, VI и 195 стр.

Переводчикъ, Г-нъ Стойковичъ, началъ разсматривать сдѣланный кѣмъ-то переводъ изъ сочиненій Таера объ осушеніи болотъ и хотѣлъ приспособить къ нему рисунки изъ Джонстонова сочиненія; но нашелъ это невозможнымъ. Онъ *самъ* снова перевелъ статью Таерову и началъ *прилагать* ее къ Джонстоновымъ рисункамъ, но тогда *вдругъ замѣтилъ* что сочиненіе Джонстона „*запу-*

Digitized by Google

„*тано и писано безъ плана.*" Онъ рѣшился „по-„пытаться; не льзя-ли слить сочиненія Джонсто-„на и Таера во-едино. Предпринялъ я сіе дѣло," повторяетъ Г-нъ Ст. „и продолжилъ оное не безъ „великаго и утомительнаго труда, читалъ, соби-„ралъ матеріялы, дѣлалъ соображенія," и проч. Странно: начать переводить и прилаживать, неузнавши хорошо что переводимъ и прилаживаемъ; странно и то, что Г-нъ Стойковичъ говоритъ о *великомъ трудѣ*, объ *открытой имъ тайнѣ*, сыплетъ риторическія сравненія и представляетъ искуство обсушенія болотъ, какъ нѣчто новое, имъ усовершенствованное, хотя самъ прибавляетъ: „при-„знаюсь чистосердечно, что не обсушилъ еще ни „одного болота и быть можетъ и не буду въ со-„стояніи сего сдѣлать" (стр. III) и хотя книга его есть просто переводъ или выборка изъ Нѣмецкихъ и Французскихъ сочиненій, а предметъ ея совсѣмъ не новость на Руси и былъ излагаемъ нѣсколько уже разъ (особенно въ книгѣ Г-на Энгельмана превосходно). Впрочемъ, книга составленная Г-мъ Стойковичемъ полезна, хотя и не совсѣмъ ясно представляетъ свой предметъ: для большаго совершенства, ее надобно было написать простѣе и сократить въ половину. Разумѣется, что она предназначена для сельской практики, а въ такомъ случаѣ чѣмъ короче и простѣе изложите предметъ, тѣмъ яснѣе и понятнѣе будетъ онъ. Ученые обсушиватели болотъ конечно не имѣютъ надобности въ книгѣ Г-на Стойковича.

45. *Двое за четверыхъ*, или ревность и шутка. Комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ.

Перевед. съ Французск. В. Каратыгинымъ. СПб. 1827 г. въ тип. Ал. Смирдина, in 8, 48 стр.

46. *Гусаръ-невѣста*, Водевиль въ 1 мъ дѣйствіи, передѣланн. съ Французск. М. А. Яковлевымъ. СПб. 1827 г. въ тип. Деп. Народн. Просвѣщ. in 8, 62 стр.

47. *Встрѣча въ гавани*, или сердце дѣлу не поможетъ. Комедія-водевиль въ 1 мъ дѣйствіи, передѣланная съ Французск. *Аполлономъ Рѣдькинымъ*. М. 1827 г. въ тип. Авг. Семена, in 16, 117 стр.

48. *Федра*, Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Соч. Расина. Пер. И. Чеславскаго. СПб. 1827 г. въ тип. Ал. Смирдина, in 8, VIII и 92 стр.

Собираемъ здѣсь для охотниковъ до театральныхъ новостей четыре новыя явленія, изъ коихъ три уже осыпаны рукоплесканіями на сценѣ, а четвертое ждетъ еще рукоплесканій и славы въ смиренномъ уголкѣ книжной лавки. Поговоримъ о *первыхъ*.

Двое за четверыхъ, фарсъ, въ родѣ комедій: *Криспинъ-соперникъ своего господина*, *Опекунъ обманутъ, битъ и доволенъ*, *Притворно сумасшедшая* и сотни подобныхъ имъ, въ которыхъ нѣтъ ни плана, ни вѣроятія, ни связи, гдѣ вся завязка въ какомъ нибудь несбыточномъ обманѣ, въ переодѣваньѣ, и т. п. — Замѣчательно, что она переведена актеромъ С. Петербургскаго театра. Юный артистъ, подающій о себѣ большія надежды, доказываетъ своимъ переводомъ, что онъ можетъ писать хорошіе, легкіе стихи, когда получитъ болѣе навыка и опытности. Пріятно думать, что въ Гнѣ Каратыгинѣ дарова-

Digitized by Google

ніе великаго актера можетъ со временемъ соединиться съ дарованіемъ пріятнаго стихотворца.

М. А. Яковлевъ, года по три уже даритъ насъ своими переводными и непереводными водевилями. Въ добрый часъ! Только мы просили-бы его выбирать съ большимъ вкусомъ, переводить съ большею легкостію и стараться о лучшей отдѣлкѣ стиховъ. Немного водевилей найдемъ несвязнѣе и нелѣпѣе *Гусара-невѣсты*. Вотъ содержаніе: опекунъ велитъ жениться своему воспитаннику на дочери стараго пріятеля своего, которой онъ самъ не видалъ. Гусарскій офицеръ сбриваетъ себѣ усы, одѣвается въ женское платье; товарищи, также переодѣтые, поятъ опекуна до пьяна, и всѣ вмѣстѣ почти насильно отнимаютъ у него деньги. Кромѣ того является въ эпизодъ этой гусарской свадьбы молодая женщина, играетъ самую жалкую (чтобы не сказать презрительную) роль, а въ заключеніе всѣ дѣйствующія лица поютъ публикѣ:

Нашъ Авторъ молодъ и *не съ вѣсомъ*,
Но вы ему *дадите вѣсъ*,
Сказавъ: *Водевиль* вашъ съ *интересомъ*!
Вотъ Авторскій въ чемъ *интересъ!*

Это столько-же походитъ на стихи, сколько водевиль на что нибудь сносное.

Встрѣча въ гавани, есть, кажется, *первый* опытъ литтературныхъ занятій Г-на Аполлона Рѣдькина. Издавая въ свѣтъ, онъ приласкалъ дитя свое съ отеческою нѣжностію. Маленькая квадратная книжечка, хорошо напечатанная, Французскій эпиграфъ на первой страницѣ, посвященіе ми-

Digitized by Google

лому другу Переводчика, посвященіе сантиментальное, милое —

За водевиль мнѣ награжденье
Твоя улыбка, *милый другъ!*
Лишь ты была *въ воображеньѣ* —
Ты оживляла мой *досугъ!* . . .

И при посвященіи еще *милый* Французскій эпиграфъ —

D'autres ont l'orgueil de plaire,
Je n'ai que celui d'aimer. . .

Вотъ наружность водевиля Г-на Рѣдькина! Содержаніе его плохо; впрочемъ вообще онъ занимательнѣе и опрятнѣе Гусара-невѣсты; но если спросить безпристрастнаго . . . не стоилъ перевода.

Нѣсколько словъ о водевиляхъ. Съ нѣкотораго времени они, какъ грибы послѣ дождя, безпрестанно выростаютъ на нашей сценѣ. Уродливыя оперы, нелѣпыя мелодрамы и жалкіе водевили совсѣмъ перебиваютъ дорогу у истинныхъ дѣтей Таліи и Мельпомены. Молодые люди, привлекаемые минутнымъ щекотаньемъ самолюбія, а иногда и бенефисными причинами, безъ жалости душатъ публику всякимъ вздоромъ, переводятъ все что сбѣгаетъ съ перьевъ Скрибовъ, Пиксерекуровъ и прочей ихъ братіи. Кто споритъ: пріятно посмѣяться иногда надъ водевильной бездѣлкой, но въ водевиляхъ полагать что нибудь важное, ими замѣнять все на сценѣ театра, не думать ни объ изяществѣ, ни о чемъ другомъ, только былъ-бы скропанъ водевиль: все это доказываетъ скорѣе не успѣхи, а упадокъ вкуса нашихъ молодыхъ авторовъ драматическихъ и жалкое со-

Digitized by Google

стояніе нашей Драматической Литтературы. Притомъ, не будучи даже строгими судьями нравственныхъ приличій, спрашиваемъ: что составляетъ нынѣ основу водевилей? Весьма рѣдко являются пьесы, подобныя опереткамъ и водевилямъ *Мѣльникъ, Секретарь и Поваръ, Любовная почта, Проситель, Король и Пастухъ, Ворожея или Танцы духовъ;* вся завязка въ большей части новыхъ водевилей состоитъ изъ безобразныхъ похожденій. Украшеніе водевилей составляетъ всего болѣе какая нибудь пошлая шутка, сточенная острота и двусмысленность. Спрашиваемъ: можно-ли смѣяться тому, что находимъ на стр. 7, 8, 15, 39 *Невѣсты - гусара* или на 32 стр. *Встрѣчи въ гавани?* Впрочемъ: вольному воля! Водевилисты могутъ писать и заставлять пѣть что имъ угодно, но никогда ихъ тупыя стрѣлы не заставятъ благонамѣреннаго журналиста сказать, что ихъ произведенія стоятъ похвалъ и даютъ имъ право, хоть на какое нибудь литтературное отличіе.

Говоря о водевиляхъ, мы чуть было не забыли сказать нѣсколько словъ о новомъ переводѣ Федры, Расиновой, *скудномъ трудѣ*, какъ говоритъ самъ Переводчикъ (стр. 1). »*Охота имъ переводить Федру!*« сказалъ одинъ изъ первоклассныхъ поэтовъ нашихъ, пробѣжавъ переводъ Г-на Чеславскаго. Повторяемъ эти слова, ибо они заключаютъ въ себѣ полное сужденіе о предпріятіи Г-на Чеславскаго и исполненіи сего предпріятія. Бѣдная эта *Федра!* Кто ее не переводилъ? Г-да Лобановъ, Писаревъ, Анастасевичъ, нѣсколько безымянныхъ — и какіе переводы! Сноснѣе всѣхъ былъ переводъ Г-на Ло-

Digitized by Google

бянова; одинъ изъ числа остальныхъ прекрасно названъ былъ Жуковскимъ не *Федрой* а *Ѳедорой*; всѣ другіе ужасны. О переводѣ Г-на Чеславскаго были уже споры между имъ и Г-мъ Писаревымъ (сочинителемъ и переводчикомъ водевилей, одъ, элегій, комедій, etc. etc.). Не помнимъ, кто остался правѣе и не можемъ сказать ничего рѣшительно о *Федрѣ Г-на Чеславскаго*, ибо мы не дочитали и втораго дѣйствія. Выписываемъ какіе на удачу попадутся стихи и — пусть сами читатели судятъ на досугѣ.

Ипполитъ (стр. 3).

Царевна, ты *идешь*, — я *ѣду* и не знаю,
Не оскорбилъ ли ту, *кого я* обожаю?
И сердце, *что тебѣ* ввѣряетъ Ипполитъ!..

Арисія.

Не медли, слѣдуй, Князь, куда тебя *стремитъ*
Великодушіе. Престолъ отцевъ *священный*
И всѣ дары приму, тобою *предложенны*;
Но блескъ державы сей, величія *сего* —
Еще не лучшій даръ для сердца *моего*.

49. *Начальныя основанія Химіи, Александра Іовскаго*. Часть первая. *О простыхъ Химическихъ веществахъ*. Изданіе второе, совершенно вновь переработанное. Москва, 1827 г. въ тип. С. Селивановскаго, in 8, 162 стр.

Мы получили изъ С.Пбурга разборъ сей книги, который и помѣщенъ въ отдѣленіи *Критики* (стр. 35).

Digitized by Google

50. *Списокъ чиновниковъ ИМПЕРАТОРСКОЙ Медико-Хирургической Академіи*, съ означеніемъ ихъ жительства, на 1827 г. М. въ тип. А. Семена, in 24, 44 стр.

Послѣ означенія чиновниковъ Московской *Конференціи* и *Хозяйственнаго Правленія* слѣдуетъ списокъ казенныхъ студентовъ и воспитанниковъ Московскаго Отдѣленія Академіи, по азбучному порядку: *первыхъ* находится 230 человѣкъ (на казенномъ содержаніи, по Медиц. части 192, Ветеринарн. и Фармац. 25, пансіонеровъ 13); *другихъ*, волонтировъ 69 (по Медиц. части 57, Ветеринарн. 5, Фармаціи 7) и вольнослушающихъ 26, всего-же 325 человѣкъ. — Въ 1826 г. выпущено изъ Академіи лекарями по военному вѣдомству 30, по гражданскому 18, кандидатами Медицин. по военн. вѣд. 2, Ветеринарн. лекар. по военн. вѣд. 1, волонтировъ лекарями 9, кандидатами Фармаціи 1, всего 61 человѣкъ.

Digitized by Google

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

Иностранная переписка.

(Извлеченіе.)

(О Карамзинѣ и молчаніи о немъ Литтературы нашей; объ отвѣтѣ на Нѣмецкую рецензію, на него написанную. О запискахъ Босвеля о Джонсонѣ и возможности составить подобныя записки о Карамзинѣ. О покойномъ Королѣ Саксонскомъ; черты изъ характера его и жизни. О нѣкоторыхъ членахъ Королевскаго Саксонскаго дома. Объ издаваемыхъ Мартенсомъ дипломатическихъ актахъ. Объ изданіи переписки Гёте съ Шиллеромъ и переписки Якоби. О Линднерѣ.

Дрезденъ. 1827.

Ты правъ: негодованіе твое справедливо. Вотъ уже скоро годъ, какъ не стало Карамзина, и никто не напомнилъ Рускимъ, чѣмъ онъ былъ для нихъ. Журналисты наши, исчисливъ кратко, впрочемъ не безошибочно, труды его и лѣта жизни, возвѣстивъ Россіи, что наставника, дѣеписателя, мудреца ея не стало, исполнили долгъ современныхъ некрологовъ; но не умѣли или не хотѣли воспользоваться правомъ своимъ возбуждать народное вниманіе, народное чувство къ важнымъ событіямъ въ государствѣ. Конечно, въ числѣ особенностей нашей Словесности можно поставить и судьбу ея преобразователя, единственнаго, полнаго представителя не нашего, но Европейскаго просвѣщенія въ Россіи, соединеннаго въ немъ съ познаніемъ всего отечественнаго, съ познаніемъ, коему можно уподобить только одну любовь его къ отечеству. И сей великій сынъ Россіи, любившій судьбу ея, и въ первомъ мерцаніи

Digitized by Google

нашей славы воинской, при Игорѣ и Святославѣ, и въ годину искушенія, при Ольговичахъ и Татарахъ, и во время внутреннихъ преобразованій, при Годуновѣ и Петрѣ, и въ блестящій вѣкъ Екатерины и Александра, и наконецъ умиравшій съ любовью въ сердцѣ и съ вѣрою въ будущее постепенное возрожденіе Имперіи — Карамзинъ не имѣетъ еще цѣнителя ни главнаго труда его, ни другихъ безсмертныхъ его заслугъ, оказанныхъ Россіи и языку ея. По сію пору одинъ Государь, Представитель народной благодарности, указалъ Карамзину мѣсто его въ храмѣ славы. Между тѣмъ, какъ во Франціи часть населенія Парижа подвиглась на погребеніе Генерала-оратора (*Фуа*); въ Англіи, въ Журналахъ Оппозиціи и Министерскихъ, ежедневно извѣщаютъ публику (*письмо сіе писано во время болѣзни Каннинга*) объ успѣхахъ выздоровленія Министра — у насъ, кто по сію пору прервалъ гробовое молчаніе о Карамзинѣ? Кто изъ насъ положилъ цвѣтокъ на уединенную могилу его? Мы, жившіе его жизнью, страдавшіе его страданіями, мы, одолженные ему лучшими благами ума и души, что мы сдѣлали? Опустили его въ могилу, бросили горсть земли на землю его и смолкли какъ умершіе.

Ты обвинялъ меня въ бездѣйствіи, въ самое то время, когда я собирался послать въ Нѣмецкія ученыя вѣдомости написанное мною возраженіе на одну рецензію, въ Лейпцигской Ученой Газетѣ напечатанную, въ которой Карамзина хвалили за его Исторію и хулили за чужія ошибки. Жалѣю о Карамзинѣ и о друзьяхъ славы его, что не имъ, а мнѣ досталось защищать его. Уступилъ-бы имъ охотно въ этомъ и остался-бы при единственномъ

сокровищѣ, котораго у меня, какъ у Карамзина славы, никто не отниметъ, остался-бы при моей любви къ его памяти, при моей къ нему благодарности, при воспоминаніи о послѣдней, тихой минутѣ его жизни.

Мое письмо было пространнѣе, но перечитавъ его въ тишинѣ сердца, выключилъ я изъ него всѣ выпалки на Лужницкихъ старцовъ и все Карамзина недостойное. Да живетъ память его и въ каждомъ движеніи нашего сердца и въ каждой строкѣ о немъ! Чѣмъ инымъ можемъ доказать нашу любовь къ нему, какъ не жизнію его достойною, какъ не чувствами, подобными тѣмъ, кои самъ питалъ онъ и къ друзьямъ и къ недругамъ, ненавидя порокъ, но любя и прощая всѣхъ (*).

(*) Дрезденскій корреспондентъ обѣщаетъ прислать въ Телеграфъ и Нѣмецкую рецензію и отвѣтъ свой, который, вѣроятно, теперь уже напечатанъ въ Нѣмецкихъ вѣдомостяхъ. Кажется, часть замѣчаній критическихъ Рецензента падаетъ на сказанія Карамзина о Винетѣ. Но дѣло въ томъ, что Карамзинъ не могъ знать сомнѣнія Нѣмецкихъ критиковъ объ историческомъ бытіи Винеты, ибо сіи сомнѣнія возникли въ 1816 г., когда Карамзинъ печаталъ свою Исторію. Прежде никто не сомнѣвался въ существованіи Винеты и Іоаннъ Миллеръ блистательно описалъ ея паденіе и поглощеніе развалинъ ея волнами морскими. *Изд.*

(Извлеченія изъ другихъ писемъ.)

Парижъ.

Знаете-ли вы книгу Босвеля (Bosswelle) о Джонсонѣ? Это весьма извѣстная книга и конечно лучшая изъ всѣхъ біографій. Босвель былъ нѣсколько лѣтъ пріятелемъ Джонсона и записывалъ все, что онъ говорилъ о различныхъ предметахъ, такъ что книга представляетъ теперь, кромѣ множества весьма умныхъ, замѣчательныхъ разсужденій, разговоровъ, кромѣ полнаго изображенія характера Джонсона, также и характеръ времени, въ которое онъ жилъ. Эту книгу желалъ-бы я дать теперь въ руки всѣмъ пріятелямъ Карамзина. Едва ли кто велъ постоянный журналъ разговоровъ его. Но многое можетъ быть сохранено; одинъ вспомнитъ одно, другой другое. Я не вижу инаго средства передать потомству что-либо о Карамзинѣ, достойное Карамзина. Біографіи порядочной никто у насъ написать не въ состояніи; да и что лучше такой Босвелевской, живой біографіи?

Лейпцигъ. 5 Мая.

Вчера получено здѣсь извѣстіе о кончинѣ Короля Саксонскаго. Здѣсь начинается ярмарка: все въ движеніи, все гуляетъ и толкуетъ о торговлѣ по прежнему. Читаютъ манифестъ новаго Короля Антонія и отходятъ, отлагая до другаго времени въ этой сферѣ дѣятельности торговой и промышленной, почтить память усопшаго, 54 года управ-

лявшаго мудро Саксоніею, и въ дурное время семилѣтней войны ее сохранившаго, и утраты 1814 года перенесшаго, съ христіанскою твердостью. Старшій изъ Королей былъ примѣромъ царственной мудрости. Не смотря на строгій Католицизмъ свой, онъ духомъ и дѣломъ наблюдалъ терпимость и его *лебединою пѣснью* было постановленіе о правахъ взаимныхъ Католическаго и Протестантскаго исповѣданій, изданное въ прошедшемъ лѣтѣ, какъ бы въ предчувствіи близкой смерти. Сей Государственный актъ обезпечиваетъ Протестантовъ въ правахъ ихъ, коихъ равенство съ правами Католиковъ утверждено окончательно Вѣнскимъ Конгрессомъ. Прежде Протестанты имѣли гораздо болѣе правъ и Католическая придворная церковь, не смотря на исповѣданіе Королемъ Католической религіи, не имѣла колоколовъ до 1807-го или 1808 года. Сей актъ, въ прошедшемъ мѣсяцѣ изданный, можетъ быть почитаемъ постановленіемъ единственнымъ въ своемъ родѣ въ Европейскихъ законодательствахъ. Вѣроятно и другія государства послѣдуютъ оному. Честь Королю и вѣнецъ безсмертія въ томъ мірѣ, и честь министру его Графу Эйнзиделю и моему безногому пріятелю редактору Титману! Покойный Король, во все время долголѣтняго царствованія своего, держался мудрой осторожности, терпимости и строгой экономіи государственной. Въ самомъ законодательствѣ, чувствуя нужду въ исправленіи, въ пополненіи онаго, поступалъ онъ съ большою усмотрительностью. Понукалъ законодателей и поручалъ разсмотрѣніе новыхъ проэктовъ людямъ испытаннаго благоразумія и просвѣщеннымъ. Стюбель и Титманъ, два легиста,

трудящіеся надъ проэктами уголовныхъ законовъ, весьма несовершенныхъ и устарѣвшихъ въ Саксоніи, увѣряли меня, что не льзя быть благоразумнѣе, благонамѣреннѣе и болѣе готовымъ на все доброе и полезное, какъ былъ Король. Ave sancta anima! Девизомъ его были Невинность и Надежда и символомъ надежды въ невинности избралъ онъ два цвѣта для герба государственнаго: бѣлый въ зеленомъ. Говорятъ, что непосредственный по закону наслѣдникъ Короля Антонія, второй братъ Короля умершаго, Максимиліанъ откажется отъ престола въ пользу сына своего Фридриха. Мы познакомились съ обоими сыновьями его, Фридрихомъ и Іоанномъ, и обѣдали у сего послѣдняго въ Дрезденѣ: оба намъ очень понравились умомъ и образованностью своею. Оба служатъ въ важныхъ государственныхъ мѣстахъ и дѣятельно; занятія государственной службы не мѣшаютъ имъ заниматься Литтературою, Искуствами, сочинять стихи. Супруга Іоанна, милая, умная женщина, сестра умнаго Короля Баварскаго. Престолъ не безъ надежды, ибо братья очень дружны. Я зналъ Профессора, который занимался съ ними Юриспруденціею и прошелъ полный курсъ оной.

Здѣсь печатаются у Брокгаузена два тома Мартенса (молодаго) актовъ дипломатическихъ: *Causes célèbres du droit des gens, redigées par le Baron Charles de Martens.* Я видѣлъ ихъ въ листахъ въ типографіи Брокгаузена и нашелъ то, что ожидалъ, то есть, рѣдкое и любопытное собраніе актовъ дипломатическихъ дяди его Мартенса, бывшаго Профессора въ Геттингенѣ и Раштадскаго негоціатора. Въ этой книгѣ будетъ много замѣча-

Digitized by Google

тельнаго и относительно до Россіи, напримѣръ: акты о Матвѣевѣ въ Лондонѣ.

Переписка Гёте съ Шиллеромъ, объявленная въ Лейпцигскомъ Каталогѣ, еще не вышла, а переписка Германскаго Платона, Якоби (въ двухъ частяхъ), съ первыми литтераторами и философами Германіи слишкомъ толста для посылки. Выберу изъ нее письмо для журнала: много прелестныхъ. Вся жизнь, нравственная и умственная, Нѣмцовъ, отражается въ сихъ двухъ томахъ.

Я познакомился съ Линднеромъ. Это истинный мудрецъ въ христіанствѣ, человѣкъ глубокаго ума и глубокихъ свѣдѣній, съ простотою Евангельскою, не скрываетъ свѣта, но дѣйствуетъ, имъ озаряемый, какъ педагогъ и профессоръ. За то нѣкоторые изъ здѣшнихъ книжниковъ ему и недоброжелательствуютъ: его лишили каѳедры въ Гимназіи. Улыбка его значительная и вся физіогномія выражаетъ добродушіе съ глубокомысліемъ и тонкою проницательностію. Ясность въ идеяхъ и въ выраженіи оныхъ необыкновенная: отъ того и дѣти его любятъ и понимаютъ и профессоры (разумѣется, безпристрастные) находятъ глубокомысленнымъ. Это человѣкъ по моему сердцу: скроменъ, но говоритъ охотно и свободно.

N. N.

Рѣчь, произнесенная Англійскимъ Министромъ Каннингомъ, въ засѣданіи Нижняго Парламента. (Окончаніе.) Закономъ 1815 г. полагалось совершенное запрещеніе ввоза, до тѣхъ поръ, пока цѣна хлѣба возвысится до 80 шиллинговъ. Извѣстно,

Digitized by Google

что жатва 1816 г. была одна изъ худшихъ, бывшихъ когда-либо въ нашемъ государствѣ. Съ начала Августа предвидѣли, что она будетъ такова. Августа 15 ч. 1816 г. долженствовали быть утверждены меркуріаліи или среднія цѣны, отъ коихъ зависѣлъ вопросъ о запрещеніи или допущеніи иностраннаго хлѣба. Въ Августѣ, цѣна пшеницы была выше той таксы, по которой законъ 1815 г., допускалъ ввозъ; но высокая сія цѣна не поддержалась долго и средняя цѣна не перешла за таксу 80 шиллинговъ. Слѣдствіемъ сего было то, что гавани остались закрытыми въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцовъ недостатка, съ Августа до Ноября 1826 г., и открыты были только съ 15 Ноября (когда цѣна перешла за 80 шиллинговъ), въ теченіе почти 15 недѣль, въ такое время, когда сѣверныя гавани не могли уже снабжать хлѣбными запасами. Гавани открыты были въ Ноябрѣ 1816 г., закрыты въ Ноябрѣ 1817 и снова открыты въ Февралѣ 1818 года. Онѣ были закрыты въ Ноябрѣ потому, что средняя цѣна стояла 5-ю пенсами ниже 80 шиллинговъ, а открыты въ Февралѣ, когда средняя цѣна перешла 2-мя шилл. за сію таксу. Жатва 1817 г. была столь же плоха, какъ и предыдущая; сдѣлался снова голодъ; но по причинамъ мною изложеннымъ, гавани остались закрытыми до слѣдующаго Февраля. Жатва 1818 г. была весьма изобильна, не только въ нашемъ государствѣ, но и во всѣхъ другихъ странахъ Европы, производящихъ хлѣбъ. И такъ, вопреки очевидной пользы государства, гавани были закрыты въ то время, когда внутреннія продовольствія были недостаточны и когда громко требовали у насъ ввоза

Digitized by Google

иностраннаго хлѣба, а открыты тогда, какъ всѣ наши рынки были наполнены, и когда приличнѣе было не допускать иностранныхъ запасовъ; все это дѣлалось единственно потому, что средняя цѣна 2-мя пенсами перешла за таксу 80-ти шиллинговъ.

Какое-жъ было слѣдствіе отъ приведенія въ дѣйство сихъ чрезвычайныхъ противоположностей? Каждое званіе общества, въ свою очередь, сдѣлалось жертвою оныхъ, и каждое обращалось къ Парламенту для полученія помощи. Мы всѣ помнимъ, что лѣто 1817 года, было время самое несчастное, и каждый почтенный членъ, который захочетъ сдѣлать справки въ Архивѣ Парламента, увидитъ, какимъ безчисленнымъ множествомъ прошеній обремененъ оный былъ въ сіе время. Въ теченіе 1817, 18, 19, 20 и 21 годовъ, въ которые земледѣліе дошло до чрезвычайнаго изнеможенія отъ разныхъ причинъ, какихъ чрезвычайныхъ прибавокъ цѣны не произвелъ законъ сей? Спрашиваю: какая-жъ была крайняя разность цѣнъ въ одной только части сего періода? Вотъ разница между двухъ лѣтъ: въ одинъ годъ цѣна пшеницы возвысилась до 112 шилл., а въ другой упала до 38 шилл. за квартеръ, и такъ; прибавка цѣны была не менѣе 74 шиллинговъ на квартеръ (*слушайте! слушайте!*). Прибавка сія была конечно столь велика, какъ только можно себѣ представить, но она не перешла еще за границу того, чего можно было по справедливости ожидать отъ закона, приводящаго въ дѣйствіе совершенно противоположныя основанія.

Выгоды земледѣлія необходимо вовлечены были во всѣ затрудненія, долженствовавшія происходить

Digitized by Google

отъ таковыхъ измѣненій. Парламентъ услышалъ жалобы и въ 1822 году законъ 1815 года снова подвергнутъ былъ разсмотрѣнію. Что касается до сего послѣдняго распоряженія (я говорю о законѣ исправленномъ), то довольно сказать, что и нынѣ оное не приведено еще въ силу. Къ концу года, какъ мнѣ кажется, прибавленъ былъ къ нему пунктъ, о которомъ здѣсь упомянуть кстати, ибо въ немъ берется въ посредство пошлина со ввоза; неограниченное запрещеніе, какъ основаніе, оставляется и полагается цѣна, при коей иностранный хлѣбъ можетъ быть ввозимъ съ пошлиною покровительственною. И такъ, къ закону присоединили пунктъ, который существовалъ какъ дѣло доказанное, и не дозволялъ привести въ дѣйствіе самаго закона. Пунктъ сей согласенъ былъ съ прежнимъ закономъ въ томъ, что распоряженія онаго не могли имѣть дѣйствія до тѣхъ поръ, пока средняя цѣна достигнетъ до 80 шилл.; слѣдствіемъ сего было, и теперь еще, есть то, что мы продолжаемъ быть подъ вліяніемъ прежняго установленія 80-ти шиллинговъ, такъ точно, какъ будто-бы законъ 1815 г. не потерпѣлъ никакого измѣненія до сего времени.

Распоряженіе сіе совершенно ошибочно; оно ни что другое, какъ безплодное признаніе основанія, изъ котораго въ практикѣ не возможно извлечь ни малѣйшей пользы.

Если совершенное и неограниченное запрещеніе не доставляетъ желаемаго покровительства, и если закономъ 1822 г. признано, что пошлина со ввоза составляетъ приличную мѣру покровительства, я согласенъ занять у сего закона одно правило, ко-

Digitized by Google

торое, по существующимъ распоряженіямъ, не могло-бъ никогда быть приведено въ дѣйствіе.

Разсмотримъ сначала образъ приложенія пошлинъ. Пошлина постоянная достигаетъ ли той цѣли, для которой предназначена? Возмите, если угодно, планъ Г. Рикардо или разсмотрите два другіе, на которые я обратилъ уже ваше вниманіе. Изберите одну изъ пошлинъ, предложенныхъ въ сихъ проэктахъ; пусть она будетъ въ 15, 12 или 5 шилл., постоянна и неизмѣнна, и посмотримъ, какія она произведетъ дѣйствія. Положимъ, на примѣръ, что пошлина будетъ въ 12 шиллинговъ. Мы видѣли, что въ теченіе одного года, цѣна пшеницы возвысилась до 112 шилл. за кварперъ; примите въ разсмотрѣніе прибавочную пошлину 12-ти ш. — не увеличитъ-ли страданія народа столь высокая цѣна при такомъ обстоятельствѣ? Въ другой годъ, цѣна квартера была 74-мя шиллингами ниже; какое-же слабое покровительство составила-бы для земледѣльца пошлина изъ 12 шилл., приложенная къ цѣнѣ 38-ми шиллинговъ?

Обращу теперь ваше вниманіе на среднія цѣны хлѣба: я хочу сказать цѣны пшеницы, въ теченіе 12-ти лѣтъ, предшествовавшихъ 1815 году. Средняя пропорціональная цѣна была 85 шилл. 4 пенса; въ теченіе шести послѣднихъ лѣтъ сего періода, цѣна была 98 шилл. 6 пен., а шести первыхъ 72 ш. 2 п. Цѣна-же, назначенная закономъ 1815 г. какъ *высшая* (maximum), была 80 ш. Цѣна сія вѣроятно принята была потому, что по окончаніи войны должно было дѣлать большой вычетъ изъ нее по причинѣ вычета военныхъ расходовъ; за всѣмъ тѣмъ я думаю, что цѣна сія назначена была спра-

Digitized by Google

ведливо, и не въ этомъ отношеніи буду я осуждать законъ 1815 года. Въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ, отъ 1815 до 1820, средняя цѣна была 74 ш. 2 п. Новая цѣна назначена была въ 1822 г. Я согласенъ, что принятіе сей цѣны было справедливо; должно однакожь замѣтить, что оно простирается на состояніе дѣлъ совершенно разное отъ того, которое внушило законъ 1815 года, ибо не должно забывать, что уменьшеніе пошлинъ и расходовъ общественныхъ произвело въ 1822 г. значительное различіе въ состояніи государства. Я думаю однакожь, что теперь положеніе высшей цѣны въ 70 ш. было-бы не прилично, ибо средняя цѣна 12-ти лѣтъ (отъ 1815 до 1826) была 64 ш. 11 п., а шести послѣднихъ лѣтъ сего періода 55 ш. 9 п. Если разсмотрѣть, что при уменьшеніи государственныхъ расходовъ и при ограниченіи налоговъ билль о монетной системѣ (currency bill) въ 1819 г. произвелъ существенную перемѣну въ состояніи государства, то я полагаю, что сіе положеніе высшей цѣны должно быть уменьшено. Я готовъ поддерживать, по тому-же основанію, по которому цѣна въ 70 ш. могла быть удобна въ 1822 году, увѣренность, что принявъ въ разсмотрѣніе среднюю цѣну 12-ти послѣднихъ лѣтъ и видя, что она была 64 ш. 11 п., между тѣмъ какъ цѣна послѣднихъ шести лѣтъ была 55 ш. 9 п., никакой добросовѣстный человѣкъ не подумаетъ, что если въ 1822 году 70 ш. была удобная цѣна, то 60 ш. будетъ неудобна нынѣ по всѣмъ побудительнымъ причинамъ правосудія и справедливости, въ отношеніи къ противоположнымъ выгодамъ (*слушайте! слушайте!*). Цѣна 60 ш. есть посредствующее (medium) между

среднею цѣною 12-ти лѣтъ и между цѣною шести послѣднихъ лѣтъ сего-же періода и она многимъ превосходитъ среднюю цѣну перваго изъ сихъ 4 годовъ (1823).

Не уже-ли будетъ неприлично почитать сію таксу такою цѣною, которою должно быть ограничено покровительство земледѣльческимъ выгодамъ, и такою, которую, на основаніи предыдущаго своего закона, Парламентъ можетъ по справедливости назначить? Могу увѣрить, что мой почтенный другъ, коего разысканія и изслѣдованія по сему предмету были гораздо обширнѣе и лучше моихъ обработаны, думаетъ, согласно со мною, что это дѣло не невозможное, и мы почитаемъ 60 ш. цѣною, до которой выгоды сіи имѣютъ право на покровительство.

Перейдемъ теперь къ образу приложенія. Я показалъ вамъ причины, заставляющія меня признавать, что пошлина постоянная не должна быть принята, ибо неизмѣняемая пошлина, неимѣющая никакого отношенія къ цѣнамъ хлѣба, должна попеременно быть или очень высокою, или очень низкою, и потому только, что она не измѣняется, между тѣмъ какъ цѣна хлѣба находится въ безпрестанной перемѣнѣ, она произведетъ безпрерывныя неровности. Я полагаю, что постепенность пошлинъ, измѣняющихся противоположно къ перемѣнамъ въ цѣнахъ хлѣба, исправляя излишество, дополняя недостатокъ и стремясь къ ихъ общему уравненію, заключитъ въ самой себѣ лучшее основаніе прочности *(слушайте!)*, свойства, которое, можетъ быть, должно всему предпочитать

въ законодательствѣ, даже и случайному пониженію цѣнъ.

Я показалъ причины, заставившія меня почитать положеніе высшей цѣны въ 60-тъ шилл. приличнымъ. Чтожь касается до пошлинъ, то основанія, по которымъ должно принимать какіе-либо налоги, вѣроятно увлекли-бы меня къ развитіямъ гораздо обширнѣйшимъ, нежели сколько я полагаю себѣ должностію сказать здѣсь, ибо я знаю, что цѣны хлѣба на торжищахъ иностранныхъ, и многіе предметы такого-же рода, должны-бъ быть введены въ подобное разсужденіе. Размысливъ сколько возможно о семъ предметѣ, мой благородный другъ, начальникъ правительства Е. В., увѣренъ, что *покровительственная пошлина въ 20 ш., когда цѣна хлѣба будетъ 60 шилл., есть все, что можно наложить благоразумно и по всей справедливости, и что она не будетъ слишкомъ высока. Предполагая среднюю цѣну хлѣба 60 ш., а пошлину 20 ш., онъ предполагаетъ уменьшать сію послѣднюю 2-мя шиллингами, всякій разъ, когда средняя цѣна хлѣба возвысится однимъ шилл. надъ 60-ю; напротивъ того, увеличивать пошлину 2-мя ш. за каждый шиллингъ пониженія средней цѣны хлѣба надъ 60 ш.*

Дѣйствіе сей постепенности будетъ такое, что начиная съ условленной цѣны 60-ти шиллинговъ до 61-го, пошлина будетъ 20 ш.; отъ 61 до 62 пошлина будетъ только 18 ш.; отъ 62 до 63 пошлина уменьшается до 16-ти и такъ далѣе, пока средняя цѣна достигнетъ до 70 ш.; тогда всякая пошлина снимается и ввозъ иностраннаго хлѣба дѣлается безпошлиннымъ, за исключеніемъ пошлины за

Digitized by Google

записку въ таможнѣ. Это постепенность восходящая.

Что-же касается до постепенности низходящей, то пошлина будетъ прибавляться по 2 ш. на каждый шиллингъ пониженія средней цѣны ниже 60 шилл., такъ, что при цѣнѣ 55 ш. пошлина будетъ въ 30 ш., или говоря другими словами, будетъ пошлина запретительная, ибо таково дѣйствительно намѣреніе правительства въ семъ случаѣ. Соединяя сію мѣру, искреннѣйшее его желаніе состояло въ томъ, чтобы держать вѣсы ровно между двумя противоположными выгодами, наклоняя ихъ (въ этомъ должно сознаться) въ пользу свободы торговли по основанію, и также въ пользу выгодъ земледѣлія въ отношеніи установленія цѣнъ. Я надѣюсь, что здѣсь ясно увидятъ безпристрастіе, руководствовавшее нами при составленіи и изданіи проэкта, и признаюсь, что какъ со стороны желающихъ закона запретительнаго, такъ и отъ защитниковъ неограниченнаго ввоза, я не ожидаю никакихъ другихъ возраженій, кромѣ тѣхъ, которыя, по различію ихъ видовъ и ихъ основаній, можно всегда приложить ко всякому плану, подвергаемому сужденіямъ и преніямъ Парламента.

Я знаю, что подробности, въ которыя вошелъ я, могутъ подать поводъ сословію земледѣльцовъ сказать мнѣ: »Если есть такая степень, при »которой вы расположены дать намъ запретитель»ную пошлину, то для чего-бы не утвердить со»вершенное запрещеніе на такой степени?« На сіе я буду вопервыхъ отвѣчать, что относительно къ предмету, который былъ подверженъ разсмотрѣнію Парламента не годами, но нѣсколькими уже столѣ-

тіями, совершенное запрещеніе никогда не было принято за основаніе въ законодательствѣ, выключая одно только обстоятельство, о которомъ я упомяну. Даже въ теченіе ста лѣтъ, съ 1670 по 1764, въ которыя Парламентъ имѣлъ постоянною цѣлію не только отвратить ввозъ иностраннаго хлѣба, но даже ободрить вывозъ Англійскаго, даже и во все это время, не запрещеніями, но пошлинами поставляли преграду ввозу. Вовторыхъ, я долженъ сказать, что послѣ опыта съ закономъ 1815-го года, въ системѣ нашего Правительства не можетъ существовать сильныхъ побудительныхъ причинъ къ сохраненію такого нововведенія, ибо такъ долженъ я называть сію мѣру. Далѣе: мнѣ кажется, что если должна существовать какая-либо торговля хлѣбомъ, она должна, сколько мы можемъ до сего достигнуть, производиться по тѣмъ-же основаніямъ, которыя направляютъ всѣ другія отрасли торговли, такъ чтобы она могла идти твердымъ и правильнымъ шагомъ, а не съ безпрерывными потрясеніями, происходящими отъ непредвидѣнныхъ предположеній (*слушайте!*). Я увѣренъ, что если ввозъ всегда свободенъ (говорю: свободенъ, въ отношеніи къ способности ввозить, а не въ отношеніи къ состоянію нашихъ рынковъ), если ввозъ позволенъ, взяты только предосторожности противъ излишняго изобилія на рынкахъ государства, то потокъ въ теченіи своемъ сохранитъ и равную быстроту и равное изобиліе; продовольствія будутъ всегда достаточны и соразмѣрны, но безъ излишества, вмѣсто того, чтобы безпрестанно быть продолжительнымъ рядомъ измѣненій между недостаткомъ и излишнимъ изобиліемъ, такъ какъ бы-

Digitized by Google

нѣшнее состояніе, которое продолжалось-бы отъ принятія запрещенія (*слушайте !*). При новомъ порядкѣ дѣлъ, торгъ будетъ находиться въ сравнительной прочности, весьма различной отъ той, которую мы видѣли подъ вліяніемъ закона 1815 г., когда цѣны одного и того-же произведенія измѣнялись отъ 112 до 38 шиллинговъ. При системѣ, которую я имѣлъ честь предложить, приливъ цѣнъ ограниченъ будетъ въ тѣсномъ кругѣ отъ 55 до 65 ш., или въ такихъ границахъ, которыя немного отъ сего удалятся; всѣ операціи будутъ предметомъ обдуманныхъ разсчетовъ и освобождены отъ тѣхъ внезапныхъ потрясеній, которыя расторгаютъ границы закона, принуждая правительство дѣйствовать противно законодательству государства.

Разсматривая предложенныя перемѣны по сему предмету, не возможно не дать отчета о выгодѣ которая произойдетъ отъ того, что мы освободимся отъ злоупотребленія нынѣшней системы меркуріалій ((*рукоплесканія*) и выгода сія не покажется малозначущею, когда вспомнимъ, какъ я уже сказалъ, что два раза въ одинъ періодъ двухъ лѣтъ достигли мы до того, что дробью пяти пенсовъ въ одномъ случаѣ и двухъ въ другомъ, заперли наши гавани, тогда, какъ имъ должно-бы быть открытыми, а имѣли ихъ открытыми тогда, когда должны онѣ были закрыться (*слушайте !*). Съ такими фактами передъ глазами не возможно и самому непредубѣжденному человѣку защититься отъ подозрѣнія въ умышленныхъ сдѣлкахъ. Теперь-же, напротивъ, при системѣ еженедѣльныхъ меркуріалій, не льзя себѣ и представить, чтобы старанія какого-либо

Digitized by Google

спекулянта могли имѣть вліяніе на возвышеніе пошлинъ. Да и дѣйствительно, какія спекуляціи такого рода можно сдѣлать въ одну недѣлю и какая побудительная причина можетъ принудить къ сему (*слушайте!*)? Когда прежде имѣли три мѣсяца времени для расположенія плана операціи, тогда дѣло могло идти иначе; но если меркуріалія, которую, положимъ, нашли средство разными оборотами назначить въ субботу, можетъ быть перемѣнена меркуріаліею слѣдующей субботы, то такая причина заставитъ-ли отважиться на спекуляцію такого рода? Такимъ образомъ законъ о хлѣбѣ очистится отъ пятна, которое съ нѣкотораго времени дѣлаетъ ему подозрѣніе, или частое исполненіе спекуляцій, о которыхъ я упомянулъ, и подъ вліяніемъ новаго закона, операціи по сей отрасли примутъ характеръ правильности и честности, болѣе сообразный съ обыкновеннымъ поведеніемъ Англійскихъ купцовъ, характеръ, котораго онѣ до сего времени не имѣли.

Съ другой стороны, я почитаю еще весьма важною выгодою и то, что мы избавимся отъ посредничества исполнительной власти въ семъ дѣлѣ, посредничества, которое нѣкоторые люди почитаютъ средствомъ противъ зла, но которое я рѣшительно почитаю средствомъ къ увеличенію зла (*рукоплесканія*). Я совершенно увѣренъ, равно какъ и мои товарищи, что за нѣсколько мѣсяцовъ передъ симъ, мы поступили совершенно справедливо, допустивъ ввозъ хлѣба, который былъ запрещенъ закономъ. Принимая на свою отвѣтственность допущеніе хлѣ-

Digitized by Google

ба на наши рынки (безъ сей мѣры не могъ онъ быть туда доставленъ), мы исполнили нашу обязанность къ народу, и хотя сдѣлали хорошо, но мы совершенно не знали (въ послѣдствіи приобрѣли мы жестокую въ семъ увѣренность), что во многихъ случаяхъ отъ сего произошли частныя потери. Я сожалѣю, и долженъ признаться въ этомъ, что таже черта пера, которая спасла государство, совершенно разрушила многія частныя имѣнія (*слушайте!*). Люди, говорящіе столь легко объ обязанности министровъ дѣйствовать въ случаѣ жестокой крайности, вѣроятно не даютъ себѣ отчета о томъ, что наше положеніе тягостно въ семъ отношеніи. Не говорю, чтобы я раскаявался въ томъ, что мѣра, о которой я говорилъ, была принята при стѣсненныхъ обстоятельствахъ; напротивъ, въ подобномъ сему случаѣ я готовъ опять принять ее, но въ то же время утверждаю, что мы были-бы недостойны возложенныхъ на насъ должностей, если-бы не старались воспользоваться первымъ случаемъ къ учиненію распоряженій для отвращенія могущаго случиться впредь подобнаго обстоятельства (*слушайте!*).

И такъ, я утверждаю, что объясненныя выгоды важны и достаточны для подтвержденія и оправданія новаго устава. Не примѣтъ-ли оный еще большей важности, когда узнаютъ, что слѣдствіемъ его будетъ сближеніе выгодъ двухъ званій, выгодъ, которыя до сего времени почитали столь-же противоположными одна другой, какъ полюсы. Уравновѣсить противоположныя права званій и уменьшить непріязненность, которую слишкомъ долго имѣли, разрѣ-

Digitized by Google

шая сей вопросъ, поступить такъ, чтобы два важныя званія общества, одно къ другому ревнивыя, могли быть доведены до признанія, что на земномъ шарѣ довольно мѣста для обоихъ, и что благосостояніе ихъ можетъ существовать въ одно и то же время, вмѣсто того чтобъ быть раздѣленнымъ (какъ думаетъ каждый изъ нихъ) и приводиться въ дѣйствіе только вредомъ другаго (*рукоплесканія*): такова цѣль, предполагаемая правительствомъ въ мѣрѣ, которую я имѣлъ честь представить на разсмотрѣніе ваше. Я не полагаю нужнымъ входить въ дальнѣйшія подробности, ибо не имѣю намѣренія испрашивать нынѣ голосовъ собранія; ограничиваюсь только тѣмъ, что оставляю проэктъ мой вамъ и прошу назначить время преній, когда Парламенту будетъ угодно, но однакожь не слишкомъ отдаляя оное.

Съ довѣренностію передаю предположенія въ руки ваши, и что-бы ни приняли въ отношеніи къ нимъ, какія-бы убавленія или усовершенствованія ни разсудили заблаго сдѣлать въ подробностяхъ, я прошу принять ихъ въ томъ самомъ духѣ, по внушенію котораго онѣ сдѣланы, т. е., какъ приношеніе мира и результаты величайшихъ усилій правительства, въ особенности-же моего почтеннаго друга, который столь возвышеннымъ и столь дѣятельнымъ образомъ участвовалъ въ составленіи оныхъ, для соглашенія противоположныхъ выгодъ. Увѣренъ я, въ сознаніи вашемъ, что мы дѣйствовали для выгодъ всѣхъ партій — (*Громкія рукоплесканія раздавались со всѣхъ сторонъ, когда Каннингъ кончилъ рѣчь свою.*)

НЕКРОЛОГІЯ. *Августъ Фридрихъ I*, Король Саксонскій. *Почти шестидесятилѣтнее* правленіе, ознаменованное подвигами царственной мудрости и гражданскихъ добродѣтелей, дѣлаетъ сего Монарха незабвеннымъ въ Исторіи. Онъ родился въ 1750 г., Декабря 23 д., и послѣ смерти отца своего, Августа III, Курфирста Саксонскаго и Короля Польскаго, вступилъ на наслѣдственный престолъ Курфиршества Саксонскаго въ 1763 г., 13-ти лѣтъ отъ рожденія. Въ Польшѣ избранъ былъ тогда Королемъ Станиславъ Понятовскій. Саксонія, разоренная семилѣтнею войною и несчастнымъ правленіемъ Августа III, требовала руки правителя мудраго и благодѣтельнаго. Ея несчастія продолжались еще до 1768, когда юный Курфирстъ принялъ самъ бразды правленія, бывши до сего времени подъ опекою дяди своего Ксаверія. Въ теченіе десяти мирныхъ лѣтъ, онъ доказалъ необыкновенную дѣятельность и отеческое попеченіе свое о благѣ народа. Но Провидѣнію угодно было подвергнуть жизнь Монарха Саксоніи всѣмъ тяжкимъ испытаніямъ. Находясь среди сильныхъ, могущественныхъ державъ, Саксонія, по самому географическому положенію своему, должна была всегда увлекаться вихремъ великихъ переворотовъ Германіи. Видя возросшее могущество Пруссіи, Августъ принялъ систему политическую, противную системѣ отца своего, всегдашняго союзника Австріи, и соединился съ Пруссіею, гдѣ тогда царствовалъ еще, хотя и отягченный уже лѣтами, герой Фридрихъ. Августъ вмѣстѣ съ нимъ участвовалъ въ Баварской войнѣ, прекращенной въ 1779 г., при участіи Франціи и Россіи, Тешенскимъ миромъ, и приступилъ къ соединенію Нѣ-

Digitized by Google

мецкихъ государей, которое Фридрихъ противопоставилъ перевѣсу Австріи. Удаляясь отъ всѣхъ внѣшнихъ причинъ, могущихъ разрушить благосостояніе Саксоніи, упроченное уже 20-ти-лѣтнимъ правленіемъ, Августъ отказался отъ Польской короны, предложенной ему въ 1791 г. Онъ отказался и отъ всякаго участія въ войнѣ противъ Франціи, когда Императоръ Леопольдъ и Король Прусскій, наслѣдникъ Фридриха, въ Пильницѣ, 1791 г. Августа 27, положили воспротивиться Франціи, угрожавшей хлынуть на окрестныя государства. Но время неутралитетовъ тогда не могло существовать, и двадцать пять, слѣдовавшихъ за симъ, лѣтъ правленія Августа сдѣлались бурнымъ временемъ, въ которое ни добросовѣстность, ни благоразуміе не могли спасать Саксоніи отъ ужасовъ войны, отъ гибельныхъ переворотовъ, оставляя его въ горестной необходимости, во время промежутковъ мгновеннаго мира, стараться только излечать раны отчизны благодѣяніями и пожертвованіями. Со времени вторженія Французовъ въ Голландію, Августъ принужденъ былъ участвовать въ войнѣ, и только въ 1796 г., когда Журданъ сталъ на границахъ Саксоніи, возстановилъ онъ свой неутралитетъ. Онъ успѣлъ поддержать его до 1805 г., когда сила Пруссіи рѣшительно увлекла его въ войну противъ Наполеона, уже разгромившаго Нѣмецкую Имперію и грозно стремившагося на Пруссію. Послѣ Іенскаго сраженія Саксонія занята была Французскими войсками. Контрибуціи и военное управленіе Французовъ государственными доходами были слѣдствіемъ приступленія Курфирста къ союзу съ Пруссіей. Но вскорѣ Наполеонъ узналъ достоинства Монарха Саксоніи. Дружба и почтеніе Наполеона были

Digitized by Google

слѣдствіемъ ихъ личнаго свиданія. Увѣренный въ геніи героя непобѣдимаго, Августъ предалъ судьбу свою въ руки его и до послѣдней крайности былъ вѣрнымъ его союзникомъ и другомъ. Познанскій миръ, въ Декабрѣ 1807 г. успокоилъ Саксонію. Возведенная на степень Королевства, Саксонія получила большія приобрѣтенія отъ Пруссіи и вновь образованное Наполеономъ Герцогство Варшавское. Въ 1809 г. она участвовала въ войнѣ съ Австрійцами. Дрезденъ былъ взятъ непріятелемъ, но Наполеонъ бодрствовалъ и побѣды его доставили миръ и новыя приобрѣтенія союзнику, такъ что, послѣ Вѣнскаго мира, въ 1809 г., владѣнія Короля Августа составляли 3,434 кв. мили. Мысль Наполеона была: поставить Саксонію въ числѣ государствъ, могущихъ составить опору его въ Германіи. Приглашенный въ Парижъ, Король былъ дружески принятъ на великолѣпныхъ праздникахъ Наполеоновыхъ. Но вскорѣ наступилъ роковой годъ Наполеона. Въ Маѣ 1812 г., въ Дрезденѣ, послѣдній разъ отблистала звѣзда его яркимъ блескомъ. Въ собраніи государей, онъ казался повелителемъ ихъ и Король Саксонскій думалъ, что счастіе Саксоніи упрочено навсегда. Походъ 1812 года измѣнилъ все; въ началѣ 1813 г. Августъ принужденъ былъ поспѣшно удалиться изъ Дрездена, но хранилъ дружбу Наполеона и надѣялся. Люценская битва возвратила Короля Саксонскаго въ столицу государства; но судьба Наполеона быстро склонялась къ паденію. Никакія усилія генія не спасли его. Августъ былъ свидѣтелемъ рѣшительныхъ дней Лейпцигской битвы и съ горестью видѣлъ, что его собственныя войска были причиною потери сраженія, ужаснаго, едва-ли не единствен-

810880
Digitized by Google

наго въ лѣтописяхъ міра. Когда все было рѣшено, когда должно было только спасти остатки войскъ, Наполеонъ изъ одной дружбы къ Королю не хотѣлъ предать погибели Лейпцигъ и тѣмъ обезопасить своего отступленія. Союзныя войска сражались уже въ предмѣстіяхъ Лейпцига, когда Наполеонъ еще находился въ дворцѣ своего добродѣтельнаго друга, предчувствовавшаго всѣ страшныя слѣдствія потерь Наполеона. Горестно простился Августъ съ Наполеономъ и не видался уже съ нимъ болѣе въ здѣшнемъ мірѣ, былъ взятъ въ плѣнъ и увезенъ въ Фридрихфельдъ, что близъ Берлина. Саксонія осталась подъ управленіемъ Русскаго Генералъ-Губернатора (Князя Рѣпнина), а съ окончаніемъ 1814 г., подъ управленіемъ Прусскимъ. При начавшихся, въ 1815 г., въ Вѣнѣ переговорахъ объ успокоеніи Европы, Короля Саксонскаго перевезли въ Венгрію. Съ покорностію волѣ Провидѣнія принялъ Августъ условія мира. Наслѣдственныя земли его составляли пространство въ 616 кв. миль; болѣе половины ихъ отдѣлено было отъ Саксоніи; сіе государство ограничилось съ тѣхъ поръ степенью небольшихъ государствъ Германіи, имѣя послѣ Вѣнскаго трактата менѣе 300 кв. миль пространства и менѣе 1½ милліона жителей. Остальное время жизни Августъ употребилъ на успокоеніе небольшаго своего владѣнія. Находясь въ маломъ кругѣ политическихъ дѣйствій, онъ мыслилъ только о внутреннемъ счастіи подданныхъ, и съ именемъ отца отечества, видя отдохнувшую, счастливую попеченіями его Саксонію, кончилъ земное бытіе свое, испытанное бѣдствіями, какъ злато въ горнилѣ, и услажденное только мыслію, что

Digitized by Google

онъ дѣлалъ все, чего требовалъ отъ него долгъ Государя. Августъ Фридрихъ скончался Апрѣля 24, сего 1827 г. Послѣ него осталась только дочь, Принцесса Августа. Престолъ перешелъ къ брату его Антонію Клементію (род. въ 1755 г.). Трудно было-бы исчислить здѣсь всѣ подробности попеченій его о благѣ народа. Исправленіе законовъ, устройство публичныхъ зданій, дорогъ, учебныхъ заведеній, помощь бѣднымъ, правосудіе и милосердіе, благородство поведенія при самыхъ несчастныхъ, затруднительныхъ обстоятельствахъ, все, конечно, заставитъ потомство подтвердить слова Наполеона, который говорилъ, бывши уже на островѣ Св. Елены, что »Августъ Фридрихъ, Король »Саксонскій, одинъ изъ великихъ Государей и добро»дѣтельнѣйшихъ людей, какіе только были ему из»вѣстны.«

Digitized by Google

ОПЕЧАТКИ

№ 8, Отд. I.

Стр. стр.	Напечатано	должно быть
317—16 —	tdził	dzieł
—17 —	Polskij ęzyk	Polski język
319—23 —	ządzy	żądzy
—31 —	rzećł	rzekł
320— 7 —	chlec	chleb
— 9 —	krzyknal	krzyknął
—11 —	docazać	dokazać
—26 —	czoto	czoło
—27 —	maluei	maluje
—29 —	twocie	twóie
321— 7 —	rozciagniony	rozciągniony
324—12 —	часть 3-ю	3-ю часть

Отд. II.

192—13 —	Сѣверн. Пчела	а Сѣверн. Пчела
198—15 —	indroduits	indroduit
201—14 —	прислонная	присланная

Digitized by Google

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

Часть XV.

Отдѣленіе второе.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

II. СМѢСЬ.

Digitized by Google

Digitized by Google

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Къ N. N.

О милыхъ спутникахъ, которые сей свѣтъ
Присутствіемъ своимъ для насъ животворили,
Не говори съ тоской: *ихъ нѣтъ*;
А съ благодарностію: *были*.

Жуковскій.

Къ Илличевскому.

И за письмо и за подарокъ
Стихами наскоро плачу.
Предъ Фебомъ ты зажегъ огарокъ,
А не огромную свѣчу;
Но разноцвѣтенъ онъ иярокъ
И Музѣ нашей по плечу;
Пылаетъ онъ потѣшнымъ блескомъ,
Подсыпанъ порохомъ слегка,
Звѣздой разсыпчатой со трескомъ
Взрывается изподтишка
И мечетъ, за народнымъ плескомъ,
Шутихи подъ носъ дурака.
Пальбой огней своихъ потѣшныхъ

Пугай глупцовъ и радуй насъ;
Не кайся въ шалостяхъ безгрѣшныхъ;
То по дѣломъ, то для проказъ,
И встрѣчныхъ ты, и поперечныхъ
Коли и въ бровь и прямо въ глазъ.
Задорный Музы собесѣдникъ,
Когда-то зналъ я твой языкъ:
Но нѣтъ! ты мнѣ не ученикъ,
А развѣ заживо наслѣдникъ.

К. Вяземскій.

Наборщику стиховъ моихъ.

Спасибо твоему, ремесленникъ, набору,
И будь-же ты воспѣтъ Поэтомъ-старикомъ:
Мой вялый стихъ, какъ я, тащился-бы ползкомъ —
Ты бодрость далъ ему и разомъ поднялъ въ гору.

Digitized by Google

Журналистъ Фиглярин и Истина.

Онъ точно, онъ безспорно:
Фиглярин Журналистъ,
Марающій задорно
Свой безтолковый листъ!
А это что за дура?
Вѣдь Истина, ей, ей!
Давно-ль его канура
Знакома стала ей?
На чепуху и враки
Чутьемъ наведена,
Занятіямъ мараки
Пришла мѣшать она

Digitized by Google

Мысли Наполеона о Военномъ Искуствѣ.

Иной генералъ объѣдетъ мѣстоположеніе не узнавъ его, а можетъ быть, и зная не имѣетъ способности отгадать его; но геній великихъ предпріятій и великихъ послѣдствій состоитъ особенно въ томъ, чтобы не видя отгадывать.

*

Истинный характеръ всегда оказывается въ великихъ обстоятельствахъ. Есть сонные, которыхъ пробужденіе ужасно. Клеберъ обыкновенно былъ сонный, но при случаяхъ, и всегда при надобности, пробужденіе его было пробужденіемъ льва.

*

Есть генералы, которые умѣютъ вести войну только по большимъ дорогамъ и на разстояніи пушечнаго выстрѣла, тогда, какъ поле ихъ битвы должно-бы занимать все пространство государства.

*

Изобрѣтеніе огнестрѣльныхъ оружій все измѣнило. Великое изобрѣтеніе сіе было однако въ пользу наступающихъ, хотя донынѣ большая часть тактиковъ утверждала противное. Тѣлесныя силы древнихъ были въ соразмѣрности съ ихъ оборонительнымъ и наступательнымъ оружіемъ;

Digitized by Google

наши напротивъ. Нынѣшнія оружія совершенно внѣ нашей сферы.

*

Война состоитъ изъ случайностей, и хотя командующій генералъ долженъ подчинить себя общимъ правиламъ, но онъ никогда не долженъ упускать изъ вида возможности пользоваться случайностями. Люди обыкновенные назовутъ это средство счастіемъ: оно есть достояніе генія.

*

Нынѣ артиллерія рѣшаетъ судьбу армій и государствъ. Нынѣ пушечная пальба тоже что бывалъ прежде рукопашный бой. Въ сраженіи и въ осадахъ искуство состоитъ въ сосредоточеніи большаго огня на одну точку. Кто умѣетъ быстро и скрытно отъ непріятеля привесть на одинъ изъ своихъ пунктовъ нечаянную массу артиллеріи, можетъ быть увѣренъ въ успѣхѣ. Это великая тайна высшей тактики.

*

Не можетъ быть *настоящаго* войска безъ преобразованія обычаевъ и воспитанія солдатъ, а можетъ быть и самыхъ офицеровъ. Не можетъ быть его съ нашими печами, магазейнами, управленіемъ, обозами. Оно будетъ только тогда, когда, по примѣру Римлянъ, солдатъ получитъ свое зерно, будетъ имѣть ручную мѣльницу и станетъ печь себѣ хлѣбъ на ружейномъ огнивѣ.

*

Digitized by Google

Можно-бы ввести новую оборонительную систему, совершенно противную нашимъ принятымъ правиламъ. Наши крѣпостныя орудія большаго калибра должно выдвинуть ближе къ непріятелю, за магистральную линію, и напротивъ магистраль защищать множествомъ орудій полевой удободвижимой артиллеріи. Такимъ образомъ непріятель былъ-бы вдругъ, въ самомъ началѣ своихъ дѣйствій остановленъ, тогда какъ онъ имѣетъ только одни орудія малаго калибра для нападенія на орудія большаго. Онъ почувствовалъ-бы превосходство крѣпостныхъ орудій, къ которымъ прильнуло-бы множество малыхъ; часть ихъ высыпала-бы въ стрѣлки, и по своей удободвижимости могла-бы слѣдить за всѣми движеніями непріятеля. Тогда ему необходима будетъ осадная артиллерія; ему должно будетъ открыть транкшею: можно у него выиграть время, и истинная цѣль выполнена. Средство сіе было употреблено при защитѣ Вѣны и Дрездена, къ величайшему удивленію всѣхъ инженеровъ.

*

Успѣхъ нечаяннаго нападенія (coup de main) совершенно зависитъ отъ счастія. . . отъ собаки . . . отъ гусей.

*

Занимая важное мѣсто, столь-же виновно слушаться того, кто не имѣетъ

Digitized by Google

права приказывать, сколько ослушаться настоящаго начальника.

*

Участь сраженія зависитъ отъ одного мгновенія, отъ одной мысли. Сошлисъ съ разными соображеніями, смѣшались, бой длится, является рѣшительная минута: умственная искра рѣшаетъ . . . малый резервъ доканчиваетъ.

*

Рѣдко можно и весьма трудно соединить всѣ достоинства великаго генерала. Что болѣе всего желательно и что тотчасъ вывело-бы человѣка изъ рядовъ, это — *равновѣсіе ума и характера съ храбростью*. Надобно быть *квадратнаго* достоинства. Когда храбрость превосходитъ, предпріятія генерала неосновательны: они выше его соображеній; напротивъ, онъ не осмѣлится ихъ выполнить совершенно, если характеръ и храбрость его ниже ума.

*

Нравственное мужество рѣдко, находятъ въ два часа по полуночи, т. е. мужество внезапное, которое, не смотря на самое неожиданное происшествіе, сохранило-бы дневную свободу ума, разсудка и рѣшимости.

*

Digitized by Google

Рѣдко постигаютъ силу души необходимую, дабы съ яснымъ понятіемъ о послѣдствіяхъ дать одно изъ тѣхъ огромныхъ сраженій, отъ которыхъ зависитъ судьба арміи, государства и престола. Вотъ почему генералы не спѣшатъ давать сраженій. Они хорошо избираютъ мѣстность, хорошо занимаютъ ее, обдумываютъ свое соображеніе: тутъ начинаются ихъ сомнѣнія. Ничего труднѣе и ничего важнѣе — умѣть рѣшиться.

*

Силу крѣпости опредѣлить трудно; она зависитъ не отъ собственныхъ средствъ, но отъ обстоятельствъ постороннихъ, неопредѣлительныхъ.

*

Гибралтаръ не приноситъ никакой пользы. Онъ ничего не защищаетъ, ничего не прерываетъ. Онъ только предметъ національнаго самолюбія, дорого стоитъ Англіи и оскорбляетъ Испанію.

*

Есть въ Ролленѣ, даже и въ Цезарѣ, обстоятельства войны съ Галлами, которыя непостижимы. Нашествіе Швейцаровъ непонятно, по направленію ими избранному, по цѣли имъ приписанной, по времени ими употребленному для переправы черезъ Саону, по скорости Цезаря, съ которою онъ успѣлъ сходить за войсками въ Италію до Аквилеи, и по тому, что

Digitized by Google

возвратясь нашелъ онъ Швейцаровъ на той же переправѣ. Также странно представить себѣ, какимъ образомъ занимали зимнія квартиры отъ Требіи до Ванны; какъ вожди требовали отъ своихъ солдатъ рвовъ, стѣнъ, галлерей, башенъ и проч. Тогда всѣ усилія были собственнымъ трудомъ и были на мѣстѣ; въ наше время они состоятъ въ транспортахъ. Древніе солдаты работали больше нашихъ.

*

Древняя Исторія велика и образъ войны часто измѣнялся. Въ наше время онъ уже не тотъ, который былъ при Тюренѣ и Вобанѣ. Нынѣ полевыя укрѣпленія почти не нужны; даже система нашихъ крѣпостей проблемматическая и безъ дѣйствія. Бомбы и гранаты все измѣнили. Теперь должно защищаться не противъ прямыхъ, но противъ навѣсныхъ и продольныхъ выстрѣловъ. Теперь ни одна старинная крѣпость необезпечена. Всѣ онѣ не въ состояніи держаться, и ни одно государство не въ состояніи ихъ содержать. Доходовъ Франціи не достанетъ на Фландрскую линію. Наружное укрѣпленіе нынѣ *стоитъ* только четвертую или пятую часть всѣхъ издержекъ. Казематы, магазейны, строенія прикрытыя отъ дѣйствія бомбъ, вотъ что нынѣ необходимо и для чего недостаточно никакихъ средствъ. Не льзя не пожаловаться на сла-

Digitized by Google

бость нынѣшней каменной работы. Въ инженерствѣ большой недостатокъ на сей счетъ. Часто великія суммы тратятъ напрасно.

*

Есть правила, которыя никогда не могутъ быть употреблены; другія, употребленныя безъ разбора, могутъ быть причиною погибели арміи.

*

Римляне имѣли одинъ боевой порядокъ, но со времени изобрѣтенія огнестрѣльныхъ оружій, средства занять позицію, для лагеря или для сраженія, до такой степени зависятъ отъ различныхъ обстоятельствъ, что они измѣняются вмѣстѣ съ обстоятельствами. Есть нѣсколько средствъ занять извѣстную мѣстность: глазомѣръ, опытность и геній главнокомандующаго опредѣляютъ оныя. Это *главное* его дѣло.

*

Хотите-ли знать, какъ даютъ сраженія? Взгляните на сраженія Густава-Адольфа, Тюреня, великаго Конде, Люксембурга, Принца Евгенія, Фридриха. Читайте, обдумывайте описанія 550 сраженій сихъ великихъ полководцовъ.

*

Не одна мѣстность опредѣляетъ боевой порядокъ; онъ долженъ быть опредѣленъ стеченіемъ всѣхъ обстоятельствъ.

*

Digitized by Google

Не льзя опредѣлить ни одного постояннаго боеваго порядка.

*

Искуство занять лагерь на выгодной мѣстности есть нѣчто иное, какъ искуство занять боевую черту на полѣ. Надобно, чтобы всѣ орудія были въ дѣлѣ и хорошо поставлены; надобно, чтобы занятая мѣстность не была командуема, взята во флангъ, обойдена. Она должна сколько возможно командовать, брать во флангъ, обходить непріятельскую.

*

Полевыя укрѣпленія всегда полезны и никогда не вредны, если они хорошо соображены.

*

Правила полевой фортификаціи должны быть усовершенствованы. Сія часть Военнаго Искуства способна еще къ большимъ улучшеніямъ. Если орудія не въ редутахъ, то непріятель удачною кавалерійскою аттакою можетъ ими завладѣть. Баттареи должны быть устроены на мѣстѣ самомъ удобнѣйшемъ, и сколько возможно впереди линій пѣхоты и конницы, однако не нарушая ихъ безопасности. Хорошо, чтобы они командовали полемъ съ высоты платформы; не должно ихъ заслонять, дабы можно было направлять на всѣ стороны.

*

Digitized by Google

Каковъ долженъ быть солдатъ? Храбръ, удободвижимъ, ловокъ.

✱

Трусость врожденна или нѣтъ? Вопросъ психологическій! При звукѣ трубъ и лошадь ржетъ, играетъ, горитъ огнемъ.

✱

Дисциплина привязываетъ войско къ знаменамъ, но не рѣчи во время боя дѣлаютъ храбрыми. Старые солдаты едва ихъ слушаютъ, молодые забываютъ при первомъ выстрѣлѣ. Ни одна рѣчь Тита-Ливія не была произнесена полководцомъ, потому что ни одна изъ нихъ не имѣетъ печати внезапности. Знакъ, движеніе генерала, любимаго, уважаемаго войскомъ, лучше самой краснорѣчивой рѣчи. Если рѣчи и разсужденія бываютъ полезны, то это въ походѣ, дабы уничтожить предположенія, пустые толки, поддержать духъ въ лагерѣ, снабжать биваки разговорами. Печатный приказъ полезнѣе краснорѣчивыхъ рѣчей древностей.

✱

Греки въ войскѣ Александра были привержены къ его видамъ; Швейцары въ службѣ Французской, Испанской, Италіянской не были привержены къ государственнымъ видамъ; войско великаго Фридриха, составленное, большею частью, изъ иностранцовъ, не было привержено къ его видамъ.

Digitized by Google

Хорошій генералъ, хорошая основа войскъ, хорошія образованія, хорошія постановленія, хорошая и строгая дисциплина дѣлаютъ войски хорошими, а не цѣль, для которой они дерутся. Справедливо и то, что вѣра, любовь къ отечеству, къ славѣ народной могутъ одушевить молодое войско.

*

Всякая наступательная война есть нашествіе. Всякая война, ведомая согласно съ правилами науки, есть война методическая. Планъ похода измѣняется до безконечности, смотря по обстоятельствамъ, дарованію полководца, роду войскъ и мѣстоположенію. Планы войнъ бываютъ двухъ родовъ: дурные и хорошіе. Иногда хорошіе неудаются отъ обстоятельствъ внезапныхъ; иногда дурные удаются.

*

Войны Чингисъ-Хана и Тамерлана были методическія, потому что онѣ были сообразны съ правилами войны и обдуманы, потому что предпріятія ихъ были въ соотношеніи съ числомъ войскъ. Одежда великана не годится пигмею.

*

Устройство Англійской арміи дурно. Доказательства: 1е, наборъ рекрутъ производится за деньги и весьма часто армія наполняются тюремными арестантами; 2е, сей родъ солдатъ доставляетъ унтеръ-офицеровъ дурныхъ, почему число офице-

Digitized by Google

ровъ должно умножаться сверхъ всякой мѣры; 3 е, дисциплина ихъ не хороша; 4 е, за арміею идутъ жены и дѣти сотнями (ни въ одной арміи другихъ народовъ нѣтъ такого огромнаго обоза); 5 е, офицерскія званія продаются: взводы, роты, баталіоны покупаются; 6 е, офицеръ можетъ быть въ одно время маіоромъ въ арміи и капитаномъ въ своемъ полку. Вотъ странности, совершенно противныя духу войны!

*

Тому 150 лѣтъ, какъ Вобанъ вывелъ изъ употребленія во всѣхъ Европейскихъ арміяхъ копья и пики, и замѣнилъ ихъ ружьями со штыками. Вся пѣхота сдѣлалась легкою. Она назначена открывать и удерживать непріятеля. Съ тѣхъ поръ пѣхота сдѣлалась только одного рода. Наполеонъ устроилъ роты волтижёровъ, вооружилъ ихъ драгунскими ружьями, для того, чтобы они замѣнили стрѣлковые взводы. Онъ назначилъ для этого людей малорослыхъ. Установленіе это наградило старыхъ солдатъ, которые, по росту своему не могли поступить въ гренадерскія роты, а по храбрости своей достойны были зачислиться въ избранные. Средство было важно, дабы ввесть соревнованіе между великанами и пигмеями. Если бы въ арміи были люди разныхъ цвѣтовъ, тогда должно-бъ было собрать роты изъ бѣлыхъ и черныхъ. Въ государствѣ, гдѣ

Digitized by Google

были-бы жители цѣлыхъ областей кривые и горбатые, можно-бы извлечь выгоды, составя роты горбатыхъ и кривыхъ.

*

Пять вещей долженъ солдатъ во всякомъ случаѣ имѣть при себѣ: ружье, патроны, ранецъ, на четыре дня провіанту и піонерный инструментъ. Уменьшите поклажу ранца: солдату надобно рубашку, пару сапоговъ, галстухъ, огниво. Ранецъ всегда долженъ быть съ солдатомъ. Если онъ оставитъ его, то уже никогда не найдетъ. Теорія не практика войны.

*

Всѣ ротные счеты должны быть у фельдфебеля. Званіе офицера было-бы унижено, если-бы онъ вмѣшивался въ денежныя дѣла солдатъ. На фельдфебеля можно жаловаться офицеру; но сколь унизительно будетъ, если солдаты, увлеченные подозрѣніемъ, пожалуются капитану на офицера, его товарища, съ которымъ онъ вмѣстѣ живетъ и ѣстъ. Безъ сомнѣнія, ни одинъ офицеръ не будетъ столь низокъ, чтобы пользоваться невѣжествомъ солдатъ; но простой народъ съ природы подозрителенъ, и совершенное почтеніе, котораго требуетъ дисциплина, будетъ нарушено, когда офицеръ унизится въ ряды солдатъ.

(Съ Франц. М.)

Digitized by Google

Дядюшка,

или

въ наше время все было лучше.

»Такъ, братецъ! всегда за Французскими книгами!« сказалъ Ленскому старикъ дядя, посѣтивъ его поутру. »Да скоро-ли вы начитаетесь? Что за охота молодымъ людямъ набивать свои головы галиматьей одурѣлыхъ Французовъ? Вотъ, и мой сынъ Сенюшка, точь въ точь такой-же! Пора-бы выучиться. Въ наше время все было лучше. Я, братецъ, самъ учился . . . Вѣдь былъ старшій сынъ въ дворянской фамиліи, а потому покойный батюшка нанялъ для меня учителя изъ бывшей Землемѣрской Школы: тогда учители были лучше, да и дешевле. Ѳома Тарасьичъ былъ нрава тихаго, человѣкъ дородный, капли въ ротъ не бралъ, и обучалъ меня граматѣ, Ариѳметикѣ и даже отчасти Полевой Фортификаціи. Я потомъ поступилъ въ службу, былъ гвардіи офицеромъ и Божіею волею теперь Бригадиръ, а безъ вашего Французскаго языка и безъ траты денегъ на книги. Отъ нихъ, братецъ, вамъ вредъ, отцамъ раззореніе, а только Французамъ нажива! Нынче, братецъ, не то что въ старину бывало. Плохія времена! Да, кстати, братецъ, скажи мнѣ, былъ-ли ты вчера въ . . . . ?«

Digitized by Google

— Нѣтъ, дядюшка!

»Стыдно, братецъ, стыдно, весьма стыдно! Тамъ собирается все лучшее и вамъ молодымъ людямъ не худо-бы почаще являться. Вы-бы могли знакомиться съ людьми дѣловыми; ну, отъ книгъ, братъ, пользы мало, а люди всегда полезны: и въ службѣ, и въ отставкѣ, и въ случаѣ тяжбы, тожъ и для женитьбы! Мы въ наше время никогда ничѣмъ не пренебрегали. Правда, вчера я самъ, въ первый разъ въ продолженіе двадцати лѣтъ моего пребыванія въ Москвѣ пропустилъ вечеръ; да что дѣлать? Графъ Ѳеклистъ Ѳедоровичъ звалъ меня на вистъ, засидѣлся . . . . Славный человѣкъ, братецъ! такихъ немного: съ вѣсомъ, съ знатными въ родствѣ, однѣхъ медалей три; ну, былъ, знаешь, хорошо принятъ вездѣ, и можетъ быть полезенъ во всякомъ случаѣ: всѣ его любятъ, уважаютъ. Мы служили вмѣстѣ; правда, онъ двумя годами старше меня. Онъ былъ выпущенъ въ армію Секундъ-Маіоромъ, а я щедротами благодѣтелей былъ тогда Генеральсъ-Адъютантъ, во второй кавалерійской инспекціи . . . . Ба, ба! да, скоро часъ братецъ! Гдѣ ты обѣдаешь?«

— По обыкновенію дома.

»Братецъ! это предурное обыкновеніе и стыдно молодому человѣку обѣдать дома . . . въ наше время этого не бывало!

Здѣсь не Петербургъ: у всѣхъ есть обѣдъ; всѣ рады молодёжи; да правда, вѣдь нашъ Московскій обѣдъ вамъ не по вкусу . . . Не удивительно; нынче и желудки не тѣ, что были въ старые годы. Все вамъ надобно Французское . . . супы съ виномъ, соусы съ приправами, все трюфели . . . Ну, братецъ, такъ я тебѣ сего дня удружу. Я тебя повезу къ Князю Сидору Сидорычу: онъ хлѣбосолъ, у него и домъ съ хорами и по четвергамъ столъ, славный поваръ, 20 блюдъ, полпиво Мартовское, а вино прямо изъ Риги.«

— Радъ сдѣлать вамъ угодное, почтительно сказалъ Ленскій, видя невозможность отказаться отъ предложенія дяди, которое у стариковъ всегда походитъ на требованіе. Впрочемъ, Ленскій любилъ иногда своимъ днемъ жертвовать старымъ Московскимъ родственникамъ, хотя ни отъ кого не ждалъ наслѣдства. Виды корыстолюбія были всегда чужды благородной душѣ его; но онъ любилъ наблюдать и замѣчать образъ жизни, образъ мыслей, нравы и просвѣщеніе. Дядюшка Ленскаго, сверхъ обыкновенной страсти старика хулить современное и хвалить свой вѣкъ, принадлежалъ еще къ числу (такъ называющихъ себя) политиковъ, *резонёровъ*, и часто собирался около него кружокъ, когда онъ критически перебиралъ и людей и дѣянія ихъ. Мнѣнія его имѣли нѣкоторую важность между совре-

менниками. Онъ любилъ толковать о Политикѣ; въ газетахъ выискивалъ чего и не бывало въ нихъ, и съ важностію повторялъ при самой невинной статейкѣ: »*Хмъ! тутъ что-то есть!*« Часто пускался онъ въ предсказанія . . . хотя все его вліяніе на другихъ было основано только на томъ, что во время отечественной войны у него перваго, послѣ Генералъ-Губернатора, были реляціи и Прибавленія къ Сыну Отечества. На дѣлѣ доказывалъ онъ любовь свою къ отечеству тѣмъ, что любилъ все Русское, все народное: квасъ, ботвинью, пироги, и Донское вино предпочиталъ Шампанскому. Сверхъ того, по древнему обычаю, онъ держалъ иноходцовъ, рысаковъ; въ одной деревнѣ была у него огромная псарня и на всѣхъ деревняхъ много долговъ; онъ ничего не читалъ кромѣ газетъ и газетныхъ объявленій, вечера проводилъ за вистомъ, былъ гордъ съ людьми небольшими, искателенъ и услужливъ между знатными, однимъ словомъ: онъ полагалъ, что имѣлъ всѣ права на общее уваженіе и горделиво называлъ себя *настоящимъ Русскимъ бариномъ*.

Почтенный Бригадиръ замолчалъ и началъ дѣлать смотръ книгамъ Ленскаго. Переворачивая листки, къ каждой книгѣ пришептывалъ онъ свое бригадирское сужденіе. »Вотъ это вѣрно о какомъ нибудь сорванцѣ Французѣ! Вотъ это вѣрно сочиненіе безбожника Руссо!« И вдругъ подхваша

толстую Астрономію съ рисунками, старикъ голосомъ обиженнаго воскликнулъ: »О! это проклятый Вольтеръ!« Вмѣсто краснаго переплета надѣлъ-бы я на него красную шапку!« Такова бываетъ участь наукъ, ученыхъ и людей высшаго сословія, на которыхъ лежатъ своды общественнаго зданія! Если-бы люди ознаменовавшіе себя на поприщѣ ума сочиняли книги о псовой охотѣ, о лучшихъ средствахъ гнать вино изъ меньшаго количества хлѣба, объ удобнѣйшихъ мѣрахъ сбирать оброкъ, то благодарные читатели часто не имѣли-бы о нихъ оскорбительнаго мнѣнія, прославляли-бы ихъ имена и воздвигали-бы имъ памятники, какъ блюстителямъ выгодъ *капитальныхъ*.

Между тѣмъ Ленскій одѣвался, а старый дядя продолжалъ дѣлать свои замѣчанія и бранить все, что встрѣчалось его глазамъ! »Зачѣмъ, братецъ, этѣ баночки, этѣ сткляночки? Зачѣмъ, братецъ, этѣ гребенки, щеточки? Зачѣмъ мыться такими душистыми водами? Зачѣмъ эти модные галстухи, эти куцые фраки . . . . Ну, зачѣмъ, братецъ, ты надѣваешь кожи?

— Я думалъ, дядюшка, что вы передъ обѣдомъ любите походить.

»Знаю, молодые люди! Хочется забѣжать на Кузнецкій мостъ, къ какой нибудь мадамѣ . . . Оно и простительно . . . да зачѣмъ-же увѣрять насъ, что гулянье

Digitized by Google

нужно для здоровья? Вздоръ, братецъ! Въ наше время мы были здоровы и безъ гулянья. Поѣдемъ! У меня есть карета. Дворянину стыдно ходить пѣшкомъ; въ наше время и на ординарцы ѣзжали мы въ экипажѣ.

На дядюшку надѣли черные плисовые сапоги, огромную медвѣжью шубу, на которой, во многихъ мѣстахъ, немилосердая рука времени сдѣлала такія-же лысины, какая была на головѣ хозяина шубы; онъ прикрылъ свою тумаковымъ картузомъ, на макушкѣ котораго висѣла большая шелковая кисть. Съ лѣстницы повели его два па́рные лакея, въ гербовой ливреѣ, весьма сомнительнаго цвѣта, обшитой галуномъ, весьма сомнительнаго металла. Съ трудомъ посадили его въ карету, похожую на тѣ экипажи, въ которыхъ возятъ въ театръ контръ-басъ.

„Братецъ! въ наше время все было лучше!" продолжалъ старикъ, „на примѣръ: вотъ эта двумѣстная карета. Я купилъ ее за 200 руб. въ Петербургѣ, когда щедротами благодѣтелей произвели меня въ гвардіи офицеры. Я жилъ тогда въ полку, въ 13-й ротѣ; у меня былъ цугъ моренкопфъ. И! братецъ, бывало поѣдешь къ выходу съ гусарами, гайдуками, скороходами! Всякій видитъ, что ѣдетъ Русскій дворянинъ, а нынѣче на что похоже? . . . И Нѣмецъ дядька, и дворянинъ, и каммердинеръ, и сынъ заслуженнаго Бри-

Digitized by Google

гадира ѣдутъ — все одно! Для насъ стариковъ удивительно и обидно. . . Никуда негодится образъ вашихъ мыслей: нѣтъ той благородной гордости, которая всегда отличала Русскихъ дворянъ; проклятый Вольтеръ всѣхъ сравнялъ: все Французы . . . все Кузнецкій мостъ! Ну, вотъ, въ наше время жила въ Петербургѣ мадамъ N. N., на Фурштатской, женщина прекрасная собой (да это другое дѣло): она была въ связи съ Графомъ Звоновымъ, который былъ тогда въ случаѣ; къ ней собирались гвардіи офицеры . . . ну, все лучшее дворянство, и въ день ея именинъ, рожденія и передъ новымъ годомъ, каждый приваживалъ ей богатый подарокъ. Часто, братецъ, мадамъ N. N. изволила кататься въ моей двумѣстной каретѣ . . . Это вѣдь была особенная милость ея и доказательство. . .

— Антонъ Антоновичъ приказалъ вамъ кланяться, узнать о здоровьи и приказалъ спросить: изволили-ль вы, дескать, быть вчерась на аукціонѣ? громогласно прокричалъ лакей, остановивъ карету противъ другой, поравнявшейся съ нею. Старики раскланялись.

„Скажи Антону Антоновичу, что Сидоръ Семеновичъ приказалъ доложить, что ему есть легче, а на аукціонѣ, дескать, не былъ. Говорятъ, лошади не тѣ, что были въ наше время, а мнѣ дескать, Антонъ Антоновичъ, самому привели изъ деревни

ремонтъ отъ Эклипса, Трофоніуса и Синкбара, котораго покойный Графъ, по особой своей милости ко мнѣ, изволилъ мнѣ подарить. Да, кстати, братецъ, попроси Антона Антоновича прислать Лазарыча . . . хочется сбыть Гришку повара: запилъ проклятый, а здоровый собой . . . годится въ лакеи . . .« Старики поклонились, карета тронулась.

„Скучно, братецъ! и лакеи-то стали хуже, не то что въ наше время. Велѣлъ было Гришкѣ изготовить обѣдъ, хотѣлось угостить двухъ Совѣтниковъ . . . а онъ мертвецки напился . . . Загадка . . . . гдѣ беретъ деньги? . . . Только два съ полтиной жалованья получаетъ. У меня, братецъ, исковое дѣло, а ныньче не то что въ старые годы; хоть и говорится пословица: не бойся судьи, бойся закона; ну, да бывало въ наше время попросимъ Генералъ - Прокурорскую родню или мадамъ N. N. и дѣло въ шляпѣ! И немудрено: люди были изъ лучшихъ Русскихъ фамилій. Я знаю по опыту. Мнѣ досталось наслѣдство послѣ покойницы сестрицы . . . . нашлись другіе родственники . . . дѣло шло своимъ порядкомъ . . . . а я будучи, щедротами благодѣтелей, гвардіи офицеромъ, имѣлъ входъ въ лучшіе домы. Мнѣ посовѣтовали подарить Графу N. N. курьёзную моську и Тишку, моего карлу, а камердинеру Его Сіятельства гранитуру на кафтанъ — и братецъ, дѣло рѣшили

Digitized by Google

въ мою пользу. А нынѣ судись, судись.. судьи и прокуроры какіе-то *парвеню*; иные даже и по-Русски плохо говорятъ: нѣкого позапросить. Нынѣ уже протекція ни къ чему: говори судьѣ про Графа и про Князя, а у него все свое: *законъ! законъ!* Нѣтъ, братецъ! въ наше время все лучше было.... Теперь все говорятъ: отечество! а и разговоровъ только что Бонапартъ, да Бонапартъ! Вольнодумство, сударь, вольнодумство! Гей, гей, малой! постой, постой! Кажется, карета Князя Дениса Денисыча!«

— Такъ точно, сударь!

»Подъѣзжай къ мѣняльной лавкѣ, отвори, выпусти . . . Здравствуйте, почтеннѣйшій Сіятельнѣйшій Князь!«

— Здравствуйте Сидоръ Семеновичъ! Какова ваша подагра?

»Плоха батюшка, плоха; а вы какъ-съ?«

— Да, мучитъ порой, а теперь, слава Богу!

»А я все таки съ просьбой къ Вашему Сіятельству, съ покорнѣйшей, всенижайшей; надѣюсь, по милости Вашего Сіятельства, не откажете.

— А въ чемъ, любезнѣйшій? Радъ служить. . . .

»Завтра пожаловать на перепелки.«

— Буду-съ, почтеннѣйшій Сидоръ Семеновичъ, буду-съ.

»Славныя, жирныя, изъ Рязанской деревни привезли: удостойте!«

Digitized by Google

— Буду-съ, буду-съ, непремѣнно буду-съ.

»Вотъ, братецъ, человѣкъ нашего вѣка,« продолжалъ старикъ, усѣвшись въ каретѣ. »Онъ старѣе меня двумя годами . . . человѣкъ — ума палата! Онъ, братецъ, служилъ сначала въ Лейбъ, и по протекціи покойнаго Свѣтлѣйшаго выпущенъ Маіоромъ въ Пикинерный полкъ. Былъ человѣкъ небогатый и по просьбѣ тетушки его Княгини Ульяны Дементьевны ему скоро дали полкъ, служилъ на линіи, былъ Дежуръ-Маіоромъ и всемилостивѣйше уволенъ отъ исполненія воинскихъ должностей вскорѣ. По прошенію одного родственника помѣщенъ онъ потомъ по провіантскимъ дѣламъ. Онъ, братецъ, ничего кажется, такъ, но въ 1812 году, когда Бонапартъ наступилъ съ двадесятью языками, Его Сіятельство, не смотря на сѣдины свои и сильную подагру, немедленно ополчился. Пріятно было видѣть въ сѣренькой черкескѣ готоваго лѣзть на баттарею! Вотъ патріотизмъ, вотъ любовь къ отечеству! За то и удостоился получить дворянскую медаль, съ ношеніемъ на Владимірской лентѣ. Что, братецъ, у васъ нынѣче хвастаются службой? Все не то, какъ было въ наше время . . . . Пугачевъ-то, братецъ, не то что Бонапартъ, да былъ Рускій, такъ мало и говорятъ. Нашъ образъ мыслей у васъ теперь вовсе негодится, а въ старину иначе думали, и мы

въ чести были. Я помню, братецъ, какъ бывало покойный Графъ Ястребовъ (который былъ тогда въ форсѣ) пришлетъ ко мнѣ скорохода съ своеручной запиской (да! съ своеручной, сударь!) попросить меня на травлю; это вѣдь была особая милость Его Сіятельства: приглашались гвардія офицеры и лучшее дворянство. Какъ теперь помню, у Его Сіятельства былъ любимый половосѣрый кобель (помнится: *Быстрый* или *Залетный*): его подарилъ ему, въ знакъ совершеннаго почтенія, Щучкинъ, служившій тогда въ Камеральномъ Судѣ, а такъ какъ Графъ-то не любилъ быть въ долгу, то Щучкинъ скоро и получилъ Воеводство, въ Нижнемъ, помнится.... Вельможа былъ, братецъ!... Ахъ! ахъ!« вдругъ закричалъ старикъ, не докончивъ своего разговора. Карета лежала на боку, и не мудрено: задняя рессора изломалась. Ленскій попался внизъ и страдалъ отъ дяди и тяжелаго его медвѣдя; съ великимъ трудомъ слуги вытащили своего барина. »Вотъ нынѣшнія распоряженія!« горячо воскликнулъ старикъ, »я давно говорилъ, что не должно дѣлать этѣхъ тряскихъ мостовыхъ! Ѣздить не возможно въ каретахъ; мой двумѣстный дормезъ 60 лѣтъ служилъ безъ починокъ, не выскочилъ ни одинъ винтъ, а теперь хоть брось! О добрая старина! То-ли было тогда: бывало катаешься безъ мостовыхъ какъ по столу, а теперь, по новому мане-

Digitized by Google

ру въ Москвѣ, все передѣлали, вымостили . . . . пришлось на старости лѣтъ ходить пѣшкомъ . . . Да и какъ не ходить? Все для пѣшеходцовъ, вездѣ эти бенуяры. . . «

— Вы хотите сказать: троттуары?

»Все равно, братецъ, я всегда путаю троттуары, булевары, бенуяры! И улицы-то переименовали на Французскій ладъ. . . .«

Къ счастію, домъ Князя Сидора Сидоровича былъ уже близокъ, и Ленскій порадовался видя путешествіе свое оконченнымъ. Говорятъ, что онъ закаялся въ другой разъ пускаться въ путь съ своимъ дядюшкой.

Полиметры.

(Жанъ-Поль Рихтера.)

Человѣческое сердце.

Мнѣ снилось, что былъ я несказанно блаженъ; но безъ предметовъ видимыхъ, безъ всего, безъ Я, и радость была само Я. Когда я проснулся, шумѣла и горѣла вокругъ меня весна съ своими веселыми потоками, какъ водопадъ, озаренный утреннимъ солнцемъ, земля казалась открытымъ божественнымъ пиромъ и все было цвѣтъ, звукъ, благовоніе и веселіе. Въ слезахъ радостныхъ открылъ я взоръ свой и жалѣлъ о минувшихъ мечтаніяхъ.

Digitized by Google

Человѣческая радость.

Почти всегда между двумя рѣпейниками зрѣетъ ананасъ; но почти всегда между двумя ананасами, между воспоминаніемъ и надеждою, созрѣваетъ тернистое настоящее.

Дубовый лѣсъ.

»Не срубай моего священнаго дубоваго лѣса, гордый человѣкъ!« сказала Дріада, »я тебя строго накажу.« Но онъ его срубилъ. По прошествіи многихъ лѣтъ, долженъ онъ былъ положить свою главу на плаху и пристально всматриваясь въ нее, сказалъ: »*Она дубовая!*«

Стрѣла смерти.

Едва мы начинаемъ жить, судьба спускаетъ изъ вѣчности стрѣлу смерти: она летитъ, пока мы дышемъ, и когда долетитъ до насъ, мы не существуемъ. »Ахъ! если-бы умерли мы въ такихъ-же преклонныхъ лѣтахъ, насладившись жизнію, какъ нашъ *старецъ - юноша!*« говорятъ тѣ, коихъ стрѣлы еще летятъ.

Слезы.

Мы всѣ уже плакали: каждый счастливецъ отъ горя; каждый несчастливецъ отъ радости.

Испытаніе народа.

Посредствомъ сильныхъ зажигательныхъ стеколъ испытываются каменья; завоеваніемъ испытываются народы.

Завоеватель.

О какъ часто сходствуешь ты съ Римомъ! Исполненный завоеванныхъ сокровищъ свѣта, божественныхъ изображеній и величія, онъ окруженъ пустынями и смертію; ничто столько не ужасаетъ въ Римѣ, какъ ядовитыя болота: все пусто и дико и ни одно селеніе не смотритъ на церковь Петра.

Цвѣты на гробѣ дѣвицы.

Сыпьте на него цвѣты, вы цвѣтущія подруги! Бывало, вы ихъ приносили ей при колыбельныхъ праздникахъ. Теперь она празднуетъ высшій: смертный одръ есть колыбель неба.

Времена.

Прошедшее и будущее предъ нами скрываются: одно носитъ вдовье покрывало, а другое дѣвственное.

Поэтъ.

Поэтъ подобенъ струнѣ: онъ самъ себя дѣлаетъ невидимымъ, когда возносится и издаетъ благозвучіе.

Вѣрность.

»О! я живу въ твоихъ очахъ!« сказалъ маленькій братъ, увидя свое изображеніе въ очахъ сестры. — »А я живу въ твоихъ!« промолвила сестра. Правда, пока вы себя видите, думалъ отецъ, и пока очи людей подобны ихъ сердцамъ.

Digitized by Google

Совѣтъ.

Не говорите: мы хотимъ страдать, ибо вы *должны;* но говорите: мы желаемъ дѣйствовать, ибо вы *не должны.*

Политика.

Хотя она скрывается сама, но показываетъ однакожъ свѣту своихъ смертныхъ, поля сраженія, военные города и свои рѣки, которыя, полукровяныя и полуслезныя, извиваются по долинамъ. Такъ скитается въ Римѣ братство тѣней, въ бѣлыхъ муміяхъ: смерть оно носитъ олицетворенною — и полуденное солнце свѣтитъ на холодный, слѣпой ликъ.

Всесущій.

Тысячи солнцевъ пролетаютъ въ одно мгновеніе черезъ поле телескопа (*) и новыя тысячи слѣдуютъ за ними. Всесущій покоится и смотритъ: и солнцы и вселенная пролетаютъ; но ихъ зaристый полетъ для Него есть неподвижный блескъ и предъ Нимъ не колеблется мимолетная вселенная.

(Съ Нѣм. П. Шюцъ.)

(*) Въ четверть часа пролетало 116,000 звѣздъ черезъ поле Гершелева Телескопа. *Лет.*

II. СМѢСЬ.

О портретѣ А. С. Пушкина.

Русскій Живописецъ Тропининъ недавно окончилъ портретъ Пушкина. Пушкинъ изображенъ en trois quarts, въ халатѣ, сидящій подлѣ столика. Сходство портрета съ подлинникомъ поразительно, хотя намъ кажется, что Художникъ не могъ совершенно схватить быстроты взгляда и живаго выраженія лица Поэта. Впрочемъ, физіогномія Пушкина, столь опредѣленная, выразительная, что всякій хорошій живописецъ можетъ схватить ее, вмѣстѣ съ тѣмъ и такъ измѣнчива, зыбка, что трудно предположить, чтобы *одинъ* портретъ Пушкина могъ дать о ней истинное понятіе. Дѣйствительно: геній пламенный, оживляющійся при каждомъ новомъ впечатлѣніи, долженъ измѣнять *выраженіе* лица своего, которое составляетъ душу лица. Не отъ того-ли замѣчаютъ и такое несходство въ лучшихъ портретахъ Байрона, хотя всѣ они имѣютъ нѣчто общее, выражающее подлинникъ?

Портретъ Пушкина, о которомъ мы говоримъ, будетъ отправленъ въ Петербургъ, для выставки въ Академіи. Надѣемся, что знатоки оцѣнятъ превосходную работу сего портрета. Тропининъ извѣстенъ уже публикѣ другими произведеніями своими, за которыя Академія Художествъ приняла его въ число сочленовъ своихъ. Его должно причислить къ числу тѣхъ артистовъ, которые дѣлаютъ честь Отечеству своими необыкновенными талан-

Digitized by Google

тами. Портретъ Пушкина принадлежитъ С. А. Соболевскому.

Журналистика.

Вѣстникъ Европы отъ времени до времени представляетъ читателямъ своимъ весьма любопытныя статьи, въ полной мѣрѣ заслуживающія вниманіе благонамѣренныхъ любителей отечественнаго просвѣщенія. Такъ, на примѣръ, въ No X В. Е. на 1825 годъ, читатели видѣли извѣстіе о *литтераторахъ водочнаго завода Москвы бѣлокаменной* (стр. 152); въ XXI, того-же года, извѣстіе *о постройкѣ телеграфа надъ Бахусовымъ храмомъ* (стр. 72). Не приводя другихъ примѣровъ, скажемъ, что сіи и подобныя имъ статейки любопытно и пріятно читать. *Почтеннѣйшій* Редакторъ Вѣстника исполняетъ совершенно *эпиграфъ* своего Журнала: *полезно, что не слишкомъ*. Въ No 8 сего года (стр. 316 и 317) Редакторъ не лишнимъ почелъ помѣстить ученое извѣстіе о трудахъ Г-на Замятни Кустарнаго. Трудолюбіе, образъ выраженій, все даетъ надежду, что Г-нъ Кустарный со временемъ можетъ быть достойнымъ послѣдователемъ *почтеннѣйшаго* Редактора. Мы видимъ, что Г-нъ Кустарный трудится теперь надъ изслѣдованіемъ одной фразы, взятой изъ Телеграфа. Такая честь, оказанная Телеграфу (повторимъ слова Редактора В. Е., на 241 стр. No VIII го находящіяся) *»да послужитъ свидѣтельствомъ братскаго миролюбія и доброхотства,*

Digitized by Google

рѣдкихъ въ наше время добродѣтелей между соперниками по Журналистикѣ."

Говоря о повременныхъ изданіяхъ, мы вообще не съ большою похвалою отзывались о Журналахъ (такъ называемыхъ) *дамскихъ*: говоримъ объ иностранныхъ, ибо Русскій Дамскій Журналъ изъ управы (разумѣется, управы *литтературной*) вышелъ по всему. Защитники дамскихъ Журналовъ увѣряютъ, что судя относительно по предмету назначенія ничего лучше сдѣлать не возможно и не для чего. Не соглашаемся ни съ тѣмъ, ни съ другимъ. Картинки модъ главная цѣль сихъ журналовъ, говорятъ намъ: остальное все идетъ въ добавку. Но почему картинки *главная* цѣль? Почему не *послѣдняя?* Никто вамъ не велитъ подчивать милыхъ читательницъ Историческо-Статистическо-Археологическими статьями, но для чего думать, что дамы не прочитаютъ съ удовольствіемъ хорошо написанной повѣсти, изящнаго стихотворенія, не поблагодаритъ издателя за шутку, за анекдотъ умно разсказанный, не взглянутъ на разборъ романа, на извлеченіе изъ него? Словомъ, для чего вмѣсто *дамскаго* не издавать просто *литтературнаго* изящнаго Журнала? Если не побоитесь, включите иногда въ Журналъ замѣчаніе и наставленіе полезное. Не пугайте только дамъ, не говорите съ ними языкомъ заказнаго гувернёра, сухаго педагога, угрюмаго наставника; разумѣется, что и скучнаго дамы не станутъ читать: въ будуарѣ Аспазіи Сократъ философствовалъ шутя. Будь издаваемъ на такомъ основаніи дамскій Журналъ, будь при немъ картин-

Digitized by Google

ки *последнею* цѣлію, и можно поручиться, что дамы будутъ подписываться на него не для однѣхъ картинокъ, и литтераторъ заглянетъ въ него съ удовольствіемъ. Приведемъ примѣръ: мы видѣли нѣсколько книжекъ Польскаго Журнала, издаваемаго въ Варшавѣ для дѣтей, издаваемаго дамою, и слышали, что и литтераторы читаютъ его, любуясь занимательностью содержанія и прелестнымъ слогомъ.

Но если главная цѣль картинки модъ, для чего не издавать уже однѣхъ картинокъ съ описаніемъ модъ, и только? Нѣтъ! издатели дамскихъ Журналовъ мимоходомъ бросаются и въ Литтературу, и смѣша литтераторовъ, надоѣдаютъ дамамъ. Тутъ дѣло не въ томъ, *что* дѣлаютъ, но *какъ* дѣлаютъ.

Недавно мы перебрали нѣсколько разноплеменныхъ дамскихъ Журналовъ, за два послѣдніе года, и ни однимъ изъ нихъ не остались довольны вполнѣ. Кажется, лучше всѣхъ въ Европѣ выходящихъ: Lady's Magazine (*Дамскій Магазинъ*), Англійскій журналъ, издаваемый въ Лондонѣ, каждый мѣсяцъ по книжкѣ, съ превосходными гравированными картинками (по двѣ въ каждой книжкѣ), съ портретами и съ картинками модъ. Моды все *Англійскія:* о Французскихъ и Нѣмецкихъ говорится мимоходомъ; Англичанки не хотятъ повиноваться уставамъ Парижскихъ модныхъ торговокъ и слушаютъ разсказы о Парижскихъ беретахъ и тюрбанахъ, какъ разсказы о башмачкахъ Пекинскихъ красавицъ. Журналъ печатается на лучшей веленевой бумагѣ. Содержаніе его разнообразно и довольно занимательно: повѣсти, стихи, разборы и извлеченія изъ книгъ, не чуждыхъ по чему-либо чтенія прекраснаго пола, новости, из-

Digitized by Google

вѣстія о театрахъ Лондонскихъ и иностранныхъ, историческія событія, біографіи современниковъ, обращающихъ на себя всеобщее вниманіе, словомъ: все что можетъ занять, наставить легко, необременительно, не исключается изъ Журнала. Англійскіе Редакторы не наполняютъ книжекъ литтературными ссорами; жаль только, что литтературная проза и стихи помѣщаются у нихъ не съ большимъ выборомъ; но все, повторяемъ, Англійскій, лучшій изъ всѣхъ дамскихъ журналовъ.

Судя по великолѣпному названію многаго можно-бы ожидать отъ *Вѣнскаго Журнала Искуствъ*, *Литтературы*, *Театра* и *Модъ* (Wiener Zeitschrift für Kunst, Literatur, Theater und Mode). Мы думали поживиться въ немъ не одними извѣстіями о модахъ; получивъ теперь болѣе 50 нумеровъ и пробѣжавъ ихъ, едва-ли станемъ читать остальные и едва-ли посовѣтуемъ подписываться: одинъ изъ самыхъ пустыхъ журналовъ. Нѣкто *Шикъ* издаетъ его; каждую недѣлю выходитъ три No; каждый No состоитъ изъ полулиста и болѣе. Бумага веленевая, картинки модъ гравированы Штеберомъ и прекрасно. Моды все Вѣнскія, но онѣ подражаніе Парижскимъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, и не всегда въ похвалу вкуса Нѣмецкихъ щеголихъ и щеголей. Содержаніе Журнала смѣсь стиховъ, прозы и всякой всячины: скучныя повѣсти, шарады, логогрифы, Gelegenheitsgedichte; извѣстія о Нѣмецкихъ театрахъ, о нѣкоторыхъ книгахъ: сухо, безъ выбора и безъ старанія. Не льзя не смѣяться, найдя въ этомъ Журналѣ *Письма изъ Бразиліи*, совсѣмъ *не-дамскую* и вмѣстѣ съ тѣмъ *не-ученую* статью (хотя Г-нъ Шикъ и называетъ эти письма höchstgehaltreichen und inte-

ressanten) и описаніе солнечной системы, занявшее 5 No и выбранное Астрономомъ Литтровомъ, вѣроятно, изъ какой нибудь учебной Астрономіи. Повѣсти, по видимому одно изъ любимыхъ чтеній Нѣмецкой публики, вообще нынѣ такъ упали въ Германіи, что рѣдкую дочитаешь до конца. За Клауреномъ, Цшокке, Вандерфельдомъ и Гофманомъ тянется безконечный рядъ подражателей и большею частію пренесчастныхъ. Альманахи и Журналы обременены повѣстями и не льзя не подивиться, что повѣсти бываютъ большою частію длинныя: въ ежеденныхъ Нѣмецкихъ журналахъ (какъ-то: Morgenblatt, Abendzeitung, и проч.), коихъ весь No состоитъ изъ полулиста повѣсти тянутся черезъ 20 и 30 нумеровъ. Читать и соображать ихъ надобно подлинно *Нѣмецкое* терпѣніе и навыкъ. Сочинители повѣстей перебирая всѣ знаменитые процессы, исторіи, сказки, заглядываютъ даже и къ намъ на Русь. Въ шести No Wiener Zeitschrift, размѣщена повѣсть Баронессы Рихтгофенъ: *Основаніе Казани.* Скажемъ вообще о Нѣмецкихъ новѣйшихъ повѣстяхъ, что пересмотрѣвъ ихъ нѣсколько десятковъ, съ трудомъ рѣшитесь перевесть что нибудь. Въ этомъ не должно подражать Нѣмцамъ, которые *все* переводятъ. Забавно, что переводя все, Нѣмецкіе переводчики не оставляютъ и Русскихъ повѣстей, а наши литтераторы, *слыша* объ этомъ, не могутъ нарадоваться и нахвастаться *Европейскою* своею извѣстностію. »Смотрите!« говорятъ они, »смотрите и осмѣльтесь послѣ сего утверждать, что Русская Литтература, что *мы* неизвѣстны въ Европѣ!!« Если-бъ знали они, какое различіе между литтераторами съ Европейскою извѣстностью и

литтераторами, которыхъ сказочки и статейки проскакиваютъ въ Нѣмецкіе журналы! Кстати замѣтить здѣсь обдержку Редактора Вѣстника Европы. Онъ помѣстилъ въ No 1 своего изданія на сей 1827 годъ повѣсть (*Вечеръ передъ новымъ годомъ*), переведенную имъ *съ Нѣмецкаго*, а это была *Русская повѣсть*, сочиненная (какъ намъ сказывали) Г-мъ Панаевымъ и помѣщенная, года съ четыре тому, въ *Библіотекѣ повѣстей*, которую до 1825 г издавали въ С.Пбургѣ, при Сынѣ Отечества, Г да Княжевичи. Повѣсть эта попалась въ Нѣмецкій журналъ, переводчикъ скрылъ видно имя, а Редакторъ Вѣстн. Европы вздумалъ угостить новостью своихъ соотечественниковъ.

Повѣсти составляютъ главное содержаніе и Лейпцигской *Модной Газеты* (Moden-Zeitung): ее издаетъ *Докторъ* Бергкъ. Она лучше Вѣнскаго журнала тѣмъ, что при ней прилагается въ годъ болѣе 150 изображеній модныхъ костюмовъ Французск., Англійск., Нѣмецкихъ и 26 литографированныхъ и гравированныхъ изображеній мебелей, маскарадныхъ платьевъ и проч. — Сверхъ того, находите переводъ *всѣхъ* извѣстій о модахъ изъ Парижскихъ журналовъ и иногда даже образчики модныхъ матерій. Замѣтимъ однакожъ, что всѣ картинки при сей газетѣ весьма плохи и грубы. Газета выходитъ два раза въ недѣлю; читать въ ней нѣчего.

Изъ Парижскихъ, мы знаемъ два журнала: *Дамскій Вѣстничекъ* (Petit Courier des Dames) и старинный *Дамскій Журналъ модъ* (Journal des dames et des modes). Оба выходятъ черезъ пять дней; у обоихъ поллиста веленевой бумаги составляютъ No, и картинка бываетъ при каждомъ No.

Но *первый* еще новичекъ въ модномъ свѣтѣ и не старѣе трехъ или четырехъ лѣтъ. *Второй*, ветеранъ, продолжается уже *тридцать первый* годъ, и заслужилъ довѣренность послѣдователей прихотливой моды. Въ обоихъ картинки равно хороши, въ обоихъ находите описаніе модъ, модныхъ обычаевъ, мѣлочныя Парижскія новости, шарады, логогрифы и — рецензіи не рецензіи, а что-то въ родѣ извѣстій о книгахъ. Странно, что въ старомъ журналѣ модъ иногда рецензируются ученыя книги, путешествія и книги для рецензій выбираются иногда такъ, что не льзя понять, чѣмъ руководствуются Издатели. Рецензіи ихъ впрочемъ самыя милостивыя: онѣ ограничиваются выпискою нѣсколькихъ строчекъ и стишковъ, выборкой анекдотовъ, острыхъ словъ; между множествомъ вздора мелькаетъ иногда и любопытное, по крайней мѣрѣ, для насъ, удаленныхъ отъ міра литтературной дѣятельности Французовъ. Такія искры рѣдки, тѣмъ дороже ихъ цѣните. Представимъ здѣсь читателямъ Телеграфа для доказательства нѣсколько строкъ, взятыхъ нами изъ рецензій Парижскаго Журнала модъ.

Извѣщая о появленіи 3-го тома *Записокъ Графа Сегюра* (Mémoires ou souvenirs et anecdotes, par M. le comte de Ségur), Рецензентъ говоритъ: »То, что Авторъ сказалъ о Мальзербѣ, можетъ быть примѣнено къ нему: у него была своя слабая сторона: онъ любилъ разсказывать множество анекдотовъ, коими память его была обогащена. Должно признаться, что онъ увлекалъ въ разсказахъ своихъ философіею разсудка, простодушіемъ характера и тонкостью нѣжно-насмѣшливаго ума.« Затѣмъ списи-

мейъ Рецейв. страничку у Сегюра. Вотъ любопытнѣйшее о путешествіи Екатерины въ Крымъ.

»18-го Января (1787 г.), отправились мы въ путь. Императрица посадила въ свою карету Г-жу Протасову и Графа Мамонова (находившихся при ней безотлучно), Графа Кобенцеля, Оберъ-Шталмейстера Нарышкина и Оберъ-Каммергера Шувалова. Во вторую карету помѣстила Она Фицъ-Герберта со мною и Графовъ Чернышева и Ангальта. Вся свита состояла изъ 14-ти каретъ, 124 саней и сорока повозокъ; пять сотъ шестьдесятъ лошадей ожидали насъ на каждой почтовой перемѣнѣ. Холодъ возвышался до 17 градусовъ; дорога была прекрасная, санный путь ускорялъ нашу ѣзду; наши кареты, поднятыя на высокія полозья, казалось, летѣли. Въ это время, дни самые короткіе въ году: солнце поздно освѣщало насъ и послѣ шести или семи часовъ скрывалось, уступая мѣсто самой темной ночи. Но восточная роскошь разгоняла этотъ мракъ и не оставляла насъ безъ сіянія: въ недальнихъ разстояніяхъ, по обѣимъ сторонамъ дороги, разложены были огромные костры сосенъ, cyprés (*кипарисовъ?*), березъ, елей, объятые пламенемъ, и такимъ образомъ мы слѣдовали по стезѣ огней, которые были свѣтлѣе самихъ солнечныхъ лучей.«

Въ сіе путешествіе Государыня удалялась какъ можно менѣе отъ обыкновеннаго своего времяпровожденія: вставала въ шесть часовъ и занималась дѣлами съ министрами; потомъ завтракала и принимала чиновниковъ сопровождавшихъ ее; отправлялась въ путь въ девять часовъ; въ два обѣдала; послѣ садилась опять въ карету и на ночь останавливалась въ девять часовъ.

Digitized by Google

На второй день по отъѣздѣ Сегюръ былъ приглашенъ съ Г-мъ Фицъ-Гербертомъ, Англійскимъ посланникомъ, въ карету Императрицы. Государыня, недовольная критическими замѣчаніями въ *Путешествіи Шаппа*, которое, по мнѣнію ея, было писано по приказанію Герцога Шуазёля, и помня о насмѣшкахъ Фридриха на худое состояніе ея финансовъ, говорила всегда: *мое маленькое хозяйство* (mon petit ménage), разумѣя свою обширную Имперію. »Каково кажется вамъ мое маленькое хозяйство? Не правда-ли: оно по маленьку устроивается и прибавляется? У меня денегъ немного; но кажется, *онѣ* не худо употреблены.« Иной разъ относясь къ Сегюру, говорила она: »Ручаюсь, Графъ, что теперь ваши барыни, щеголи и ученые Парижскіе жалѣютъ о васъ, думая, что вы путешествуете по землѣ медвѣдей, у варваровъ, съ скучною Царицею. Я уважаю вашихъ ученыхъ, но предпочитаю невѣждъ; что до меня касается, то простодушно хочу знать только нужное для управленія *моимъ маленькимъ хозяйствомъ*.«

»Разъ и два въ недѣлю собирался къ Императрицѣ полный дворъ: давали большіе балы и прекрасные концерты. Въ другіе дни за столомъ ея бывало не болѣе восьми или десяти особъ. Трое посланниковъ, слѣдовавшихъ за нею, были постоянно приглашаемы, также Принцъ Де-Линь, и часто Принцъ Насаускій. Вечера мы были всегда съ нею; тогда не терпѣла она ни принужденности, ни этикета; Императрицы не было: мы видѣли любезную женщину. Разсказывали сказки, играли въ билліардъ, говорили о Литтературѣ... Однажды Принцъ Де-Линь сыгралъ со мною и съ Графомъ Кобенцелемъ довольно оригиналь-

Digitized by Google

[ва]жную шутку. У насъ и у него была съ нѣкотораго времени [м]аленькая лихорадка. Онъ начинаетъ упрекать насъ [в]ъ безпечности, въ нашемъ отказѣ отъ лекарствъ, увеличиваетъ перемѣну въ насъ видимую, показываетъ живое безпокойство и увѣряетъ, что онъ рѣшился подать намъ примѣръ позаботиться о себѣ и употребить всѣ средства, чтобы имѣть возможность продолжать путешествіе. У Кобенцеля порядочно болѣло горло; уступая докукамъ Де-Линя, онъ пустилъ себѣ кровь; я принялъ лекарство. Чрезъ немного дней, мы собрались у Императрицы. »Вы теперь лучше,« сказала она Де-Линю, »я думала, что вы нездоровы; былъ-ли у васъ мой докторъ?« — Нѣтъ, В. В., отвѣчалъ онъ, моя болѣзнь была непродолжительна и я лечусь страннымъ образомъ: только почувствую что боленъ, сзываю друзей моихъ, пускаю кровь Кобенцелю, даю слабительное Сегюру и — вылечиваюсь! — Шутки посыпались со всѣхъ сторонъ за нашу сговорчивость.

Острое слово Станислава, Короля Польскаго, Сегюръ передаетъ не такъ, какъ оно дошло до насъ отъ другихъ. Станиславъ въ Коневѣ встрѣтилъ Императрицу. Церемоніяльно встрѣтившись, она пробыла съ Королемъ полчаса въ кабинетѣ; принужденная улыбка не могла скрыть печали Короля; Императрица принуждала себя, казалась обезпокоенною. За столомъ мало ѣли, взглядывали другъ на друга съ безпокойствомъ, слушали музыку и пили за здоровье Короля. Онъ учтиво подалъ перчатки и вѣеръ Императрицѣ, началъ искать свою шляпу, не находилъ и Императрица подала ему шляпу сама. »Ахъ! Государыня,« сказалъ Король, »вы нѣкогда подали мнѣ гораздо лучше этой!«

Digitized by Google

Вотъ забавный анекдотъ изъ *Записокъ Огинскаго*, вышедшихъ въ Парижѣ (Mémoires de Michel Oginski, 2 т. in 8). Онъ былъ на балѣ, который давали въ Парижѣ Бонапарте, въ 1798 г., послѣ Кампо-Форміо. Восторгъ былъ всеобщій. Въ ту минуту, когда Бонапарте вошелъ въ залу, Швейцарскій депутатъ Охсъ съ восхищеніемъ схватилъ за руку стоявшую подлѣ даму и указавъ на героя, съ восхищеніемъ воскликнулъ: »Посмотрите, сударыня: вотъ Генералъ Бонапарте!« — *Я знаю его*, отвѣчала съ улыбкою незнакомка, *онъ мой мужъ*. Это была Іозефина.

Ансело, Французскій Стихотворецъ, бывшій въ свитѣ Французскаго Посла, при коронаціи ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, въ прошедшемъ году, издалъ свои Записки (*Six mois en Russie*, in 8, 430 стр.). Многіе изъ читателей нашихъ, вѣроятно, видѣли Ансело въ Москвѣ. Пусть узнаютъ, что говоритъ о насъ Ансело. »Въ большихъ обществахъ собираются мущины и женщины, но не сближаются. На вечерахъ, дамы сидятъ вокругъ стола, подъ предсѣдательствомъ хозяйки дома; дѣвушки особо въ которомъ нибудь углу; мущины, входя, скажутъ нѣсколько словъ застольнымъ собесѣдницамъ и собираются отдѣльно между собою; молодые люди, съ величайшею осторожностію, можно сказать, съ какою-то неохотою (repugnance) пользуются позволеніемъ говорить съ дѣвушками. Раздѣленіе обоихъ половъ не легче наблюдается за обѣдомъ: въ залѣ мущина подаетъ руку дамѣ и ведетъ ее, но въ столовой, этотъ признакъ дружбы исчезаетъ. Дамы садятся съ одной стороны стола, мущины съ другой, такъ, что за обѣдомъ

Digitized by Google

[в]есь разговоръ заключается въ нѣсколькихъ одно-[сл]ожныхъ словахъ, перекинутыхъ черезъ столъ, [м]ежду цвѣточными вазами, которыя украшаютъ [ст]олъ и кажутся раздѣляющею чертою между нра-[ва]ми Европы и Азіи. — Русскій баринъ гостепріи-[м]енъ, ищетъ иностранцовъ, особливо Французовъ; но берегитесь здѣсь, болѣе нежели въ какой другой землѣ, ввѣриться вѣжливымъ словамъ: они часто *любезная ложь.* Рускій начинаетъ названіемъ ис-кренняго друга, скоро дѣлается просто знакомымъ, кончитъ тѣмъ, что не узнаетъ васъ.«

(*) Партизанъ Сына Отечества, извѣстный своимъ страннымъ именемъ, Д. Р. К., явился и въ Сѣверной Пчелѣ. Набѣги его обыкновенно устре-мляются на Телеграфъ, и на сей разъ ограничива-ются одною областью *Журналистики.* Статейка Д. Р. К. въ Пчелѣ показалась намъ такъ забавна, что мы рѣшились обратить на нее вниманіе читателей Телеграфа. Она названа: *Журнальная Ланка-стерская метода взаимнаго прославленія.* Тутъ что-то навѣяно безсмыслицею, ибо статья Д. Р. К. написана въ опроверженіе нѣсколькихъ похвалъ *Сла-вянину*, Журналу, изд. Г-мъ Воейковымъ, слѣдова-тельно ей совсѣмъ не прилично названіе *методы прославленія;* надобно было, для грамматическаго смысла, сказать: *о методѣ*, и проч., хотя и тутъ не было-бы *смысла*, *собственно такъ назы-*

(*) Сія статья прислана къ намъ уже давно, но за много-численностью статей, присылаемыхъ для Журналистики, донынѣ не могла быть помѣщена. Просимъ извиненія у доставившаго намъ сіи любопытныя замѣчанія. *Ж. С.*

ваемаго, ибо *нѣсколько похвалъ, справедливыхъ*, не есть еще *прославленіе*. Но мы увидимъ далѣе, какова Грамматика Д. Р. К; сначала опровергнемъ нападенія его на Телеграфъ. Д. Р. К. за всякую строчку Телеграфа, привязывается прямо къ Издателю сего Журнала. Д. Р. К. не можетъ быть извѣстно, кто именно *Журнальный сыщикъ*, подписывающійся подъ статьями Журналистики, а на нее устремляются хладнокровные и вѣжливые рыцари Пчелы и Сына Отечества. Журналъ, наполняемый статьями разнообразными, не можетъ быть составляемъ однимъ человѣкомъ; по крайней мѣрѣ, Издатель Телеграфа подражаетъ въ этомъ отношеніи Европейскимъ своимъ собратіямъ: въ его Журналѣ участвуютъ трудами своими многіе отличные писатели Русскіе, кромѣ нѣсколькихъ постоянныхъ сотрудниковъ, слѣдовательно, всегдашнее обращеніе съ жалобами прямо на Издателя, есть дѣтское недоразумѣніе. Что Д. Р. К. имѣетъ вообще дѣтскія понятія, это еще болѣе видно изъ слѣдующаго. Онъ сердится за то, что о Пчелѣ „*говорятъ не какъ о Газетѣ, а какъ о насѣкомомъ!*" Что-жь станете дѣлать, Господинъ Д. Р. К.! Мнѣнія людскаго удержать не льзя. Можетъ быть, и еще что нибудь говорятъ о Пчелѣ и примѣняютъ ее ко многому. Но Д. Р. К. продолжаетъ сердиться, и за то что сказано въ Телеграфѣ: „загремѣла каннонада изъ листочковъ Сѣверной Пчелы," и за то, что Авторъ этой каннонады названъ застрѣльщикомъ. „*Сужденіе застрѣльщика!*" восклицаетъ Д. Р. К. „*диво дивное!*" и подлинно: застрѣльщикъ Сѣверн. Пчелы *судитъ!* Дѣло невозможное! Далѣе въ Теле-

Digitized by Google

графѣ сказано: „если *Пчела* хотѣла уронить *Славянина*, то она поступала слишкомъ неосторожно, браня въ немъ все, съ первой до послѣдней строчки.« Тутъ Д. Р. К. рѣшился блеснуть своимъ остроуміемъ; „Прелестно!“ восклицаетъ онъ: „*Пчела* (насѣкомое) хотѣла уронить Славянина (слѣдственно: человѣка); пчела (насѣкомое) бранитъ въ Славянинѣ (въ человѣкѣ) все до послѣдней строчки этого человѣка.“ Право, это очень мило сказано, только жаль, что Д. Р. К. слишкомъ старается намъ втолковать, что *Пчела есть насѣкомое*. Но прелестная эта шутка его ничто передъ слѣдующею за тѣмъ: „Не многими словами отвѣчаютъ на цѣлые листы ея (Пчелы) вылазокъ,“ сказано въ Тел. и Д. Р. К. возглашаетъ: „Безподобно! листы вылазокъ! слѣдовательно могутъ „быть *томы сраженій*, *книжечки осадъ*, *листочки* „*стибокъ*, *осьмушки поединковъ!*“ Какъ остро! Но Д. Р. К. любитъ соединять пріятное съ полезнымъ. Потѣшивъ читателя своимъ остроуміемъ, онъ называетъ выписанныя изъ Телеграфа фразы ошибками противъ — *Риторики!* Видно, что онъ слыхалъ и о Риторикѣ, и такъ совѣтуемъ ему прочитать какую нибудь учебную Риторику: онъ увидитъ тамъ много олицетвореній и фигуръ, надъ которыми будетъ имѣть случай поостриться. Дѣло доходитъ до Грамматики. Д. Р. К. говоритъ, что въ Телеграфѣ нашелъ онъ слѣдующія ошибки грамматическія: 1 я, *на* какую степень упала нынѣ критика Сѣверной Пчелы.« Предлогъ *на* онъ подчеркиваетъ, слѣдовательно въ немъ находитъ ошибку. Ссылаюсь на Слов. Росс. Акад. изд. 1-е т. IV, стр. 463, что это не ошибка, и не понимаю, въ чемъ тутъ нахо-

Digitized by Google

дитъ онъ ошибку? Далѣе Д. Р. К. говоритъ: »въ слѣдующемъ за симъ *пунктѣ* первая фраза написана въ третьемъ лицѣ, вторая во второмъ, третья въ первомъ.« Въ этихъ немногихъ словахъ заключаются слѣдующія ошибки Д. Р. К. — а: 1-я, слово: *пунктъ*, здѣсь ровно ничего не значитъ и безъ нужды заѣхало изъ приказнаго слога въ число грамматическихъ терминовъ. 2-я. *Фраза*, употреблено здѣсь неправильно вмѣсто: *періодъ*. 3-я. Въ разныхъ *періодахъ* не возможно не употреблять разныхъ лицъ: это не ошибка и сотни примѣровъ этому найду я въ сочиненіяхъ Г-на Греча, которому Грамматика извѣстна лучше нежели Г-ну Д. Р. К. 4 я. Д. Р. К. грубо ошибается, говоря что первый приводимый имъ въ примѣръ періодъ *написанъ въ третьемъ лицѣ*. Что значитъ *написанъ въ третьемъ лицѣ?* Если онъ такъ называетъ *управляющее*, то сужденіе его несправедливо и для доказательства выписываемъ весь критикуемый имъ періодъ Телеграфа: »Кто изъ многихъ примѣровъ не увѣрился еще о достоинствѣ похвалъ и осужденій Сѣверной Пчелы, тому *совѣтуемъ* посмотрѣть на ея сужденіе о Славянинѣ.“ Здѣсь управляющее *совѣтуемъ*, глаголъ, употребленный въ 1-мъ лицѣ. Какъ-же осмѣливаться судить о Грамматикѣ, не умѣя разобрать одного періода? Не понимаемъ! Но изъ снисходительности послѣдуемъ за другими обвиненіями Д. Р. К. Онъ утверждаетъ, что въ словахъ: »исчисливъ нѣсколько статей, мы »докажемъ справедливость нашего мнѣнія« ошибка, потому что *должно было сказать*: »*исчисленіемъ* статей докажемъ;« напротивъ, *не должно*, ибо Авторъ выразилъ то, что хотѣлъ сказать, и эта фраза также правильна какъ слѣдующая: »прочитавъ спи-

хи Жуковскаго, вы доставите мнѣ удовольствіе:« тогда какъ по Грамматикѣ Д. Р. К. должно сказать: »*прочитаніемъ* стиховъ вы доставите мнѣ удовольствіе.« Къ тому-же самъ Д. Р. К., въ этой-же критической статьѣ, употребляетъ точно такой оборотъ, какой онъ критикуетъ, говоря: »отдѣлавъ порядкомъ Сѣверную Пчелу, возстановить репутацію Славянина.« Это напоминаетъ, что Издатели четырехъ Журналовъ смѣются надъ *Сирами Барскими*, и сами употребляютъ сіе названіе въ своихъ переводахъ.

Оставляемъ безъ вниманія остальныя грамматическія замѣчанія Д. Р. К., потому что они относятся не къ Грамматикѣ, а ко вкусу и умѣнью писать (въ чемъ не должно спрашиваться у Д. Р. К.) или составляютъ спорныя статьи Русской Грамматики, нерѣшенныя еще окончательно. Тѣмъ болѣе чести благонамѣренности и познаніямъ Д. Р. К., что онъ называетъ подобныя слова и выраженія ошибками!

P. S. Можетъ быть Д. Р. К. пожелаетъ узнать, почему думаемъ мы, что у него не должно спрашиваться объ ученыхъ предметахъ? Потому что онъ дѣлаетъ ученическія ошибки. Вотъ его выраженія или ошибки въ этой-же самой статьѣ, гдѣ онъ силится указывать другимъ: 1-я, »*высокопарнымъ образомъ*.« Это также неправильно какъ *вѣтренымъ образомъ*, *пустымъ образомъ*, *великимъ образомъ*. 2-я, »Издатель Русскаго Инвалида и Славянина, въ Noo 38 и 39 мъ перваго изъ сихъ *изданій*.« Надобно было сказать: *періодическихъ изданій*, или: *журна-*

Digitized by Google

лов. 3-*я*, »*Прижимался* уплатою.« Не льзя сказать этого, потому что глаголъ *прижиматься* требуетъ *дательнаго падежа* съ предлогомъ. 4-*я*, »Рѣшился, въ 6 й книжкѣ своего Журнала, воздать должное.« *Рѣшился въ* 6-*й книжкѣ*, совершенная нелѣпость! Надобно было сказать: »рѣшился воздать должное и въ 6-й книжкѣ« и проч., только не должно было говорить »и выѣхалъ (куда?) съ похвалою Славянина« — это 5-я ошибка. 6-я, »Не зная что именно *превознесть въ трудахъ* своего *благопріятеля*, онъ избралъ легчайшее средство« — не говоримъ о слогѣ и смыслѣ этой фразы потому, но *превознесть въ трудахъ* сказано грамматически неправильно, ибо *превознесеніе* происходило въ Телеграфѣ, а не въ сочиненіяхъ Г-на Воейкова, и Д. Р. К. перемѣшалъ это, слѣдуя *своей* Грамматикѣ. 7-*я*, »Издатель Телеграфа утѣшаетъ *друга* незнаніемъ etc.« Какого друга? Рѣчь идетъ о *Славянинѣ*, Журналѣ; кто-же тутъ утѣшаемый другъ? 8-я, »И говоритъ о ней (Сѣв. Пчелѣ), не какъ о Газетѣ, а иносказательно, какъ о насѣкомомъ, отъ *имени* коего заимствовано ея *заглавіе*.« Не *заглавіе*, а *названіе*; стыдно наѣзднику не умѣть порядочно назвать своего коня. 9-я, »Какъ-же онъ выдерживаетъ сію аллегорію?« Не *аллегорію*, а *иносказаніе*, какъ самъ за двѣ строчки назвалъ ее Д. Р. К. 10-*я*, »О другихъ статьяхъ (неизвѣстно *чего*, и въ отношеніи къ какимъ статьямъ онѣ суть *другія*) панегиристъ упоминаетъ большею частію слегка и довольствуется исчисленіемъ *заглавій* (чего?).« 11-*я*, »Въ этой статьѣ повторяется *разсказъ* давно и всѣмъ извѣстнаго *случая*. »*Разсказъ случая* — неправильно, потому что разсказывалъ

не *случай*. 12-я, »Предвѣщаніе *панегирика*,« вмѣсто *панегириста*. 13-я, »Онъ, вѣроятно хочетъ говорить о *Турніерѣ*, *Леманѣ*, *Соберѣ* и другихъ *искусникахъ*, о которыхъ говорено было въ Сѣв. Пчелѣ. Издатели ея не удерживаются отъ помѣщенія извѣстій *о представленіяхъ*, обращающихъ на себя вниманіе и благородной части *здѣшней публики*.« И такъ, по Грамматикѣ и Логикѣ Д. Р. К. выходитъ, что *Турніеръ*, *Леманъ* и *Соберъ* суть *представленія?* Поздравляемъ его съ этимъ открытіемъ; но думаемъ, что едва ли въ публикѣ есть *неблагородныя части*. Новое доказательство понятій Д. Р. К.

Сообразивъ все сказанное, намъ остается напомнить Д. Р. К. старое присловье: *что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ*. Слабый грамматическими и всякими познаніями Д. Р. К. безпрестанно толкуетъ о грамматическихъ ошибкахъ. Не угодно-ли теперь ему оправдаться въ своихъ ошибкахъ?

Журнальный сыщикъ.

Digitized by Google

Парижскія моды (*).

Les dames, après avoir employé pour leur coeffure toutes les espèces de fleurs indigènes et exotiques, reviennent à ce qu'il y a de plus commun. On voit sur quelques chapeaux de paille, des branches de saule; sur d'autres, des roseaux. — Pour les chapeaux, une mode très-répandue c'est la fleur de tulipier; on la voit en batiste, quelquefois en plumes, et de toutes couleurs.— Au bal, les merveilleuses et surtout les jeunes personnes portent sur leurs cheveux un bouquet de fleurs naturelles que soutient un peigne à haute galerie: leur robe est souvent une simple blouse de cot-pali ou de barèges. — Au lieu de fleurs, les jeunes personnes portent sur un chapeau de paille d'Italie, des boucles de ruban large étagées. —

*

Deux manières également élégantes de garnir les chapeaux de paille d'Italie consistent à mettre sur le devant, deux oiseaux-de-paradis dont les queues flottent à gauche, ou à placer autour de la forme, une guirlande d'olivier avec son fruit. Un des bouts de la guirlande est fixé à gauche, au milieu de la passe, et l'autre monte à droite sur la forme.

*

Plusieurs nuances de vert s'accréditent: vert-perroquet, vert-myrthe, vert-péridot (sorte de pierre fine), *vert-perruche innocente*, c'est-à-dire qui n'a pas encore mué.

(*) до 15 Мая, 1827 г.

Digitized by Google

Outre que les modistes cousent bord à bord deux rubans de couleurs différentes, elles enrichissent quelquefois un des bords d'une blonde blanche.

Le jaune réuni à une autre couleur domine toujours. Beaucoup de chapeaux de gros de Naples blanc moiré, doublés de jaune, ont pour garniture des noeuds jaunes ou des fleurs de tulipier jaunes.

*

On trouve chez les gantiers à la mode, des gants de peau blanche, jaune ou lilas, sur lesquels sont imprimés en bleu, en vert ou en noir, des dessins pareils à ceux qui ornent les robes. En négligé, ces gants sont de rigueur pour une femme élégante.

*

Il y a des *déjeûners concertans*, qui commencent à midi et qui finissent à 7 ou 8 heures. On fait de la musique et l'on danse. Le dejeûner se sert entre 2 et 3 heures, et les salons sont éclairés en bougies.

Digitized by Google

Перебравши для головныхъ уборокъ всѣ сорты цвѣтовъ и растеній иностранныхъ и отечественныхъ, дамы обратились къ самымъ простымъ, обыкновеннымъ. На нѣкоторыхъ соломенныхъ шляпкахъ видите вѣтки ивы, на другихъ камышъ. — Въ большой модѣ для шляпокъ тюльпаны: ихъ дѣлаютъ изъ батиста, иногда изъ перьевъ; они бываютъ всякихъ цвѣтовъ. — На балахъ, щеголихи, и особенно молодыя особы, украшаютъ уборку волосовъ букетомъ изъ натуральныхъ цвѣтовъ, который поддерживаетъ гребенка съ высокою спинкою. Бальное платье въ такомъ случаѣ простая блуза, барежевая или изъ коппали. На соломенныхъ Италіянскихъ шляпкахъ молодыя особы, вмѣсто цвѣтовъ, носятъ банты изъ широкихъ лентъ, расположенныя этажами.

*

Два манера, равно щегольскіе, украшать соломенныя Италіянскія шляпки: двѣ райскія птички напереди шляпки, хвостиками на лѣво; гирлянда изъ оливъ, съ плодами, расположенная кругомъ тульи. Одинъ конецъ гирлянды бываетъ на лѣвой сторонѣ, по срединѣ поля шляпки, другой идетъ въ правую сторону, на тулью.

*

Многіе изъ зеленыхъ цвѣтовъ входятъ въ моду: зеленый — *попугайный* (perroquet), зеленый — *миртовый*, зеленый — *перидотовый* (*), зеленый — *молодаго попугая* (**).

(*) *Перидотъ*, желто-зеленоватый камень, родъ шерла.

(**) Perruche-innocente, собственно попугай, еще *ни разу не перелинявшій* (qui n'a pas encore mué).

Модистки не только пришивают одна къ другой двѣ ленты цвѣтовъ совершенно различныхъ, но еще обшиваютъ ихъ иногда по краямъ бѣлыми блондами.

Желтый цвѣтъ вмѣстѣ съ какимъ нибудь другимъ все еще въ модѣ. Много морелевыхъ, бѣлаго цвѣта, гроденаплевыхъ шляпокъ, подбитыхъ желтымъ, убираютъ желтыми бантами или желтыми тюльпанами.

*

У модныхъ перчаточниковъ продаютъ лайковыя перчатки, бѣлаго, желтаго и лиловаго цвѣтовъ съ выпечатанными на нихъ, синимъ, зеленымъ или чернымъ цвѣтомъ, узорами, подобными тѣмъ, какiе находятся на платьяхъ дамы. Въ небрежномъ уборѣ (en négligé) такiя перчатки важная необходимость.

*

Нынѣ въ обычаѣ *концертные завтраки* (déjeûners concertans); они начинаются въ полдень и кончатся въ 7 и 8 часовъ вечера; бываетъ музыка и танцы. Завтракъ подаютъ между 2 хъ и 3 хъ часовъ; залы освѣщаютъ.

На приложенной картинкѣ:

Креповая шляпка, убранная атласными руладками, и марабу. Платье изъ шелковой матеріи, убрано воланами, которые прикрѣплены бантиками. Блондовая мантилья.

Digitized by Google

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. НАУКИ и ИСКУСТВА.

О кабинетѣ Восточныхъ монетъ Г-на Шпревица.

Мы ѣздимъ въ чужіе края смотрѣть рѣдкости; но, можетъ быть, немногіе изъ Московскихъ жителей знаютъ въ Москвѣ о *Восточномъ Нумизматическомъ кабинетѣ Г-на Шпревица*, который собиралъ оный въ теченіе десяти лѣтъ съ значительными издержками и великими трудами. Одна пламенная любовь къ Восточной Нумизматикѣ, внушенная ему болѣе знаменитымъ Френомъ, руководствовала его въ собраніи сихъ сокровищъ ученыхъ (важныхъ не только для Нумизматики, но и для Исторіи народовъ мало намъ извѣстныхъ), ибо сіе занятіе есть для него постороннее. Онъ, какъ учитель Музыки въ Благородномъ Пансіонѣ Московскаго Университета, около двадцати лѣтъ, хотя и посвятилъ себя сему благородному искуству, однако имѣетъ свѣдѣнія въ наукахъ изящныхъ, коимъ обучался въ бывшемъ

Digitized by Google

Эрфуртскомъ Университетѣ, гдѣ и произведенъ Докторомъ Философіи за писанную имъ и тамъ напечатанную диссертацію на Латин. языкѣ *о Музыкѣ*.

Въ музеѣ Г-на Шпревица находится 1200 золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ, изъ коихъ многія найдены въ развалинахъ Херсона. Г. Френъ большую часть оныхъ описалъ въ сочиненіи своемъ: De Musei Sprewitziani Mosquae numis Kuficis nonnullis ante hac ineditis, qui Chersonesi humo eruti esse dicuntur, commentationes duae. Petropoli. MDCCCXXV, въ листъ. Г-нъ Ш. имѣетъ еще въ рукописи реэстръ своему кабинету, составленный Г-мъ Френомъ, оказавшимъ Восточной Словесности и Россійской Исторіи важныя услуги. Сей реэстръ раздѣленъ на XIV классовъ, а именно:

I. Монеты Халифовъ Оміадскихъ.
II. Восточныхъ Испанскихъ.
III. Аббасидовъ.
IV. Аглебидовъ-Эмировъ, въ Ливіи.
V. Едризидовъ, въ Мавританіи.
VI. Тагиридовъ.
VII. Саманидовъ.
VIII. Бувагидовъ.
IX. Хановъ Гоеиге въ Туркистанѣ.
X. Селдчукскихъ Султановъ.
XI. Ортокидовъ.
XII. Атабетовъ Музул.
XIII. Монгол. Хановъ въ Иранѣ.
XIV. Хановъ Золотой Орды.

Digitized by Google

Сверхъ того, еще Г-нъ Френъ, признающій сей кабинетъ единственнымъ въ Европѣ по многимъ рѣдчайшимъ монетамъ, готовитъ описаніе многихъ Крымскихъ, Шагатайскихъ, Персидскихъ, Турецкихъ и Грузинскихъ; ибо Г-нъ Шпревицъ имѣетъ у себя монеты всѣхъ Халифовъ и притомъ нѣкоторыхъ въ значительномъ количествѣ и очень хорошо сохраненныхъ, какъ на прим.: однихъ Аббасидовъ 309 пьесъ.

Желательно также узнать подробнѣе и Нумизматическій въ Москвѣ рѣдкій *кабинетъ Греческихъ, Римскихъ и Русскихъ монетъ и медалей Зоя Павловича Зосимы* живущаго сорокъ лѣтъ въ Греческомъ Николаевскомъ монастырѣ. Извѣстно, что знаменитые Профессоры Моск. Универс. Маттей и Тимковскій занимались приведеніемъ въ порядокъ и описаніемъ сихъ Нумизматическихъ сокровищъ. Большая часть монетъ древнихъ весьма хорошо сохранена, какъ будто недавно вышла изъ тисковъ. Г. Зосима, столь много способствовавшій великодушными пожертвованіями своими къ распространенію Греческой Словесности и въ древнемъ отечествѣ своемъ — Греціи и въ новомъ — Россіи, отличенъ высокими милостями ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА, украсившаго его двумя Россійскими орденами. Московскій Университетъ съ признательностію именуетъ Г. Зосиму сво-

имъ Почетнымъ Членомъ, а Историческое приономъ Общество своимъ Благотворителемъ (*).

Отрывокъ изъ жизнеописанія А. А. Барбье.

Въ Revue Encyclopédique (*Дек. 1826 г.*) помѣщено подробное описаніе *жизни и сочиненій Барбье*, знаменитаго библіографа нашего времени, сочиненное сыномъ его. Помѣстивъ въ Телеграфѣ (Т. XII, отд. I, стр. 62) некрологическое извѣстіе объ этомъ замѣчательномъ современникѣ нашемъ, мы почитаемъ излишнимъ переводить жизнеописаніе Барбье на Русскій языкъ. Подробности, любопытныя для соотечественниковъ его, не могутъ имѣть одинаковой цѣны для иностранцовъ. Но Барбье жилъ во время Наполеона; еще болѣе: по должности своей былъ онъ къ нему близокъ и на него отражается нѣсколько общихъ чертъ, одинаково любопытныхъ и для соотечественника и для иностранца. Из-

(*) Искренно благодаря сообщившаго намъ сію статью, мы просили-бы также и о доставленіи, хотя краткаго, извѣстія о кабинетѣ Г-на Зосимы. Подобныя свѣдѣнія украшаютъ отечественныя изданія и драгоцѣнны въ глазахъ всякаго умѣющаго оцѣнять ихъ.

Изд. Тел.

Digitized by Google

влекаемъ для нашихъ читателей этѣ общія черты.

»Будучи библіотекаремъ Императорскимъ, Барбье часто бывалъ призыванъ къ Наполеону. Нѣсколько разъ въ недѣлю Наполеонъ приказывалъ приносить къ себѣ, обыкновенно во время и послѣ обѣда, иногда ночью, лучшія изъ вновь выходящихъ книгъ или тѣ, которыя представляемы были ему отъ сочинителей (*). Отдавъ отчетъ о каждой новой книгѣ, библіотекарь дѣлался по необходимости чтецомъ его, когда Наполеонъ, что случалось не рѣдко, не удовлетворяясь сужденіемъ другаго, хотѣлъ судить самъ о новой книгѣ. Во время походовъ Наполеона всѣ новости литтературныя были отправляемы къ нему каждый день, съ разборами и сужденіями о каждой изъ нихъ. При всякомъ отъѣздѣ его въ армію, за нимъ везли дорожную библіотеку его, составленную изъ книгъ не-

(*) При сихъ книгахъ часто прилагаемы были прошенія; ихъ отдавалъ Наполеонъ библіотекарю обратно и приказывалъ давать себѣ отчетъ о содержаніи просьбъ. По представленію Барбье куплены Наполеономъ для Императорской Библіотеки нѣкоторыя драгоцѣнныя книги, какъ-то: *Басни Пильпая*, на Персидскомъ яз., изданн. въ Калькуттѣ, 1805 г. — *Иліада*, на Греческомъ яз., напечатанная на пергаментѣ Бодоніемъ, и другія превосходныя произведенія типографическаго искусства, какъ-то: *Освобожденный Іерусалимъ*, перев. Лебрёна, экземпляръ на пергаментѣ.

Digitized by Google

большаго формата и содержавшую все лучшее изъ Словесности и Исторіи; также книги, касательно тѣхъ земель, куда онъ отправлялся (*).

Замѣтивъ, что въ этой библіотекѣ недоставало много важныхъ книгъ и узнавъ, что величина формата не дозволяла помѣстить ихъ въ нее, Наполеонъ нѣсколько разъ, въ разныя времена, имѣлъ намѣреніе (не приведенное однакожъ въ исполненіе) напечатать для своего дорожнаго употребленія особую библіотеку, для которой онъ самъ начерталъ планъ въ двухъ слѣдующихъ запискахъ, присланныхъ къ Барбье отъ Барона Маневаля, секретаря, находившагося при Наполеоновомъ портфѣлѣ.

Байонна, 17 Іюля, 1808 г.

»Императору угодно составить ручную библіотеку изъ 1000 томовъ, форматомъ въ 12-ю долю, напечатанныхъ хорошими буквами. Намѣреніе Его Величества напечатать сіи книги, собственно для своего употребленія, безъ полей; чтобы выгадать сколько можно изъ величины книгъ. Томы будутъ

(*) Такъ отправляясь въ Россію, онъ взялъ все, что было писано объ ней, между прочимъ, книгу *Маржерета*, экземпляръ рѣдкій и *единственный*, находившійся въ библіотекѣ Императорской; этотъ экземпляръ потерялся въ Россіи. Маржеретова книга издана потомъ въ другой разъ; новое изданіе не рѣдкость. *Изд. Тел.*

Digitized by Google

отъ 5 до 600 страницъ; переплетъ на спинкѣ книги долженъ легко сгибаться; дощечки переплета должны быть какъ можно тонѣе. Библіотеку составить приближаясь къ слѣдующему разсчету: 40 томовъ о религіи, 40 эпопеи, 40 театральнаго, 60 стихотвореній, 100 романовъ, 60 Исторіи, остальное до 1000 дополнить историческими записками всѣхъ временъ.

Религіозныя книги будутъ: Ветхій и Новый Завѣтъ, взявъ лучшіе переводы; нѣсколько посланій и другихъ важнѣйшихъ твореній Св. Отцовъ.

Алкоранъ; книги о Миѳологіи; нѣсколько избранныхъ диссертацій о разныхъ сектахъ, имѣвшихъ большое вліяніе на Исторію, какъ-то: Аріянахъ, Кальвинистахъ и проч. Исторію церкви, если можно, помѣстить ее въ предписанное число книгъ.

Эпическое будутъ составлять Гомеръ, Луканъ, Тассъ, Телемакъ, Генріада и проч.

Трагедіи. Изъ Корнеля взять только то, что осталось на сценѣ; изъ Расина исключить *Братьевъ враговъ*, *Александра* и *Челобитчиковъ*; изъ Кребильона помѣстить только *Радамиста*, *Атрея и Ѳіэста*; изъ Вольтера взять, что осталось на сценѣ.

Исторія. Помѣстить нѣсколько изъ хорошихъ книгъ о Хронологіи; главнѣйшіе подлинники древнихъ; то что въ подробности даетъ понятіе объ Исторіи Франціи. Какъ Исторію можно помѣстить: Разсужденіе Маккіавеля о Титѣ-Ливіи, Монтескьё О сущности законовъ, О причинахъ величія и упадка Римлянъ; то что прилично сохранить изъ историческихъ сочиненій Вольтера.

Романы. Новую Элоизу и Исповѣдь Руссо; нѣчего и говорить о лучшихъ твореніяхъ Фильдинга, Ричардсона, Ле-Сажа и проч. и проч., что, само по себѣ разумѣется, получитъ мѣсто; Сказки Вольтера.

Замѣчаніе. Изъ Руссо не надобно Эмиля, ни кучи его писемъ, записокъ, рѣчей и безполезныхъ диссертацій; то же наблюденіе для Вольтера.

Императоръ желаетъ имѣть объясненный каталогъ, съ замѣчаніями, которыя показали-бы вполнѣ выборъ вашъ, и притомъ требуетъ записки, чего будетъ стоить напечатаніе и переплетъ 1000 томовъ; сколько въ каждомъ томѣ можетъ помѣститься сочиненій каждаго автора; что будетъ вѣсить каждый томъ; сколько на всѣ надобно ящиковъ, какой величины, сколько мѣста они займутъ.

Императоръ желалъ-бы также, чтобы Г-нъ Барбье занялся слѣдующимъ трудомъ, съ кѣмъ нибудь изъ лучшихъ нашихъ географовъ: »Составить записки о войнахъ по Евфрату и противъ Парѳянъ, начиная съ Красса до VIII вѣка, помѣстивъ сюда Антонина, Траяна, Юліана и проч., означивъ на картахъ приличнаго размѣра пути, какими слѣдовало каждое войско, съ новыми и старыми именами земель и главнѣйшихъ городовъ, географическими замѣчаніями о земляхъ и съ историческими отношеніями каждаго похода, извлекая все изъ оригинальныхъ писателей.«

Шенбруннъ, 12 Іюня, 1809 г.

Императоръ всегда чувствуетъ надобность имѣть съ собою дорожную библіотеку, составленную изъ Историческихъ книгъ. Его Величество же-

Digitized by Google

дальбы ограничить число книгъ сей библіотеки *тремя тысячами*, все форматомъ въ 18 долю (подобно книгамъ собранія въ 18 д. du Dauphin), страницъ по 400 или по 500, напечатанныхъ хорошими Дидотовскими буквами, на веленевой тонкой бумагѣ. Форматъ въ 12-ю долю займетъ много мѣста, и впрочемъ всѣ почти изданія въ такомъ форматѣ нехороши.

3000 томовъ будутъ помѣщены въ 30 ящикахъ, въ три ряда; каждый рядъ заключитъ въ себѣ 33 тома.

Это собраніе будетъ имѣть общее названіе, общую размѣтку томовъ, кромѣ отдѣльныхъ названій книгъ и размѣтки томовъ въ оныхъ. Все собраніе могло-бы быть раздѣлено на пять или на шесть отдѣловъ: 1, Хронологія и Всеобщая Исторія; 2, Древняя Исторія по оригинальнымъ авторамъ; Древняя Исторія по новѣйшимъ; 3, Исторія Восточной Имперіи по оригиналамъ; Исторія Восточной Имперіи по новѣйшимъ; 4, Исторія общая и частная, какъ-то: *Опытъ* Вольтера и проч. — 5, Исторія новѣйшая государствъ Европы, Франціи, Италіи и проч. — Надобно помѣстить Страбона, карты древнія Данвиля, Библію, какую нибудь Исторію церкви.

Вотъ основа пяти или шести раздѣловъ, которую должно изучить и замѣстить старательно. Надобно, чтобы нѣкоторое число людей ученыхъ, со вкусомъ, были заняты пересмотромъ изданій, исправленіемъ, исключеніемъ всего, что безполезно, какъ-то: примѣчаній издателей и проч.; тексты Греческіе и Латинскіе исключить, сохранивъ только Французскій переводъ. Только Италіянскія

Digitized by Google

непереведенныя на Французскій языкъ книги могутъ быть помѣщены въ Италіянскихъ подлинникахъ.

Императоръ проситъ Г-на Барбье написать планъ этой библіотеки и дать свѣдѣніе о самыхъ выгодныхъ и хозяйственныхъ способахъ, какъ издать 3000 томовъ.

Когда сіи 3000 томовъ Исторіи будутъ кончены, за ними послѣдуютъ 3000 томовъ Естественной Исторіи, Путешествій, Литтературы и проч. — Большую часть этого легко можно будетъ собрать, ибо такихъ книгъ много издано въ 18 д.

Г-на Барбье просятъ прислать реэстръ такихъ книгъ, съ замѣчаніями ясными и подробными обо всемъ, объ ученыхъ людяхъ, коимъ поручить работу, о времени какое потребно, объ издержкахъ, и проч.-

По симъ двумъ запискамъ, Барбье составилъ *Каталогъ Наполеоновой библіотеки и Каталогъ библіотеки Исторической*. Онъ приложилъ къ нимъ введенія, въ которыхъ отвѣчалъ на разные вопросы, ему сдѣланные, и показывалъ средства исполненія.

Часто, какъ это видно изъ окончанія первой записки, Наполеонъ поручалъ Барбье представлять ему отчеты о различныхъ предметахъ историческихъ и иногда о различныхъ предметахъ религіозныхъ (*). Вотъ главнѣйшіе отчеты его, составленные по требованіямъ Наполеона: о продолженіи Исторіи Французской Велли;

(*) Подлинники всѣхъ представленій Барбье находятся въ библіотекѣ, послѣ него оставшейся. Нѣкоторыя съ замѣчаніями Наполеона.

Digitized by Google

объ Исторіи Марлборуга, соч. Ледіардомъ, по повелѣнію Наполеона переведенной Маджеттомъ и Дютамомъ; о переводѣ Страбона, также по повелѣнію Наполеона, Лапортъ-дю-Тейлемъ и Кораемъ; о различныхъ твореніяхъ Греческихъ и Латинскихъ, которыя еще не переведены или переведены, но въ старое время; о вольностяхъ Галликанской церкви и деклараціи Французскаго Духовенства въ 1682 г.; о гражданскомъ устройствѣ духовенства; объ Императорахъ, свергавшихъ или на время низлагавшихъ Папъ; о типографщикѣ Бодони; объ Иконографіи Висконти; о Папской тіарѣ и ея происхожденіи; о рукописяхъ, относительно процесса Храмовыхъ рыцарей (des Templiers); объ оригинальныхъ документахъ Галилеева процесса. Въ 1810 г. сіи документы, находивціеся въ Папскомъ архивѣ, перевезены были изъ Рима въ Парижъ, Барбье поручено было ихъ разсмотрѣть и перевести на Французскій языкъ. По его предложенію, Наполеонъ хотѣлъ ихъ напечатать. Но въ 1814 году, Папа Пій VII потребовалъ обратно сіи драгоцѣнныя бумаги и онѣ были ему отданы (*).

(*) Вѣроятно однакожъ, что Г. Барбье оставилъ у себя копіи и жаль, что наслѣдники его не издадутъ сихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ. Если они опять погребены въ Ватиканскихъ тайныхъ Архивахъ, то намъ не дождаться никогда ихъ появленія и, вѣроятно, они погибнутъ навсегда. *Изд. Тел.*

Digitized by Google

О медали, приложенной къ Описанію Египта.

Однимъ изъ прекраснѣйшихъ ученыхъ памятниковъ XIX вѣка конечно всегда будетъ почитаемо *Описаніе Египта*, начатое при Наполеонѣ и продолжаемое еще донынѣ. Извѣстно, что драгоцѣнное сіе собраніе рисунковъ и описаній, составленное во время Египетскаго похода его Французскими учеными, не смотря на умѣренную по великолѣпію цѣну, могло быть принадлежностью только богатыхъ библіотекъ (*). Приказавъ оканчивать его, Людовикъ XVIII позволилъ книгопродавцу Панкуку сдѣлать другое изданіе, дешевле перваго, употребивъ готовыя доски рисунковъ. Донынѣ вышло сего новаго изданія уже нѣсколько томовъ. Оно стоитъ гораздо менѣе великолѣпнаго перваго, хотя также отличается изяществомъ и

(*) Оно донынѣ состоитъ изъ 9 томовъ въ листъ. Первое отдѣленіе (*Египетскія древности*) съ 423 рисунк. въ 5 томахъ; второе (*Новѣйшее состояніе Египта*), съ 170 рисунк. въ 2 томахъ и третье (*Естественн. Исторія Египта*), съ 250 рисунк., въ 2 томахъ, всего 843 рисунка, изъ которыхъ множество огромныхъ и раскрашенныхъ, кромѣ Атласа изъ 50 листовъ. Цѣна за изданные томы въ Парижѣ на простой бумагѣ около 4000, а на веленевой около 6000 фр.

Digitized by Google

кусомъ, между самыми рѣдкими и знаме-итыми памятниками типографическаго скусства.

Желая ознаменовать особымъ памят-икомъ полезное для наукъ дозволеніе Лю-овика XVIII, посредствомъ коего *Описаніе Египта* дѣлается удобнѣйшимъ для обща-го употребленія, Панкукъ рѣшился вы-бить медаль. Онъ просилъ пособія уче-ыхъ знатоковъ Египетской Археологіи, и ъ прошломъ году медаль была выбита. Отличная рѣзьба медальера Барра и рас-положеніе, которое далъ изображеніямъ оной Шамполліонъ (младшій), извѣстный воими изъясненіями гіероглифовъ, дѣла-ютъ сію медаль драгоцѣнною въ глазахъ знатоковъ Египетской Археологіи и лю-бителей Изящныхъ Художествъ.

»Нѣтъ ни одного великаго событія,« говоритъ Шамполліонъ-Фижакъ, изъясняя медаль (*), »которое не доказывало-бы лю-дямъ недостовѣрности ихъ предположе-ній. Политическіе разсчеты двинули вой-ско Европейцовъ на берега Нила и — толь-ко науки воспользовались его завоеваніями. Въ лѣтописяхъ наукъ три послѣдніе года прошедшаго столѣтія всегда будутъ по-читаться замѣчательнѣйшими: это была

(*) Изъясненіе это (и рисунокъ одной стороны медали, прилагаемый къ сей книжкѣ Телеграфа) мы заимствуемъ сокращенно изъ Revue Encyclopédique. *Изд. Тел.*

Digitized by Google

эпоха воскресенія Египта, древняго и новаго, и геній Франціи произвелъ сіе чудо. Завоеванныя земли были тогда подчинены циркулю Геометра, карандашу Архитектора, инструменту Физика, молотку Геолога и изслѣдованіямъ Археолога. Три года постоянныхъ трудовъ, среди опасностей, требовавшихъ болѣе нежели храбрости, достаточны были для совершеннаго познанія сей первобытной страны наукъ и искуствъ, изученія ея древнихъ законоположеній и новыхъ обычаевъ, изысканія чудныхъ памятниковъ и даже гробницъ ея; когда хоругвь побѣды отклонилась, воины Французскіе увидѣли снова родину свою, только съ воспоминаніями о славныхъ подвигахъ своихъ, но ученые мужи Франціи, оставя Египетъ, потеряли только средства къ новымъ завоеваніямъ. Они принесли съ собою трофеи свои: удивительное множество историческихъ памятниковъ. Франція съ радостію приняла плоды благородныхъ усилій сыновъ своихъ; ей досталась лучшая часть Египта: Египетъ древній.

На одной сторонѣ медали изображенъ военный геній Франціи, въ видѣ древняго воина. Лѣвою рукою держитъ онъ Галлійское знамя (съ изображеніемъ пѣтуха) и масличную вѣтвь. Онъ наклоняется нѣсколько на правую сторону и правою рукою поднимаетъ покрывало

юимъ закрытъ Египетъ. Сія страна изображается въ видѣ женщины, печальной и изумленной. Въ костюмѣ ея сохранена одежда древнихъ Египтянъ. Сія тѣнь Египта, кажется, хочетъ подняться съ земли, но чувствуетъ свое безсиліе; правою рукою оперлась она на Нильскаго крокодила; лѣвая опущена: изъ нее выпалъ священный систръ, свитокъ папируса и циркуль. За нею видите Египетское зданіе, испещренное іероглифами; пустынная пальма возвышается надъ онымъ; вдали на право, три большія пирамиды закрываютъ остальное пространство. Внизу, отдѣльно отъ изображеній, надпись: Gallia victrice Aegyptus rediviva. MDCCCXVIII. Кромѣ неправильно означеннаго года (не уже-ли оживленіе Египта должно относить къ Панкукову изданію Описанія Египта?), здѣсь все прекрасно, все соединено съ величайшимъ разсчетомъ. Даже, замѣтимъ что и геній Франціи, при всей его *классической* фигурѣ, очеркомъ лица своего напоминаетъ намъ того, кто привелъ войска Французскія на берега Нила и почти 20 лѣтъ былъ военнымъ геніемъ Франціи.

Другая сторона медали (*смотр. приложенную къ сей книжкѣ Телеграфа картинку)* чрезвычайно замѣчательна тѣмъ, что представляетъ новыя, важнѣйшія открытія въ Египетскихъ Древностяхъ. Средину медали составляетъ чистое, круглое поле. На немъ надпись. Но эта

Digitized by Google

надпись не важна. Оставшееся отъ круга до краевъ медали пространство во всѣ стороны занято изображеніями. Здѣсь вверху видите *Скарабея*, землянаго жука; отъ него, перпендикулярно, внизу крестообразная фигура. Сими двумя изображеніями раздѣляются всѣ другія фигуры на *двѣ* части. Въ одной находится восемь божествъ Египетскихъ, въ видѣ мужей; въ другой восемь божествъ Египетскихъ въ видѣ женъ. Изображенія сіи важны для насъ тѣмъ, что Шампольіонъ, съ археографическою точностію, перенесъ ихъ на медаль съ Египетскихъ памятниковъ. Мы *видимъ* ихъ въ томъ самомъ *видѣ*, съ тѣми самыми аттрибутами и гіероглифами, съ какими они изображаемы были у древнихъ Египтянъ. Вотъ изъясненія ихъ и имена, какія даетъ имъ Шампольіонъ, прочитывая ихъ гіероглифы!

Съ лѣвой стороны отъ *Скарабея*, 1-я фигура, богъ *Амонъ-Ре*, съ бараньею головою (Амонъ - солнце), Юпитеръ Аммонъ Грековъ, мужеское начало въ Космогоніи Египтянъ. Надпись надъ нимъ, отъ лѣвой стороны къ правой, произносится *Амнр*. — 2-я фигура, богъ *Кнуфисъ*, съ бараньею головою (Нефъ, Нуфъ и Нубъ). Другая форма Амона, творецъ вселенной. Четыре гіероглифа произносятся *Нумъ* (Богъ); онъ пишется также *Кнунисъ* и его находятъ на царскихъ камняхъ. — 3-я фигура, богъ *Сукъ*, съ крокодиловою головою (Хроносъ,

Digitized by Google

Сатурнъ), богъ времени, котораго крокодилъ былъ эмблеммой. Имя изъ трехъ знаковъ, по сходству съ именемъ посвященнаго ему животнаго. — 4-я фигура, богъ *Феа* (Phtha) - *Сокарисъ*, съ головою копчика, проводитель душъ по 32-мъ небеснымъ областямъ. Гіероглифы произносятся ptah. kri. — 5-я фигура, богъ *Кнуфисъ-Нилусъ*, съ бараньею головою; проявленіе Аммона въ символѣ рѣки Нила, съ его именемъ символико-фигуральными знаками. — 6-я фигура, богъ *Ѳоѳъ* (Thoth), дважды великій или второй Гермесъ, съ ибисовою головою, основатель всѣхъ общественныхъ установленій Египта. Его символическое имя есть самое изображеніе ибиса на знамени. — 7-я фигура, богъ Pooh (Поо или Поогъ), богъ мѣсяцъ (le dieu Lune), съ копчиковою головою, называемый *Ohen-Sou*. — 8-я фигура, богъ *Фре*, съ копчиковою головою (Солнце), стоящій. Три знака образуютъ имя его: Ré, богъ.

Съ правой стороны отъ Скарабея, 1-я фигура, богиня *Нейѳъ* (Минерва Египтянъ), женское начало въ Египетской космогоніи и мать боговъ. Ея имя *Тму*, Мать, Госпожа неба. — 2-я фигура, богиня *Своенъ* (Илиѳіа, Юнона-Люцинія), божество покровительница матерей. Ея имя читается *Сюнъ*, богиня. — 3-я фигура, богиня *Анукъ* (Веста), подруга Аммона-Кнуфиса. Имя ея читается *Анкъ*, богиня. — 4-я фигура, богиня *Тифе* (Уранія, Небо), изъ семейства Ам-

мона. *Символическое* имя ея читается *Тпе*, владычица небесъ. — 5-я фигура, богиня *Аворъ* (Афродита, Венера), съ коровьею головою, дочь солнца, жена бога Фѳа, кормилица боговъ. Ея имя символическое. — 6-я фигура, богиня *Сате* (Юнона Египтянъ, предсѣдательствующая въ области преисподней). Она распростираетъ свои огромныя крылья и держитъ крестообразную фигуру въ лѣвой рукѣ. — 7-я фигура, богиня *Буто* (Латона), первобытная тма, предшествовавшая свѣту. Буто именуется *великою матерью родительницею солнца*. — 8-я фигура, опять богиня *Севенъ*, но стоящая, съ коршуновою головой (коршунъ означалъ материнское чувство, а Севенъ была его покровительство). Имя ея читается Seven, Мать.

Скарабей, важнѣйшее изъ Египетскихъ изображеній. Насѣкомое это водится и донынѣ въ Верхней Нубіи: оно образъ *міра*. Крестообразная фигура съ ручкой (croix-ansée), идея божественной жизни (la vie divine) выражала безсмертіе души. Нынѣ сдѣлалось уже достовѣрнымъ, что Миѳологія Египтянъ, не смотря на видимое безобразіе оной и многобожіе, была основана на двухъ главныхъ догматахъ: бытіи единаго Бога и безсмертіи души, ожидавшей наградъ или наказаній. Боги были ничто иное, какъ символы матеріальные единаго Бога. Послѣ сего легко изъяснить ихъ число, аттрибуты, знаки и освободить

Египетскій народъ отъ неостроыхъ шутокъ Лукіана, или нелѣпыхъ изъясненій нѣкоторыхъ археографовъ. Новое открытіе чтенія гіероглифовъ оживляетъ передъ нами древности Египтянъ и являетъ ихъ совсѣмъ въ новомъ видѣ.

Цѣна Панкуковой медали изъ бронзы (такъ называемой bronze antique, которая столь тверда, что рѣжетъ мѣдь) 30 франковъ; съ позолотой (новымъ способомъ, послѣ коей невозможно по виду отличить медали отъ настоящей золотой) 40 фр. Серебряный экземпляръ стоитъ 50 фр.

II. КРИТИКА.

Цыганы (писано въ 1824 году). М. 1827 г. въ тип. Авг. Семена, in 12, 46 стр.

Весело и поучительно слѣдовать за ходомъ таланта, постепенно подвигающагося впередъ. Таково зрѣлище представляемое намъ творцемъ Поэмъ: *Русланъ и Людмила* и нынѣ появившейся *Цыганы*; таковъ и долженъ быть ходъ истиннаго дарованія въ порѣ зрѣющаго мужества. Признаки жизни въ дарованіи щедушномъ могутъ быть только временны и, такъ сказать, случайны; но въ твердомъ, есть удовлетворительное послѣдствіе въ успѣхахъ. Стремленіе къ совершенству возможному, или невозможному, если оно не доля смертнаго, есть принадлежность избранныхъ на пути усовершенствованія и сіе стремленіе должно быть непрерывно и едино-

сущно. Въ Поэмѣ *Цыганы* узнаемъ творца Кавказскаго Плѣнника, Бахчисарайскаго Фонтана, но видимъ уже мужа въ чертахъ, нѣкогда образовавшихъ юношу. Видимъ въ Авторѣ болѣе зрѣлости, болѣе силы, свободы, развязности и, къ утѣшенію нашему, видимъ еще залогъ новыхъ силъ, сочнѣйшей зрѣлости и полнѣйшаго развитія свободы. Нынѣ разсматриваемая Поэма, или повѣсть, какъ хотите назвать ее, есть, безъ сомнѣнія, лучшее созданіе Пушкина, по крайней мѣрѣ, изъ напечатаннаго; потому что мы не въ правѣ говорить о Трагедіи его, еще не выпущенной въ свѣтъ. Поэтъ переноситъ насъ на сцену новую: природа, краски, явленія, встрѣчающіяся взорамъ нашимъ, не заимствованныя и возбуждаютъ въ насъ чувства не затверженныя на память, но раждаютъ ощущенія новыя, впечатлѣнія цѣльныя. Не уже-ли нѣтъ тутъ ни малѣйшаго подражанія? спроситъ сей часъ злонамѣренная недовѣрчивость. Кажется: рѣшительно нѣтъ; по крайней мѣрѣ, подражанія уловимаго, подлежащаго уликѣ. Но намъ лично, хотя для того, чтобы поддержать свое мнѣніе, не льзя впрочемъ не признаться, что, вѣроятно, не будь Байрона, не было-бы и поэмы Цыганы въ настоящемъ ихъ видѣ, если однакожь притомъ судьба не захотѣла-бы дать Пушкину мѣсто, занимаемое нынѣ Байрономъ въ поколѣніи нашемъ. Въ самой связи или лучше сказать, въ самомъ отсутствіи связи видимой и ощутительной, по коему Пушкинъ начерталъ планъ созданія своего, отзывается чтеніе Гяура Байронова и заключеніе обдуманное, что Байронъ не отъ лѣни, не отъ неумѣнія не спаялъ отдѣльныхъ частей цѣлаго, но напротивъ, въ слѣдствіе мысли свѣтлой и

вѣрнаго понятія о характерѣ эпохи своей. Единство мѣста и времени, спорная статья между классическими и романтическими драматургами, может отвѣчать непрерывающемуся единству дѣйствія въ эпическомъ или въ повѣствовательномъ родѣ. Нужны-ли воображенію и чувству, законнымъ судіямъ поэтическаго творенія, математическое послѣдствіе и прямолинейная выставка въ предметахъ, подлежащихъ ихъ зрѣнію? Нужно-ли, чтобы мысли нумерованныя слѣдовали предъ ними одна за другою, по очереди непрерывной, для сложенія итога полнаго и безошибочнаго? Кажется, довольно отмѣчать тысячи и сотни, а единицы подразумѣваются. Путешественникъ, любуясь съ высоты окрестною картиною, минуетъ низменные промежутки и обънемлетъ однѣ живописныя выпуклости зрѣлища предъ нимъ разбитаго. Живописецъ, изображая оную картину на холстѣ, слѣдуетъ тому-же закону, и повинуясь дѣйствіямъ перспективы, переноситъ въ свой списокъ одно то, что выдается изъ общей массы. Байронъ слѣдовалъ этому соображенію въ повѣсти своей. Изъ міра физическаго переходя въ міръ нравственный, онъ подвелъ къ этому правилу и другое. Байронъ, болѣе всѣхъ другихъ въ сочувствіи съ эпохою своею, не могъ не отразить въ твореніяхъ своихъ и этой значительной примѣты. Не льзя не согласиться, что въ историческомъ отношеніи не успѣли-бы мы пережить то, что пережили на своемъ вѣку, если происшествія современныя развивались-бы постепенно, какъ прежде обтекая заведенный кругъ стараго циферблата: нынѣ и стрѣлка времени какъ-то перескакиваетъ минуты и считаетъ одними часами. Въ классиче-

свой старины, войска осаждали городокъ долгія лѣта и пѣснопѣвцы въ поэмахъ своихъ вели поденно военный журналъ осады и дѣяній каждаго воина въ особенности; въ новѣйшей эпохѣ, романтической, минуютъ крѣпости на военной дорогѣ и прямо спѣшатъ къ развязкѣ, къ результату войны; и еще и того лучше: уже не поютъ ни осады, ни взятія городовъ. Вотъ одна изъ характеристическихъ примѣтъ нашего времени: стремленіе къ заключеніямъ. Отъ нетерпѣнія-ли и вѣтренности, какъ думаютъ старожилы, просто-ли отъ благоразумія, какъ думаемъ мы, но на письмѣ и на дѣлѣ перескакиваемъ союзныя частицы скучныхъ подробностей и порываемся къ *результатамъ*, которыхъ, будь сказано мимоходомъ, по настоящему, нѣтъ у насъ и, по неволѣ прибѣгаемъ къ галлицизму, потому что *послѣдствія, заключенія, выводы*, все невѣрно и не полно выражаютъ понятіе, присвоенное этому слову. Какъ въ были, такъ и въ сказкѣ, мы уже не пріемлемъ младенца изъ купели и не провожаемъ его до поздней старости, и наконецъ до гроба, со дня на день исправляя съ нимъ рачительно ежедневные завтраки, обѣды, полдники и ужины. Мы вѣримъ на слово автору, что герой его или героиня ѣдятъ и пьютъ, какъ и мы грѣшные, и требуемъ отъ него, чтобы онъ намъ выказывалъ ихъ только въ рѣшительныя минуты, а впрочемъ не хотимъ вмѣшиваться въ домашнія дѣла. Между тѣмъ замѣтимъ, что уже и въ старину Делиль, хотя Магометъ классицизма, но не менѣе того пророкъ въ своемъ дѣлѣ, чувствовалъ выгоду такихъ скачковъ и говорилъ, что Лабрюеръ, свергнувъ иго

переходовъ, освободился отъ одной изъ величайшихъ трудностей въ искуствѣ писать.

Поэма *Цыганы* составлена изъ отдѣльныхъ явленій, то описательныхъ, то повѣствовательныхъ, то драматическихъ, не хранящихъ математическаго послѣдствія, но представляющихъ нравственное послѣдствіе, въ которомъ части согласены правильно и гармонически. Какъ говорится, что и *въ разбросанныхъ членахъ виденъ поэтъ*; такъ можно сказать, что и въ отдѣльныхъ сценахъ видна поэма. Скажемъ нѣчто о составѣ и ходѣ ея. На группѣ картины изображается таборъ южныхъ Цыгановъ со всею причудностію ихъ отличительныхъ красокъ, поэтическою дикостью ихъ обычаевъ и промысловъ и независимостью нравовъ. Замѣчательно, что сіе племя, коего происхожденіе и существованіе историческое предлагаютъ задачу не совсѣмъ еще разрѣшенную, не смотря на изысканія и вѣроятныя гипозеты ученыхъ, вездѣ сохраняетъ неизгладимыя оттѣнки какого-то первоначальнаго бытія своего и что сіи оттѣнки не сливаются, по крайней мѣрѣ, во многихъ чертахъ, съ нравами туземцовъ, между коими они искони ведутся. Въ самыхъ городахъ являютъ они признаки кочевой жизни: временемъ и законнымъ образомъ укорененные въ гражданскихъ обществахъ, они какъ будто все на переходѣ и готовы на утро сложить палатки свои для переселенія. Тѣмъ еще своеобразнѣе должно быть житье ихъ въ степяхъ и на волѣ. Племя съ такою оригинальною физіогноміею принадлежитъ Поэзіи и Пушкинъ въ удачномъ завоеваніи присвоилъ его и покорилъ ея владычеству. Два лица выдаются впередъ изъ сей толпы странной и живописной: Зем-

Digitized by Google

фира, молодая Цыганка и старый отецъ ея. Среди сихъ дѣтей природы независимой и дикой является третье лицо: гражданинъ общества и добровольный изгнанникъ его, недовольный питомецъ образованности, или худо понявшій ее, или неудовлетворенный въ упованіяхъ и требованіяхъ на ея могущество, однимъ словомъ, лицо, прототипъ поколѣнія нашего, не лицо условное и непремѣнное въ новѣйшей Поэзіи, какъ лица перваго любовника, плута слуги или субретки въ старой Французской комедіи, но, лицо, перенесенное изъ общества въ новѣйшую Поэзію, а не изъ Поэзіи наведенное на общество, какъ многіе полагаютъ. Любовь къ Земфирѣ, своевольная прелесть, которую находитъ онъ въ независимомъ житьѣ-бытьѣ ихъ сообщества, тягость отъ повинностей образованнаго общежитія, пресыщеніе отъ опостылѣвшихъ ему удовольствій свѣтскихъ, удерживаютъ его при таборѣ и водворяютъ въ новую жизнь. Но укрывшійся отъ общества, не укрылся онъ отъ самаго себя; съ измѣною рода жизни не измѣнился онъ нравственно и перенесъ въ новую стихію страсти свои и страданія за ними слѣдующія. Раздѣляя съ новыми товарищами ихъ занятія и досуги, не могъ онъ раздѣлить съ ними ихъ образъ мыслей: недовѣрчивость и самолюбіе возмутили спокойствіе души на минуту прояснившейся и освобожденной отъ прежнихъ впечатлѣній: ревность и обманутое самолюбіе ввергли его въ преступленіе. Онъ убиваетъ соперника своего и любовницу. Отецъ Земфиры, общество усыновившее пришельца удаляются отъ него и не удовлетворяя мести, предаютъ его собственнымъ мученіямъ и волѣ Промысла. Вотъ сущность Поэмы. Не будемъ въ подробностяхъ

обращать вниманіе читателя на отдѣльныя красоты разсказа, яркія черты живописныя, поэтическое движеніе въ оборотахъ, строгую и вмѣстѣ съ тѣмъ свободную точность выраженій пламенныхъ и смѣлыхъ. Въ исполненіи вездѣ видѣнъ Пушкинъ и Пушкинъ на походѣ. Дадимъ отчетъ читателю въ главныхъ впечатлѣніяхъ нашихъ. Каждое изъ трехъ лицъ, упомянутыхъ выше, очертано вѣрно и значительно. Легкомысленная, своевольная Земфира; отецъ ея, безстрастный, равнодушный зритель игры страстей, охлажденный лѣтами и опытами жизни трудной; Алеко непокорный данникъ гражданскихъ обязанностей, но и не безкорыстный въ любви къ независимости, которую онъ обнялъ не по размышленію, не въ ясной тишинѣ мыслей и чувствъ, а въ порывѣ и раздраженіи страстей, всѣ они выведены Поэтомъ въ настоящемъ ихъ видѣ, съ свойственными каждому мнѣніями, рѣчами, движеніями. Первая, изложительная сцена, и вторая, служащая къ ней дополненіемъ, двѣ картины Цыганской природы, вѣрною и смѣлою кистью Орловскаго начертанныя. Живопись не можетъ быть ни удовлетворительнѣе, ни, такъ сказать, осязательнѣе. Послѣ сихъ двухъ сценъ положительныхъ, въ которыхъ краски почерпнуты изъ природы видимой, слѣдуетъ, и очень кстати, сцена болѣе идеальная, но не менѣе истинная, хотя истина въ ней и отвлеченная. Читая ее, нечувствительно готовишься къ бѣдствіямъ, которыя постигнутъ Алеко и отразятся на общество его пріявшее. Вводные стихи о птичкѣ, которые Поэтъ съ искуствомъ составилъ по другому размѣру и бросилъ какъ иносказаніе, свойственное Поэзіи нашихъ народныхъ пѣсенъ, придаютъ этому отрывку

какую-то неопредѣленность, совершенно соотвѣтственную мысли, господствующей въ немъ. Кажется только, Поэту не должно-бы кончать послѣднимъ стихомъ, а предыдущимъ. Онъ говоритъ объ Алеко:

Но, Боже, какъ играли страсти
Его послушною душой!
Съ какимъ волненіемъ кипѣли
Въ его измученной груди!
Давно-ль, на долго-ль усмирѣли?
Онѣ проснутся: погоди.

Этотъ стихъ долженъ подразумѣваться и смыслъ его обнажиться самъ собою въ послѣдствіи. Тутъ онъ какъ будто напередъ подсказанное слово заданной загадки. По мнѣнію нѣкоторыхъ, эпизодъ Овидія, вставленный въ четвертой сценѣ, не у мѣста и не приличенъ устамъ Цыгана. Мы съ этимъ не согласны. Почему преданію объ Овидіи не хранитъся всенародно въ краю, куда онъ, по всей вѣроятности, былъ сосланъ? Къ тому-же, бриліянтъ высокой цѣны, кажется, вездѣ у мѣста; а сей отрывокъ объ Овидіи, столь вѣрно и живо выражающій безпечность и простодушіе Поэта, есть точно драгоцѣнность поэтическая. Можетъ быть, только не совсѣмъ кстати старикъ приводитъ примѣръ сосланнаго Овидія послѣ стиховъ:

Но не всегда мила свобода
Тому, кто къ нѣгѣ приученъ.

Легко согласиться, что насильственная свобода сосланнаго можетъ быть для него и не слишкомъ мила. Но впрочемъ, воспоминаніе объ Овидіи совсѣмъ не

ючания неумѣстная ни по сценѣ дѣйствія, ни по дѣйствующимъ лицамъ. Въ слѣдующемъ отрывкѣ, гдѣ описывается житье-бытье пришельца, не хотѣлось-бы видѣть, какъ Алеко по селеньямъ *водитъ съ пѣньемъ медвѣдя*. Этотъ промыслъ, хотя и совершенно въ числѣ принадлежностей Молдаванскихъ Цыгановъ, не имѣетъ въ себѣ ничего поэтическаго. Понимаемъ, что Алеко сдѣлался Цыганомъ изъ любви къ Земфирѣ и изъ ненависти къ обществу; но все не можетъ онъ съ удовольствіемъ школить несчастнаго медвѣдя и наживаться его боками. Если непремѣнно нужно ввести Алеко въ совершенный Цыганскій бытъ, то лучше предоставить ему барышничать и цыганить лошадьми. Въ этомъ ремеслѣ, хотя и не совершенно безгрѣшномъ, все есть какое-то удальство и слѣдственно Поэзія. Съ шестаго отрывка до конца Поэмы занимательность, искуство Поэта и красоты разнородныя, но вездѣ первостепенныя, возвышаются болѣе и болѣе. Сцена извѣстной пѣсни: *Старый мужъ, грозный мужъ*, возникающая ревность Алеко и спокойное воспоминаніе о сей пѣснѣ, давно сложенной, старика, который безъ участія, безъ вниманія смотритъ на жестокое, но уже для него непонятное волненіе разыгрывающихся страстей; безчувственность старика, въ которомъ одна только память еще пріемлетъ впечатлѣнія; ужасная ночная сцена сновидѣній Алеко, тоска и страхъ Земфиры, разговоръ ея съ отцомъ, разговоръ его съ Алеко и кипящія выходки страсти послѣдняго, въ которыхъ такъ мрачно, такъ злосчастно предсказывается жребій Земфиры, если она измѣнитъ любви его, и самое совершеніе рокового предсказанія: все это исполнено жизни, силы, вѣр-

ности, необычайныхъ. Слѣдуя своему поэтическому *crescendo*, Поэтъ въ послѣдней главѣ превзошелъ себя. Обрядъ погребенія, совершаемый передъ убійцею, который

Съ ножемъ въ рукахъ, окровавленный,
Сидѣлъ на камнѣ гробовомъ;

слова старика, прощающагося съ нимъ: все это дышетъ величественною простотою, истиною, то есть, возвышенною Поэзіею. Послѣднія подробности, коими Авторъ довершилъ картину свою, доказываютъ вѣрность и смѣтливость его поэтическаго взгляда.

. . . . Шумною толпою
Поднялся таборъ кочевой
Съ долины страшнаго ночлега,
И скоро все въ дали степной
Сокрылось. Лишь одна тѣлега,
Убогимъ крытая ковромъ,
Стояла въ полѣ роковомъ.
Такъ иногда, передъ зимою,
Туманной утренней порою,
Когда подъемлется съ полей
Станица позднихъ журавлей
И съ крикомъ вдаль на югъ несется,
Пронзенный гибельнымъ свинцомъ
Одинъ печально остается,
Повиснувъ раненымъ крыломъ.
Настала ночь; въ тѣлегѣ темной
Огня никто не разложилъ,
Никто подъ крышею подъемной
До утра сномъ не опочилъ.

Digitized by Google

Все это замѣчено, все списано съ природы. Вотъ истинная, существенная, не заимствованная Поэзія.

Въ заключеніе Эпилогъ, въ которомъ послѣдній стихъ что-то слишкомъ Греческій для мѣстоположенія:

И отъ судебъ защиты нѣтъ.

Подумаешь, что этотъ стихъ взятъ изъ какого нибудь хора древней трагедіи. Напрасно также, если мы пустились въ щепетильныя замѣчанія, Авторъ заставляетъ Земфиру умирать эпиграмматически, повторяя послѣднія слова изъ пѣсни:

Умру любя.

Во всякомъ случаѣ, развѣ: *умираю*, а то при послѣднемъ издыханіи и нѣкогда было-бы ей разлюбить. Еще не хотѣлось-бы видѣть въ Поэмѣ одинъ вялый стихъ, который, Богъ знаетъ какъ, въ нее вошелъ. Послѣ погребенія двухъ несчастныхъ жертвъ, Алеко

Медленно склонился
И съ камня на траву свалился.

Вотъ изложеніе впечатлѣній, которыя остались въ насъ послѣ чтенія одного изъ замѣчательнѣйшихъ и первостепенныхъ явленій нашей Поэзіи. Авторъ, кажется, хотѣлъ было сначала развернуть еще болѣе части своей повѣсти. Мы слышали объ одномъ отрывкѣ, въ которомъ Алеко представленъ у постели больной Земфиры и люльки новорожденнаго сына. Сіе положеніе могло-бы дать просторъ для новыхъ соображеній поэтическихъ. Алеко, волнуемый радостью и недовѣрчивостью, любовью къ Земфирѣ

Digitized by Google

и къ сыну и подозрѣніями мучительной ревности, было-бы явленіе, достойное кисти Поэта.

Пушкинъ совершилъ многое; но совершить можетъ еще болѣе. Онъ это долженъ чувствовать: и мы въ этомъ убѣждены за него. Онъ, конечно, далеко за собою оставилъ берега и сверстниковъ своихъ; но все еще предстоятъ ему новыя испытанія силъ своихъ; онъ можетъ еще плыть далѣе въ глубь и полноводіе.

Отвѣтъ на критику Г-на — хова.

Въ прошедшемъ No 9-мъ Телеграфа (*Отд.* I, *стр.* 35-45) напечатана была критика на *Начальныя Основанія Химіи, А. Іовскаго.* Да позволено будетъ сдѣлать на нее коротенькія замѣчанія и обозначить, гдѣ Г-нъ Критикъ недоуразумѣвалъ, гдѣ дѣлалъ неумѣстныя выходки, и наконецъ, гдѣ онъ былъ слишкомъ пристрастенъ, а особливо къ Парацельсу.

И такъ, во первыхъ, о недоразумѣніяхъ Г-на Критика.

1. Г-нъ —*ховъ* утверждаетъ, что будто-бы въ изданной мною Химіи *о теплотѣ и свѣтѣ говорится подробнѣе, чѣмъ о другихъ веществахъ*; отвѣчаю: неправда; а доказательства: на двухъ только печатныхъ листахъ, помѣщено все, что до изданія сей части Химіи извѣстно касательно сихъ невѣсомыхъ веществъ; о прочихъ-же веществахъ говорится почти на семи листахъ. Г-нъ —*ховъ* многаго, какъ видно, не замѣтилъ что опущено,

Digitized by Google

какъ дознанное несправедливымъ и что прибавлено, какъ открытія или какъ предположенія, достойныя вниманія мыслящихъ читателей.

Г-нъ —*ховъ* на той же страницѣ говоритъ, что въ сочиненіи *моемъ собрано въ одно мѣсто многое изъ того, что разсѣяно въ разныхъ сочиненіяхъ*. Если сіи слова не маленькая хвастливость, то по крайней мѣрѣ неумѣстная выходка, ибо я передаю моимъ соотечественникамъ то, что я приобрѣлъ, осмѣливаюсь сказать, трудомъ долголѣтнимъ.

На стр. 37, Г-нъ —*ховъ* говоритъ, что *я, не отличивъ Физики отъ Химіи предварительно, изъясняю гальванизмъ въ Химіи.* Г-нъ Критикъ вѣроятно знаетъ старинное правило: *Ubi desinit physicus, incipit chimicus.* Посему и въ основаніяхъ Химіи не говорится что такое Физика; но объ этомъ должно говорить въ Химіи? Разверните Г-нъ —*ховъ* Химію, на прим. Г-на Берцеліуса, мужа, который по всѣмъ частямъ Естествоиспытанія заслужилъ уже безсмертное имя, разверните Химію Г-на Тенара: говорятъ-ли они въ Химіяхъ о Физикѣ? Вы скажете, что другіе говорятъ; пусть ихъ говорятъ, когда хотятъ. Химію слушаютъ и читаютъ послѣ Физики, слѣд., довольно *опредѣленія*, чтобы понять, что это не-Физика. Но, кажется, у Господина —*хова* главное не то, а вотъ что: почему я говорю о гальванизмѣ въ Химіи? Но это также недоуразумѣніе Г-на —*хова.*

На стр. 37, Г-нъ Критикъ утверждаетъ, что *прочитавши о различіи Химіи на теоретическую и практическую, не льзя опредѣлить: Химія* мною изданная, *теоретическая или практическая?*

Отвѣчаю и на сіе недоразумѣніе Г-на *—хова*: Химія сія есть, какъ видно изъ опредѣленія (см. § 2) теоретическая.

На той-же страницѣ Г-ну *—хову кажется, что Сельскую Химію должно назвать Земледѣльческою.* Кажется, что сія часть не учитъ земледѣлію и не нужна для земледѣльца; но служитъ только наукѣ о земледѣліи главнымъ основаніемъ и нужна сельскому хозяину. Но называй ее кто какъ хочетъ, а мнѣ кажется, что по сдѣланному мною опредѣленію, ей болѣе прилично названіе *Сельской Химіи.*

Тамъ-же Г-нъ Критикъ такъ выражаетъ свое недоразумѣніе: *Домашняя и Технологическая Химія едва-ли одно и тоже.* Излагаю мое понятіе для большаго уразумѣнія: Домашняя или Технологическая Химія занимается предметами къ домашнему быту принадлежащими, а Сельская только тѣмъ, что принадлежитъ къ полю или къ селу, но не къ дому села, а къ огороду и т. п. Кажется, это понять не трудно; по крайней мѣрѣ, я такъ думаю. О подробностяхъ, см. опредѣленія сихъ наукъ на стр. 3 *Основаній Химіи.*

Тамъ-же, ниже, Г-нъ *—ховъ* укоряетъ меня, почему я не выставилъ сочиненій, изъ коихъ можно видѣть, что названіе Химіи прежде потопа извѣстно было, прибавляя, что *безъ сего не всякій повѣритъ.* Это я не считалъ нужнымъ, имѣя совершенную мою довѣренность ко всѣмъ. Ежели-же это нужно Г-ну *—хову*, то между прочимъ см. *Aug. Vogel Institutiones chemiae,* Lugduni Batav. et Lipsiae, MDCCLVII.

На той-же страницѣ, далѣе, говоритъ Г-нъ *—ховъ*, что *ежели рѣчь идетъ о Ѳовелѣ, то ковать вовсе не есть дѣло Химіи.* Г-нъ *—ховъ!* что это вы вздумали? Да развѣ прежде ковки не проходитъ металлъ чрезъ лабораторію Химіи? О, какой вы недоуразумѣвающій!! Г-нъ —ховъ тутъ *замѣчаетъ кстати*, что *подробное описаніе способа сгущать газы, само по себѣ весьма интересное, въ краткомъ изложеніи Химіи неумѣстно и мѣшаетъ* точности изложенія. За симъ слѣдуетъ не кстати безполезная выходка у Г-на Критика. Но разсмотримъ *замѣчаніе кстати.* Говоря о кованіи, какимъ образомъ вдругъ Г-ну Критику *показалось кстати*, черезъ девять страницъ, упоминать о подробномъ, по его мнѣнію, описаніи сгущать газы? Во 1-хъ, ковка со сгущеніемъ газовъ не имѣетъ никакого отношенія, а посему совсѣмъ не кстати замѣчаніе Г-на *—хова.* Во 2-хъ, о сгущеніи газовъ говорится въ концѣ исторіи Химіи, ибо это было послѣднее открытіе сего рода, даже до конца истекшаго года, а посему кажется, не есть неумѣстно и не *мѣшаетъ точности изложенія;* здѣсь нужно было показать оба способа сгущенія газовъ, Г-дъ Фарадая и Бюсси, и именно для того, чтобы послѣ не повторять при каждомъ веществѣ, а сказать просто: *сгущается*, что и сказано уже о солетворѣ, хотя на бѣду просмотрѣна ошибка, ибо вмѣсто: *но сгущается*, пробѣгло мимо глазъ: *не сгущается* (см. стр. 63, 141, строк. 4). Это стоило, кажется, вниманія Г-на *—хова.*

Недоразумѣніе Г-на Критика (см. стр. 36) произошло отъ того, что онъ не дочиталъ. Вотъ его слова. *На стр.* 80 *Химіи сказано: »для удоб-*

нѣйшаго обозрѣнія мы подраздѣляемъ образуемыя вещества на три степени; описаны-же оныя совсѣмъ не такъ подраздѣленными.« Оставляя на сторонѣ школьности, отвѣчаю: *такъ!* Читайте далѣе, Г-нъ —*ховъ;* вольно вамъ было остановиться у точки. Переступите за точку на той же строжѣ, примите на себя этотъ трудъ, и вы увидите, что *такъ*, если вамъ угодно будетъ вникнуть.

Ежели Г-нъ —*ховъ* въ пяти строкахъ не разсмотрѣлъ подраздѣленія, то могъ-ли онъ разсмотрѣть *точность и порядокъ* въ цѣлой книгѣ, о которыхъ съ столь натянутымъ тономъ говоритъ въ своей неумѣстной выступкѣ? Не совершенно, какъ видно, знакомый съ Химіею, онъ не могъ выбрать для взвѣшиванія ея лучшихъ вѣсковъ, какъ только *вѣски аптекарскія;* но Химія не пользуется сими вѣсками.

На стр. 39 Критики, Г-нъ —*ховъ* говоритъ объ языкѣ: будто-бы *кремнистность, глинистность, известковостъ* и проч. суть слова, противныя свойству языка; но *почему*, и *не льзя-ли сдѣлать лучше? Вотъ о семъ-то важномъ предметѣ я всегда готовъ принять здравое сужденіе другихъ со всею моею благодарностію* (см. предисл. къ Химіи стр. III) и замѣчаніе о семъ было-бы истинно полезно для науки. Но къ чему послужитъ выходка Г-на —*хова*, что будто-бы по тому самому, что *кальцій* я назвалъ *известковостью*, должно назвать кислотворъ — *кислотностію,* солетворъ — *вольностію?!!* (*) и т. д. Сего-ли должно было

(*) Должно-бы напечатать: *солвностію;* такъ и въ рукописи Гна-хова. Я виноватъ: просмотрѣлъ эту типографическую ошибку, которая впрочемъ очень явна. *Изд. Тел.*

ожидать отъ того, который говоритъ о себѣ (на стр. 36 Критики): *пишу сіи замѣчанія потому, что успѣхи отечественнаго просвѣщенія почитаю предметомъ для меня близкимъ.* Это очень ясно доказываете вы, Г-нъ —*ховъ*, своими выходками!!

На стр. 40 Г-нъ Критикъ замѣчаетъ, что я *иногда принималъ имена иностранныя безъ перевода: іодій, вромій, барій* и проч. Объ этомъ я и въ предисловіи замѣтилъ, что ввожу только нѣкоторыя слова, на кои прошу обратить вниманіе и поправить, ежели можно; поправилъ-ли оныя Г-нъ —ховъ, это отдаю на сужденіе читателя. Онъ рѣшилъ, что они будто-бы произведены отъ прилагательныхъ именъ; но его рѣшеніе не совсѣмъ справедливо. Далѣе Г-нъ Критикъ утверждаетъ, что *слово roche, не должно-бы называть оскальностію;* но почему не должно бы и какъ *должно-бы* назвать его по-Русски, не прибѣгая къ выраженію онаго двумя и болѣе словами, объ этомъ Критикъ не почелъ за нужное говорить. При семъ не излишнимъ почитаю изложить свое мнѣніе о семъ словѣ. Чрезъ *оскальность* я хотѣлъ выразить то, что Французскіе Геогносты выражаютъ чрезъ слово *roche*, а именно: опредѣленное образованіе земнаго шара; отсюда у нихъ выраженія: *roche granitique, roche schisteuse, porphyrique* или *roche secondaire* и т. д. Въ этомъ значеніи, слова *roche* не льзя выразить чрезъ слово: *скала*, которое собственно означаетъ выдавшуюся и возвышающуюся, утесистую часть земли какой нибудь *оскальности*, т. е. *того, что служитъ основаніемъ скалы.* Мнѣ кажется, что для Геогнозіи сіе слово можетъ почесться безвреднымъ?

На стр. 41 Г-нъ —ховъ продолжаетъ, что я, *раздѣляя вещества на вѣсомыя и невѣсомыя простыя, противорѣчу самъ себѣ;* ибо *свѣтъ состоитъ изъ многихъ лучей, слѣд. не есть простое вещество невѣсомое.* Отвѣчаю, повторяя: ежели-бы Г-нъ —*ховъ* прочелъ со вниманіемъ *Начальныя Основанія Химіи*, то вѣрно онъ сказалъ-бы о семъ подоказательнѣе, а видно изъ его критики, что онъ перебѣгалъ только листки, и слѣд. многое просмотрѣлъ, что нужно было-бы познать для составленія правильнаго заключенія. А безъ сего *Baculus in angulo, ergo pluit.*

На стр. 42, Г-нъ Критикъ говоритъ, будто бы *о предположеніи*, что всѣ образовательныя вещества суть измѣненія одного и того же вещества, и что *(даже для Г-на Критика)* совершенно справедливо и даже необходимо, *сказано было двадцать лѣтъ уже на Русскомъ языкѣ;* но гдѣ? прошу покорно мнѣ сказать; я этого не зналъ, ибо, говоря о семъ, основывался на изслѣдованіяхъ новѣйшихъ, какъ можно замѣтить въ *моей книгѣ.* Ежели это извѣстно было за двадцать лѣтъ, то только какъ предположеніе, ибо за двадцать лѣтъ не на чѣмъ было оное основать: развѣ только на другомъ предположеніи; мнѣ-же подали къ оному поводъ и убѣждаютъ меня въ моемъ мнѣніи многія новѣйшія изслѣдованія, какъ я уже сказалъ. За симъ еще присоединяю мою просьбу указать мнѣ, гдѣ объ этомъ сказано за двадцать лѣтъ. Это очень интересно; *мнѣніе, сходное съ нашимъ, всегда льститъ намъ (см. предисловіе къ Химіи).*

За симъ Г-нъ Критикъ возвращается опять назадъ, за 16 страницъ, и говоритъ такъ: »Г-нъ

»Ю . . . . принимаетъ видъ, будто-бы ему принад»лежитъ предположеніе, что *гальванизмъ есть »особенный случай электричества*, когда говоря »о *семъ*, ссылается на *первое изданіе Химіи*. Онъ »говоритъ далѣе: *явленіе электромагнитныхъ те»ченій подало* (стр. 32) намъ *поводъ къ се»му замѣчанію* (т. е. о тожествѣ магнит»ности и электричества (*). Это замѣчено бы»ло, кажется, прежде Г-на Іовскаго.« За симъ слѣдуетъ у Г-на Критика предположеніе (осмѣливаюсь такъ выразиться) *самое предположительное;* но вотъ его слова: »Тутъ-же дѣлаетъ онъ (т. е. я) »предположеніе, что свѣтъ и теплота *вѣроятно »суть измѣненія самаго электричества:* это во»все не вѣроятно (утверждаетъ Г-нъ —ховъ); ибо »свѣтъ есть первоначальное явленіе физическаго міра »и кругъ дѣйствія его въ природѣ обширнѣйшій.« Вотъ гдѣ истина!! Но не есть ли это *извороченное ученіе браминовъ?* Гдѣ на это доказательства? Представьте намъ изслѣдованія, которыя подтверждали-бы сколько нибудь справедливость вашего мнѣнія, что *свѣтъ есть первоначальное явленіе физическаго міра*, и проч. Не есть-ли это мнѣніе *чисто произвольное*, черта изъ туманной области Философіи природы, столь смежной съ Алхиміею и Астрологіей, какъ порожденіями младенчествующаго ума, *еще бѣднаго наблюденіями, изслѣдованіями и опытами?* Подробнѣе о семъ сказано въ статьѣ о Металлахъ. (См. *Началн. основанія Химіи*, стр. 117 и д.)

(*) Ниже читатель увидитъ, говорится-ли о тожествѣ магнитности и электричества, о коемъ Г-нъ —ховъ мечтаетъ. *I.*

Господинъ *—ховъ* утверждаетъ, будто-бы я на *стр.* 32 *Химіи* говорю о тожествѣ магнитности и электричества. Посмотримъ. Вотъ мои слова: »*Предположенія въ Естественныхъ Наукахъ* »*даютъ новый взглядъ на предметъ и открыва*»*ютъ новый путь къ изслѣдованіямъ. Посему маг*»*нитность и электричество не суть-ли измѣненіе* »*особой стихіи, при которомъ электричество къ* »*магнитности появляется въ такомъ-же отно*»*шеніи, какъ свѣтъ къ теплотѣ, которыя вѣроят*»*но суть измѣненія самаго электричества? Явле*»*ніе электромагнитныхъ теченій подало намъ* »*поводъ къ сему замѣчанію.*« Изъ сего всякій легко можетъ видѣть, что явленія электромагнитныхъ теченій подаютъ поводъ заключать *не о тожествѣ магнитности и электричества*, но о томъ, что электричество и магнитность не суть-ли измѣненіе особой стихіи. *Тожество* и *измѣненіе* не одно и тоже. Господину *—хову*, который не находитъ (рѣшительнымъ тономъ) въ моей книгѣ *стройности размѣренной и порядка, необходимыхъ качествъ наукъ*, непростительно принимать два разныя понятія за одно и тоже.

Далѣе Г-нъ Критикъ снова не доуразумѣваетъ: *ему непонятно ученіе о жизни природы*, а въ моей Химіи объ этомъ и *не говорится.* Онъ смѣшалъ подлежащее съ сказуемымъ и потому ему все сдѣлалось непонятно. Неумѣстная сказка Г-на *—хова* о саламандрѣ останется навсегда сказкою; для насъ же навсегда пребудетъ священною истиною, что *въ человѣкѣ сосредоточивается пламя Божественное, что всякое движеніе человѣка распространяетъ*

Digitized by Google

теплоту, которая переливается въ окружающую его природу и проч. (см. Критики стр. 43 и Химіи стр. 55).

Все, сказанное Г-мъ —*ховымъ* о томъ, что *причиною теплоты также почесться могутъ всѣ химическія соединенія* и проч., равно относится къ его недоуразумѣнію. Здѣсь не моя ошибка, а его. Съ моей стороны, въ защиту всѣ знаменитые Химики, а *ихъ не льзя причислить къ хромымъ, въ царство которыхъ пріѣхалъ горбатый*; цѣлыя общества гордятся ихъ заслугами.

Ниже въ Критикѣ, но надобно назадъ возвратиться въ Химіи, гдѣ сказано на 54 стр.: *одна изъ главнѣйшихъ причинъ, развивающихъ теплоту съ большею силою, есть огонь.* Критикъ прибавляетъ: *pater ex filio.* Кстати-ли это, отдаю на сужденіе читателя. Я-же долгомъ поставляю замѣтить, что Г-нъ Критикъ вмѣсто того, чтобы посмотрѣть, нѣтъ-ли на слѣдующей страницѣ чего любопытнаго и даже чего нибудь новаго, что можно замѣтить для читателя, а симъ доказать, что *онъ успѣхи отечественнаго просвѣщенія почитаетъ для себя близкимъ предметомъ*, возвращается назадъ, *какъ-бы на прочтенную страницу* и сокращаетъ *по своему* первыя строки. Даже замѣчаніе внизу не стоило его вниманія. Но ему хотѣлось другаго: онъ искалъ чего-то по страницамъ. Касательно послѣдняго замѣчанія его, будто я принимаю поляризацію свѣта за вещество, скажу, что Г-нъ Критикъ въ концѣ Химіи находящуюся номенклатуру почелъ за Химію. Не здѣсь Г-нъ Критикъ надобно-бы было справиться о поляризаціи, гдѣ на-

Digitized by Google

ходятся только Латинскія и Русскія слова безъ всякаго значенія.

Вотъ недоразумѣнія Г-на —хова! Теперь слѣдовало-бы говорить о неумѣстныхъ выступкахъ; но таковыя мѣста непріятны для мыслящихъ читателей; обозначу только страницы и строки, на которыхъ онѣ находятся: см. Критики стр. 16, строки: 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9-ую; отъ послѣдней строки 37-й страницы до точки на 11-ой строкѣ 38-й стр. и черезъ три строки ниже до 18 строки 39 страницы. На стр. 41 съ 6-й строки почти до 20-й. *Самое дѣловое произведеніе* Г-на —хова!!! На стр. 43 съ шестой строки до точки на девятой строкѣ.

Теперь упомянемъ еще нѣсколько о *замѣтномъ пристрастіи Г-на —хова* къ Парацельсу. Въ *первомъ* мѣстѣ, излагая исторію Химіи по порядку времени, я долженъ былъ сказать о Парацельсѣ, ибо ученіе его носитъ на себѣ особую печать, которою означались несчастія общества того времени, а слѣдовательно унижалось достоинство самыхъ наукъ и преграждался путь къ успѣхамъ въ оныхъ. Во *второмъ* мѣстѣ, говоря объ исторіи металловъ, такъ какъ объ особомъ предметѣ, я вынужденъ былъ опять говорить о Парацельсѣ, ибо онъ, окруженный простяками, увлеченными избраннымъ числомъ поборниковъ, публично претворяющій изъ небольшой Сальзбургской рѣчки воду въ золото (*), есть первое лицо

(*) The much-ridiculed title of Alchymy, so long occupied the attention of speculatists in all Europe (выключая Россію). *Gurney's Course of lectures on Chemical Science.* И въ сей книгѣ есть любопытное объ Алхиміи. I.

въ исторіи металловъ. Господинъ —*ховъ* укоряетъ меня такъ: »*зачѣмъ касаться нравственности, жизни и смерти и тревожить прахъ людей?* Это не я говорю Г-нъ —*ховъ;* я списывалъ только слова съ скрижалей исторіи. На нихъ истинныя заслуги также четки, какъ и поступки фигляра. Не льзя не замѣтить пристрастія Господина —*хова* къ Парацельсу. Два раза у меня говорится о Гельмонтѣ, во первыхъ какъ объ Алхимикѣ Гельмонтѣ, а во вторыхъ какъ о Гельмонтѣ исправившемся и полезномъ человѣкѣ, и это говорится на смежныхъ страницахъ; о Парацельсѣ-же повторяется почти при концѣ книги!

Далѣе Г-нъ Критикъ къ неясности относитъ то, что я причисляю къ Алхиміи и Астрологіи, такъ названную, *Философію природы*, худое, извороченное ученіе браминовъ и потомъ съ нѣкоторою колкостію дѣлаетъ неумѣстныя выходки, *принимая видъ*, будто бы не понимаетъ, о какой это Философіи говорится. О той, Господинъ —*ховъ*, которая отстала уже отъ настоящаго хода Естественныхъ Наукъ, но бредитъ по сіе время *магнетизмомъ, химизмомъ, электрицизмомъ*, противорѣча на каждомъ шагу и самой себѣ и системѣ наукъ настоящаго времени, о той, которая, увлекшись порывами воображенія, принимаетъ *форму* за *сущность* и которая, въ сообразность своей фантазіи, сотворивъ *какую-то* природу, населивъ ее машинальными куклами и покрывши ихъ съёмками съ Египетскихъ пирамидъ, восклицаетъ: *вотъ такъ должно быть!!*

Вотъ что названо извороченнымъ ученіемъ браминовъ! Вотъ та Философія природы, о которой ни

одинъ порядочный Англичанинъ не писалъ и вѣроятно не будетъ писать, вопреки Г-ну —хову (*), доколѣ Провидѣніе сохранитъ сію образованную націю въ ея цѣлости! Сія-то Философія природы очень смежна съ ученіемъ Парацельса! Но что она есть худое, извороченное ученіе браминовъ, это доказано однимъ почтеннымъ ученымъ настоящаго времени, бывшимъ ученикомъ и у Канта и у Шеллинга и который заслужилъ отличное вниманіе одной изъ просвѣщенныхъ націй.

Желая по возможности и силамъ быть полезнымъ, я спѣшилъ издать первую часть Химіи на Русскомъ языкѣ; трудился-ли самъ, подкрѣпляемый замѣчаніями бывшихъ моихъ учителей, или, какъ говоритъ Г-нъ —*ховъ*, собралъ въ кучу то, что разсѣяно въ разныхъ сочиненіяхъ, это снова передаю сужденію мыслящихъ читателей. Что во многихъ мѣстахъ Г-нъ —*ховъ* находитъ непонят-

---

(*) Я говорю: *вопреки Г-ну — хову*: ибо ни безсмертный Ньютонъ и другіе Англичане также часто употреблявшіе слова: *Философія, Естественная Философія*, какъ и у насъ это дѣлается, не говорили и не говорятъ ни *о всеобщемъ свѣтѣ, первоначальномъ, ни о подобномъ химизмѣ*. И теперь многіе употребляютъ въ Англіи слова: *Философія Естественная*, и проч. Даже есть у нихъ журналы съ названіемъ *Философскій* Журналъ, какъ наприм. Philosophical Journal, Philosophical Transactions, Philosophic. Mag., Annals of Philosophy, или — Young's Natural Philosophy, Elements of Chemical Philosophy; New system of chemical Philosophy, и т. д. Даже есть Философскія Общества, наприм. извѣстный Минералогъ Г-нъ Филлипсъ, Hon. member of the Cambridge and Yorkshire Philosophical Societies. Но кто знаетъ изслѣдованія, предложенныя Юнгомъ, Дальтономъ, Филлипсомъ и даже безсмертнымъ Ньютономъ, тотъ безъ сомнѣнія не будетъ принимать видъ, будто-бы ихъ ученіе имѣло какое-либо отношеніе къ *худому, извороченному ученію браминовъ*. I.

Digitized by Google

ымъ, или даже меня не такъ понимаетъ, это отъ того, что путь ученія у насъ разный. Жалѣю однако, что слова, вновь введенныя мною, находятъ по сіе время однихъ только хулителей, а не поправителей. При семъ, да услышана будетъ еще моя просьба, дать, или, по крайней мѣрѣ, раскрыть источники къ составленію лучшихъ. *Химія* требуетъ совокупности трудовъ и занятій? Omnia possumus omnes.

А. I.

Іюня 8 дня, 1827.
Москва.

III. БИБЛІОГРАФІЯ.

1826 года.

198. *Путешествіе въ Персію, въ* 1812 *и* 1813 *годахъ*, содержащее въ себѣ малоизвѣстныя подробности о нравахъ, обычаяхъ и духовныхъ обрядахъ Персіянъ; также о древнемъ и новомъ состояніи ихъ арміи, и вообще о всемъ томъ, что принадлежитъ до регулярныхъ и нерегулярныхъ войскъ сего государства. *Сочиненіе Каспара Друвиля.* Переводъ съ Французскаго. 2 части. М 1826 г. in 4, XXXVIII и 6, 201, 182, 26 и 4 стр., съ 46 картинками и картою.

Упомянувъ о *новомъ* (безъ всякой перемѣны противъ *перваго*, Петербургскаго) Парижскомъ изданіи Друвилева Путешествія, мы обѣщали читателямъ нашимъ (*Телегр.* 1825 *г. Т. III*, 63) погово-

Digitized by Google

рить подробнѣе объ этой книгѣ, когда будемъ имѣть Русскій переводъ, напечатанный уже тому года два. Но переводъ сей донынѣ оставался въ типографіи, и только въ нынѣшнемъ 1827 году поступилъ въ продажу. Изданіемъ сей любопытной книги на Русскомъ языкѣ, мы одолжены А. И. Семену, содержателю одной изъ лучшихъ Московскихъ типографій.

Персія съ давняго времени обращала на себя вниманіе Европы. Около двухъ вѣковъ протекаетъ, какъ начались покушенія Европейцовъ вновь чрезъ сію страну возстановить торговыя сношенія съ Азіею. Въ первой четверти XVIII столѣтія нашъ Великій Петръ подвигалъ уже границы Русскія въ Персидскія области. Дѣла Тахмасъ-Кулыхана; отпаденіе Авганцовъ; потомъ, политика Англіи, а въ послѣдствіи геній Наполеона, проникавшій, какое важное противоборство Англіи поставитъ онъ, если успѣетъ Персію вовлечь въ политическую систему Европы: вотъ причины, по коимъ Европейцы почти не сводили глазъ съ обширнаго государства, находящагося на западѣ Азіи и заграждающаго намъ съ сей стороны средину ея. Въ то время, какъ съ юга Европейцы проникли въ Азію, востокъ ея заслоняется Китаемъ, западъ Персіею и — Азія остается внѣ міра Европейскаго, внѣ вліянія Европы. Вѣра, нравы, образъ государственнаго устройства, все коснѣетъ здѣсь подъ скипетромъ варварскаго деспотизма и глубокаго невѣжества. Настанетъ нѣкогда то время, что Европейцы будутъ приходить въ страны Азіи не какъ въ обширный базаръ, гдѣ если успѣли что схватить и выбарышничать, то и считаютъ себя довольными. . . .

Digitized by Google

По крайней мѣрѣ, знанія находятъ въ Южной Азіи богатую для себя жатву: Географы, Археологи, Историки обозрѣваютъ тамошнія страны и передаютъ намъ плоды своихъ изслѣдованій. Объ остальной Азіи (исключая владѣнія Россіи) не льзя сказать этого. Говоря о Путешествіи Барона Мейендорфа въ Бухарію, мы изложили кратко, *въ какомъ видѣ находятся нынѣ географическія познанія Европейцовъ объ Азіи*. Персію можно причислить къ тѣмъ странамъ, которыя *несовершенно* еще намъ извѣстны. Только въ послѣднее время, когда въ Персіи сражались замыслы Наполеона съ Англійскою политикою, мы начали узнавать ее обстоятельно. Оливье, Гарданнъ, Жоберъ, Киннеиръ, Малькольмъ, Морьеръ, Озелей (Ouseley), Журденъ издали книги о Персіи, описывая ее исторически, географически и статистически. Но и за всѣмъ тѣмъ сколько оказывается противорѣчій, невѣрностей и неточностей въ самыхъ главныхъ предметахъ? На примѣръ, народонаселеніе Персіи Гарданнъ полагаетъ въ 20 милліоновъ, Жоберъ въ 7, Оливье въ 3 милліона! Чему вѣрить?

Вѣрить чему угодно, но по крайней мѣрѣ это подтверждаетъ наше мнѣніе, что Персія *еще несовершенно опознана Европейцами* и всякое описаніе оной, изданное очевидцемъ, а не компиляторомъ, любопытно. Посему мы и рекомендуемъ Друвилево Путешествіе охотникамъ до путешествій. Сказать по правдѣ, оно не совсѣмъ удовлетворительно для ученаго географа, и даже имѣетъ важные недостатки; но для чтенія весьма занимательно и ново (ибо хотя пребываніе Автора и относится къ 1813 г., но

немного изъ выше исчисленныхъ описаній новѣе его). Поговоримъ сперва о недостаткахъ Друвилевой книги, а потомъ обозримъ достоинства ея.

Недостатки находимъ мы слѣдующія: 1-е Авторъ не представляетъ намъ почти ничего новаго касательно Исторіи и собственно топографіи и Статистики Персіи. Всѣ извѣстія его по симъ частямъ выбраны изъ сочиненій предшественниковъ, а что и составлено самимъ Друвилемъ, то не носитъ на себѣ признаковъ тщательной обработки и основательности. Исторія Персіи представляется у него съ весьма ошибочными точками зрѣнія. — 2-е Авторъ едва ли не подвергнется упреку за пристрастіе въ описаніи нѣкоторыхъ новѣйшихъ событій. Замѣтное неудовольствіе его на Англичанъ, похвалы не совсѣмъ оправдываемыя Шаху, наслѣднику его и многимъ Персидскимъ вельможамъ, внушаютъ недовѣрчивость. Изъ его собственныхъ извѣстій видимъ, что деспотизмъ, варварство, бѣдность и всѣ несчастія тяготѣютъ надъ Персіею, что народъ тамъ упалъ духомъ, униженъ и представляетъ позорище жалкое и ужасное, какое только способны представлять рабы, лишенные просвѣщенія и образованія, подвергнутые власти религіи самой пагубной для человѣчества и обладанію самаго грубаго невѣжества. Не странно-ли послѣ того находить похвалы его, то Шаху, то наслѣднику, то вельможамъ Персидскимъ? — 3-е Авторъ довольно странно противорѣчитъ самъ себѣ *описывая* и *выводя слѣдствія*, ибо часто *описываетъ* онъ одно, а *слѣдствіе выходитъ* у него другое. Въ примѣръ возьмемъ описаніе характера Персіянъ: „*На-*

Digitized by Google

родный характеръ Персовъ есть, можетъ быть, самый счастливый и самый тихій изъ всѣхъ характеровъ Восточныхъ народовъ" (Ч. I. 51).... „*Персы кротки, привѣтливы, чрезвычайно учти-* „*вы, безпримѣрно гостепріимны*" (id. 54).... „*велики во всемъ что ни дѣлаютъ*... *Господа* „*къ слугамъ снисходительные, великодушные и* „*милостивые* ... *всѣ образованы* (стр. 53). Подумаете, что рѣчь идетъ о жителяхъ какой нибудь счастливой Утопіи, но въ тоже время читаете: „Персы .... *въ разговорахъ незанимательны, въ связяхъ своихъ тонки и хитры и рѣдко могутъ заниматься дѣлами важными ... любятъ чванство и тщеславіе ... въ опасностяхъ не имѣютъ ни благоразумія, ни твердости; крайне суевѣрны ... вѣроломные Макіавелисты во всемъ, что можетъ возвысить ихъ фамилію, достоинство или имущество ... гибки и подлы передъ государемъ* ...." (*стр*. 52 и 53). Этого мало: о жителяхъ Керманшага Г-нъ Друвиль рѣшительно сказываетъ, что „кромѣ гостепріимства, соблюдаемаго ими болѣе по привычкѣ, нежели по добродѣтели, они походятъ на дикихъ звѣрей, лишенныхъ всѣхъ чувствій человѣчества и всего того, что свойственно человѣку, коего они имѣютъ только одинъ образъ." Такихъ противорѣчій не хотѣлось-бы видѣть въ книгѣ Г-на Друвиля, да и ни въ какой книгѣ. Но всѣ сіи недостатки доказываютъ только, что Г-нъ Друвиль издавая книгу, былъ не въ своей области и что привыкнувъ владѣть оружіемъ, онъ не съ такою легкостію умѣлъ воевать въ области литтературы. Мы догадываемся, что онъ привезъ съ собою изъ Пер-

Digitized by Google

сія портфёль съ рисунками и нѣсколько частныхъ замѣчаній о нравахъ, обычаяхъ, образѣ жизни Персіянъ, новомъ образованіи ихъ войскъ, словомъ: *записки о томъ, что онъ видѣлъ и замѣтилъ самъ въ Персіи.* Всего-бы лучше было, если-бы онъ издалъ ихъ такъ, какъ онѣ у него были, приложивъ рисунки; но, къ сожалѣнію, многіе путешественники думаютъ, что если нѣтъ у нихъ историко-философическо-статистическихъ извѣстій, то и книга ихъ не въ книгу. Желая пособить этому, они довершаютъ свои путешествія въ кабинетѣ, дополняютъ ихъ и вредятъ своимъ сочиненіямъ. Никто не будетъ требовать отъ воина, который былъ въ Персіи совсѣмъ не для ученыхъ изслѣдованій, чтобы онъ по выѣздѣ дарилъ насъ диссертаціями о религіи, литтературѣ, законахъ, археологическихъ памятникахъ сей земли; пусть онъ покажетъ намъ только то, что успѣлъ онъ собрать на мѣстѣ и сохранить въ своемъ ранцѣ, и мы останемся довольны.

Такъ, если устранить и изъ Путешествія Г-на Друвиля все, что кажется *дописано* имъ въ Европѣ, то остальное достойно полнаго вниманія читателей.

Г-нъ Д. самъ сначала располагалъ только (см. предисловіе) описать, что принадлежало къ перемѣнамъ въ войскахъ Персидскихъ, ибо (если не ошибаемся) онъ былъ именно для преобразованія Персидскихъ войскъ посланъ въ Персію Наполеономъ въ 1812 году и пробылъ тамъ до 1814 г., устроивая и снаряжая Персидскія войска. Подробно описываетъ Г-нъ Др., какъ что производилось по сему предмету. У него находимъ множество любопыт-

Digitized by Google

ыхъ подробностей и анекдотовъ о Шахѣ Персид-скомъ, Аббасъ-Мирзѣ, наслѣдникѣ престола, и главныхъ вельможахъ Персидскихъ. Читатели могутъ отличить сами, гдѣ Г-нъ Друвиль слишкомъ увлекается, можетъ быть, дружбою и ласковостію, какія оказывали ему въ Персіи; но не льзя не сказать, что въ 1-й части, его Путешествія, *кромѣ введенія и первыхъ трехъ главъ*, всѣ остальныя восьмнадцать главъ весьма достойны вниманія, такъ какъ и вся *вторая* часть книги, *кромѣ географическаго описанія*, находящагося въ концѣ оной, извѣстій о Литтературѣ Персидской и извѣстій, которыя явно достались Г-ну Друвилю не на мѣстѣ, на прим. о началѣ религіи Гебровъ.

Читатели могутъ видѣть, что Рецензенту невозможно сдѣлать выписокъ всего, что стоитъ особеннаго вниманія въ Путешествіи Друвиля; ибо извѣстія его, состоя въ подробностяхъ, не могутъ быть приведены въ нѣсколько результатовъ или превзойдутъ предѣлы журнальной статьи. Мы имѣли уже случай представить читателямъ извѣстія Г-на Друвиля о Персидскихъ войскахъ (*Тел.* 1826 г. XI, 296 и *слѣд.*). Читавшіе сочиненія Малькольма, Оливье, Жобера, Фрадера и другихъ, могли и изъ сихъ извѣстій замѣтить, что въ книгѣ Г-на Д. найдутъ они еще много неизвѣстнаго имъ, а тѣмъ болѣе тѣ читатели, которые не имѣли средствъ пользоваться вышеозначенными источниками, ибо ни одно изъ упомянутыхъ нами путешествій не переведено еще на Русскій языкъ.

О Русскомъ переводѣ скажемъ, что онъ вѣренъ подлиннику, но не вездѣ вѣренъ законамъ Русскаго языка. Въ немъ исправлены однакожъ нѣко-

торыя погрѣшности подлинника. Благодаря Г-на Издателя за похвальное стараніе его познакомить Русскую публику съ книгою замѣчательною, особенно по нынѣшнимъ отношеніямъ Россіи къ Персіи, мы сожалѣемъ, что онъ не поручилъ перевода человѣку болѣе опытному въ Русскомъ языкѣ, и что переводчикъ не воспользовался нѣсколькими замѣчаніями Барона С. де Саси, который разбиралъ книгу Г-на Др. въ Journal des Savans (1825. Іюнь, стр. 334 — 347), что избавило-бы его отъ нѣкоторыхъ ошибокъ въ правописаніи именъ, etc. etc. Желательно, чтобы у насъ вошелъ въ обыкновеніе обычай, введенный во Французской Литтературѣ: тамъ почти всѣ путешествія выходятъ съ замѣчаніями людей знающихъ. Впрочемъ, наша Литтература такъ еще далека отъ Французской, что всякое предпріятіе къ обогащенію ея, хотя-бы и не совсѣмъ совершенное, должно заслуживать благодарность Русскихъ читателей.

Къ Русскому переводу приложено 46 гравированныхъ и литографированныхъ рисунковъ (всѣ они сняты съ рисунковъ, коими обогатилъ 1-е изданіе Путешествія Друвиля нашъ славный Орловскій). Многіе сдѣланы прекрасно. Мы не можемъ сказать этого о картѣ Персіи, приложенной къ Русскому переводу.

199. *Собраніе статей, относящихся къ Наукамъ, Искуствамъ и Словесности*, заимствованныхъ *изъ разныхъ иностранныхъ періодическихъ изданій*, 1823-го, 24 и 25 годовъ. М. 1826 г. in 8, 580 стр.

Въ названіи сей книги есть небольшая недомолвка. Статьи, составляющія оную, правда, нѣ-

Digitized by Google

двлялись первоначально *въ разныхъ иностранныхъ* газетахъ и журналахъ или (какъ говоритъ собиратель) *періодическихъ* изданіяхъ, но потомъ всѣ онѣ были помѣщены въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, слѣдовательно: книга, въ которой теперь онѣ собраны, правильнѣе должна быть названа: *Собраніе статей, которыя (подъ именемъ* Ученыхъ Извѣстій) *помѣщены были въ послѣднихъ четырехъ годахъ Московскихъ Вѣдомостей.*

Не входя въ разсужденіе о томъ: на мѣстѣ-ли онѣ были въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, скажемъ, что переводчикъ собравъ ихъ воедино, раздѣлилъ на разные отдѣлы: *Ученыя Общества и Учебныя заведенія; Науки, Искуства и Словесность* (а. Изобрѣтенія, открытія etc.; б. Путешествія; в. Восточная Литтература; г. Разборы книгъ); *Смѣсь; Жизнеописанія.*

Нѣсколько словъ о различіи статей въ книгахъ и журналахъ. Журналъ *долженъ* состоять изъ собранія отдѣльныхъ статей; книга, также, *можетъ* состоять изъ собранія подобныхъ статей. Должна быть однакожь, между тѣмъ и другимъ собраніемъ, какая нибудь *разница*? Она и есть: Журналъ заключаетъ въ себѣ все *новое*, или и старое, но *обновленное* новыми мыслями, понятіями, открытіями. Избави насъ Богъ отъ журналовъ, которые запросто сказывали-бы намъ, что Димитрій Донской разбилъ Мамая, Александръ Македонскій завоевалъ Персію, а Киръ освободилъ Израильтянъ отъ плѣна. Все хорошо въ своемъ мѣстѣ. Подобныя новости пріятно слышать изъ устъ дитяти, потому что ими измѣряются его успѣхи въ изученіи Исторіи; но журналы не дѣти, и отъ нихъ хотятъ

знать или *современныя новости*, или и старину, но такую, которой еще не слыхали или слыхали, но не верно. При сихъ обязанностяхъ Журналовъ встречается важное неудобство: не льзя, имъ уподобляться книгамъ, написаннымъ на досугѣ, систематически; не льзя имъ иногда не повторить новаго недостовѣрнаго или невѣрно пересказаннаго. Такихъ обдержекъ не избѣгаютъ самые лучшіе Журналы, если они не *собственно-ученые*, каковы Edimburgh Review, Journal des Savans и т. п., говорящіе только одно то, что *дознается*, *утверждается и принимается*, по строгимъ и точнымъ изслѣдованіямъ и наблюденіямъ.

Книги должны именно въ этомъ отличаться отъ журналовъ, и особливо отъ газетъ, гдѣ слухи и событія, были и выдумки, смѣшиваются въ живой пестротѣ. Теперь предположимъ, что кто нибудь рѣшился-бы изъ статей журнала избрать вполнѣ достойное всегдашняго вниманія и почетнаго мѣста въ библіотекахъ. Какую осторожность долженъ наблюсти этотъ избиратель въ своемъ дѣлѣ! Сколько противорѣчій, извѣстій, въ послѣдствіи оказавшихся невѣрными, мнѣній опровергнутыхъ, статеекъ, писанныхъ по случаю и обстоятельствамъ, долженъ онъ отбросить! Только съ сими условіями можно допустить изданіе *книгъ, которыя заключаютъ въ себѣ собраніе статей, выбранныхъ изъ одного или многихъ изданій повременныхъ или журналовъ и газетъ.*

Г-нъ Выбиратель Ученыхъ Извѣстій изъ Московскихъ Вѣдомостей не имѣлъ въ виду подобныхъ соображеній и за то не грѣхъ сказать ему, что онъ *исполнилъ свое дѣло не весьма тщательно.* Онъ пере-

Digitized by Google

печаталъ въ свою книгу все безъ разбора и безъ всякаго исправленія: какъ что было, такъ все и осталось, и отъ того, вмѣсто книги полезной, у него явилась огромная компиляція, въ коей есть хорошее, есть посредственное, а есть и такое, что не стоило втораго изданія.

Вообще въ выборѣ статей не было у него никакой системы. Къ чему помѣщено имъ нѣсколько протоколовъ засѣданій нѣкоторыхъ Ученыхъ Обществъ, гдѣ сказано только: *такой-то читалъ то-то?* Кому надобно знать подвиги сихъ Обществъ, тотъ сыщетъ труды ихъ; но если-бы кто и захотѣлъ пересмотрѣть протоколы оныхъ, то что займетъ онъ изъ *одного*, изъ *двухъ* протоколовъ, непредставляющихъ никакого историческаго послѣдствія и результата? Описанія ученыхъ и учебныхъ заведеній поверхностны и сшиты кое-какъ на журнальную нитку. Географическія извѣстія также писаны наскоро, для газетъ. Въ разборахъ книгъ не соблюдено никакого уравненія, т. е. книги помѣщены не по мѣрѣ достоинствъ ихъ, а такъ на удачу, какія попались, и какъ рецензіи переведены изъ разныхъ журналовъ, писанныхъ въ разное время, разными людьми, то между ними такая-же гармонія, какъ между языками при Вавилонскомъ столпотвореніи. Въ доказательство, что все это *Собраніе статеекъ изъ Московскихъ Вѣдомостей* не имѣетъ существеннаго достоинства, взглянемъ на нѣкоторыя.

На стр. 495 и слѣд. кто-то описываетъ намъ моровую язву, разсказываетъ странныя извѣстія современниковъ оной, *вѣритъ* имъ и не знаетъ, что эта страшная моровая язва извѣстна въ Ис-

Digitized by Google

торіи подъ именемъ *Черной смерти*, что она была и у насъ въ Россіи, и что объ ней были уже на Русскомъ языкѣ лучше составленныя извѣстія. На стр. 454 и слѣд. находимъ извѣстія о разныхъ Европейскихъ Журналахъ. Не говоря о томъ, что вся эта статья составлена изъ мѣлкихъ, разнообразныхъ клочковъ, мы находимъ въ ней, что въ Англіи вмѣсто какихъ нибудь 150, всего насчитано *двадцать журналовъ*, и тутъ-же Авторъ говоритъ: »Число журналовъ уже *такъ велико* въ Великобританіи, что не льзя не удивиться, видя появленіе новыхъ!!« Чему-же удивляться, если ихъ всего и съ Дамскими Журналами насчитано *два десятка?* »Въ Италіи (говоритъ Авторъ) *нѣтъ* почти *ни одного нѣсколько значительнаго города*, который не имѣлъ-бы *многихъ Литтературныхъ* журналовъ.« Что-жь послѣ того? »*Ихъ считается болѣе тридцати!!*« — Извѣстія объ Армянской и Турецкой Литтературѣ, кажется, писаны какимъ нибудь ученикомъ. — Извѣстіе о Басняхъ И. А. Крылова, взятое изъ Journal des Débats, могло имѣть только мгновенный интересъ и доказываетъ незнаніе Критика. — Извѣстіе о Байронѣ, величайшемъ поэтѣ нашего вѣка, писано, какъ біографія какого нибудь Парижскаго поэта 14-го класса. Даже не исчислено половины его твореній (на прим. пропущены всѣ его Трагедіи, Донъ - Жуанъ, Гяуръ, Лара, Парга, Абидосская невѣста, Шильонскій узникъ, Мазепа etc.). Первые опыты Байрона въ Поэзіи названы: Hour's leisures, вмѣсто Hours of idleness; приписаны Байрону небывалыя творенія (какъ-то: *Прощаніе съ Англіею*, *Прощаніе съ Франціею*). — Извѣстіе о Соединенныхъ Штатахъ смѣшно читать. Находи-

Digitized by Google

ніе, на прим. что (стр. 128) »Американцы, *по какой-то особенной склонности*, преимущественно занимаются *Англійскимъ языкомъ и Словесностію*,« и что »въ искуствѣ *дѣлать плуги*, *лодки*, *домы*, Американцы не уступаютъ ни которому народу безъ исключенія.«

Небрежность, съ какою перепечатаны статьи въ книгу, была такова, что Переводчикъ, какъ видно, не захотѣлъ даже заглянуть ни въ какой журналъ 1825 или 1826 года, и *въ книгѣ*, *издаваемой въ* 1826 *году*, пишетъ, что Шампольіонъ *скоро выдастъ книгу*, подъ названіемъ: Précis du système hiéroglyphique (стр. 81), когда эта книга выдана еще въ 1824 году; что *скоро будутъ выданы* записки Дюплесси - Морне (стр. 152); что какіе-то трия Англійскіе путешественника, *Оудней*, Клаппертонъ и Денгамъ, странствуютъ внутри Африки, что слухи объ ихъ открытіяхъ весьма любопытны, что они теперь въ Борну, и (стр. 195) »*если сіе ученое путешествіе*, *до сихъ поръ*, *кажется*, *благополучное*, *хорошо кончится*, то *должно ожидать*, что оно доставитъ намъ много свѣдѣній о *внутренности*(?) Африки!!!« — Знаютъ-ли охотники до романовъ В. Скотта *новый* романъ его *Сенъ - Ронанскія воды*? Собиратель статей извѣщаетъ ихъ объ этомъ и прибавляетъ, что скоро выйдетъ и еще романъ его, коего содержаніе *будетъ взято изъ Крестовыхъ походовъ!!*

Прибавимъ, что слогъ Переводчика весьма нехорошъ, исполненъ галлицизмовъ и во многихъ мѣстахъ мы совсѣмъ не могли добраться, что онъ хотѣлъ сказать. Представляемъ для примѣра; стр. 478, стр. 4—19.

Digitized by Google

200. *Защищеніе градовыхъ отводовъ.* Рѣчь, читанная въ торжественномъ годовомъ Собраніи ИМПЕРАТОРСКАГО Вольнаго Экономическаго Общества, 30 Октября 1826 года, Членомъ онаго Г. Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ и Кавалеромъ Аѳанасіемъ Ивановичемъ Стойковичемъ. С.Пб. 1826 г. in 8, 13 стр.

Сочинитель слабо защищаетъ спорное дѣло. Опыты надъ градовыми отводами такъ еще малочисленны и извѣстія такъ противорѣчащи, что на нихъ положиться не возможно. Доказательства изъ теоріи у Г. Стойковича выведены недостаточно. Онъ говоритъ: Физики *неодинаковымъ образомъ объясняютъ* образованіе града посредствомъ электричества; однако-жь согласны, что оно *происходитъ отъ электричества*, слѣд. *должно ставить отводы.* Далѣе: Лапостолъ открылъ въ соломѣ способность проводить электричество. »Не въ томъ »смыслѣ, аки-бы и прочія прозябаемыя существа не »имѣли сей способности; но самую большую спо»собность открылъ сей Химикъ въ соломѣ. *Такъ ему* »по крайней мѣрѣ *показалось.*« На семъ-то основаны, говоритъ онъ, соломенные градоотводы. Но если Физики *еще спорятъ*, Лапостолу *показалось*, то гдѣ-же основательныя доказательства? — Авторъ говоритъ (на стр. 7), что Пфаффъ называлъ Лапостола *вѣтрогономъ и невѣждою*, и не совѣтуетъ въ ученыхъ дѣлахъ браниться. Мы согласны въ этомъ, но не должно также, вмѣсто ученыхъ доказательствъ, наполнять диссертаціи одними восклицаніями. Рѣчь, писанная съ самымъ благимъ намѣреніемъ, въ подобномъ случаѣ ничего не доказываетъ.

Digitized by Google

1827 годъ.

51. *Матеріалы для Исторіи просвѣщенія въ Россіи*, собираемые Петромъ Кеппеномъ, Магистромъ Правовѣдѣнія, Докторомъ Философіи и Членомъ разныхъ Ученыхъ Обществъ. No III. Спб. 1827 г. въ тип. Карла Крайя, in 4, 260 стр., изъ коихъ нѣсколько считается въ два столбца.

Спѣшимъ увѣдомить о появленіи сей весьма любопытной книги; содержаніе и двѣ отдѣльно напечатанныя изъ оной статьи означены были въ Библіографіи Телеграфа (No VII, 230 и IX, 58). Теперь, слѣдовало-бы предложить читателямъ обзоръ всѣхъ статей, книгу Г-на Кеппена составляющихъ, изъ коихъ, кромѣ поименованныхъ уже нами, статья VII, *О происхожденіи, языкѣ и Литтературѣ Литовскихъ народовъ*, заслуживаетъ особенное вниманіе, и ученымъ достоинствомъ своимъ и новостію, ибо сей предметъ на Русскомъ языкѣ совершенно никогда, да и на другихъ языкахъ, столь подробно и ясно не былъ излагаемъ. Но любопытные, историческіе и статистическіе выводы, изъ книги Г-на Кеппена нами извлеченные, мы рѣшились представить читателямъ Телеграфа въ видѣ подробнаго разбора, дабы показать всю важность занятій Г-на Кеппена. Книги, подобныя изданной имъ, такъ рѣдки въ нашей Литтературѣ, что ими должно дорожить.

52. *Собраніе Словенскихъ памятниковъ, находящихся внѣ Россіи.* Составлено Петромъ Кеппеномъ, Маг. Правов., Докт. Философіи и Чл. раз. Уч. Обществъ. Спб. 1827 г. въ тип. Воспит. Дома, in 4.

Digitized by Google

О семъ чрезвычайно замѣчательномъ палеографическомъ собраніи Славянскихъ древнѣйшихъ памятниковъ, также мы должны только увѣдомить нашихъ Филологовъ и Археографовъ, ибо въ ней представляетъ Г-нъ Кеппенъ только *образчикъ* обширнаго предпріятія, имъ начатаго.

Просвѣщенной публикѣ извѣстенъ уже *Списокъ Русскихъ памятниковъ*, изданный въ Москвѣ (1822, in 8), въ которомъ Г-нъ Кеппенъ описалъ кратко, извѣстные ему по то время, 174 археографическіе и палеографическіе памятника, *находящіеся въ Россіи*. Путешествовавъ послѣ того въ Славянскихъ земляхъ и Германіи, онъ неусыпно занимался избраннымъ имъ предметомъ: *Славяно - Русскою Археографіею*. Такимъ образомъ, собственнымъ разысканіемъ и съ пособіями иностранныхъ ученыхъ, Г-нъ Кеппенъ успѣлъ видѣть и описать множество любопытнѣйшихъ памятниковъ Славянскихъ, *находящихся внѣ Россіи*.

Изданіе книгъ, въ коихъ должны заключаться изображенія и описанія памятниковъ, необходимо влечетъ за собою издержки, которыя хотя и не составляютъ большихъ суммъ, но тѣмъ важнѣе, что ученыя книги, дѣлающія честь Литтературѣ каждаго образованнаго народа и служащія доказательствомъ его ученаго просвѣщенія, донынѣ еще мало находятъ покупателей въ Россіи. У насъ не возбуждена еще та народная гордость, которая заставляетъ дорожить драгоцѣнными памятниками труда безкорыстнаго и мало еще у частныхъ людей въ Россіи библіотекъ, въ которыя хозяинъ покупалъ-бы не одни Альманахи, а *все что Русская Литте-*

Digitized by Google

ратура предоставитъ новаго, достойнаго внимания. У Французовъ, укоряемыхъ вѣтренностію (не говоря уже о Нѣмцахъ и Англичанахъ), книгопродавцы и сочинители не страшатся издавать самыя вздорныя книги великолѣпно и не обманываются въ надеждѣ; но у насъ самыя превосходныя ученыя книги (каковы на примѣръ: *Собраніе Государственныхъ Грамотъ, Іоаннъ Экзархъ Болгарскій*), лежатъ въ пыли книжныхъ лавокъ и если-бы не участіе Правительства и нѣсколькихъ, весьма, весьма немногихъ особъ не давали средствъ издавать ихъ, то мы совершенно не видали-бы книгъ, служащихъ нынѣ основою нашихъ историческихъ и статистическихъ свѣдѣній. Такъ и изданіемъ новаго сочиненія Г-на Кеппена, мы обязаны любви къ полезнымъ предпріятіямъ покойнаго Канцлера Графа Н. П. Румянцова (*). Онъ доставилъ Г-ну Кеппену средства приступить къ изданію сего новаго, превосходнаго сочиненія.

(*) Замѣтимъ, что изданіе *Списка Русскихъ памятниковъ* сдѣлано было иждивеніемъ Графа Ѳ. А. Толстова, извѣстнаго своею любовью къ отечественной Исторіи. Къ сожалѣнію, *Списокъ* изданъ былъ безъ приложенія къ нему *рисунковъ* и *снимковъ* и отъ того не былъ вполнѣ удовлетворителенъ. Послѣ того Г-нъ Кеппенъ умножилъ его чрезвычайно, и не уже-ли изъ нашихъ богачей не могутъ сыскаться такіе, которые рѣшились-бы сложить какой-нибудь капиталъ и посвятить его изданію полезнѣйшихъ, отборныхъ книгъ? Сколько добра можно сдѣлать въ семъ случаѣ на 100 тысячь рублей, а какъ часто вдвое, втрое болѣе издерживается не только безъ пользы, но со вредомъ для самихъ себя и отечества, или на потребности роскоши, раззоряющей семейства и богатящей заѣзжихъ шарлатановъ и фокусёровъ! Желая показать, сколь малымъ подкрѣпляются предпріятія полезныя, скажемъ, что *для обезпеченія изданія 5й книжки Матеріяловъ для Исторіи про-*

Мы обращаемъ вниманіе, особенно юныхъ соотечественниковъ, на труды Г-на Кеппена и просимъ замѣтить ихъ, сколь много полезнаго можетъ сдѣлать усердный и постоянный трудъ *одного* человѣка? Немногіе ученые и литтераторы наши могли показать въ столь малое время столько неутомимости, столько трудолюбія, какъ Г-нъ Кеппенъ. Каждый новый подвигъ его есть доказательство и большаго усовершенствованія его познаній и стремленія къ цѣли постояннаго и вѣрнаго. Онъ имѣлъ всѣ пособія опытности и ученыхъ занятій, приступая къ новому сочиненію своему. Мы видѣли уже изъ проэкта Археографическаго путешествія его (см. *Библіограф. Листы*, No 33, 34), какимъ богатствомъ свѣдѣній по сему предмету обладаетъ Г-нъ Кеппенъ, а разсмотрѣніе образчика, нынѣ представленнаго публикѣ, оправдываетъ наши надежды.

Собраніе Словенскихъ памятниковъ, внѣ Россіи находящихся, заключитъ въ себѣ всѣ памятники Славянскіе, находящіеся въ *Германіи*, *Польшѣ*, *Венгріи* (со включеніемъ Сирміи), *Италіи и Фран-*

свѣщенія въ Россіи достаточно было подписки на 143 экземпляра (1144 руб.), что исполнено Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, Кіевскою Академіею и Графомъ Ѳ. А. Толстымъ. Публика наша такъ мало смотритъ на предпріятія полезныя, что безъ сего пособія вѣроятно не скоро-бы вышла книга Г-на Кеппена, въ то время, какъ самый тощій и ничтожный Альманахъ продавался по 10 и 12 рублей и доставлялъ барыши Издателямъ, а книга Г-на Кеппена на подписку объявлена была по *восьми* рублей, и читатели изъ объявленія видѣли, что въ ней помѣщены будутъ важныя статьи и труды Барона Розенкампфа, Академика Круга, Профессора Якоба и самого Г-на Кеппена.

Digitized by Google

ціи. Какой изыскатель отечественной Исторіи, Филологъ и Археографъ, не порадуется, что наконецъ онъ будетъ обладать драгоцѣнностями, заключающимися въ иностранныхъ библіотекахъ, будетъ судить не съ голоса другихъ, но по *фактамъ наличнымъ*, находящимся въ рукахъ его. Зная условія ученой критики, Г-нъ К. говоритъ: „При „каждомъ издаваемомъ мною памятникѣ, въ особен„ности, я наименую тѣхъ ученыхъ, кои благоволи„ли содѣйствовать мнѣ въ составленіи и объясненіи „сего собранія. Въ тоже время я постараюсь ука„зать и на тѣ сочиненія, въ которыхъ уже было „говорено о представляемыхъ нынѣ древностяхъ. От»вѣтствуя за точность издаваемыхъ снимковъ и вы»писокъ, считаю долгомъ предувѣдомить читателей, »что я во всякомъ случаѣ буду означать имена тѣхъ »благосклонныхъ Гг. Корреспондентовъ, отъ коихъ »получилъ что-либо. Всѣ прочіе выписки и снимки, »издаваемые безъ таковаго показанія, сдѣланы самимъ »мною, почему я одинъ за нихъ и отвѣтствую. Слу»читься можетъ, что при объясненіи нѣкоторыхъ »древностей, нужно будетъ входить въ подробныя »о разныхъ предметахъ изслѣдованія. Разысканія сего »рода, если успѣю оныя довершить, присовокупят»ся къ сему собранію, въ видѣ особыхъ приложеній. »Въ концѣ-же каждой книжки постараюсь приложить »исчисленіе всѣхъ вообще извѣстныхъ мнѣ Словен»скихъ памятниковъ той страны, о древностяхъ ко»ей говорено будетъ въ самомъ сочиненіи.«

Все это умножаетъ достоинство сочиненія Г-на Кеппена. Къ сему присовокупимъ, что пособіе Графа Румянцова доставило ему способы издать свой трудъ надлежащимъ образомъ: изданіе прекра-

Digitized by Google

сно, снимки сдѣланы превосходно (Г-мъ Флоровымъ, уже извѣстнымъ по искусству гравировать снимки).

Все Собраніе, по видимому, составитъ много тетрадей. *Книга* 1-я будетъ содержать *памятники, собранные въ Германіи.* Мы получили *первое отдѣленіе* сей 1-й книги. Объясненія и примѣчанія къ ней еще не напечатаны. Мы имѣемъ только *общее предисловіе* къ Собранію, особенное приложеніе на трехъ печатныхъ листахъ и *девять листковъ со снимками.*

Приложеніе есть новое доказательство, съ какою ревностію старается Г-нъ К. для всѣхъ распространить познаніе Славянской Филологіи и Палеографіи. Онъ представляетъ здѣсь 12 *отрывковъ* и послѣсловіе изъ драгоцѣннѣйшаго письменнаго памятника Славяно-Русскаго, *Евангелія Остромирова,* которое многими знатоками полагается памятникомъ того древняго языка, на который переведена была Библія Св. Кирилломъ и Меѳодіемъ; по крайней мѣрѣ, кромѣ монетъ Владиміра и Ярослава и надписей въ Десятинной церкви, у насъ *нѣтъ ничего древнѣе* Остромирова Евангелія, писаннаго въ 1056 и 1057 годахъ, въ Новѣгородѣ. Теперь всякій изъ археографовъ и филологовъ можетъ пользоваться сею драгоцѣнностію для изысканій о буквахъ и языкѣ Славянскомъ, а отъ этого должно ожидать великой пользы, ибо соображая только древнѣйшіе памятники, можемъ мы дѣлать точныя изслѣдованія о языкѣ Славянскомъ и нашемъ Русскомъ. Отрывки напечатаны церковными буквами, при чемъ отлито было нарочно болѣе 70 разныхъ неупотребительныхъ нынѣ буквъ и знаковъ. Кромѣ того, приложенъ

Digitized by Google

особый листокъ, на коемъ тщательно снята (самимъ Г-мъ Кеппеномъ) азбука; буквы числительныя, сокращенія и разные знаки.

На другихъ 9 листкахъ представляется столь-же драгоцѣнный иноземный Славянскій памятникъ: снимки (сдѣланные также самимъ Г-мъ К.) Славянскихъ молитвъ и другихъ отрывковъ, вписанныхъ въ Латинскую (такъ называемую *Фрейзингенскую*) рукопись, хранящуюся нынѣ въ Мюнхенской Королевской Библіотекѣ. Ожидаемъ отъ Г-на К. подробныхъ объ этомъ описаній. Донынѣ (по крайней мѣрѣ Рецензенту) извѣстна была Фрейзингенская рукопись только изъ *Славянки*, Абб. Добровскаго (I. 249), который полагаетъ, что сіи отрывки Славянскаго письма вписаны были въ Требникъ Латинскій какою нибудь духовною особою, находившееся въ Фрейзингенской Епархіи, для чтенія между Словенскими христіанами, тамъ обитавшими. Вписки сіи относятъ къ X или XI вѣку и полагаютъ *древнѣйшимъ памятникомъ языка юго-западныхъ Славянъ*. Они важный предметъ для филологическихъ изслѣдованій, хотя, будучи писаны Латинскими буквами, не могутъ подвергаться изслѣдованіямъ палеографическимъ.

На 9-мъ листкѣ помѣщены еще: Азбука изъ Четвероевангелія, принадлежавшаго нѣкогда Митрополиту Петру Могилѣ и писаннаго на пергаментѣ, въ 1492 г.; Отче нашъ, Ангельское поздравленіе, Символъ вѣры и конецъ послѣсловія, на Польскомъ языкѣ, взятое изъ книги, напечат. въ Ниренбергѣ (Statuta Sinodalia Wratislaviensia).

Оканчивая извѣстіе о книгѣ Г-на К., извѣстимъ читателей о пріятномъ для Русскихъ Ар-

Digitized by Google

хеографовъ подаркѣ, полученномъ нами отъ Г-на Лелевеля, извѣстнаго своими познаніями Варшавскаго Профессора. Онъ прислалъ намъ *Дополненіе къ извѣстію Г-на Даниловича* (Игнатія Николаевича, Харьковскаго Профессора), *О Каталогѣ Библіотеки Графа Толстова*, выпечатанное въ немногихъ отдѣльныхъ экземплярахъ изъ *Варшавскаго Журнала*. Къ сему *Дополненію* принадлежатъ снимки съ разныхъ памятниковъ XIV, XV и XVI вѣковъ, весьма искусно сдѣланные. Любопытныя замѣчанія Г-на Лелевеля будутъ предметомъ отдѣльной статьи въ Телеграфѣ.

Digitized by Google

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

Изображеніе нынѣшняго состоянія Греціи (*). Послѣ пятидесятидневнаго путешествія, мы бросили якорь противъ Наполи-ди-Романія. Этотъ городъ находится у подошвы крутой, гигантской скалы. Крѣпость Пальмиди, по наружности неприступная и вѣнчающая вершину скалы; пальма, возносящаяся выше стѣнъ, изнизанныхъ башнями, какъ знамя страны; Аргосъ и его прелестная долина, примыкающая къ заливу; влѣво, снѣжныя вершины грознаго Тайгета: все это составляетъ видъ самый живописный. Но только что иностранецъ ступитъ на берегъ, восторгъ его и очарованіе исчезаютъ. Тѣсныя улицы, низкіе и худо построенные домы, густой и непріятными испареніями наполненный воздухъ поражаютъ и отвращаютъ его. Неопрятность такъ велика здѣсь, что подобны

(*) Отрывокъ изъ *Записокъ Графа Іосифа Пеккіо*, который оставилъ Грецію въ половинѣ 1825 года. Любопытный отрывокъ сей помѣщенъ былъ въ Англійскомъ Журналѣ the New Monthly Magazine (1826 г.) и мы переводимъ его, сокращенно, для Телеграфа, потому что нигдѣ еще не находили мы такого, хотя краткаго, но полнаго и живаго изображенія Греціи, героевъ ея, жителей, ихъ нравовъ и обычаевъ и новѣйшихъ событій. Графъ Пеккіо не клевещетъ на Грецію, но и не увлекается энтузіазмомъ. Всѣ слова его ознаменованы безпристрастіемъ. Извѣстія, получаемыя изъ Греціи, такъ противорѣчащи и разнообразны, что мы должны уважать свидѣтельствомъ человѣка мыслящаго, замѣчающаго и чуждаго духа партій. Присовокупляемъ къ сему нѣсколько замѣчаній, оставленныхъ намъ Г-мъ Виллльнёвымъ. Нѣсколько отрывковъ изъ *Записокъ* его уже возбудили вниманіе Европейскихъ журналистовъ, *Пер.*

Геркулесовы труды для ея истребленія. Она была одною изъ причинъ заразительной горячки, которая произвела такія ужасныя опустошенія въ 1824 году и уже прекратилась въ то время, когда мы вышли на берегъ; впрочемъ, мы встрѣчали еще на улицахъ почернѣлыя лица, на которыхъ видны были свѣжія слѣды болѣзни. Можно было ожидать появленія оной съ жарами, ибо правительство не приняло никакихъ мѣръ предохранительныхъ. Грекамъ достался нѣсколько на часть фатализмъ Турковъ; они уже привыкли къ язвѣ и не думаютъ о заразительныхъ болѣзняхъ.

По мѣстоположенію и виду, Наполи-ди-Романія называема была Гибралтаромъ Архипелага. Она стоитъ этого названія только по внѣшнему виду; но я боюсь, что крѣпость ея похожа на Гибралтарскую, какою была эта во время владѣнія Испанцовъ. Нѣсколько опытныхъ офицеровъ, подробно осматривавшихъ Пальмиди, сказывали мнѣ, что она находится въ жалкомъ состояніи. Въ ней нѣтъ ни запасовъ, ни артиллеріи, ни артиллеристовъ. Есть нѣсколько пушекъ, но съ такими лафетами, что они не выдержатъ и дюжины выстрѣловъ. Сильнѣйшая опора Наполи-ди-Романіи есть начальникъ укрѣпленій Пальмиди, Генералъ Сотомара, благородно-мыслящій Сульотъ, посѣдѣвшій съ оружіемъ въ рукахъ. Увеселенія жителей сей столицы Греціи состоятъ въ посѣщеніи нѣсколькихъ кофейныхъ домовъ, дурно меблированныхъ и съ ветхими билліардами; въ прогулкѣ вечеромъ на небольшой площади, подъ тѣнью величественнаго платановаго дерева, возвышающагося по срединѣ, и въ удовольствованіи разсказами и разспросами живаго любопытства, безпрестанно

Digitized by Google

поддерживаемаго и жаднаго до новостей и анекдотовъ. Женщины здѣсь невидимы: мущины не позволяютъ имъ показываться. Уже двадцать пять столѣтій прекрасный полъ въ Греціи осужденъ, подъ разными предлогами, жить въ домашнемъ уединеніи. Древніе Греки, желая сохранить чистоту нравовъ женъ своихъ, не допускали ихъ дышать свѣжимъ воздухомъ и запирали въ гинецiи. Послѣ, Турки заключали ихъ въ гаремы, а новые Греки изъ ревности держатъ въ удаленіи отъ общества.

Народонаселеніе Наполи бываетъ болѣе или менѣе, смотря по обстоятельствамъ; но его вообще можно положить въ пятнадцать тысячь человѣкъ. По сравненію съ пространствомъ, эта столица конечно принадлежитъ къ самымъ многолюднымъ въ цѣломъ свѣтѣ, потому что домы здѣсь малы и людямъ въ нихъ мало мѣста для помѣщенія, такъ, что въ каждой комнатѣ живетъ по три и по четыре человѣка.

Я нетерпѣливо желалъ посѣтить членовъ Правительства и исполнилъ это безъ всякихъ предувѣдомленій и церемоній. Они доступны всѣмъ и во всякое время дня. Домъ Правительства не принадлежитъ ни къ одному изъ извѣстныхъ орденовъ архитектуры. Взошедъ на верхъ, по дурной деревянной лѣстницѣ, я увидѣлъ членовъ Правительства, сидящихъ, поджавъ ноги, на подушкахъ, расположенныхъ вокругъ стѣны, какъ софа. Ихъ нарядъ, полулежачее положеніе и важная неизмѣняемость лицъ, сначала заставили меня подумать, что я нахожусь въ присутствіи Азіятскаго Дивана. Вице-Президентъ Вотази, Спецціотъ, сидѣлъ, сложивши

ноги на-перекрестъ, и перебиралъ большія восточныя чотки. Другіе члены, одѣтые вполовину, какъ Турки, вполовину какъ Греки, курили табакъ или также перебирали маленькія чотки. Въ Парижѣ и Лондонѣ хотятъ, чтобы Греки не оставались болѣе Турками и чтобы, призываемые въ кругъ великаго семейства Европы, они измѣнили свои старые обычаи и приняли нравы и привычки народовъ, желающихъ обнять ихъ, какъ братьевъ. Требованіе довольно справедливо, но ему еще рано исполниться. Не такъ легко перемѣнить одежду и нравы цѣлаго народа, какъ декорацію въ Парижскомъ или Лондонскомъ театрѣ. Сколько препятствій долженъ былъ побѣдить Петръ Великій, чтобы заставить своихъ Московитянъ обрить бороды и надѣть Нѣмецкіе кафтаны? Греки сидятъ *по-Турецки*, ѣдятъ пилавъ *по-Турецки*, курятъ изъ Турецкихъ длинныхъ трубокъ, выходятъ въ сопровожденіи толпы вооруженныхъ людей, здороваются, спятъ и проводятъ время, *какъ Турки*. Вмѣсто того, чтобы оставить привычки и нравы своихъ тирановъ, они, со времени возстановленія, кажется, еще болѣе къ нимъ привязываются. Они гордятся надѣвая *бѣлую чалму*, *красныя папуши* и *зеленый кафтанъ*: три наряда, прежде строго имъ запрещенные. Изъ мщенія, въ знакъ побѣды, они нарочно носятъ ихъ теперь передъ глазами Турковъ. Сверхъ того Греки привыкли, смотря на своихъ Пашей, къ одеждѣ, обремененной золотомъ, серебромъ и жемчугомъ. Европейцы, въ узкомъ своемъ платьѣ, кажутся имъ пріѣзжими лекарями, особливо женщины, привыкшія къ блеску и великолѣпію, терпѣть не могутъ на-

шихъ простыхъ одеждъ. Вотъ причины, по коимъ одежда Грековъ едва-ли скоро измѣнится (*).

Правительство составлено теперь изъ пяти особъ, не считая Статсъ-Секретаря. Президентъ и Секретарь были тогда въ отсутствіи: они поѣхали въ Наваринскій лагерь. *Вотази*, Вице-Президентъ, богатый купецъ изъ Спецціи, старикъ еще бодрый и кромѣ природнаго, не знаетъ ни одного языка. Онъ былъ-бы превосходный судія, если-бы имѣлъ болѣе опытности въ государственныхъ дѣлахъ; но всѣ хвалятъ его благородный патріотизмъ. *Мавро-Михали*, Спартіотъ (изъ семейства Петро-Бея, сдѣлавшаго всѣ возможныя пожертвованія для отечества) и также говоритъ только по Гречески. Онъ можетъ быть искусенъ

---

*) Когда Полковникъ Фавье наименованъ былъ начальникомъ регулярнаго войска, Сенатъ собрался на площади, противъ дома Правительства. Епископъ читалъ молитвы и поднесъ Евангеліе Французскому Полковнику, надъ которымъ онъ поклялся служить Греціи вѣрно. Войска стояли подъ ружьемъ. Фавье былъ въ своемъ мундирѣ со всѣми знаками отличій, приобрѣтенными имъ на поляхъ сраженій. Графъ Метакса обратился къ войскамъ и сказалъ: „Воины! вы „удивляетесь, видя что Г-нъ Фавье принимаетъ надъ вами „начальство, но одѣтъ во Французскій мундиръ: знайте-же, „что съ нынѣшняго дня сей храбрый воинъ считается въ „числѣ сыновъ Греціи и впредь увидите вы его въ нашей „одеждѣ.“ Дѣйствительно, на другой-же день, Полковникъ на разводѣ явился въ курткѣ и жилетѣ краснаго сукна, съ простымъ шитьемъ, въ бѣлыхъ шароварахъ со множествомъ складокъ, въ голубомъ шелковомъ поясѣ, за которымъ заткнутъ былъ кинжалъ и пара пистолетовъ, въ большихъ штиблетахъ изъ такого-же сукна, какъ его куртка, въ красной шапкѣ, похожей на Кардинальскую; на передней сторонѣ головы его волосы были выбриты, а на бедрѣ висѣла кривая сабля. Войско приняло его съ восторгомъ. *Вилл.*

Digitized by Google

въ дипломатическихъ дѣлахъ, но лицо его доказываетъ величіе характера, никогда неизмѣняющагося. Я не имѣлъ случая видѣть *Спигліотаки*, урожденца Пелопонезскаго, также члена Правительства; о немъ не говорятъ, впрочемъ, ни добра, ни худа. *Колетти*, слѣдующій за нимъ, начальникъ сильной партіи, съ большимъ умомъ соединяетъ обширную образованность. Онъ Эпиротъ; въ юности былъ замѣченъ Али-Пашею и отправленъ учиться въ Павійскій Университетъ. Въ послѣдствіи былъ онъ Докторомъ при Мухтарѣ, сынѣ Али-Паши. Онъ говоритъ и хорошо пишетъ по Италіянски и болѣе похожъ на Турка, нежели на Грека; впрочемъ, сквозь неизмѣняемую важность Оттомана, видите въ немъ живость и хитрость Эллина. По горделивой его наружности можно замѣтить, что онъ былъ воспитанъ при дворѣ Восточнаго деспота.

Излишне было-бы говорить о семи Греческихъ Министрахъ, ибо ихъ власть совсѣмъ ничтожна. Правительство оставило имъ только имена и все приняло на себя. Донынѣ труды еще не раздѣлены между Правителями и они всѣмъ занимаются обще (*). Законодательное Собраніе помѣщено въ домѣ весьма неудобномъ; при мнѣ располагали перевесть его въ одну передѣланную мечеть. Число членовъ простирается до 80, но на лицо только 50; остальнымъ сдѣланы разныя препорученія внѣ Наполи. Нѣкоторые изъ членовъ собранія одѣты по-Европейски. Президента *Нотару* уважа-

(*) О событіяхъ въ Греціи до 1825 г. см. статью въ Телеграфѣ, 1825 г. Т. III, стр. 201 — 218. *Изд.*

ютъ за его знаменитый родъ и прямодушіе. *Трикупи*, урож. Миссолунгскій, извѣстенъ своимъ краснорѣчіемъ. Не смотря на разномысліе членовъ, совѣщанія производятся въ большомъ порядкѣ.

При мнѣ получено было въ Наполи извѣстіе о потерѣ Грековъ подъ Навариномъ. Президентъ Кондуріотти допустилъ это несчастное событіе своею неопытностію и слабостію. Греки дрались, какъ всегда, отчаянно; многіе дѣлали чудеса храбрости. Потеря ихъ простиралась до 140 человѣкъ; Генералы Зафиропуло и Ксиди и Полковники Элевѳери и Корморитти были убиты. Со времени Петской битвы, гдѣ Греки потеряли до 200 человѣкъ, они не испытывали такой потери. Въ другихъ сраженіяхъ число убитыхъ не превышало нѣсколькихъ десятковъ. Съ Маркомъ Воццарисомъ погибло всего *одиннадцать* человѣкъ. Свидѣтели Ваграмской или Лейпцигской битвы конечно изумятся малочисленности Греческихъ ополченій; но жребій государствъ только въ наше время былъ рѣшаемъ милліонами воиновъ. На Мараѳонскомъ полѣ древняя Греція была спасена, а Греки потеряли только 192 человѣка. Битвы Болливара покажутся перепалками противъ Наполеоновыхъ; но ими утверждаются цѣлыя царства. Тѣмъ оскорбительнѣе казался Грекамъ уронъ Наваринскій, что тамъ сражались лучшія ихъ войска, Суліоты и Румеліоты. Въ народѣ немногочисленномъ знаютъ поименно защитниковъ отечества, спрашиваютъ, кто именно что сдѣлалъ, кто палъ на полѣ битвы, кто спасся. Вмѣшавшись въ толпы народа, которыя собирались и разговаривали по улицамъ, мнѣ казалось, я былъ свидѣтелемъ явленій, описанныхъ

Димосѳеномъ, видѣлъ Аѳинянъ любопытныхъ, праздныхъ, говорливыхъ, спрашивающихъ новостей о Филиппѣ: это любопытство, эта страсть говорить и разсуждать о новостяхъ, сохранились въ характерѣ нынѣшнихъ Грековъ.

Мнѣ хотѣлось скорѣе видѣть театръ битвъ; сверхъ того я имѣлъ важныя письма для передачи самому Президенту, и спѣшилъ воспользоваться отъѣздомъ изъ Наполи Генерала Роша. Сей старый воинъ отправленъ въ Грецію Парижскими Филеллинами. Онъ весьма мужественнаго вида и съ умомъ соединяетъ любезность и откровенность Французскаго воина à vieilles moustaches.

Сопровождаемые десятью Паликарами на тощихъ лошадяхъ, мы прибыли въ Аргосъ, при наступленіи ночи. Шесть ословъ и шесть муловъ везли нашъ багажъ. Аргосъ, древняя столица *Царя вождей*, теперь небольшой городъ, съ 10-15 тысячами жителей. Улицы въ немъ широки и прямы; домы, большою частію, деревянные и украшены портиками. Турки и Греки раззоряли его съ начала нынѣшнихъ волненій. Теперь возстаетъ онъ изъ развалинъ. Эпархъ водилъ насъ, пока готовили ужинъ, въ домъ, назначенный для Университета. Варваки, богатый Грекъ, оставилъ сумму денегъ, съ которой болѣе 100 т. фр. ежегоднаго дохода должны обращаться на устройство Аргосскаго Университета. Городъ купилъ домъ, посреди коего прежде находился Турецкій базаръ съ фонтаномъ. Съ радостію осмотрѣли мы училище взаимнаго обученія, устроенное Правительствомъ, по образцу Ан-

Digitized by Google

глійскихъ Ланкастерскихъ училищъ. Учитель живетъ подлѣ. Онъ узналъ сей способъ ученія въ Бухарестѣ, у Г-на Клеовулоса, а сей послѣдній учился въ Парижѣ. Въ Аргосѣ учатся дѣвочки и мальчики, въ отдѣльныхъ залахъ. Одна изъ Хіосскихъ Гречанокъ старается теперь завесть особое училище для дѣвочекъ. Мы видѣли новостроющуюся церковь, созидаемую изъ развалинъ мечети, построенной на мѣстѣ и изъ остатковъ христіанской церкви, на которую въ древнія времена употреблены были остатки языческаго храма.

Передъ ужиномъ, какъ во времена Одиссея, молодая дѣвушка подала намъ умыть руки. Мы сѣли на подушкахъ и коврахъ, сложа ноги, вокругъ стола, на которомъ были поставлены жареные, баранъ и коза, пилавъ, сыръ и померанцы. Юные Греки наливали намъ вино, и въ концѣ стола Паликаръ обнесъ всѣмъ чашу, которую мы выпили за свободу Греціи. Кожи и одѣяла разостланы были для нашего ночлега.

Рано поутру отправились мы въ Триполицу. Я преклонился предъ Аргосскою крѣпостью, вспомнивъ, что она удержала въ 1822 году гордаго Решида. Греки не успѣли еще исправить ее; она полуразрушена.

Триполицца находится среди прекрасной долины. Мы были изумлены, увидя множество народа за городскими воротами и два длинные ряда Паликаровъ. Всадникъ, богато одѣтый, приближился къ намъ. Это была встрѣча Генералу Рошу; всадникъ былъ Полковникъ Ксиди, коммендантъ Триполицы,

Digitized by Google

братъ генерала, убитаго подъ Навариномъ. Онъ выстрѣлилъ изъ двухъ пистолетовъ и привѣтствовалъ насъ по обычаю Грековъ, приложивъ правую руку къ сердцу. Генералъ изъявилъ ему сожалѣніе о смерти брата. »Мы Греки, всѣ почтемъ себя счастливыми умирая, какъ умеръ братъ мой,« отвѣчалъ Ксиди. Мы въѣхали въ городъ съ толпою жителей и помѣщены были въ домѣ Министра внутреннихъ дѣлъ, одного изъ небольшаго числа Турецкихъ домовъ, уцѣлѣвшихъ при взятіи города. Вокругъ видѣлъ я развалины. Сераль и гаремъ Паши, бывшаго начальника Мореи, сломаны совершенно, также бани и мечети. Греки пощадили только кладбища Турецкія. Триполицца начинаетъ устроиваться и населяться, послѣ раззоренія въ 1822 году. До того бывши столицею Мореи, городъ вмѣщалъ до 40 тысячь жителей. Въ числѣ ихъ Грековъ находилось не болѣе трехъ тысячь. Теперь жителей тысячь до 15, ибо отвсюду стекается сюда народъ. За 1000 доллеровъ можно купить въ Триполиццѣ прекраснѣйшій домъ съ обширнымъ садомъ. Долину, въ которой находится сей городъ, окружаютъ горы. Вокругъ его были въ древности Тегей, Мантинея и Паллантея; можетъ быть Триполицца возникла изъ развалинъ сихъ трехъ городовъ. Она совсѣмъ неукрѣплена и не можетъ выдержать осады. Стѣна съ башнями окружаетъ городъ; она построена была Турками для защиты отъ нечаяннаго нападенія Клефтовъ, живущихъ въ окрестныхъ горахъ: но Колокотрони до возстанія Греціи бралъ Триполиццу, нападая неожиданно. Въ 1822 г. Турки выдерживали здѣсь однако-же осаду; 9000 Турковъ и 300 Албанцовъ защищались противъ толпы

Грековъ, наскоро вооруженныхъ, кто чѣмъ успѣлъ; нѣсколько негодныхъ пушекъ, заступы, палки и тысячи три ружей составляли все ихъ осадное оружіе.

Греки навыкли у Турковъ проводить время. Съ семи часовъ утра начинаются здѣсь визиты. Всякій, почитающій себя человѣкомъ нѣсколько значительнымъ, считаетъ обязанностію и важнымъ преимуществомъ посѣтить вновь пріѣхавшаго замѣчательнаго иностранца.

На другой день поутру съ семи часовъ наша Турецкая диванная (крашеныя стекла, стихи изъ Корана, Арабески на стѣнахъ и потолокъ, покрытый изумруднаго цвѣта лакомъ, показывали, что здѣсь была нѣкогда пріемная Турецкаго вельможи) наполнилась народомъ. У всѣхъ были важныя лица; приложивъ правую руку къ сердцу и раскланявшись съ нами, гости наши молча садились на диваны, вокругъ стѣнъ расположенные, пили тихо и съ разстановкою кофе и курили трубки, которыя подавали каждому изъ приходящихъ. Никакой *большой выходъ* Европейскаго двора не можетъ быть такъ важенъ и церемоніяленъ, какъ визиты Грековъ.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ, мы отправились сдѣлать свои визиты всѣмъ тѣмъ особамъ, которыя удостоили насъ своимъ молчаливымъ и важнымъ посѣщеніемъ. Кольи застали мы за обѣдомъ съ нѣкоторыми изъ его военныхъ товарищей, въ комнатѣ убранной дорогими Турецкими оружіями, сѣдлами и прочими воинскими снарядами. На стѣнѣ висѣла драгоцѣнная сабля покойнаго генерала, брата его, ко-

торую цѣнили въ 100 фунт. стер. Страсть къ дорогимъ оружіямъ у Грековъ и Турковъ доведена до излишества. Подлѣ сабли увидѣли мы ковчежецъ съ мощами. Греческіе воины надѣваютъ такіе ковчежцы, идя въ битву. Они призываютъ во время сраженій Свят. Димитрія, Св. Константина и Елену, считая ихъ особенными покровителями Греціи. Знамя покойнаго генерала было свернуто, въ знакъ печали. На копьѣ, коимъ оно оканчивается сверху, мы прочитали надписи: *„Богъ, отечество, надежда, милость!“*

Намъ показали въ числѣ Румеліотовъ храбраго воина, который отбилъ знамя это отъ непріятеля и нѣсколько часовъ бѣжалъ съ нимъ, преслѣдуемый Турецкими наѣздниками. Мы видѣли также 14-ти лѣтняго юношу, не оставлявшаго въ битвѣ генерала, когда уже онъ былъ смертельно раненъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома лежалъ воинъ, израненный въ схваткѣ съ Турками, когда Греки старались отбить тѣло генерала. Полковникъ Ксиди мрачно смотрѣлъ на всѣ сіи предметы. Прощаясь съ нами, онъ пожалъ намъ руки и сказалъ: *„Живу только для того, чтобы отмстить за смерть брата!“*

Въ число особъ, обласкавшихъ насъ, я долженъ включить Князя Димитрія Ипсиланти. Онъ чрезвычайно вѣжливъ со всѣми, не высокъ ростомъ, плѣшивъ и слабаго сложенія; но храбрость свою онъ успѣлъ доказать несомнѣнными примѣрами отваги. Онъ хорошо говоритъ по-Французски и живетъ по-Европейски. Извѣстно, что онъ служилъ нѣкогда Маіоромъ въ Русской службѣ и донынѣ лю-

Digitized by Google

битъ Рускихъ. Мужественно подвизавшись въ первые годы возстановленія Греціи, нынѣ живетъ онъ удалясь отъ всѣхъ дѣлъ. Не помню кто-то сказалъ мнѣ, что у Князя Димитрія *Турецкій дворецъ, Русская голова и Греческое сердце.*

На другой день мы услышали о прибытіи къ Триполицѣ Сульотовъ и Румеліотовъ. Въ самомъ дѣлѣ, сіи гордые воины, оскорбленные тѣмъ, что Президентъ избралъ начальникомъ надъ всѣми войсками и надъ ними Идріота Скурти и увѣренные, что потеря подъ Навариномъ была слѣдствіемъ сего выбора и незнанія вождей, отказались служить въ полѣ подъ начальствомъ Президента Кондуріоти и Генерала Маврокордато. Они оставили войско и сказали рѣшительно, что будутъ защищать только свою область.

Начитавшись въ пѣсняхъ Греческихъ разсказовъ о невѣроятной храбрости сего непобѣдимаго поколѣнія Греціи, которое хотѣло лучше скитаться сотни лѣтъ по дикимъ горамъ, нежели покориться Оттоманамъ, я спѣшилъ видѣть сихъ героевъ.

Первый вождь, котораго посѣтили мы съ Генераломъ Рошемъ, былъ *Георгій Караискаки*, урожденецъ Арты. Мы нашли его въ бѣдной хижинѣ, сидящаго на богатомъ коврѣ и великолѣпно одѣтаго. Оружіе его висѣло по стѣнамъ комнаты, наполненной воинами, которые никогда не разстаются съ начальникомъ своимъ. Еще до возстанія Греціи, Караискаки былъ ужасомъ Турковъ, какъ горный Клефтъ. Онъ средняго роста, угрюмаго вида и хитрость замѣтна во всѣхъ чертахъ его. Въ раз-

Digitized by Google

говоря съ нами, онъ насмѣшливо касался до многихъ важныхъ вопросовъ и скрывалъ свое мнѣніе обо всемъ, что касалось политическихъ отношеній. »Я солдатъ: мое дѣло повиноваться; пусть дѣлаютъ какъ угодно,« сказалъ онъ, когда генералъ спрашивалъ у него мнѣнія о власти Правительства. — Въ послѣднемъ сраженіи вы видѣли, говорилъ ему генералъ, превосходство дисциплины Европейской надъ храбростію. Для чего не ввести ее въ Греческое войско? — »Хорошо! Но въ состояніи-ли Греки пріобрѣсть и поддержать ее?« — Какъ вы думаете: хорошо ли сдѣлаетъ Правительство, если проститъ Колокотрони и сдѣлаетъ его полководцомъ, при нынѣшнихъ критическихъ обстоятельствахъ? — Тутъ, одинъ изъ стоявшихъ подлѣ меня старыхъ Клефтовъ сказалъ громко: »Несчастная та страна, которой жребій зависитъ отъ одного воина; скорѣе умереть, нежели согласиться на покорность ему!« Этотъ старый воинъ былъ *Піоя-Пано*, Сульотъ, долго бывшій между Албанцами и потомъ служившій въ Англійскомъ войскѣ. Узнавъ, что онъ былъ въ числѣ защитниковъ Гаэты, когда Массена осаждалъ сей городъ, Генералъ Рошъ протянулъ къ нему руку: — Дай пожать твою руку, бывшій непріятель! сказалъ онъ: я былъ въ Массениномъ войскѣ; теперь обнимемся, какъ друзья! — Такое неожиданное обращеніе, воинскій видъ и слова Роша понравились всѣмъ Клефтамъ. Лица ихъ прояснились при взглядѣ на сего почтеннаго воина.

Прекрасную картину можно-бы составить, изобразивъ наше свиданіе съ знаменитѣйшимъ изъ Греческихъ героевъ *Константиномъ Воццари*. Онъ

Digitized by Google

стоялъ, прислонясь къ дереву; воины стояли вокругъ его въ разныхъ положеніяхъ; ни золото, ни серебро, ни великолѣпная одежда не отличали ихъ вождя. Онъ всегда одѣвается просто. Сверхъ свѣтло-голубой куртки его, на нёмъ надѣтъ былъ бѣлый плащь изъ козьей шерсти. Привыкнувъ видѣть богатыя одежды Греческихъ начальниковъ, мы спрашивали еще о Воццари, когда онъ былъ уже предъ нами. Только коверъ, постланный подлѣ него на травѣ, отличалъ его. Глубокое молчаніе царствовало въ этомъ собраніи неподвижныхъ воиновъ. Воццари спокойно курилъ трубку, принялъ насъ холодно, но вѣжливо. Онъ Сульотъ и братъ Марка Воццари, Леонида новой Эллады. Будучи невысокаго роста, онъ крѣпокъ, силенъ и, говорятъ, походитъ на брата. Имя его драгоцѣнно для соотчичей, какъ имя одного изъ древнѣйшихъ семействъ героевъ Суліи. Всѣ почти его воины Сульоты. Изъ нихъ много его родственниковъ, которые сражаются подлѣ него. Они обожаютъ Воццари и не щадятъ жизни для охраненія своего любимца. Въ свалкѣ Наваринской битвы онъ сброшенъ былъ съ лошади, упалъ и Турки бросились на него толпою, но Сульоты окружили его; мечи ихъ составили желѣзную стѣну вокругъ вождя. Цѣлое Сульотское семейство, шесть родныхъ братьевъ, сражавшихся вмѣстѣ, пали защищая его отъ саблей Египтянъ; десять другихъ Сульотовъ также погибло. Воццари былъ спасенъ. Генералъ Рошъ извѣстилъ его, что сынъ брата его Марка избранъ для воспитанія въ Парижѣ, на счетъ общества Филеллиновъ. Воццари отвѣчалъ, что онъ радъ этому и желаетъ, чтобы племянникъ его сдѣлался человѣкомъ ученымъ. »Знаете-ли вы исторію вашихъ

Digitized by Google

предковъ?« — Мы не читали ее, но намъ разсказывали многое. — »Ваши подвиги дѣлаютъ вамъ честь между соотчичами и доставятъ безсмертіе въ грядущихъ вѣкахъ.« — Я хочу только блага своему отечеству. — »Смерть брата вашего есть право на славу Греціи.« — Всѣ Греки хотятъ умереть такъ, какъ онъ. — »Есть-ли у васъ между Сульотами имена древнихъ героевъ?« — Не имя, а сердце дѣлаетъ героемъ! отвѣчалъ одинъ изъ родственниковъ Воццари. — »Хотите-ли вы, чтобы въ Греціи избранъ былъ король?« — Я думаю, сказалъ Воццари, что это для Греціи необходимо въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Прощаясь съ нами, Воццари поцѣловалъ насъ въ губы: это знакъ величайшей дружбы Грека.

(Въ слѣд. книжк.)

Digitized by Google

НЕКРОЛОГІЯ. *Петръ Симонъ, Маркизъ Лапласъ*, Перъ Франціи, кавалеръ Почетнаго Легіона, Членъ Парижской Академіи Наукъ и Французской Академіи, Санктпетербургской Наукъ, и множества другихъ Ученыхъ Обществъ, родился 28 Марта 1749 года, въ Бомонѣ на Ожѣ (въ департаментѣ Кальвадосскомъ). Отецъ его былъ простой земледѣлецъ. Первыя лѣта юности Лапласъ провелъ на родинѣ своей, гдѣ учился въ городовой школѣ. До сихъ поръ библіографіи людей, великихъ заслугами ума въ знаніяхъ и наукахъ, не получили, кажется, своего надлежащаго образа. "Въ то время, какъ мы видимъ издаваемыми въ свѣтъ записки даже Королевскихъ лакеевъ, какъ мало появляется записокъ людей ученыхъ, знаменитыхъ не по дипломатикѣ, не по военнымъ подвигамъ и не по участію въ политическихъ событіяхъ! Правда, такіе люди не любятъ *записывать* что они дѣлали: стремясь къ высшей цѣли, они почитаютъ мѣлочами постепенное шествіе свое до той точки, на которой являются они намъ уже въ блескѣ славы, со всеобщимъ сознаніемъ ихъ необыкновенныхъ дарованій. Тѣмъ болѣе должно-бъ было людямъ окружающимъ ихъ схватывать съ устъ ихъ подробности, обстоятельства жизни, и показывать ихъ современникамъ и потомству, которое, можетъ быть, не станетъ читать записокъ какого нибудь придворнаго интригана, старающагося смыть съ себя пятно, наложенное на него судомъ еще вживѣ, или стараго дипломата, показывающаго, что и онъ что нибудь да значилъ въ томъ или другомъ историческомъ событіи, а обратится къ біографіи Лапласа, сына земледѣльца и геніи Мате-

машняки въ нашемъ вѣкѣ, или Ломоносова, сына рыбака Холмогорскаго и преобразователя Русскаго языка, Русской Словесности. Въ такихъ біографіяхъ могли-бы люди разгадывать постепенно тайну *воспитанія геніевъ*, могли-бы приводить въ систему тотъ скрытный ходъ, по коему ведетъ ихъ Провидѣніе и прославляютъ люди, не справляясь съ уставомъ мѣстничества и метрикою формуляровъ.

Обвиненіе за безскладную сухость Біографій падаетъ обыкновенно на публицистовъ и лексикографовъ; но въ самомъ-ли дѣлѣ они виноваты? Недавно, на ряду съ другими Русскими Журналистами, упрекнули и Издателя Телеграфа за молчаніе о Карамзинѣ. Не защищая другихъ, Издатель скажетъ о себѣ, что онъ былъ въ числѣ тѣхъ людей, которыхъ смерть нашего незабвеннаго Карамзина поразила горестію сердечною. Онъ смѣетъ гордиться тѣмъ, что какъ человѣкъ умѣлъ понимать Карамзина, какъ человѣка, и по роду занятій своихъ, можетъ быть, болѣе другаго (да не почтутъ этого хвастовствомъ!) *могъ* понимать достоинство трудовъ его; но со всѣмъ тѣмъ, увѣренъ, что пустыя, хотя-бы и самыя звонкія восклицанія, есть кимвальный звонъ, а не дань благодарности памяти человѣка великаго. Пусть другіе сыплютъ на могилу Карамзина фразы и слова похвальныя, мы, чувствующіе и заслугу и утрату Карамзина, не такъ должны почтить память его. Издатель Телеграфа исполнилъ долгъ современнаго Некролога, когда получена была въ Москвѣ печальная вѣсть о кончинѣ Карамзина, исполнилъ, можетъ быть, недостаточно:

припишите это недостатку таланта, неумѣнію лучше выразиться, но не обвиняйте на ряду съ другими въ холодности, въ невниманіи къ великому соотечественнику. Скажите лучше: гдѣ можетъ журналистъ, даже и теперь, взять матеріялы для біографіи Карамзина подробной? Знаемъ другой упрекъ обвинителей: *трудъ Карамзина неоцѣненъ*, и не соглашаемся съ ними. Отечество и Государь оцѣнили его: покажите намъ изъ каждыхъ десяти новыхъ Русскихъ книгъ Историческихъ, хотя три, гдѣ Карамзинъ не оказывался-бы руководителемъ нашимъ. Вотъ оцѣнка труда его! А кромѣ того, не оцѣняютъ-ли труды его всѣ благонамѣренные соотечественники цѣною весьма высокою? Не говорятъ-ли, что его трудъ *первый* переступилъ за грань нашего литтературнаго міра? Не уже-ли злонамѣренность какого нибудь щепетильника Исторіи должна падать на всѣхъ насъ? Мы отвергаемъ мѣлочныя привязки и осуждаемъ ихъ еще при себѣ оставаться въ пыли журналовъ. Мы отступили отъ главнаго предмета статьи, *жизни Лапласа*, и насъ увлекло тоже, чѣмъ можемъ оправдываться въ сухости всѣхъ журнальныхъ некрологій и біографій: недостатокъ извѣстій. Чья обязанность дополнять такіе недостатки? Не тѣхъ-ли, которые были близки къ великимъ людямъ и могли замѣтить то, что не вносится въ формулярные списки, а записывается въ исторію ума и просвѣщенія человѣческаго.

По этой причинѣ, по молчанію людей близкихъ къ Лапласу, мы не имѣемъ никакихъ извѣстій о томъ, какимъ образомъ Лапласъ, въ старости наслаждав-

шійся всеобщею славою и признаннымъ достоинствомъ генія великаго, какъ этотъ сынъ простаго поселянина умѣлъ и успѣлъ сохранить свой геній среди бѣдности и недостатковъ жизни вещественной и духовной, неподкрѣпленной ни воспитаніемъ, ни средствами образоваться. Извѣстій объ этомъ мы требуемъ отъ знавшихъ близко Лапласа, какъ отъ людей бывшихъ близкими къ Карамзину, требуемъ извѣстій о Карамзинѣ. Намъ все равно, о соотечественникѣ или иностранцѣ мы говоримъ: онъ *нашъ*, когда жизнію принадлежитъ вѣку, а заслугами человѣчеству.

Біографы Лапласа сохранили намъ только то, что съ малыхъ лѣтъ чувствовалъ онъ непреодолимое стремленіе къ Математикѣ. Кончивъ школьный курсъ свой, Лапласъ былъ учителемъ Математики въ военномъ училищѣ Бомонтскомъ, но вскорѣ увидѣлъ, что занятіе это его неудовлетворяло. Онъ стремился къ высшему и переѣхалъ въ Парижъ. Здѣсь долго трудился онъ въ своемъ ученомъ кабинетѣ и только въ зрѣлыхъ лѣтахъ осмѣлился выступить на поприщѣ, гдѣ блистали уже современники его, послѣ, также какъ онъ, сдѣлавшіеся честью Франціи. Тогда *знанія точныя* (*Sciences exactes*) были въ какомъ-то необыкновенномъ движеніи. Всеобщее соревнованіе, пробужденное въ Европѣ, произвело рядъ великихъ математиковъ, астрономовъ, физиковъ. Тогда были во Франціи Бальи, Лавуазье, Лаландъ, Монжъ; явились Лагранжъ, Деламбръ, Фурируа, Кювье и Біотъ. Примѣръ Англіи и другихъ державъ произвелъ экспедицію Лаперуза;

Digitized by Google

Сонинни, Вальянъ, Дегинь, Диксонъ, Биллингсъ, Малеспина, Ванкуверъ, Маршандъ, изслѣдывали земной шаръ. Тогда среди извѣстныхъ уже Математиковъ Франціи явился и Лапласъ. Онъ выдалъ свои: *Теорію движенія и эллиптической фигуры планетъ* (1784 г. in 4) и *Теорію аттракціи* (attraction) *сфероидовъ и фигуры планетъ* (1785 г. in 4). Сіи сочиненія обратили на Лапласа вниманіе многихъ просвѣщенныхъ людей. Саронъ, Президентъ Академіи, благодѣтель Лапласа, доставилъ ему мѣсто Академика и разныя должности, какъ-то: въ Артиллерійскомъ корпусѣ (гдѣ Лапласъ заступилъ мѣсто Безу) и въ Bureau des longitudes. Тогда Астрономико-Математическіе вопросы и сомнѣнія занимали весь ученый свѣтъ. Революція Французская не остановила мирныхъ занятій тѣхъ людей, которые не бросались сами въ политическую бурю. Въ самую грозную эпоху революціи Деламбръ, Біотъ, Лапласъ, Мешенъ измѣряли Францію и выводили основную мѣру, по которой расположены были республиканскія мѣры. Въ 1796 г. Лапласъ поднесъ Пятисотному Совѣту превосходное твореніе свое: *Exposition du système du monde*, сперва изд. въ 2 том in 8, потомъ въ 1 томѣ, in 4 и *пять* разъ донынѣ напечатанное (*послѣднее* изданіе 1824 г. in 4,420 стр.). »Переведенное на всѣ (*кромѣ Русскаго*, можно къ этому прибавить) языки ученой Европы,« говоритъ Франкёръ (Rev. Encycl. T. XXV, 48), »оно находится въ рукахъ всѣхъ умѣющихъ читать. Въ немъ Авторъ соединилъ факты и теорію Астрономіи, исключивъ обширные и затруднительные вычеты, на коихъ основано сіе знаніе. Вводя самыхъ неуче-

ныхъ читателей постепенно въ механизмъ вселенной, приучая ихъ къ величію предметовъ, указывая отношенія, отличая каждое движеніе небесныхъ тѣлъ и выводя слѣдствія, при окончаніи книги, Авторъ невольно изумляетъ читателя, когда сей послѣдній сообразитъ, какъ много, съ такимъ малымъ трудомъ и въ такое малое время, онъ пріобрѣлъ чтеніемъ. Второе чтеніе еще бываетъ пріятнѣе, когда читатель можетъ уже видѣть, сколь доступнымъ умѣлъ сдѣлать Авторъ свое знаніе, какъ умѣлъ наблюсть методу, расположить предметы, поставить всякое слово на точномъ его мѣстѣ, ничего не упустить, остановиться кстати и не сказать ничего излишняго.« Такая книга могла утвердить славу Автора. Современники его думали, что философическій умъ будетъ равно способенъ и къ государственнымъ дѣламъ. Люди были надобны Франціи, и Лапласъ, въ эпоху 18 Брюмера, назначенъ былъ Министромъ внутреннихъ дѣлъ; но скоро опытомъ показалъ онъ различіе между умами, великими на томъ пути, который назначила имъ природа, и слабыми, когда хотятъ заставить ихъ дѣйствовать на перекоръ ей. Вскорѣ Люціанъ Бонапарте смѣнилъ Лапласа по его Министерству, но Наполеонъ, страстный обожатель Математики, хотѣлъ доказать Лапласу, что уваженіе его къ генію не уничтожено ошибкой гражданскаго выбора. Онъ помѣстилъ Лапласа въ Сенатъ (1799 г.); въ 1803 г. произведенъ былъ онъ Вице-Президентомъ, потомъ Канцлеромъ Сената и пожалованъ Графомъ Имперіи Французской; въ 1813 г. Лапласъ награжденъ былъ орденомъ Соединенія. Все это доказы-

Digitized by Google

вает и умѣнье Наполеона давать каждому его мѣсто, не смотря на породу, и ату щедрость, съ какою награждалъ онъ таланты и познанія. „Геометръ первой степени," сказалъ однажды Наполеонъ, „Лапласъ скоро показалъ намъ, что онъ плохой Министръ. Съ первой работы его, Консулы замѣтили свою ошибку: Лапласъ ни на одинъ предметъ не смотрѣлъ съ настоящей точки, вездѣ искалъ тонкостей, вводилъ проблемматическія идеи и сущность *безконечно - малыхъ* переносилъ въ государственныя дѣла." Но Министръ и Сенаторъ не отличный, въ тоже время показывалъ величіе своего генія въ сферѣ ему свойственной и два сочиненія, поставили имя Лапласа на ряду съ именами величайшихъ математиковъ. Въ 1799 г. издалъ онъ *два* тома своей *Механики неба* (Traité de Mécanique céleste); два другіе тома вышли въ 1804 и 1805 гг. Эта книга донынѣ полнѣйшій кодексъ Астрономической Математики. Въ сочиненіи своемъ: *Аналитическая теорія вѣроятностей* (1 е изд. 1812 г., 2 е 1814 г.), Лапласъ возвысилъ анализъ до философическаго созерцанія. Съ воцареніемъ дома Бурбоновъ во Франціи, Лапласъ изъявилъ имъ свою привязанность, получилъ званіе Пера и титулъ Маркиза. Онъ не присталъ къ Наполеону въ 100-дневное правленіе, и вообще остатокъ жизни своей посвятилъ преимущественно наукамъ. Послѣднее большое сочиненіе его: *Философическій опытъ о вѣроятностяхъ*, въ 1825 г. напечатано было уже пятымъ изданіемъ. Труды и заслуги Лапласа вполнѣ могутъ быть оцѣнены только учеными знатоками, ибо имъ извѣстно безчисленное множество диссер-

Digitized by Google

шацій и статей, которыя, сверхъ обширныхъ его сочиненій, появлялись во все время его жизни въ разныхъ Журналахъ и Запискахъ Академій, и то, какъ много труды его способствовали усовершенствованію и успѣхамъ Математики и Астрономіи. „Лапласъ анализомъ довелъ Математику до высочайшей степени философическаго синтезиса: вотъ что можно-бы сказать, если-бы хотѣть изобразить заслуги его въ нѣсколькихъ словахъ.“ Онъ скончался 14 Января, сего 1827 года, на 76 году отъ рожденія.

ОПЕЧАТКИ

No IX, Отд. I.

39 — 31 — *вольностію* *сольностію*

No X, Отд. II.

63 — 30 — на духу на слуху

Digitized by Google

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Хоръ Духовъ.

(Изъ Байронова *Манфреда*: When the moon is on the wave).

Въ часъ ночной, когда луной
    Серебрится море,
Свѣтитъ червь въ травѣ густой,
Огнь блуждаетъ надъ водой,
Надъ могилой паръ земной
    Свѣтитъ въ метеорѣ,
Звѣзды падаютъ съ небесъ,
Крикомъ совъ наполненъ лѣсъ
И деревьевъ дружныхъ сонмы
Спятъ въ тѣни холмовъ безмолвны,
Духъ мой будетъ надъ тобой
Вѣять силой роковой!

И въ полночномъ крѣпкомъ снѣ
Будетъ духъ твой плѣнникъ мнѣ;
Чуды мрака предъ тобою
Черной, длинною грядою
Будутъ вѣчно проходить,
Вѣчно скорбь съ тобою жить;
Какъ могильной пеленою
Облеченъ мечтаній мглою,

Digitized by Google

Вѣчно будетъ жить твой умъ
Въ темномъ мірѣ грустныхъ думъ.
Какъ незримыми цѣпями,
Сердце, скованно мечтами,
Узритъ въ сѣти чудной сей
Тайну мощь руки моей.
Я, какъ врагъ кровавый съ бою,
Всюду слѣдомъ за тобою;
Ты вращаешь взоръ . . . . но я
Утекаю, какъ струя.
Я лечу, какъ быстро пламя,
Предъ собой подъемля знамя
Всѣмъ безчисленнымъ полкамъ,
Всѣмъ разсѣяннымъ мечтамъ!

На пути твоемъ всегда
Сѣти, ужасъ и бѣда;
Воздухъ будетъ надъ тобою
Тяжекъ клятвой и грозою;
Какъ шипѣніе змѣи,
Въ уши вѣтръ свиститъ твои;
Не найдешь въ порѣ ночной
Ты насущный всѣмъ покой;
Солнце въ свѣтлый день взойдетъ,
Но тебя лишь зной сожжетъ!

Твой притворно-сладкій взглядъ
Растворилъ я въ смертный ядъ;
Изъ твоихъ коварныхъ словъ
Я изрылъ напасти ровъ;
Изо дна души твоей
Поднялъ я шипящихъ змѣй;
Сердца кладязь твой глубокъ
Я отверзъ въ полынный токъ;

Digitized by Google

Ядъ измѣрилъ всѣхъ отравъ,
Всякой пагубы составъ
И нашелъ сильнѣй его —
Ядъ коварства твоего!

Улыбкой твоею змѣиной
И хладнымъ сердцемъ твоимъ,
Бездонною лести пучиной,
Извергшей чарующій дымъ,
Взоромъ алчбы ненасытной,
Сѣящимъ призраковъ свѣтъ,
Сердца измѣною скрытной,
Горькимъ источникомъ бѣдъ,
Съ первымъ погибели чадомъ
Вѣчнымъ собратствомъ твоимъ,
Тебя заклинаю — быть собственнымъ ядомъ
И казнью злодѣямъ инымъ!

На главу, о льстецъ, твою
Я фіалъ сей клятвы лью!
Да не будутъ ввѣкъ судьбой
Сонъ и смерть тебѣ въ покой;
Съ вѣчной жаждой умереть,
Страхъ вблизи погибель зрѣть!
Цѣпь беззвучная тебя
Обвиваетъ, какъ змія.
Огнь и въ сердце и въ чело —
Клятвы грозное клеймо.

(*Съ Англійск.*)

Digitized by Google

Италія.

(Сонетъ.)

Италія, страна могилъ,
Развалинъ и воспоминаній,
Италія! я полюбилъ,
Младенцемъ, гулъ твоихъ преданій.

*

Твой мертвый Римъ меня сковалъ
Окостенѣвшею рукою;
Въ толпѣ тѣней я возросталъ,
Съ твоей сроднился я семьею. . . .

*

И не ужь-ли въ потокѣ лѣтъ
Мечты не сбудутся младыя?
И не прильнетъ мой зыбкій слѣдъ
Къ гробамъ, гдѣ спятъ твои живые?
Италія — потомства нѣтъ —
Пойду подъ своды гробовые!

А. Муравьевъ.

Digitized by Google

Эпизодическій отрывокъ изъ путешествія, въ стихахъ.

(Авторъ въ путешествіи своемъ наѣзжаетъ на разныхъ путешественниковъ, между прочимъ на Фиглярина, Вздыхалова и другихъ, и знакомитъ съ ними читателей своихъ путевыхъ записокъ. Здѣсь сообщаетъ онъ одно приключеніе изъ пѣшеходнаго странствованія Вздыхалова съ собачкою своею; въ другихъ главахъ будутъ описаны: встрѣча Вздыхалова съ Фиглярынымъ и предварительные переговоры союза оборонительнаго и нападательнаго, заключеннаго между ними; военная шутка изъ мирнаго странствованія Фиглярина по переднимъ и проч. и проч.

Первый отдыхъ Вздыхалова.

»Усталъ! Страннопріимны боги!
Я вамъ сей часъ стишки скажу.
Едва мои виляютъ ноги,
Едва лорнетку я держу
И уши опустя *Бижу*,
Товарищъ мой въ сиротской долѣ,
Какъ я, бѣжать не можетъ болѣ,
И *Отдыхъ въ пользу* я читалъ,
Я три версты ужь отпорхалъ;
Мнѣ, право, отдохнуть не стыдно,
Къ тому-жь и подлинникъ мой, видно,
Стернъ точно также отдыхалъ.
Такъ! сѣсть мнѣ можно безъ ошибки
Подъ ароматный зонтикъ липки,
Плѣнясь красой картинныхъ мѣстъ.»
Желудокъ, между тѣмъ, нескромной
Ему журчитъ укорой томной,
Что Йорикъ ѣлъ, а онъ не ѣстъ;

И кое-какъ собравшись съ силой,
Побрелъ онъ поступью унылой
Къ избушкѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ
Предъ нимъ мелькающей въ кустахъ;
И силится въ умѣ усталомъ,
Свершая медленно свой путь,
Хотя экспромптомъ - мадригаломъ
Спросить поѣсть чего нибудь,
Чтобъ жизнь придать натурѣ тощей,
Иль заморить, сказавши проще,
Въ пустомъ желудкѣ червяка.
Онъ весь въ экспромптѣ былъ. Пока
Къ нему на встрѣчу изъ лачужки
Выходитъ баба; ожилъ онъ!
На милый идеалъ пастушки
Лорнетъ наводитъ Селадонъ,
Платокъ свой алый расправляетъ,
Вздыхаетъ разъ, вздыхаетъ два
И къ ней, кобенясь, обращаетъ
Онъ слѣдующія слова:
»Привѣтствую мольбой стократной
»Гебею здѣшней стороны!
»Твой обѣщаетъ взоръ пріятной
»Гостепріимство старины.
»Въ рукѣ твоей, съ нагорнымъ снѣгомъ,
»Съ лилеей равной бѣлизны,
»Я, утомленный дальнимъ бѣгомъ,
»Приемлю радостей залогъ;
»Я истощился, изнемогъ.
»Какъ подходя къ рѣчному устью
»Томимый зноемъ пилигримъ,
»Не вѣритъ и глазамъ своимъ,
»Такъ я, и голодомъ и грустью

Digitized by Google

»Томимый, подхожу къ тебѣ.
»Внемли страдальческой мольбѣ,
»Какъ внемлешь ты сердечной клятвѣ,
»Когда твой юный другъ на жатвѣ
»Любить тебя клянется вновь!
»Клянусь: и я любить умѣю,
»Но на тощакъ, что за любовь?
»Май щедрый пестуетъ лилею
»И кормитъ бабочекъ семью,
»Ты призри бабочку свою!
»Молю Цереру-Киѳерею:
»Моимъ будь щедрымъ Маемъ ты,
»Не Декабремъ скупымъ и льдистымъ!
»И сердцемъ и желудкомъ чистымъ
»Стою предъ взоромъ красоты.
»Немного мнѣ для пищи нужно:
»Я изъ числа эѳирныхъ лицъ.
»Ты снисходительно и дружно
»Изжарь мнѣ пару голубицъ,
»Однѣхъ примѣтъ съ тобой и масти;
»Да канареичныхъ яицъ
»Мнѣ въ смятку изготовь отчасти;
»И каплей, въ честь твоей красѣ
»Запью *чувствительнаго спирта*,
»Настойки въ утренней росѣ
»Изъ *Глазъ Анютиныхъ* и мирта.«
Но между тѣмъ какъ слихъ къ стиху,
Въ жару голоднаго запала,
Онъ подбиралъ, какъ шелуху,
Или у Музы на духу
Грѣхи для нѣжнаго журнала,
Иль, нашему герою въ ладъ,
Я подобрать въ сравненье радъ

Digitized by Google

Еще вѣрнѣе рукодѣлье,
Какъ буску къ бускѣ въ ожерелье,
Иль легкій пухъ на марабу,
Который вѣтерокъ цѣлуетъ,
Колыша на дѣвичьемъ лбу,
Онъ и не видитъ и не чуетъ,
Что передъ нимъ нѣтъ никого,
И что Гебея тихомолкомъ,
Не понимая рѣчи толкомъ,
Въ избу укрылась отъ него.
Онъ съ воркованьемъ и привѣтомъ
Стучалъ напрасно въ ворота:
Ему мяуканье отвѣтомъ
Въ окно смотрящаго кота,
Такой пріемъ ему не новость;
У Журналистовъ онъ не разъ
Людей испытывалъ суровость,
Когда носилъ имъ на показъ
Экспромптовъ дюжинный запасъ,
И что-жь? Читалъ себѣ и Музѣ
На запертыхъ дверяхъ отказъ!
Съ смиренной мудростью въ союзѣ,
И бѣдъ и опытовъ сестрой,
Онъ и теперь прямой герой!
Судьбѣ властительной послушно
Онъ съѣлъ свой грибъ великодушно
И молча на *Бижу* взглянулъ.
То есть, вѣдь рѣчью фигуральной
Я здѣсь про грибъ упомянулъ,
А то въ судьбѣ своей печальной
И за единый грибъ буквальной
Поэтъ-бы съ радости вспрыгнулъ.
И отъ избы безчеловѣчной,

Digitized by Google

Гдѣ онъ Бавкиды не нашелъ,
Съ тоской и пустотой сердечной
Онъ прочь задумчиво побрелъ;
Шатался, медленно кружился
И на земь тихо повалился,
Какъ жидкая подъ вѣтромъ ель;
И тутъ, по волѣ и неволѣ,
Перебирая травку въ полѣ,
Съ разглядкой сталъ щипать щавель.

Персидскій Шахъ и его дворъ.

(Статья первая.)

Въ 1824 г. издана была въ Лондонѣ любопытная книга, романъ, подъ названіемъ: *Гаджи-Баба.* Сочинитель, долго жившій въ Персіи, при Англійскомъ посольствѣ, и совершенно знающій нравы и обычаи Персіянъ, представляетъ въ этомъ романѣ свои замѣчанія о Персіи. Гаджи-Баба, Персидскій Жилблазъ-де-Сантиллана. Жизнь его есть только рамка, въ которую вставляетъ Сочинитель разныя картины нравовъ, обычаевъ, обрядовъ Персидскихъ: видите живую картину, переноситесь въ новый міръ, слышите каждое изъ дѣйствующихъ лицъ, говорящее своимъ языкомъ, имѣющее свои мнѣнія, повѣрья, хорошую и худую сторону. Вообще, Сочинитель плохо умѣетъ связывать происшествія; герой романа не возбуждаетъ никакого участія, какъ и всѣ Жилблазы, въ свѣтѣ и въ романахъ; но подробности превосходны, познаніе мѣстностей

величайшее и краски вездѣ естественны и ярки. Изображеніе Курдовъ и Армянъ Персидскихъ, жизнь дервишей, муфтіевъ, купцовъ, ремесленниковъ, война съ Рускими, сказки и присказки Персіянъ, писаны съ природы и мастерски. Представляемъ здѣсь два отрывка, въ которыхъ находятся нѣкоторыя черты изображенія Шаха Персидскаго и двора его. Для объясненія надобно сказать, что Гаджи-Баба находится въ числѣ приближенныхъ людей Мирзы-Ахмата, придворнаго доктора. Разнесся слухъ, что Шахъ рѣшился удостоить Эскулапа Персіи своимъ посѣщеніемъ. За такую честь надобно отплатиться подарками: чѣмъ блистательнѣе и милостивѣе является Шахъ, тѣмъ болѣе долженъ быть подарокъ. Докторъ величайшій скупецъ, человѣкъ низкаго происхожденія и женатъ на невольницѣ, исключенной изъ Шахова гарема за немолодыя лѣта. Она гордится, что была нѣкогда въ гаремѣ Шаха и самовластно управляетъ мужемъ и всѣмъ домомъ.)

. . . Между тѣмъ, день отбытія Шахова въ загородный дворецъ приближался; по обыкновенію, онъ проводилъ время, которое оставалось у него до отъѣзда, посѣщая своихъ придворныхъ, и слѣдственно, пользуясь обильною жатвою подарковъ, коими обязаны посѣщаемые платить ему и его свитѣ за оказанную честь и милость. Слухъ о посѣщеніи Шахомъ Мирзы-Ахмата подтвердился. Шахъ выбралъ его въ число тѣхъ людей, коихъ намѣренъ былъ осчастливить, ибо Докторъ слылъ большимъ богачомъ и съ давняго

Digitized by Google

времени считали его добычею, достойною когтей Шаха и свиты его. Назначили день, когда такая новая и неслыханная милость Шаха къ его Доктору должна совершиться и Докторъ былъ извѣщенъ, что для блистательнѣйшаго доказательства благоволенія Шаха, пріѣздъ его будетъ не простое посѣщеніе, но что Докторъ будетъ имѣть счастіе угостить Шаха, что Шахъ назначаетъ у него свой *Shâm* или *обѣдъ*.

Докторъ, восхищенный величіемъ милости и трепещущій при соображеніи, какую потерю причинитъ эта милость его кошельку, принялся за необходимыя приготовленія. Первое дѣло было въ условіи, что будетъ составлять и чего будетъ стоить *pah-endaz* (*). Онъ зналъ, что объ этомъ будутъ говорить въ цѣломъ городѣ и что это будетъ служить для всѣхъ мѣрою благосклонности, какою пользуется онъ у Шаха. Съ одной стороны возбуждалось его честолюбіе, съ другой тревожила его скупость. Показавъ роскошь, можно было возбудить новыя милости Шаха, которыя раззорятъ его; не показавъ великолѣпія, возбудилъ-бы онъ презрѣніе всего двора и соперниковъ своихъ. Съ давняго уже времени онъ не совѣтовался со мною; но теперь, вспомнивъ, какъ успѣшны были во многихъ случаяхъ мои совѣты, онъ призвалъ меня къ себѣ.

(*) Разстиланіе драгоцѣнныхъ матерій на пути Шаха.

Digitized by Google

»Что дѣлать, Гаджи, въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ?« сказалъ онъ. »Мнѣ говорятъ, что Шахъ ожидаетъ отъ меня значительной посылки, и это говорилъ мнѣ самъ Главный Казначей, котораго роскошь въ такомъ случаѣ была предметомъ удивленія всей Персіи. Мнѣ не возможно съ нимъ соперничать. Онъ настаиваетъ, чтобы я разостлалъ тонкое сукно отъ самаго мѣста вступленія Шаха въ улицу, до того мѣста, гдѣ сойдетъ онъ съ коня; чтобы оттуда Шахъ пошелъ по парчамъ до входа въ садъ, а чтобы отъ входа въ садъ до мѣста, гдѣ сядетъ онъ, во всю длину двора настланы были Кашемирскія шали, прибавляя постепенно цѣнность ихъ, такъ, что шаль, на которую разстелютъ *nusnud* или парадный коверъ, должна быть цѣны безмѣрной. Ты знаешь самъ: вѣдь мнѣ не вынести такого великолѣпія? Я *hakîm*, ученый человѣкъ, а не богачъ. Впрочемъ, очень ясно, что у Казначея есть на рукахъ и сукна и парчи и шали: все это хочется ему сбыть. Нѣтъ! не льзя мнѣ послушаться! Да какъ-же и не послушаться? Что дѣлать?«

Я отвѣчалъ: — Вы *hakîm*, это правда, но вѣдь вы Шаховъ Докторъ, вы занимаете важное мѣсто. Къ тому-жь и по супругѣ вашей, вамъ должно сдѣлать что нибудь достойное столь великаго родства.

Digitized by Google

Шахъ будетъ недоволенъ, когда вы примете его такъ, что не дадите ему всяческихъ доказательствъ, какъ сильно чувствуете вы его высокую милость.

»Согласенъ,« сказалъ Мирза, »все это правда, другъ Гаджи; но вѣдь я все не болѣе какъ докторъ и не льзя-же предполагать, чтобы у меня запасены были шали, сукны, парчи.«

— Но какъ-же хотите сдѣлать иначе? Вы Докторъ, но не льзя-же вамъ, какъ Доктору, усыпать дороги ялаппою, а на почтеннѣйшее сѣдалище Шаха разостлать лоскутъ добраго пластыря?

»Нѣтъ; но мы могли-бы дорогу усыпать свѣженькими цвѣтами; ну, а это не дорого; потомъ положить на дорогу цѣлаго быка, и разбить подъ ногами Шахова коня множество стклянокъ съ ликёрами. Довольно?«

— Не возможно! вскричалъ я. Поступите вы такъ, и Шахъ и соперники ваши найдутъ тысячу средствъ оголить васъ такъ, какъ гола моя ладонь. Не нужно, можетъ быть, дѣлать всего, что вамъ говорилъ Главный Казначей, но должно вамъ, по крайней мѣрѣ, устлать улицу Индійскою кисеею, мѣсто, гдѣ ступитъ Шахъ, бархатомъ, дворъ парчами, а комнату шалями. Это станетъ не очень дорого.

»Не худо говоришь,« сказалъ Докторъ. »Такъ можетъ устроиться. Кисея есть дома: ее купили было на платье женщи-

Digitized by Google

намъ, но онѣ погодятъ. Одинъ больной подарилъ мнѣ недавно штучку Испаганскаго бархата. Я продамъ почетный кафтанъ, подаренный мнѣ Шахомъ, и куплю парчи, а двѣ, три Кашемирскія шали найдемъ у женъ и ими застелемъ комнату. Съ благословеніемъ Али все пойдетъ ладно!«

— Про гаремъ вы и забыли? Вы знаете, что Шаху открытъ входъ во всѣ гаремы; ваши жены и невольницы должны быть одѣты, какъ можно лучше.

»О! что до нихъ, онѣ займутъ что надобно у своихъ знакомокъ: перстней, шалей, всякой всячины.«

— Нѣтъ! нѣтъ! закричала его Ханша, когда наши распоряженія дошли до ея ушей. Она шумѣла, спорила, называла своего мужа скупцомъ, негодяемъ, говорила, что онъ не достоинъ такой, какова она, супруги и настояла, что онъ долженъ вести себя пристойнымъ образомъ, судя по высокому отличію, какого сдѣлался предметомъ. Безполезно было съ ней спорить, и въ слѣдствіе того, приготовленія сдѣланы были гораздо блистательнѣе, нежели полагалъ Докторъ. Всякій изъ его домочадцовъ казался оживленъ однимъ общимъ чувствомъ: вытормошить у хозяина сколько можно болѣе денегъ, которыя онъ такъ долго копилъ и собиралъ всѣми средствами, добрыми и худыми.

Утромъ еще, въ тотъ день, когда для Мирзы-Ахмата должна была совершиться

Digitized by Google

великая почесть, астрологи повѣрили свои наблюденія, нашли, что день этотъ былъ счастливѣйшій — и весьма рано шумъ приготовленій раздался во всемъ сосѣдствѣ докторскаго жилища. Явились учредители Шаховыхъ шатровъ. Они завладѣли комнатами, разостлали ковры, разставили украшенія въ залѣ, гдѣ Шахъ долженъ давать аудіенцію, приготовили Шахскій *musnud* и покрыли его драгоцѣнною шалью, полили дворъ водою, устроили фонтаны и повѣсили занавѣсы по стѣнамъ дома. За ними пришли Шаховы садовники и вездѣ наставили цвѣтовъ; на фонтанѣ, находившемся противъ Шахова сѣдалища, набросали розовыхъ листочковъ, такъ что изъ нихъ составились любопытные девизы. Померанцовыя деревья вездѣ видны были цѣлыми рядами; все это придало двору и дому Доктора видъ веселый и живой.

Тогда повара Шаховы, самая многочисленная и всѣхъ болѣе своевольная толпа, пріѣхали съ такимъ множествомъ горшковъ, котловъ, кофейниковъ, что Докторъ потерялъ терпѣніе и спросилъ у главнаго повара: что это значитъ и не хотятъ-ли они вмѣстѣ съ Шахомъ накормить весь городъ? — Совсѣмъ нѣтъ, отвѣчалъ поваръ, но можетъ быть вы припомните слова Саади:

»Когда Шахъ велитъ сорвать одну »грушу съ дерева, рабы его кричатъ: »*Руби дерево съ корнемъ!* И если Шахъ

„попросить у кого нибудь изъ подданныхъ
„одного яйца куринаго, то немедленно
„весь птичникъ подданнаго завершится
„на вертелѣ."

Докторъ замолчалъ. Повара овладѣли кухней, но тамъ не нашли они и четверти пространства, какое было имъ надобно. Въ ближнемъ дворѣ устроили временныя печи, поставили котлы и начали варить сарацинское пшено, которое обыкновенно раздается при посѣщенiи Шаха всѣмъ присутствующимъ. Кромѣ поваровъ, толпа кандитеровъ заняла часть дома и начала готовить конфекты, шербеты, мороженое и фрукты. Они потребовали такое множество приправъ, что Докторъ взглянувъ на ихъ реэстръ, едва не задохся отъ ужаса. Наконецъ прибѣжало множество пѣвцовъ, музыкантовъ Шаховыхъ и lûti bashi или начальникъ Шаховыхъ шутовъ, съ двадцатью флейщиками; за каждымъ шелъ барабанщикъ.

Часъ для посѣщенiя Шахова былъ назначенъ послѣ вечерней молитвы, при захожденiи солнца. Въ положенное время, когда полудневный жаръ уменьшился и обитатели Тагерана готовились наслаждаться прохладой вечера, Шахъ оставилъ дворецъ и отправился къ Доктору своему. Улицы были выметены и политы; по мѣрѣ того, какъ приближался Шахъ со свитою, разбрасывали на нихъ цвѣты. Мирза - Ахматъ самъ отправился передъ

Digitized by Google

тѣмъ во дворецъ извѣстить Шаха, что все было готово и шелъ пѣшкомъ подлѣ стремени Шахова, въ толпѣ его придворныхъ.

Шествіе открывалось крикунами. Вооружась палками, съ отличіями по чину каждаго изъ нихъ, и въ парадныхъ одеждахъ, во все горло провозглашали они, что *Шахъ ѣдетъ* и разгоняли между тѣмъ народъ на пути его. Заборы по улицамъ были покрыты женщинами въ бѣлыхъ покрывалахъ; изъ богатыхъ домовъ, женщины смотрѣли не черезъ заборъ, а въ отверстія, нарочно устроенныя для этого въ стѣнахъ, закрывающихъ внутреннія террасы. Значительное число разбивателей шатра Шахскаго и постилателей ковровъ слѣдовали за крикунами, также съ длинными палками и тоже гнали народъ съ дороги. За тѣмъ ѣхала толпа конныхъ офицеровъ, въ платьяхъ, богато вышитыхъ; далѣе, служители Шаха въ нарядныхъ платьяхъ своихъ и держа въ рукахъ золотыя трубки; носитель туфлей Шаховыхъ, съ туфлями; носитель умыванья Шахова, съ своими кувшинами и горшками; носитель плаща; надзиратель коробочки съ опіумомъ и безчисленное множество другихъ. Такъ какъ выѣздъ Шаха былъ частный, а не торжественный и публичный, то передъ Шахомъ не вели ни одного изъ его коней, въ большомъ парадѣ умножающихъ блескъ и великолѣпіе. Но за

служителями Шаха слѣдовало, по два въ рядъ, множество скороходовъ, одѣтыхъ самымъ страннымъ образомъ: одни съ золотыми монетами, нашитыми на черныя бархатныя платья; другіе въ парчевыхъ и въ шелковыхъ платьяхъ. Послѣ нихъ ѣхалъ самъ Шахъ; подлѣ него шелъ первый скороходъ его, важный при дворѣ человѣкъ, отличенный отъ другихъ плетью, съ эмалевымъ черенкомъ, заткнутымъ за поясъ. Шахъ ѣхалъ на смирномъ конѣ, богато убранномъ и выступавшемъ иноходью. Костюмъ Шаха былъ очень простъ и отличался только безцѣнностью шалей и другихъ матерій, изъ коихъ былъ оный составленъ. Въ 50-ти шагахъ за Шахомъ ѣхали трое изъ сыновей его, а потомъ знатнѣйшій изъ знатнѣйшихъ, великій учредитель обрядовъ, первый конюшій, придворный поэтъ и множество другихъ вельможъ, сопровождаемыхъ своими слугами. Словомъ, считая вообще гостей, которые должны были раздѣлять обѣдъ Мирзы-Ахмата, мы положимъ весьма умѣренное число, если скажемъ: *пять сотъ человѣкъ*.

Шахъ сошелъ съ коня у воротъ: они были тѣсны и въѣхать въ нихъ на лошади было невозможно. Онъ прошелъ по аллеѣ цвѣтовъ черезъ дворъ и сѣлъ на приготовленное для него мѣсто, въ большой залѣ. Всѣ, за исключеніемъ дѣтей его, остались во дворѣ и на улицѣ; Докторъ замѣшанъ былъ въ толпѣ слугъ.

Digitized by Google

Когда Шахъ отдохнулъ нѣсколько, великій учредитель обрядовъ, сопровождаемый первымъ конюшимъ, оба босыми ногами, подступили къ мѣсту Шахова сѣдалища. Послѣдній держалъ серебряный подносъ, на которомъ раскладено было сто томановъ, все новенькими золотыми монетами. Громко закричалъ тогда учредитель обрядовъ: »Презрѣннѣйшій изъ рабовъ униженно доноситъ средоточію вселенныя, государю государей, тѣни Божіей на землѣ (*), что Мирза-Ахматъ, первый Докторъ его величія, осмѣливается приближиться къ священному праху стопъ его и молитъ средоточіе вселенныя принять сто томановъ золота.«

Шахъ отвѣчалъ: — Добро пожаловать Мирза-Ахматъ. Вижу, что ты добрый рабъ. Шахъ чувствуетъ къ тебѣ особенное благоволеніе; лицо твое убѣлилось и важность приросла. Поди, благодари Бога, что Шахъ пришелъ въ домъ твой и принимаетъ твое приношеніе.

Докторъ приближился, палъ на колѣни и цѣловалъ землю. Вступили другіе.

Шахъ обратился къ своему знатнѣйшему изъ знатнѣйшихъ и сказалъ (**): — Увѣряю головою Шаха, что

(*) Титулъ Шаха.
(**) Слѣдующій разговоръ Шаха съ своими рабами не выдумка, и онъ вполнѣ показываетъ невѣжество и безстыдство Персіянъ.

Мирза-Ахманъ добрый человѣкъ. Въ Персіи нѣтъ ему подобнаго: онъ мудрѣе Локмана и ученѣе Галліена.

»Такъ!« отвѣчалъ знатнѣйшій изъ знатнѣйшихъ.« И что былъ Локманъ? что былъ этотъ щенокъ Галліенъ? Все происходитъ отъ вліянія блистательной звѣзды государя государей: Персія не видала еще государя ему подобнаго и съ нимъ вмѣстѣ такого Доктора. Пусть хвалятъ докторовъ Европы и Индіи; но гдѣ кромѣ Персіи существуютъ знанія? Кто осмѣлится оспоривать въ чемъ нибудь наше преимущество, пока Персію будетъ освѣщать блескъ нашего Шаха, безпримѣрнаго и великаго.«

— Вотъ что правда, сказалъ Шахъ. Персія, отъ начала свѣта донынѣ, всегда была земля славная умомъ обитателей, великолѣпіемъ и мудростью Монарховъ. Съ Каюмара, перваго Шаха въ свѣтѣ, до меня, вашего повелителя, какой рядъ совершеннѣйшихъ и славнѣйшихъ Государей! Въ Индіи были государи, въ Аравіи были Халифы, въ Турціи *кровопійцы* (khon-khors), въ Татаріи Ханы, въ Китаѣ Богдыханы. Что касается до Европейцовъ, пришедшихъ въ наши отчины (слава Богу! не знаемъ откуда) покупать, продавать, подносить намъ подарки, они бѣдные невѣрные! Слушайте: ни одно изъ именъ ихъ государей *мнѣ* неизвѣстно!

»Belli! Belli! Такъ, такъ!« закричалъ знатнѣйшій, »я твой рабъ: дѣлай со мной

что хочешь! Исключая Французовъ и Англичанъ, которые что-то значатъ въ мірѣ, всѣ другіе народы — менѣе нежели ничто.«

— Справедливо, справедливо, отвѣчалъ Шахъ смѣясь, ха! ха! ха!

»Удивительна мудрость Шаха!« воскликнулъ знатнѣйшій.

— Такъ! такъ! хоромъ закричали всѣ. Да живетъ онъ тысячу лѣтъ! сказалъ одинъ. Да не уменьшится никогда тѣнь его! сказалъ другой.

— Великъ и премудръ Шахъ Персіи! воскликнули опять всѣ присутствовавшіе.

»Но« сказалъ Шахъ, и всѣ умолкли. »Но, знаете ли вы самое смѣшное о Московитянахъ. У нихъ нѣтъ *андеруновъ* (женскихъ отдѣленій): женщины и мужчины живутъ вмѣстѣ; женщины у нихъ безъ покрывалъ; всякій мужчина видитъ ихъ лица! Скажи мнѣ, Мирза-Ахматъ, ты, Докторъ и Философъ! какъ это устроено, что только мы Музульмане, одни въ цѣломъ свѣтѣ, дорожимъ своими женами и держимъ ихъ въ своей власти? Ты живой примѣръ супружескаго счастія (прибавилъ Шахъ смѣясь); ты, котораго, какъ я слышалъ, жена слушается и любитъ!«

— Обладатель благоволенія и покрова государя государей, я счастливъ совершенно, ибо я, моя жена и все что имѣю, твое, и мы твои недостойные рабы! Если твой рабъ чѣмъ нибудь обладаетъ,

Digitized by Google

это пришло къ нему чрезъ тебя и для тебя, благо міра! Мои слабости будутъ добродѣтели, когда ты велишь. Но какая лампада свѣтитъ, когда блистаетъ солнце? И какой минаретъ высокъ, при подошвѣ горы Алуенды? Что касается до женщинъ, то, презрѣннѣйшій изъ рабовъ твоихъ думаетъ, что Европейцы ниже людей, то есть Музульмановъ, и выше скотовъ, то есть скотовъ, но ближе однакожь къ скотамъ, нежели къ Музульманамъ.

»Хорошо, Докторъ, умно!« сказалъ Шахъ. »И такъ, теперь уже ясно, что кромѣ насъ, всѣ остальные народы не люди, а скоты! И нашъ Мугаммедъ (да будетъ съ нимъ миръ и благословеніе) рекъ тоже. Невѣрныхъ будутъ на томъ свѣтѣ жарить въ огнѣ, а мы будемъ сидѣть съ гуріями въ седьмомъ небѣ. Но мнѣ сказывали, Докторъ, что твой рай начался уже на землѣ и что у тебя есть уже и здѣсь гуріи? Сочти намъ, много-ли ихъ у тебя?«

Мирза-Ахматъ низко преклонился. — Все что позволитъ монархъ имѣть своему рабу, принадлежитъ повелителю! Настанетъ часъ благополучія и глава Мирзы-Ахмата коснется небесъ, когда стопа государя государей переступитъ прагъ моего недостойнаго *андеруна!*

»Мы увидимъ сами, своими собственными очами,« отвѣчалъ Шахъ. »Взглядъ Шаха несетъ благополучіе! Иди и скажи сво-

Digitized by Google

ему гарему, что Шахъ посѣтитъ его. Если есть изъ твоихъ женъ больная, если юная дѣва вздыхаетъ о своемъ возлюбленномъ, или жена хочетъ освободиться отъ своего мужа, пусть придутъ онѣ, взглянутъ на лицо Шаха — и благополучіе будетъ слѣдовать по стопамъ ихъ!«

При сихъ словахъ поэтъ Шаха, до того хранившій глубокое молчаніе и, казалось, погруженный въ размышленіе, вдругъ воскликнулъ: »Все, что рекъ Шахъ великій есть новое доказательство его милости и благости!« И потомъ громко заговорилъ онъ въ стихахъ. —

»Одно солнце на небѣ; одинъ Шахъ въ Иранѣ.

»Жизнь, свѣтъ, радость и благоденствіе слѣдуютъ тамъ, гдѣ они являются.

»Лекарь хвалитъ свои лекарства, но какое лекарство сравнится со взоромъ Шаха?

»Что *спиканардъ*, *безоаръ* и *мумія* въ сравненіи со взглядомъ Шаха?

»О Мирза-Ахматъ, счастливѣйшій изъ человѣковъ, счастливѣйшій изъ докторовъ!

»Ты обладаешь присутствіемъ Шаха, слѣдовательно, твой домъ вмѣщаетъ въ себѣ драгоцѣннѣйшее изъ драгоцѣннѣйшихъ лекарствъ въ мірѣ.

»Закрой своего Галліена, сожги своего Иппократа, брось въ уголъ Авиценну! Здѣсь тотъ, кто отецъ ихъ по могуществу цѣленія!

Digitized by Google

»Кто промѣняетъ взглядъ Шаха на лекарства ихъ? Кто спроситъ пластыря, когда взглядъ его цѣлитъ всѣ болѣзни?

»О Мирза-Ахматъ, счастливѣйшій изъ человѣковъ, счастливѣйшій изъ докторовъ!«

Всѣ, кто ни былъ въ собраніи, всѣ молчали, пока поэтъ говорилъ стихи свои. Онъ умолкъ и Шахъ воскликнулъ: »*Aferin*, это славно! Ты истинный поэтъ, ты достоинъ своего вѣка! Что въ сравненіи съ тобой Фердуси? А Мухматъ, Газневидъ? Грязь, *Hak Bud!* Поди (сказалъ потомъ Шахъ, оборотясь къ знатнѣйшему изъ знатнѣйшихъ), поди, поцѣлуй его и наполни ротъ его сладчайшимъ сахаромъ! Всѣ наслажденія да сопровождаютъ того, кто сочиняетъ такіе стихи.«

Знатнѣйшій приложился густою бородою своею къ губамъ поэта и взявъ горстями конфектовъ съ блюда, нарочно поднесеннаго, набилъ ими поэту полонъ ротъ, соблюдая извѣстные обряды,

Поэтъ не радъ былъ своему благополучію, но старался показать, что онъ на верху славы и счастія. Съ ужасными кривляньями проглатывалъ онъ что набили ему въ ротъ и едва не подавился, такъ что слезы потекли изъ глазъ его.

Тогда Шахъ подалъ знакъ рукою; всѣ удалились и чиновники начали накрывать обѣдъ своему повелителю.

Кромѣ служителей, подававшихъ кушанья, въ залу, гдѣ обѣдалъ Шахъ, никого

Digitized by Google

не впускали. Только трое сыновей его были въ ней зрителями: они стояли подлѣ стѣны, въ нарядныхъ платьяхъ своихъ. Мирза-Ахматъ ждалъ окончанія обѣда за дверьми. Первый изъ слугъ Шаха разостлалъ на коврѣ, вмѣсто скатерти, превосходнѣйшую Кашемирскую шаль, съ золотыми кистями и бахрамою. За тѣмъ подали Шаху умыть руки и начали носить кушанья. Каждое блюдо было отвѣдано и запечатано въ кухнѣ дворецкимъ Шаха, изъ опасенія отравы, а печать снималъ дворецкій при самомъ Шахѣ. Въ приготовленіи кушаньевъ истощена была вся утонченность восточной роскоши. Сарацинское пшено обдавало Шаха благовонными парами, разставленное передъ нимъ въ различныхъ приправахъ. Сперва подали его въ видѣ *шилава*, столь-же бѣлаго, какъ снѣгъ; потомъ *пилава*, съ бараниной и птицами, поджаренными особо и потомъ переваренными съ пшеномъ. Четвертое блюдо было пшено сарацинское, окрашенное шафраномъ и усыпанное сухимъ горохомъ; наконецъ явилось кушанье, Шахъ всѣхъ кушаньевъ Персидскихъ, *narinj pilau*, пилавъ съ померанцовыми корками, пряностями всѣхъ сортовъ, миндалемъ и сахаромъ. На трапезѣ Шаха являлось множество и другихъ кушаньевъ: тутъ видны были лососи и сельди Каспійскаго моря и форели изъ рѣки Зенже, близь Эривани; рагу, въ чашахъ Китайскаго фарфора; тѣльныя,

Digitized by Google

сваренныя въ бульонахъ, приправленныя пшеномъ, сладкими травами и лукомъ; душенное мясо, съ мозгомъ изъ костей, и мяса, поджаренныя въ сокъ; маленькія тыквы, фаршированныя мясомъ и фрикассированныя съ масломъ; пареная дичина съ темнымъ соусомъ изъ грушъ; огромная яичница, пальца въ два толщиною; чаша полная мяснаго сока, сь бараниной; миндаль, груши и Тамариновые плоды; блюдо выпускной яичницы, сь масломъ и сахаромъ и множество другихъ кушаньевъ, которыя долго было-бы описывать. Цѣлый баранъ былъ принесенъ прямо съ вертела; рябчики, и что считается самымъ лакомымъ и драгоцѣннымъ кушаньемъ въ Персіи, два рябчика *capk dereh*; Мазандеранскіе фазаны и лучшія части дикаго осла и газелей. Выборъ и изобиліе превосходныхъ кушаньевъ изумляли всѣхъ и кушанья были обставлены кругомъ средоточія вселенной въ такомъ изобиліи, что онъ самъ среди ихъ казался какимъ нибудь кушаньемъ. Нѣчего говорить о безчисленныхъ принадлежностяхъ стола: плодахъ въ сахарѣ, въ уксусѣ; сырахъ, маслахъ, луковицахъ, кореньяхъ, перцахъ, дуляхъ и проч. Описаніе завлекло-бы меня далеко; но надобно сказать что нибудь о щербетахъ. Они были въ огромнѣйшихъ Китайскихъ фарфоровыхъ чашахъ, самыхъ драгоцѣнныхъ, и ихъ черпали ковшиками изъ грушеваго дерева, чудной работы. Нѣкоторые изъ

Digitized by Google

шербетовъ были произведеніе высочайшаго поваренняго искуства, составлены изъ пряныхъ кореньевъ, съ уксусомъ, сахаромъ и водою, такъ смѣшанными вмѣстѣ, что сладкое и кислое не превозмогали одно другаго и были чувствуемы вдругъ, какъ горе и радость въ жизни человѣческой; другіе шербеты были изъ подсахаренной воды, съ розовою эссенціею; третьи съ гранатами, и всѣ вообще прохоложденны льдомъ, плававшимъ въ чашахъ.

Средоточіе вселенныя смотрѣлъ на всѣ кушанья, нюхалъ многія, трогалъ нѣкоторыя, нагибался къ другимъ, молча шевелилъ рукой пилавы и — ѣлъ кое-что. Между тѣмъ дѣти его, и тѣ которые служили при обѣдѣ, стояли, не смѣя дышать, опустивъ глаза и руки, неподвижны, со всѣми знаками глубочайшаго почтенія. Наконецъ Шахъ кончилъ свой обѣдъ, всталъ и вышелъ въ другую комнату, гдѣ умылъ руки, хлебнулъ кофе и закурилъ свою трубку, въ которой дымъ проходилъ черезъ воду.

Пока онъ былъ еще за столомъ, одно блюдо пилава, по приказанію его, отнесено было къ Мирзѣ-Ахмату. Такой подарокъ считается милостью необыкновенною и Докторъ щедро долженъ былъ отдарить принесшаго блюдо. Такое-же отличіе сдѣлано было поэту за его экспромптъ и присланный съ блюдомъ былъ награжденъ отъ него богатымъ образомъ. Средоточіе все-

Digitized by Google

ленныя послалъ еще одно изъ кушаньев женѣ Доктора и она не скупясь наградил посланника Шахова. Такимъ образомъ, н трашя ничего, Шахъ успѣлъ наградить осчастливить шесть человѣкъ.

Послѣ Шаха сѣли за обѣдъ его дѣти; когда кончили они, блюды перенесли въ другую комнату, гдѣ знатнѣйшій изъ знатнѣйшихъ, поэтъ и другіе чиновники и придворные засѣли за обѣдъ и такимъ образомъ доѣдаемы были постепенно кушанья, начатыя средоточіемъ вселенныя; блюды уменьшались мало помалу, переходя изъ рукъ въ руки, ниже и ниже, до того, что поваренкамъ досталось только лизать посуду.

Между тѣмъ, пока свита Шахова торопилась ѣсть и пить, Шахъ отправился въ гаремъ Доктора. Тамъ отъ имени жены Мирзы-Ахмата поднесли ему подарки; танцовщицы и пѣвицы встрѣтили его съ тамбуринами, а парчу, по которой прошелъ онъ въ гаремъ, схватили и раздѣлили между собою его эвнухи. Шахъ слушалъ музыку и пѣніе, смотрѣлъ на женъ и невольницъ Доктора. Одна изъ нихъ, прелестная дѣвушка, заслужила благосклонную похвалу Шаха и Мирза-Ахматъ на колѣняхъ просилъ сдѣлать его счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, принявъ невольницу въ подарокъ. Шахъ такъ былъ милостивъ, что согласился на прошеніе

Digitized by Google

Доктора и невольницу увезли во дворецъ средоточія вселенной.

Когда возвратился Шахъ въ залу обѣда, крикъ: »*gitchin*, *ѣхать!*« раздавался по улицѣ; все устроилось прежнимъ порядкомъ. За исключеніемъ огромныхъ фонарей, по величинѣ которыхъ судили о знатности чиновниковъ, предъ коими несены они были, возвращеніе Шаха представляло тоже самое, что и пріѣздъ его въ домъ Мирзы-Ахмата. Съ Шахомъ удалилось все, что оживляло за нѣсколько времени жилище Доктора: онъ засѣлъ въ углу своего дома, разсчитывая, чего стоила ему благосклонность и милость средоточія вселенной, государя надъ государами. . .

II. СМѢСЬ.

Письмо къ Издателю Московскаго Телеграфа.

Я хотѣлъ оставить безъ отвѣта критику Г-на Погодина (см. No 9 Моск. Вѣстн.) на мое *Разсужденіе*, но совѣты многихъ уважаемыхъ мною особъ, побудили меня просить васъ о помѣщеніи слѣдующаго возраженія въ вашемъ Журналѣ. Жалѣю, что Рецензентъ предлагалъ мнѣ большею частію требованія, кои уже исполне-

Digitized by Google

мы въ моемъ сочиненіи, или искалъ въ немъ того, что никакъ не могло войдти въ составъ онаго, по моему собственному плану и по цѣли, для которой я писалъ его. Сочиненіе полной *критической Исторіи Россійской Исторіи* требуетъ обширныхъ трудовъ, для подъятія которыхъ я теперь (признаюсь безъ стыда) не имѣю средствъ и силъ. Я писалъ только *Разсужденіе о началѣ, ходѣ и успѣхахъ критической Россійской Исторіи*, напечаталъ оное въ самомъ маломъ количествѣ экземпляровъ и разослалъ не болѣе 30-ти постороннимъ лицамъ: все это обязывало Г-на Погодина говорить опредѣленнѣе о моемъ сочиненіи, ибо читатели М. В. не имѣютъ предъ собою отвѣтчика, а видятъ одного истца. Почему рецензентамъ не поставить себѣ за правило: лучше пропустить нѣсколько ошибокъ, чѣмъ охуждать то, что не заслуживаетъ порицанія? По мнѣнію Г-на П. *Исторія критической Россійской Исторіи можетъ быть начата съ Байера*, а потомъ надлежитъ *описать мракъ, господствовавшій въ нашей Исторіи до принесенія въ оную свѣтильниковъ симъ славнымъ Критикомъ*. Я, послѣ общаго замѣчанія о критикѣ Россійской Исторіи и о томъ, почему самая древняя Исторія государства Россійскаго болѣе другихъ имѣетъ право на критическія изслѣдованія Историковъ (вопреки замѣчанію Г-на П., у меня нѣтъ ни слова о другихъ государствахъ, особенно важныхъ для Исторіи), приступилъ къ описанію эпохи младенчества Литтературы нашей Отечественной Исторіи, и *Байеру*, какъ основателю зданія критической Россійской Исторіи, далъ первое мѣсто между Критиками (см. стр. 14). Мнѣ кажется, я поступилъ основательно. Разсуж-

Digitized by Google

деніе мое могло быть начато многими и различными способами, но ни въ какомъ случаѣ не долженствовало начинаться по мнѣнію Г-на П., ибо это мнѣніе ошибочное. Не лучше-ли (прибѣгнемъ къ примѣру) описать прежде дикое состояніе древнихъ Грековъ и потомъ говорить о Цекропсѣ, Девкаліонѣ, Кадмѣ, Данаѣ, Пелопсѣ и т. д., чѣмъ сперва говорить о Цекропсѣ и потомъ о состояніи древнихъ Грековъ.

Далѣе Г-нъ П. говоритъ, что *я описывалъ вдругъ всѣ матеріялы Русской Исторіи и представилъ каталогъ сочиненій общихъ и частныхъ о Русской Исторіи.* Въ моемъ Разсужденіи вмѣсто *описанія вдругъ* (?) всѣхъ матеріяловъ, есть только указанія, гдѣ можно найдти сіе описаніе (см. стр. 9) и исчисленіе ихъ, или какъ-бы предварительное объясненіе читателямъ той цѣли, къ которой долженствовали стремиться изысканія Критиковъ. Нѣтъ у меня также каталога сочиненій *общихъ* и *частныхъ* (??), а постепенное описаніе важнѣйшихъ открытій, сообразно съ порядкомъ, ясно опредѣленнымъ въ моемъ Разсужденіи. Замѣчанія Рецензента относительно расположенія всего сочиненія дѣйствительно были-бы полезны.

Въ сужденіяхъ о Писателяхъ (по мнѣнію Г-на П.) *я придерживался Шлецера и проч.* Придерживаться справедливыхъ мнѣній мнѣ необходимо было нужно, но не вездѣ рабски я слѣдовалъ Шлецеру: могу указать мѣста, гдѣ я опровергалъ его положенія. *Въ сужденіяхъ о сочиненіяхъ требуетъ отъ меня Г-нъ П. опредѣленія достоинствъ каждаго.* Я описывалъ, сколько могъ, труды авторовъ, и не лучшая-ли это оцѣнка заслугъ? По мнѣнію Г-на П. *я не показалъ, что въ каждомъ изъ сочиненій*

Digitized by Google

сказано новаго, какую новую точку зрѣнія нашелъ Сочинитель, и проч. Далѣе (собственныя слова его): *Г-нъ З. не представляетъ намъ даже часто и содержанія оныхъ* (на пр. *изслѣдованій Лерберга, кромѣ одного, изслѣдованій Круга, Френа, Калайдовича, Строева, Эверса); о прочихъ вовсе не говоритъ, на пр. о Мусинѣ-Пушкинѣ, Оленинѣ, Митрополитѣ Евгеніи, Клапротѣ, Добровскомъ, и пр. и пр.*

Каждый-ли изъ приведенныхъ Сочинителей съ новой точки зрѣнія смотрѣлъ на Русскую Исторію? Нѣкоторые, напротивъ, разсматривали разные спорные случаи, при коихъ выраженіе сіе не имѣетъ надлежащаго смысла. Къ чему было выписывать изъ печатныхъ Русскихъ книгъ изложенныя въ нихъ содержанія (какъ на пр. изъ Лерберга)? Напрасно Г-нъ П. пропустилъ въ сочиненіи моемъ 5 страницъ, на коихъ говорится о Френѣ. Изъ нихъ увидѣлъ-бы онъ ясное изложеніе всѣхъ трудовъ сего знаменитаго Оріенталиста, и даже тѣхъ, кои менѣе его занимались переводами съ Восточныхъ на Европейскіе языки, сочиненій, касающихся Россійской Исторіи. Относительно прочихъ пропусковъ, я хотѣлъ ихъ пополнить и доставить Издателю Московскаго Вѣстника; онъ обѣщалъ помѣстить ихъ, но срочное изданіе Журнала не потерпѣло замедленія съ моей стороны: онъ правъ; послѣдуемъ далѣе. У меня сказано, что Исторія Государства Россійскаго, Карамзина, представляетъ полный результатъ бывшихъ до него критическихъ изысканій, а Рецензентъ говоритъ, что я не опредѣлилъ достоинства сей Исторіи въ критическомъ отношеніи, и прибавляетъ, что къ такому Разсужденію не излишне

было-бы прибавить обстоятельное указаніе на тѣ предметы, кои требуютъ еще изслѣдованій. Важнѣйшіе предметы мною указаны на стр. 65. Наконецъ по мнѣнію Г-на П. *еще не настало счастливое время для критической Россійской Исторіи.* Должно-ли опровергать такую несправедливость, оскорбительную для современниковъ?

Въ заключеніе, Г-нъ П. благодаритъ меня за сдѣланное (*); признателенъ ему за благодарность, но она излишняя, и вотъ доказательства: *Критикъ* уподобляетъ мое Разсужденіе *канвѣ.* Канва, для нѣкоторыхъ художествъ, тоже что полотно для живописца, тоже что бѣлая бумага для Журналиста, слѣдовательно, и безъ меня было и будетъ Г-ну П. куда вставлять, *и проч.* Благодарю за совѣтъ не прибѣгать къ общимъ мѣстамъ; но не вижу сему примѣра изъ рецензіи Г-на П., наполненной общими мѣстами, а всего болѣе: *и пр. и пр,*

А. Зиновьевъ.

P. S. Есть еще одна рецензія (Г-на Зубарева) на мое Разсужденіе (смот. No 64 Сѣв. Пчелы). Этотъ Рецензентъ освободилъ себя отъ всякихъ доказательствъ и повторяетъ замѣчанія, на кои находится уже отвѣтъ въ возраженіи Г-ну Погодину. Онъ прибавляетъ, что мое Разсужденіе написано *безъ порядка* и *связи*, необходимыхъ условій всякаго сочиненія, не представляя никакихъ доказательствъ. Впрочемъ, изъ рецензіи его видно, что онъ не слишкомъ уважаетъ *порядокъ*

(*) „Во всякомъ случаѣ (слова Г-на Погодина) начало, какъ канва, полезно и для другихъ: есть что исправлять, есть куда вставлять, *и проч.*"

Оставивъ безъ вниманія столь важное обстоятельство, онъ стремится доказать, что мое сочинение написанó съ ошибками и о сихъ последнихъ распространяется. Въ следствіе глубокомысленныхъ соображеній открылъ Г-нъ З., что у меня *представляя* напечатано вмѣсто *предоставляя*, Ламбертъ *Ашафенбургскій* разжалованъ въ Амафенбургскаго, и что *Монголовъ* я именую *Мангулами*. Хвала и честь Критику! Противъ воли однакожь долженъ я открыть читателямъ, что еще прежде нежели кто-либо имѣлъ мое сочиненіе, въ беседѣ съ Г-мъ З., я самъ указалъ ему нѣкоторые пропуски и погрѣшности, изъ коихъ последнія отмѣчены мною почти во всѣхъ немногихъ экземплярахъ, розданныхъ читателямъ. Такая нескромность Рецензента давала-бы мнѣ полное право, увлекаясь духомъ критики Г-на Зубарева, разгласить, что, по собственному признанію его мнѣ, критику свою направлялъ онъ не столько противъ меня, сколько противъ другихъ постороннихъ особъ, между прочимъ противъ Г-дъ Калайдовича, Погодина, Полеваго (*); что Г-нъ Зубаревъ не въ состояніи

(*) Г-нъ Зубаревъ въ Вѣстн. Европы (1825 г.) сказалъ, что Карамзинъ только что *перифразировалъ* Исторію Щербатова; теперь утверждаетъ, что Іоаннъ Экзархъ Болгарскій *ни тѣмъ не лучше* Іоакимовой лѣтописи, и что „*ученый* Каченовскій доказалъ это" (см. Сѣв. Пч. No 64). Не буду защищать Карамзина, не буду спорить объ учености Г-на Каченовскаго; но что Г-нъ Каченовскій также неудачно написалъ критику на Іоанна Экзарха, какъ и на творенія Кирилла Туровскаго, это *докажу* въ моемъ разборѣ, который скоро будетъ помѣщенъ въ Телеграфѣ и покажетъ цѣну и сущность критики Г-на Каченовскаго. Г-нъ Зубаревъ утверждаетъ, что *я* въ каждомъ засѣданіи Общества Исторіи и Древн. предлагаю другимъ переводить книги и писать разсужденія, а самъ между тѣмъ ничего не дѣлаю *для Обще-*

Digitized by Google

судить о непереведенныхъ *Латинскихъ* и *Нѣмецкихъ* книгахъ мною упомянутыхъ, ибо *не знаетъ ни того, ни другаго языка;* но я не оправдываюсь побочными обстоятельствами и сіе возраженіе пишу не для Рецензента. Тѣ, кои имѣютъ мое Разсужденіе, увидятъ, что онъ даже не прочелъ его, а знающіе полное заглавіе книги Г-на Калайдовича: *Іоаннъ, Ексархъ Болгарскій, изслѣдованіе объясняющее Исторію Словенскаго языка и Литтературы IX и X столѣтій* — убѣдятся, что Г. Зубаревъ остановился на первомъ листѣ сего Историческаго сочиненія.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть и проч

А. Зиновьевъ.

ства. Дѣлаю или нѣтъ, это будетъ видно въ послѣдствіи; но что касается до предложеній моихъ, то во все время, какъ я имѣю честь быть Членомъ Общества, я сдѣлалъ только *одно* предложеніе: *издать сводную Лѣтопись Нестора изъ извѣстныхъ уже списковъ.* Планъ мой объяснилъ я въ No 1, 2 и 3-мъ Телеграфа, 1825 г., и исполненіе *принялъ на себя;* но подобныя предпріятія дѣлаются годами, а не мѣсяцами. Обществу угодно было еще препоручить мнѣ надзоръ за переводомъ Герберштейнова путешествія и я охотно принялъ это препорученіе; но что переводъ медлится *не отъ меня*, это извѣстно всѣмъ Членамъ Общества. Удивляюсь, какъ берется Г-нъ Зубаревъ судить о томъ, чего онъ не знаетъ и говоритъ то, что опровергается при малѣйшей повѣркѣ! *Изд. Тел.*

Журналистика.

Въ Русскихъ Журналахъ никогда безъ диковинокъ. *Десятая* книжка Сына Отечества показала намъ примѣръ такой диковинки, о какой мы и не слыхивали. Нѣкто Г-нъ М. предлагаетъ читателямъ біографію *Лорда Кокрена.* Хвалимъ его за желаніе подарить публику статьею, которая имѣетъ цѣну *животрепящей* новости. Кокренъ, хотя донынѣ не исполнилъ еще ни одной изъ надеждъ, возлагаемыхъ на него друзьями Эллиновъ, и хотя успѣлъ уже заслужить нѣсколько упрековъ за свою медленность и недѣятельность, когда глаза всего свѣта обращены на его поступки, но все, онъ человѣкъ замѣчательный и біографію его прочитать любопытно. Представленіе публикѣ такихъ статей есть одна изъ существенныхъ обязанностей Журналиста. Читатели вправѣ однакожь сказать Журналисту: »Дайте намъ статью порядочную; скажите намъ, *кто* этотъ человѣкъ, *что* онъ донынѣ сдѣлалъ, *чего* отъ него можно надѣяться? Если вы не въ состояніи изобразить всего этого, покажите хотя просто *факты* его біографіи, но вѣрно — и мы будемъ довольны.« Статья о Кокренѣ, помѣщенная въ Сынѣ Отечества, принадлежитъ къ послѣднему роду біографій. Она заключаетъ въ себѣ голые факты. Не знаемъ: самъ-ли Г-нъ М. составилъ ее изъ словарей и Журналовъ, или перевелъ цѣликомъ изъ какой-нибудь новой газеты, но кромѣ нестерпимыхъ ошибокъ противъ Грамматики Русской, эта статья представляетъ такія странныя ошибки, что ни составленія,

Digitized by Google

ни перевода ея не льзя почесть одолженіемъ для Русской публики.

Вотъ начало статьи: »*Отецъ Лорда Томаса Кокрена, Графъ Дундональдъ,* подобно знаменитому нѣкогда Маркизу Ворчестеру, посвятилъ жизнь свою *достохвальнымъ предпріятіямъ* и полезнымъ изобрѣтеніямъ. *Мать его* была дочь отличнаго флотскаго Капитана Джилкриста. Онъ родился 27 Декабря, 1775 г.« — Спрашиваемъ: о комъ тутъ говорится? Г-нъ М., говоря: *мать его,* вѣроятно разумѣетъ мать Ѳомы (или *Томаса*) Кокрена, а говоря: *онъ родился*, разумѣетъ, что родился этотъ *Ѳома Кокренъ.* Но по смыслу рѣчи выходитъ, что все это говорится у него объ отцѣ Ѳомы Кокрена, Графѣ Дундональдѣ, и что все это относится къ этому отцу Кокрена, *посвятившему жизнь свою достохвальнымъ предпріятіямъ* Но что до Грамматики. Г-нъ М. описываетъ далѣе подвиги Кокрена. »*Прослуживъ мичманомъ въ Америкѣ и Бискайскомъ заливѣ*, онъ произведенъ былъ въ лейтенанты и *мало по малу дослужился* до капитанскаго чина.« Послѣ: *прослуживъ*, надобно бы означить время, сколько Кокренъ былъ въ чинѣ мичмана, ибо иначе дѣепричастіе: *прослуживъ*, не имѣетъ здѣсь смысла, а еще менѣе соединенное съ слѣдующ. словами: »прослуживъ мичманомъ въ *Америкѣ и Бискайскомъ заливѣ.*« Что такое: *мичманъ въ Америкѣ и Бискайскомъ заливѣ?* Потомъ Г-нъ М. заставляетъ Кокрена *завоевать* 32 *корабля* (завоевать *корабль?!*), поднять флагъ *на 32-хъ* пушечномъ кораблѣ, *садить на мѣль* Французскіе корабли, быть депутатомъ въ Парламентѣ отъ мѣстечка *Гонишона* (вѣроятно *Гонитона*, ибо *Гонишона*

въ Англіи не слыхано), потомъ отъ Вестминстера и тотчасъ опять ѣхать драться. Г-нъ М. приписываетъ Кокрену исполненіе отчаяннаго предпріятія, когда въ 1809 г. Англичане хотѣли, такъ названною тогда *адскою машиною* (machine infernale) сжечь Французскій флотъ въ Рошфорѣ. За это Г-нъ М. называетъ Кокрена *вторымъ Нельсономъ*, жалуетъ орденомъ Бани и возвращаетъ въ Лондонъ.

Друзья Филеллиновъ вѣроятно порадовались, читая описаніе такихъ смѣлыхъ подвиговъ Кокрена; но къ сожалѣнію мы должны разочаровать ихъ и сказать имъ, что все написанное Г-мъ М. на 183, 4, 5 и 6 стр. Сына Отечества есть *самая смѣшная ошибка.*

Надобно знать, что софамильцовъ Кокрену есть множество въ Англіи и многіе изъ нихъ родня другъ другу. Извѣстнѣе прочихъ въ послѣднее время были *Лордъ Арчибальдъ Кокренъ*, Графъ Дундональдскій, *мнимый* отецъ Ѳомы Кокрена. Этотъ Лордъ Арчибальдъ (род. въ 1744 г.) путешествовалъ по Африкѣ; потомъ занимался Химіею и издалъ нѣсколько полезныхъ книгъ. Братъ его *Сиръ Александръ Фонестеръ Кокренъ* (род. въ 1748 г.), Контръ-Адмиралъ краснаго флага, отличался подвигами на моряхъ. Онъ сжегъ Вашингтонъ и другіе города Сѣверо-Американскіе въ 1815 г. Третій *Кокренъ* (*Лордъ Александръ*) былъ сынъ Арчибальда. Онъ-то родился въ 1775 г. и съ 1801 года производилъ первые подвиги свои подъ руководствомъ дяди. Не знаемъ: командовалъ-ли онъ 32-*хъ пушечнымъ* кораблемъ и взялъ-ли 32 *корабля;* но извѣстно, что онъ всегда отличался отчаянною, бѣшеною храбростью и охотно принялъ на себя

сожженіе Рошфортскаго флота адскою машиною. Прежде этого онъ былъ выбранъ депутатомъ отъ Вестминстера. Словомъ: *все то, что приписалъ Г-нъ М. Ѳомѣ Кокрену, было сдѣлано Александромъ. Лордъ Ѳома Кокренъ*, нынѣшній начальникъ Греческаго флота, изъ фамиліи тѣхъ-же Кокреновъ, только *не сынъ Арчибальда.* Когда онъ родился, неизвѣстно; но вступивъ въ морскую службу, отличался своимъ корсарствомъ и за удачныя поимки кораблей получилъ орденъ Бани. Онъ совсѣмъ не былъ такимъ безкорыстнымъ героемъ какъ софамилецъ его Лордъ Александръ и отличаясь храбростью, всегда еще болѣе отличался жадностію къ богатству. Это довело его до низкаго обмана, причинившаго ему большія непріятности и бывшаго причиною его отъѣзда изъ Англіи. Самый обманъ и слѣдствія онаго описаны Г-мъ М. справедливо и вѣрно, а потому мы должны увѣдомить читателей Сына Отеч., что *Біографія Лорда Ѳомы Кокрена начинается только съ 28 строки, 186-й страницы*, No 10 *С. От.* Вотъ въ чемъ состоитъ дѣло: въ 1814 г. Кокренъ былъ депутатомъ въ Парламентѣ отъ Вестминстера и располагалъ уже плыть въ Америку, начальствуя кораблемъ, въ чинѣ Капитана, какъ вдругъ обвиненъ былъ въ распространеніи ложнаго слуха на биржѣ для произведенія спекуляціи государственными облигаціями. Накупивъ ихъ низкою цѣною, когда, послѣ разнесшагося слуха, онѣ поднялись въ цѣнѣ, Кокренъ сбылъ свои облигаціи съ большимъ барышомъ. Отъѣздъ его былъ остановленъ и его позвали въ судъ, который и осудилъ Кокрена на 1000 ф. с. пени, выставку къ позор-

Digitized by Google

ному столбу и годовому заключенію въ тюрьму. Король освободилъ Кокрена отъ позорнаго столба, но онъ былъ лишенъ ордена, исключенъ изъ Парламента и посаженъ въ тюрьму. Головы оппозиціонистовъ находились тогда въ сильномъ волненіи и оппозиція сильно заступилась за Кокрена. Онъ былъ избранъ снова депутатомъ отъ Вестминстера, ушелъ изъ тюрьмы и явился въ Парламентъ. Его вывели насильно и заперли снова въ тюрьму. Подпискою была собрана и заплачена пеня. Кокренъ освободился, и въ тотъ-же день поспѣшилъ въ Парламентъ подать голосъ свой въ одномъ спорномъ дѣлѣ. Но Англія уже не могла удовлетворять его надеждамъ. Въ 1818 г. онъ снарядилъ себѣ корабль и согласился на предложеніе Южныхъ Американцовъ, избравшихъ его начальникомъ надъ дѣйствіями противъ Испанцовъ. Кокренъ въ званіи Адмирала начальствовалъ надъ Хилійскимъ флотомъ, переходилъ изъ службы въ службу и захватывалъ Испанскіе корабли. Увѣряютъ, что онъ нажилъ себѣ огромное богатство. Для чести человѣчества пріятно думать, что соглашеніе его начальствовать Греческимъ флотомъ было слѣдствіемъ благороднаго человѣколюбія и геройской рѣшительности, а не какихъ нибудь разсчетовъ. Подвиги могутъ смыть съ него пятна прошедшей жизни, и Европа ожидаетъ подвиговъ Кокрена.

Но оставя Кокрена и его подвиги, спрашиваемъ читателей: не справедливо-ли назвали мы статью Г-на М. о Кокренѣ *неслыханною диковинкою* (*)?

(*) Статья присланная. Ж. С.

Digitized by Google

(*) Заглянувъ случайно на послѣднюю страничку No 8-го Вѣстника Европы, я увидѣлъ *Письмо къ Редактору;* случайно говорю, ибо въ этомъ мѣстѣ Редакторъ обыкновенно вставляетъ объявленія о разныхъ мѣлочахъ и потому я *никогда не дочитываю Вѣст. Европы до послѣдней странички.* Въ No 6, напротивъ, я увидѣлъ, что на послѣдней страничкѣ рѣчь идетъ объ ученомъ дѣлѣ и касается именно *до меня.* Г-нъ Болдыревъ, *посредствомъ Вѣстника Европы сообщаетъ* или *даетъ мнѣ совѣтъ* (его слова), состоящій въ стихахъ Горація. Онъ *улыбнулся* (слова Г-на Болдырева) *читая мое извѣстіе о Персидской его Хрестоматіи,* сообщенное мною въ Телеграфъ. Я *улыбнулся* также, читая его совѣтъ: мы квитъ; но улыбки наши не поясняютъ дѣла.

Г-нъ Болд. называя меня за *библіографическое извѣстіе* мое объ его Хрестоматіи (см. Тел. No 5, стр. 85) *Рецензентомъ,* прибавляетъ Арабскую пословицу. Я плохо знаю Арабскій и Персидскій языки, и благодарю за Русскій переводъ, приложенный внизу страницы. Вотъ что гласитъ Арабская пословица:

»Оставь въ покоѣ того, кто не знаетъ, что »можетъ сдѣлать и кто не отстаетъ отъ дѣла, »превышающаго силы его.«

Признаюсь, что хотя я съ Словарями читаю Персидскія книги, но не подумаю, что самое составленіе Персидской *Хрестоматіи* есть

(*) Статья присланная. *Жур. Свид.*

Digitized by Google

дѣло *превышающее силы*, ибо, что за трудность, изъ книгъ изданныхъ Вилькеномъ, Джонесомъ, С. де Саси, Ричардсономъ и Руссо списать нѣсколько отрывковъ, сшить ихъ въ тетрадку и напечатать? Тѣмъ менѣе затруднительно прочитать эти отрывки, при помощи комментаріевъ, изданныхъ Европейскими оріенталистами. Но положимъ, что если-бы я взялся составлять или читать Хрестоматію Г-на Болдырева, дѣло это *превысило-бы мои силы и я отсталъ-бы отъ него*. Замѣчаніе-же мое, въ Телеграфѣ помѣщенное, было таково, что отъ подобныхъ замѣчаній я *не отстану*, ибо они *силъ моихъ не превышаютъ*. Объяснивъ все это, дабы читатели В. Е. или Телеграфа не почли меня послѣ совѣта Г-на Болдырева какимъ нибудь сомнамбуломъ, или человѣкомъ, который клеплетъ на себя знаніе языковъ Восточныхъ, но убѣжитъ отъ встрѣчи съ настоящимъ Оріенталистомъ (какъ, на прим. славнымъ Френомъ), оправдываюсь далѣе.

Извѣщая о книгѣ Г-на Болдыр., я сказалъ, что Грамматика въ ней помѣщенная *состоитъ изъ весьма немногихъ замѣчаній. Превышаетъ-ли это замѣчаніе силы мои?* Взглянувъ на Грамматику, и видя что она занимаетъ всего навсе *четыре осьмушки*, безъ всякихъ объясненій, представляя только примѣры немногихъ словъ, это я *могъ сказать* и это *силъ моихъ не превышало*.

Но я сказалъ еще, что мнѣ *показалось сначала*, будто Г-нъ Болд. *перепечаталъ* свою Хрестоматію изъ Вилькена; я *прибавилъ* далѣе, что Г-нъ Болдыревъ дополнилъ Вилькеновы отрывки отрывками Гентія, Руссо, etc. Я могъ *судить* обо всемъ этомъ и *не зная Персидскаго* языка.

Digitized by Google

Дѣло очень простое. *Названія пьесъ*, составляющихъ Хрестоматію Г-на Болдыр., напечатаны *по-Русски*; Вилькенова Хрестоматія напечатана съ *Латинскимъ переводомъ*, и будь Латинскій языкъ мнѣ извѣстенъ, по крайней мѣрѣ столько-же, сколько Г-ну Болдыреву Персидскій, сличеніе *не превышало силъ моихъ*. Г-нъ Болдыревъ выставилъ въ предисловіи названія *тринадцати* книгъ, изъ коихъ онъ выбралъ свою Хрестоматію. Въ томъ числѣ есть и Вилькеновы Institutiones ad fundamenta linguae Persicae. Почему-жь показалось мнѣ, что онъ *перепечаталъ* Вилькена, когда именно у него *означено*, что изъ Вилькена взято имъ *только одиннадцать* пьесъ, а остальныя 58 изъ другихъ? Потому, что кромѣ *означенныхъ*, я нашелъ еще нѣсколько пьесъ изъ Вилькена взятыхъ и *не означенныхъ*, на прим. *Басня Садовникъ и Соловей* и стихотвореніе *Четыре опасныя вещи* (у Вилькена — Quae sint res Diaboli). Притомъ и то что *означено*, получило у Г-на Болдыр. особенныя названія, а слѣд кто можетъ поручиться, что *все изъ Вилькена взятое означено.* Не довольно-ли было добродушія съ моей стороны, что я на слово повѣрилъ Г-ну Болдыр. и *упомянулъ* о *прибавкахъ* его къ Вилькену изъ Гентія, Руссо, etc. etc. — За что-жь было такъ щедро ссужать меня Арабскими и Латинскими совѣтами? Смотря на книги, руководствовавшія Г-на Болдырева, и на Хрестоматію его, я за Арабскую пословицу, посредствомъ Телеграфа, передаю ему стихъ изъ Индійской *Веды*, и какъ въ типографіяхъ Русскихъ нѣтъ Санскритскихъ буквъ,

Digitized by Google

выписываю его, по обыкновенію моему, Русски буквами:

»Кин тэ аш-ніатаир мудха махадх нурдхараир анаюш-янг карма критватнехорам»

Делибюрадеръ.

Парижскія моды (*).

Les robes habillées sont en étoffe de Lyon à larges raies; l'une en satin, l'autre en gaze.

En négligé, on porte des robes de mousseline à papillons ou oiseaux imprimés en noir sur un fond écru, ou bien en couleur sur un fond blanc.

L'aube-épine, blanche ou rosée, en couronne, ou en bouquets, est la fleur à la mode pour les chapeaux habillés, soit de moire, soit de crêpe crêpé.

Malgré le mauvais tems toutes les merveilleuses sont en été; elles portent des robes blanches ou imprimées, d'organdi, de jaconat, de cot-pali, de grenadine.

Pour les chapeaux de paille d'Italie, il y à deux modes bien distinctes. Les uns ont la passe très-grande et sont garnis de feuillage et d'un large ruban moitié gaze: les autres, plus habillés sont à passe demi-large, et ont pour garniture des biais de paille, bordés de rouleaux de satin, et de volans de blonde; plus, des aigrettes en marabouts.

Quelques chapeaux de sparterie sont tellement surchargés de boucles et de noeuds de ruban, qu'à peine peut-on voir la sparterie. A droite, sont quatre

---

(*) До 31 Мая, 1823 г.

Digitized by Google

grandes boucles; à gauche, quatre rouleaux tendus du haut de la forme au milieu de la passe, qu'ils traversent au moyen d'entailles. Enfin, par derrière, figurent trois ou quatre rosettes en rubans de satin.

Dans un magasin renommé, on double en satin rose vif les chapeaux de crêpe crêpé blanc; ce qui leur donne une teinte rosée. Le tour de la passe est aux trois quarts bordé d'une haute blonde. Au haut de la forme, à droite et à gauche, sont deux grandes boucles, moitié satin, moitié gaze; et en dessous, deux bouquets à *la jardinière*.

Nous avons vu à la promenade une capote de gros de Naples blanc, dont la passe longue était côtelée d'un bout à l'autre. Un rouleau de satin bordait cette passe; le tour de la forme était orné d'une guirlande de roses blanches.

Quelques élégantes portent des capotes de moire grise doublées en moire rose. La forme ou calote de ces capotes est à demi-recouverte par des pattes de moire rose bordées d'un rouleau gris et d'une blonde blanche.

Le roman chinois de M. Abel de Rémusat, intitulé Iu-Kiao-Li a donné l'idée des éventails qu'on voit aux théâtres entre les mains des femmes à la mode. Sur un fond de couleur, satiné, sont des personnages chinois. Le revers est d'une couleur tendre et porte des caractères chinois imprimés en noir. Ce qu'il y a de plus beau, ce sont les baguettes en rouge et or, ou vert et or, brun et or, bleu et or.

Digitized by Google

Нарядныя платья дѣлаютъ изъ Ліонской шелковой матеріи (en étoffe de Lyon), съ ширскими полосами, атласными и газовыми.

Въ нарядѣ *запросто* (en négligé) надѣваютъ кисейныя платья, съ *выпечатанными* (imprimés) чернымъ цвѣтомъ бабочками и птичками, по небѣленой кисеѣ, или бѣлыя кисейныя, съ цвѣтными бабочками и птичками.

Боярышникъ (l'aube-épine), съ бѣлыми или розовыми цвѣтами, въ вѣнкахъ и букетахъ, модная уборка для нарядныхъ шляпокъ, изъ морелевыхъ матерій и изъ крепъ-крепе.

Не смотря на холодную погоду, всѣ щеголихи одѣваются по лѣтнему, въ бѣлыхъ или *выпечатанныхъ* (imprimées) платьяхъ изъ органди, жакона, компали и гренадина.

Для Италиянскихъ соломенныхъ шляпокъ двѣ моды весьма различныя. По одной должны быть поля большія и уборка цвѣты съ листьями и съ широкою лентою, половина атласною, половина газовою; по другой модѣ (нарядпѣе), поля шляпки полуширокія, уборка косяки (изъ такой-же соломенной плетушки, изъ которой сдѣлана шляпка), отороченные атласными руладками, блондовые *воланы* и *эгреты* изъ марабу.

Дроковыя шляпки иногда бываютъ такъ обременены буфами и бантами изъ лентъ, что едва можно узнать, изъ чего сдѣлана шляпка: на правой сторонѣ четыре большіе *буфа*; на лѣвой четыре *руладки*, протянутыя съ верха тульи къ срединѣ полей; сзади три или четыре *розетки* изъ атласныхъ лентъ.

Digitized by Google

Въ одномъ изъ модныхъ магазиновъ бѣлыя крепъ-креповыя шляпки подбиваютъ яркимъ розовымъ атласомъ: это даетъ имъ розовый отливъ. На верху тульи, вправо и влѣво по большому буфу, половина атласному, половина газовому; внизу тульи два букета *à la jardinière*.

На прогулкѣ замѣтили бѣлую гроденаплевую шляпку-капотъ, у которой длинная сторона полей была загнута отъ одного конца до другаго. Атласная руладка окружала всю эту сторону. Тулья украшена была гирляндою изъ бѣлыхъ розъ.

Нѣкоторыя щеголихи носятъ шляпки-капоты изъ сѣрой морелевой матеріи, подбитой розовою морелевою матеріею. Тулья такихъ шляпокъ полупокрыта лапами изъ розовой морелевой матеріи, отороченной сѣрою руладкою и бѣлыми блондами.

Китайскій романъ, изданный Абель-Ремюза, подъ названіемъ: *Ю-Кіао-ли* (*), ввелъ въ моду вѣера, которые замѣчаютъ теперь въ театрѣ у многихъ щеголихъ. На цвѣтномъ атласистомъ полѣ изображены Китайцы; другая сторона нѣжнаго цвѣта, съ черными Китайскими буквами. Всего лучше у этихъ вѣеровъ прутики, составляющіе рукоятку вѣера. Они цвѣтовъ: краснаго, зеленаго, темнаго, голубаго, убранные золотомъ.

(*) Читательницы могутъ видѣть отрывки изъ сего любопытнаго романа въ *Московскомъ Вѣстникѣ*. *Кіао-ли*, какъ нѣкогда *Урика*, теперь въ модѣ у Парижскихъ дамъ. *Пер.*

Digitized by Google

На приложенныхъ картинкахъ:

1. Шляпка изъ шелковой морелевой матеріи, убранная газовыми лентами. Платье изъ Ліонской шелковой матеріи, убранное атласными бранденбургами, съ перламутовыми пуговицами.

2. Шелковая шляпа. Суконный фракъ съ бархатнымъ воротникомъ и шелковыми пуговицами. Жилетъ изъ пике. Канифасные панталоны.

Digitized by Google

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. НАУКИ и ИСКУСТВА.

Письма изъ Сибири (*).

(Продолженіе.)

*) *Письма изъ Сибири*, доставляемыя для помѣщенія въ Телеграфъ. извѣстны уже читателямъ сего Журнала (см. *Телегр.* 1826 г. т. X, 5) и Сибирскаго Вѣстника, гдѣ оныхъ было помѣщено нѣсколько. Обязанностію поставляю вновь благодарить Г-на Сочинителя и почитая всѣ замѣчанія и извѣстія его весьма любопытными и важными, прошу не оставить дальнѣйшимъ продолженіемъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ обращаюсь съ усердною просьбою ко всѣмъ любителямъ знаній и отечества о доставленіи подобныхъ свѣдѣній о разныхъ областяхъ нашего государства. За что сердиться намъ на иностранцовъ, что они не вѣрно говорятъ о Россіи, когда мы сами молчимъ и не даемъ имъ средствъ исправлять ошибки по свѣдѣніямъ вѣрнымъ и точнымъ? Грузія, Сибирь, Сѣверная Россія, Бессарабія, Финляндія, представляютъ обширное и едва начатое поприще Статистику, Историку и Археологу; да и самыя близкія къ центру имперіи области, кромѣ устарѣвшихъ и невѣрныхъ извѣстій, многое-ли могутъ представить Русскому Географу и Статистику? Не лучше-ли намъ самимъ приниматься за дѣло и не складывать собственной вины на иностранцовъ, которые хотя что нибудь да дѣлаютъ. *Изд. Тел.*

Digitized by Google

Я (*) не могу забыть, какъ при объявленіи *о Сибирской лѣтописи*, въ 1821 году изданной Г. И. Спасскимъ и сопровожденной лестными отзывами нѣкоторыхъ журналистовъ, возбудилось и здѣсь тогда замѣтное вниманіе къ старинѣ Сибирской. Зауральскіе книгочіе заглянули въ Миллера и Фишера, и я слѣдуя также потоку впечатлѣній, желалъ какъ-бы осмотрѣться кругомъ Тобольска, и дабы лучше воспользоваться чтеніемъ ожидаемой лѣтописи, объѣхалъ достопамятную часть праваго берега р. Иртыша, пока не подоспѣла сюда лѣтопись.

Дозвольте мнѣ вывесть на свѣтъ тогдашнія мои примѣчанія, въ разсужденіи обозрѣнія мѣстнаго и въ чтеніи Сибирской лѣтописи. Поздно, очень поздно, скажете, пересматривать лѣтопись, которая обратилась для многихъ въ достовѣрную; да за чѣмъ-же было хвалить ее такъ рано?

1. *Обозрѣніе мѣстное.*

Правый берегъ Иртыша, въ протяженіи 30 верстъ, т. е. отъ Абалака до Сузгуна, былъ, по письменнымъ сказкамъ, во время Кучума, цѣпью придворныхъ юртъ; въ Искерѣ было пребываніе самого Хана; въ

(*) Письмо сіе, въ 1821 году писанное, нынѣ вводится въ общій рядъ Писемъ изъ Сибири, съ нѣкоторыми перемѣнами.

Digitized by Google

Абалакѣ подмосковное его; въ Тобольскѣ на Панинѣмъ бугрѣ, который назывался тогда *Бицикомъ*, стойбище одной жены его; въ Сузгунѣ кочевье другой жены. Все это протяженіе берега къ приходу Ермака было укрѣплено, или поставлено въ наблюдательное состояніе, чему и нынѣ видны доказательтельства, т. е., сторожевые курганы или насыпи, обнесенные валами и рвами, полумѣсяцомъ къ краямъ нагорнаго берега склоняющіеся.

Одно изъ примѣчательнѣйшихъ мѣстъ сего нагорья есть то, гдѣ Ермакъ съ саблею въ рукѣ, пробившись сквозь толпы Татаръ, вскарабкался съ дружиною по крутой тѣснинѣ на гору, и тутъ-же взялъ укрѣпленіе, можетъ быть, самое главное. Это было у Подчувашскаго мыса, гдѣ и въ наше время, какъ-бы въ воспоминаніе, мѣстное артиллерійское начальство строитъ иногда потѣшный городокъ.

Возвращаясь къ Искеру, какъ къ главной точкѣ древней населенности, не льзя не сдѣлать себѣ вопроса: съ чего ручей, текущій при подошвѣ сего мѣста, и у Татаръ не носящій никакого имени, названъ у насъ Сибиркою? Миллеръ замѣчаетъ, что еще въ половинѣ XVI вѣка Царь Іоаннъ Грозный титуловался обладателемъ Сибирскихъ земель; а какъ обладаніе его около Урала простиралось по путямъ звѣриной промышленности, въ тѣсномъ размѣрѣ между 59° и 61°, то и

Digitized by Google

надобно въ нарѣчія жившихъ тутъ народовъ искать корня слову: *Сибирь* (*). Жили тутъ Вогулы и Остяки, переселенцы средней Азіи, слѣдственно, происхожденіе сего слова занесено на Уралъ отынуда, чему есть и примѣта за Байкаломъ въ равнозвучныхъ именахъ, на пр. *Шибирь*. Но дѣло въ томъ, что дружина Ермакова, пока жила на Чусовой, льстилась за Ураломъ завоевать Сибирь, и покоривъ все до Искера, но не встрѣтивъ нигдѣ Сибири, стала называть, какъ видно изъ письменныхъ лѣтописцовъ и изъ простонароднаго названія, донынѣ здѣсь употребляемаго, столицу Кучумову Сибирью, и рѣчку, при подошвѣ ея текущую, Сибиркою. Легко чувствовать, что такъ наименованы два урочища по подобію (per analogiam), которое при встрѣчѣ незнакомыхъ предметовъ весьма сродно уму человѣческому, и которое, въ настоящемъ случаѣ, было очень близко для удальцовъ Москвичей, помнящихъ, что въ Московской дер-

---

(*) *Сибиртка* по Татарски *борона*.

Сенбирь по старо-Татарски, какъ толкуетъ Татищевъ (?), значитъ въ переводѣ *тотъ главный*, отъ чего и родилось слово Сибирь.

Сибире по Карталински *старый*.

Птерофорисъ Плинія старшаго, по толкованію Татищева (?), есть Сибирь.

Вотъ всѣ изъясненія, какія мнѣ извѣстны о словѣ Сибирь.

Digitized by Google

жавѣ и столица и рѣка столичная называются Москвою.

По случаю изъясненія, что слово Сибирь, можетъ быть, взято изъ словаря Загобійскаго, не льзя не подивиться странной судьбѣ нѣкоторыхъ словъ, которыя слѣдовали за переселеніями своихъ народовъ изъ страны въ страну и которыя, независимо отъ того, что народы сіи давно исчезли, давно пришли въ забвеніе, живутъ въ памяти смѣнившихся народовъ и свѣтятъ, какъ маяки, въ пустынѣ шествующихъ временъ. Я хочу къ сей мысли привязать свое примѣчаніе о словѣ *Уралъ*. Извѣстно, какой у насъ хребетъ такъ называется; но не всѣмъ, можетъ быть, извѣстно, что также называется въ Иркутской Губерніи, близъ Тункинской крѣпости, кряжъ горъ, къ Китайской границѣ простирающихся; также называется въ Нижнеудинскомъ уѣздѣ хребетъ, по лѣвую сторону р. Уды, къ югу лежащій; также называется видимая къ югу между Каномъ и Енисеемъ цѣпь горъ. Всѣ три соименные кряжа, какъ боковыя отмѣты, должны примыкаться къ составу Саянскихъ горъ; но повтореніе одинакаго названія отъ Байкала до устья Печоры, не показываетъ-ли на толь великомъ пространствѣ бывшихъ ночлеговъ одного народа? — Я спѣшу возвратиться къ Сибирской Лѣтописи, тѣмъ болѣе любопытной, что Издатель, съ нѣкоторымъ

Digitized by Google

торжествомъ, держа ее въ рукѣ, опровергаетъ Миллерову хронологію.

II. Разсмотрѣніе Сибирской Лѣтописи.

Не касаясь тайны, какою Г. Издатель покрываетъ счастливый случай открытія Лѣтописи и не позволяя себѣ подозрѣвать услужливость, съ какою онъ постарался выправить *недостатки правописанія и очевидныя писцовыя ошибки* (это слова его), я хочу придержаться одного вопроса: стоитъ-ли эта тетрадь имени Лѣтописи?

Для рѣшенія вопроса довольно будетъ примѣтить однѣ главныя черты, въ такъ называемой, Сибирской Лѣтописи выказывающіяся, и вотъ онѣ: а) Невозможныя движенія, которыхъ ни опытъ, ни здравый смыслъ не выдержатъ, Лѣтопись заключая въ краткій промежутокъ времени, ни какъ не можетъ показывать хронологическихъ погрѣшностей, если-бы погрѣшности и были доказаны вѣрною методою, а не per principium petitionis въ исторіи Миллера и Фишера; б) За Югорскимъ камнемъ не зная ни именъ урочищъ, ни времени происшествій, она очевидно избѣгаетъ исторической части о завоеваніи Сибири, не избѣгнувъ однакожъ укоризнъ въ невѣдѣніи; в) Зная нѣкоторыя подробности на западной сторонѣ Урала, около Усолья и Чусовскихъ городковъ, и ревнуя чести одной помѣщичьей фамиліи, обнаруживаетъ она мѣста своего составленія; странное заключеніе Лѣ-

Digitized by Google

тописи, служитъ тому подтвержденіемъ; г) Слогъ, уклоняясь отъ повѣствовательнаго къ смѣшному патетическому, показываетъ затѣйливость Сочинителя, любующагося своимъ велерѣчіемъ и незаботящагося о предметѣ сказанія; наконецъ Лѣтопись, не только сама по себѣ, но и по милости примѣчаній, которыми обогатилъ ее Издатель, сдѣлалась жертвою рѣшительныхъ противорѣчій, въ существенномъ вопросѣ времени. Всѣ сіи категоріи могутъ быть доказаны изъ чтенія самой Лѣтописи.

а. На стр. 17 повѣствуется, »что Строгановы съ 1 Сентября 7090 года отпуетили Ермака и дружину его, числомъ 840 человѣкъ, въ Сибирь, противъ Салтана Сибирскаго, и сіе ополченіе въ 6 дней дошло до Сибирской дороги, сдѣлавъ на рѣчкѣ Кокуѣ городокъ того имени, и чрезъ 20 поприщъ (что за мѣра?) перевезлось за Волокъ на одну рѣчку, съ которой ополченіе вышло на р. Туру въ Сибирскую страну, а въ 9й день (на стр. 26), по пораженіи какихъ-то городковъ и улусовъ Татарскихъ, доплыло по Турѣ до устья Тавды.« — Чудеса чудесъ! Пусть такъ, что 400 верстъ, притомъ противъ воды и въ мѣлководіе, по Чусовой и особенно по рѣчкѣ Серебрянкѣ, Ермакова флотилія могла въ 6 сутокъ пройдти до вершины Серебрянки; но въ 3й день поспѣть оттуда

на устье Тавды, статочное-ли дѣло, если взглянуть на карту? Ибо надлежало-бы:

1) Перетащить по суху 41 лодку, полагая на каждую по 20 человѣкъ, и около 20 транспортныхъ лодокъ, начиная отъ устья Серебрянки до Кокуя;

2) Оттуда до Туры, гдѣ она способна для лодочнаго хода, перенести на плечахъ весь караванъ чрезъ крутыя, обрывистыя и донынѣ лѣсистыя Уральскія горы, полагая сей переходъ не меньше какъ во 100 верстъ, если-бы въ самомъ дѣлѣ походъ направлялся на Туру, а не на Тагилъ;

3) Отсюда переплыть около 2000 верстъ, считая безпрестанныя излучины Туры;

4) Неоднократно воевать съ прибережными улусами, и всѣ подвиги на сушѣ и на водахъ совершить въ двои съ половиною сутки, когда и нынѣ, при свободномъ и облегченномъ судоходствѣ, четверть того хода, т. е. отъ Туринска до устья Тавды, пробѣгаютъ въ пять сутокъ.

Послѣ сего, когда Лѣтопись сама у себя отнимаетъ довѣренность, я уже не замѣчаю сказки о Сибирской дорогѣ, небывалой въ этой степени широты; не замѣчаю и того, къ чему былъ выстроенъ городокъ Кокуй, когда по размѣру времени не льзя было тутъ опнуться ни на минуту.

Нѣтъ, Милостивый Государь мой, лѣтописи, съ которыми соображались ста-

Digitized by Google

рые наши Академики, тѣ лѣтописи, разсказывая о Ермаковыхъ городищахъ, въ переходѣ чрезъ Уралъ строенныхъ, притомъ географически и исторически истинныхъ, не на обумъ дозволяютъ завоевателю Сибири зимовать, при Уралѣ и въ Тюмени, не доходя Тавды. Того требовали непреоборимыя нужды чрезвычайнаго пути. Если-бы Г. Издатель новой Лѣтописи, даже нынѣ перешелъ чрезъ Уралъ и проплылъ помянутыя рѣки, по слѣдамъ Ермака, онъ-бы услышалъ изустныя преданія, подтверждающія Миллерову Исторію Сибири. Есть необыкновенныя происшествія, которыя безъ буквъ врѣзываются въ память племенъ и вѣковъ.

Если такимъ образомъ доказано, что сокращать маршрутъ Ермакова каравана, отъ Чусовскихъ городковъ до Тавды, на число $8\frac{1}{2}$ сутокъ, было-бы противно всякой возможности, то отсюда выходятъ два непреложныя послѣдствія: или Ермакъ ранѣе, такимъ временемъ, которое требовалось на походъ, а не 1-го Сентября 7090 года, пошелъ съ Чусовой, или такимъ-же промежуткомъ времени позже долженъ былъ взять Искеръ, нежели какъ слѣдовало-бы по новой лѣтописи. Но какъ въ послѣднемъ изъ послѣдствій, происшествія слишкомъ-бы опоздали, вопреки даже нѣкоторыхъ правительственныхъ актовъ, или опять должны-бы опередить лѣто-

Digitized by Google

пись, то и выходитъ неминуемо, что время похода съ Чусовой, новою Лѣтописью означаемое, надобно будетъ почистить.

Если-бы за всѣмъ тѣмъ еще хотѣли основываться на грамотѣ, на Чусовую послѣдовавшей отъ 16 Ноября 7091 года, то опять встрѣчая ту-же физическую невозможность, какая представилась при разсмотрѣніи времени, Лѣтописью опредѣленнаго, я равномѣрно опасаюсь принять грамоту за основаніе времени событій.

Надобно притомъ замѣтить, что Г. Издатель напрасно отвергаетъ первый походъ Ермака на Сылву. Если-бы не было его, съ чего-бы Пелымскому Князю въ тоже число, того-же мѣсяца и того-же года, когда Ермакъ двинулся на востокъ, пойти на западъ противнымъ, боковымъ маршемъ? Въ упомянутой грамотѣ Ермакъ обвиняется въ раздраженіи иновѣрцовъ: когда-же бы онъ имѣлъ случай раздражить ихъ, безъ похода на Сылву?

Приступимъ къ *б*. — Флотилія Ермакова плыветъ по Турѣ болѣе тысячи верстъ такъ покойно, какъ по Ладожскому каналу, и Лѣтопись, безмолвная на толикомъ протяженіи, разъ молвила о Таузакѣ Татаринѣ, къ придворному Сибирскому штату принадлежавшемъ. Съ сихъ поръ Лѣтопись, подслушавъ тайный совѣтъ Кучума, становится болтливѣе и говоритъ про

Digitized by Google

то и сё. Далѣе сказываетъ о вступленіи Ермака *во градъ Сибирь, послѣди рекомый Тобольскъ*, какъ будто-бы хваленой Лѣтописи не нужно знать разницы между Искеромъ и Тобольскомъ.

Если будете читать и далѣе о тѣхъ и другихъ приключеніяхъ, вездѣ однакожъ увидите счисленіе времени въ слѣдующей формулѣ: *той-же зимы, весны, лѣта, по малѣ времени, тогда-же.* Наши сказки въ правѣ не знать хронологіи, но Сибирской Лѣтописи пристойно-ли быть также нерадивою?

в. Съ 1 до 26 стр. Лѣтопись посвящаетъ все свое вниманіе богатому дому Строгановыхъ, у которыхъ Ермакъ-завоеватель представляется въ видѣ зависящаго орудія; вотъ въ этомъ случаѣ Лѣтопись очень памятлива.

Если приложить къ тому, съ какою подробностію на 26 стр. исчисляются рѣки и рѣчки, въ Каму и Чусовую впадающія, то нельзя не смекнуть, что едва ли пресловутая Лѣтопись не есть сочиненіе, составленное вблизи Чусовской или Усольской Конторы?

г. Когда, по завоеваніи Сибири, Лѣтопись оканчиваетъ свое сказаніе о низложеніи Магометанства, о сооруженіи церквей, о постройкѣ городовъ и остроговъ, и когда добавляетъ еще послѣднюю главу о устройствѣ ясачнаго сбора, то какъ не подумать, что въ ней говорится о распо-

Digitized by Google

ряженіи подашей въ покоренныхъ улусахъ? Однакожъ, вопреки порядка поняшій, лѣтописецъ исчезъ изъ Сибири, и очушился около Пыскорскаго монасшыря. Тушъ онъ располагаешъ сборы съ иновѣрцовъ по Чусовой, ошъ Чердыня до Уфы и Верхошурья.

Глава сія, или должна бышь впереди посшавлена, въ видѣ послѣдсшвія, происшедшаго ошъ появленія Ермака на Чусовую, или должна бышь понимаема шакъ, чшо до полученія вѣсшей о взяшіи Сибирки, вся Чердынская округа ошъ Уфы до Верхошурья оказывала неповиновеніе въ сборѣ ясачномъ. Въ послѣднемъ случаѣ, опяшь не льзя допусшишь совѣщанія между Сшрогановыми и Ермакомъ; да пришомъ, Верхошурье заведено воеводами гораздо позже жизни Ермаковой, позже и мнѣнія г. Издашеля Лѣшописи. Короче сказашь, чшо Лѣшописецъ, перемѣнивъ происшесшвія, годы и сшраны, обнаружилъ, чшо онъ жилъ не шакъ давно и не въ Сибири. *Красивая скоропись и киноварь*, да будешъ извѣсшно, въ употребленіи донынѣ по Уралу, часшію заселенному сшарообрядцами.

д. На сшр. 34, 35 и 36 Лѣшопись вмѣсшо дѣла занимаешся изобрѣшеніемъ рѣчи для Ермака; на 38 и 39 сшр. введеніемъ Кучумова монолога, въ важно-смѣшномъ слогѣ. Сочинишель долженъ бышь монахъ бывшаго Пыскорскаго монасшыря, и пришомъ не Великороссійскій уроженецъ, судя

Digitized by Google

по словамъ въ Лѣтописи замѣтнымъ: *подарова*, *повоевали*, *голкнетъ*, *буйственный* вмѣсто храбрый, *риторъ*, вмѣсто рейтаръ. Не знаю впрочемъ, не перемѣнены-ли слова подлинныя при поправкѣ ошибокъ.

е. Не дозволяя себѣ мѣлочныхъ прицѣпокъ въ разборѣ, я нахожусь однакожъ въ разсужденіи Сибирскаго лѣтосчисленія, которое будто-бы поправлено Г. Спасскимъ, въ немаломъ затрудненіи, и не знаю, кому вѣрить: лѣтописи-ли разсматриваемой, или грамотѣ упомянутой, или самому Г. Издателю, ибо нѣтъ между ними согласія?

Лѣтопись, какъ видѣли, полагаетъ походъ Ермака съ Чусовой въ 1 Сентября $\frac{7090}{1581}$ года; Грамота съ 1 Сентября $\frac{7091}{1582}$ года: и Г. Издатель, принимая одну за образцовую, какъ *для славы и блага отечества изданную*, а другую, *какъ показывающую истинное время отправленія Ермака въ Сибирь*, негодуетъ (стр. 79) на Миллера вопреки своей Лѣтописи и грамоты, что будто-бы сей Историкъ *всѣ послѣдующія происшествія показалъ 2 годами*, 2 *мѣсяцами и 18 днями ранѣе* самой истины. Я напротивъ утверждаю, что если-бы всѣ три свидѣтельства были согласны между собою, приговоръ Г. Издателя и тогда не былъ-бы заключителенъ, какъ по недостатку слѣдствія, такъ и per principium petitionis.

Digitized by Google

Далѣе, недовѣрчивость мою къ тремъ помянутымъ свидѣтельствамъ подтверждаю слѣдующими изъясненіями:

Первое. Издателю Лѣтописи, похваляющемуся, что имъ выправлены погрѣшности Сибирской хронологіи, надобно-бы напередъ знать правило (*), какъ соглашаютъ старинное наше лѣтосчисленіе отъ с. м. съ лѣтосчисленіемъ отъ Р. Х., и вотъ причина, что онъ не-такъ смотритъ на свою грамоту и Лѣтопись, удвоивъ несовершенство послѣдней переводомъ лѣтосчисленія *на новое*, какъ въ текстѣ историческомъ, такъ и въ примѣчаніяхъ.

Второе. Взявъ по сему изъ Лѣтописи 1 Сентября $\frac{7090}{1581}$ года, выходитъ противъ чаянія Г. Издателя, что завладѣніе Иске-

(*) Правило состоитъ въ томъ, что-бы изъ суммы лѣтъ отъ с. м. вычитать 5509 въ первую треть стараго года, а въ прочіе мѣсяцы 5508; но Г. Издатель безъ разбора вычитаетъ одно послѣднее число, отъ чего и выходитъ по его Ариѳметикѣ, что 1 и 9 Сентября 7090 года = 1 и 9 Сентября 1582 (стр. 17 и 26); 2 Ноября 7092 года = 2 Ноября 1584 (стр. 83); 7094 годъ въ Сентябрѣ = 1586 (стр. 60); 7145 г. въ Сентябрѣ = 1637 (стр. VI); 7206 г. 18 Сентября = 1698 (на той-же стр.), когда напротивъ всѣ эти годы по истинному лѣтосчисленію должны быть меньше единицею. Но по какому счету 6 или 16 Ноября 7091 года = опять 1582 году (стр. 22 и 25), а 10 Мая того-же 7091 года = 1583 (стр. 83), этой исправленной хронологіи я не понимаю.

ромъ по Тобольскому лѣтописцу, Миллеромъ употребляемому, какъ и по Сибирской Лѣтописи, полагается 26 Октября 1581 года, слѣдственно, время главнаго происшествія не разнится ни минутою, а разнится только началомъ похода, въ чемъ уже даны приличные допросы новой лѣтописи, кругомъ виноватой.

Третіе. Если взять 16 Ноября $\frac{7091}{1582}$ года, т. е. время, въ которое состоялась грамота, требующая еще разсмотрѣнія и соображенія, то и по ней выйдетъ взятіе Сибири позже только однимъ годомъ, а не по словамъ Г. Издателя.

Послѣ всего этого надлежитъ мнѣ оставить на вашъ судъ и ожидать вашего рѣшенія: къ чему Лѣтопись, несогласная ни съ возможностію физическою, ни съ грамотою въ существенной точкѣ времени, ни съ сужденіемъ самого Г. Издателя, и согласная противъ чаянія съ тѣмъ Лѣтописцемъ, который имъ опорочивается, къ чему можетъ служить? Такая лѣтопись, которая притомъ не содержитъ въ себѣ цѣпи происшествій не только восточной, но и западной Сибири далѣе Тобольска, справедливо-ли названа важнымъ титломъ *Сибирской Лѣтописи?*

Тобольскъ.
20 Ноября, 1826 года.

Digitized by Google

Опять, какъ намагниченный металлъ, я склонился къ сѣверу, и перенесся въ разстояніе 64 градусовъ нашей широты. Пріѣхавъ въ Березовъ 30 Ноября, когда земля текла по самому верху эклиптики и когда солнечные лучи только скользили по горизонтамъ здѣшнихъ параллелей, я долженъ-бы опасаться термометрическаго чувствованія, а вышло совсѣмъ иначе. Термометръ, въ теченіе всего Ноября показывалъ въ Березовѣ (*) однажды — 14°, по большей части, отъ 2° до — 5°, и иногда даже отъ + 2° до + 7°. Столь чудесная мягкость температуры въ такой широтѣ, гдѣ ртуть въ это время, бывало, замертво лежитъ въ трубкѣ, и гдѣ дышетъ самый пронзительный сѣверный вѣтеръ, естественно приводитъ меня къ двумъ (хотѣлось-бы блеснуть ученостію) труднымъ вопросамъ: откуда взялся нынѣ толикій запасъ теплотвора? Второе, почему, въ нарушеніе коренныхъ замѣчаній, постоянно съ Апрѣля 1826 года дуетъ

(*) Наблюденія надъ термометромъ, какъ и вѣтрами, взяты изъ записокъ Березовскаго уѣзднаго учителя Маломахова. Послѣ я извѣстился, что такое-же состояніе температуры и вѣтровъ продолжалось тамъ въ Декабрѣ, равно въ Январѣ и Февралѣ 1827 года, а 27 и 28 Февраля былъ въ Березовѣ и въ окрестныхъ мѣстахъ порядочный дождикъ. Пожелаемъ успѣха мореходцамъ, кстати рѣшившимся съѣздить въ гости къ полюсу.

здѣсь Ю. или ЮЗ. вѣтръ, когда по новѣйшимъ теоріямъ надлежало-бы дуть вѣтру сѣверному отъ полюса въ нижней атмосферѣ и вѣтру экваторіальному къ полюсу въ верхней атмосферѣ, для восполненія равновѣсія?

Ужъли полюсы земные, въ два или въ три послѣдніе года, гораздо больше ежегодно приближались къ равноденственной линіи, нежели на 58 секундъ? Ужъли большой астрономическій періодъ настанетъ прежде, чѣмъ пройдутъ —

Deux cents siècles par de là six mille ans?

Нѣтъ, я увѣренъ, что никакія приключенія Метеорологіи не заставятъ васъ допустить, чтобы истина природы, во многія тысячи лѣтъ себя изрекающая, вдругъ безвременно потoропилась сказаться, въ угодность пытливаго мечтанія. Это такъ; но тѣмъ не меньше справедливо, одно къ одному, и то, что я не видѣлъ въ здѣшней атмосферѣ великолѣпныхъ явленій, какими въ это время обыкновенно расписывается куполъ ея въ здѣшнихъ широтахъ. Я надѣялся насмотрѣться на декораціи сѣвернаго сіянія; не тутъ-то было: небо закаталось при мнѣ безъ воздушныхъ картинъ, безъ всякой полярной поэзіи. Все то, что приличествуетъ преддверію холоднаго круга, можно было видѣть въ одномъ почти порядкѣ человѣческаго общежитія, въ порядкѣ явственно измѣнившемся.

Обширность дѣятельности человѣческой тутъ свернулась въ простое физическое самопитаніе. Вы не увидѣли бы тутъ ни припрятаннаго серпа или сошника, ни той пыли, которая въ доброй Сибири, по задворнымъ гумнамъ, стоитъ столпомъ отъ провѣваемаго зерна. Развѣшанные неводы, сѣти, морды, прибережныя запруживанія, луки съ стрѣлами, птицеловные перевѣсы, въ таловыхъ просѣкахъ между водъ раскидываемые: вотъ всѣ орудія мѣстной промышленности и средства народнаго богатства. Человѣкъ, спрятанный въ два или три ряда оленьихъ тюникъ, встрѣтится вамъ въ слѣдующихъ положеніяхъ: у чувала съ трубкой, на проруби съ мордой или съ лукомъ на лыжахъ. Какъ вы думаете онъ мѣряетъ глубину, ширину и вышину снѣга, воды и пр.? У него мѣра протяженій есть шестикъ, которымъ правитъ оленей, подобно какъ у физика земный полупоперечникъ, на который прикидываетъ онъ величины солнечной системы. Не исчисляя прочихъ разностей, упомяну еще о томъ, что самыя животныя, которыхъ мы употребляемъ на службу, здѣсь уже раскланиваются съ жителемъ, и другія опредѣляются на смѣну ихъ.

Не безъ гордости хочу вамъ донести о щегольскомъ выѣздѣ, какой я сдѣлалъ въ Березовъ на летучей нартѣ, запряженной тройкою бѣлыхъ, быстроногихъ оленей,

Digitized by Google

которыхъ головы, кромѣ горделивыхъ вѣтвистыхъ роговъ, были еще изукрашены пунцовыми кожеными привѣсками. Носясь по городу и около города на картинныхъ Діаниныхъ санкахъ, я чувствовалъ себя въ какомъ-то новомъ, баснословномъ положеніи.

Прежде нежели изготовлю отчетъ о кой-какихъ замѣчаніяхъ, отсрочиваемыхъ до слѣдующей бесѣды, теперь я имѣю утѣшеніе довести до вашего свѣдѣнія одно рѣдкое, достопамятное явленіе въ нравственно-гражданскомъ порядкѣ, именно: изъ всѣхъ жителей здѣшняго города и уѣзда, гдѣ считается ихъ (*) 23,803, не было полтора года ни одного арестанта; по всегдашнему-же ихъ простодушію вовсе нѣтъ въ Березовѣ тюрьмы. Я хотѣлъ было съ поэтомъ вспомянуть saturnia regna, но въ недовѣрчивой мысли мелькнулъ вопросъ: не принадлежитъ ли толь многолюдное благонравіе къ физическимъ примѣтамъ полярнаго круга?

2 Декабря 1826.

Въ Березовѣ.

(*) Обоего пола, т. е. въ городѣ 904 и въ уѣздѣ 22,899;

Примѣчанія мои въ пути были слѣдующія:

А. Ѣдучи Иртышемъ до Самарова и оттуда Обью до Березова, я опять видѣлъ нагорный берегъ рѣки на сторонѣ восточной, какъ и по прочимъ рѣкамъ, Чулыму, Енисею, Ангарѣ и Ленѣ. Недалеко было до вопроса: отъ чего произошелъ такой порядокъ единообразія при рѣкахъ, текущихъ параллельно меридіану? Прежде замѣчалъ я такое-же единообразіе въ Сибирскихъ рѣкахъ, которыя сперва льются поперегъ меридіановъ и потомъ склоняются къ сѣверу, какъ на пр. въ Исети, Тоболѣ, Ононѣ и пр. Не льзя-ли то и другое изъяснять суточнымъ движеніемъ земли къ востоку, если только явленіе замѣчаемаго единообразія подтверждается и въ другихъ частяхъ нашего шара? Отъ круговращенія составныя части берега западнаго, омываясь рѣкою, всплескиваются къ верху на противномъ, въ слѣдствіе Гюйгенсовой силы.

Б. Нагорный берегъ Иртыша, во многихъ мѣстахъ мною знаемый, состоитъ изъ глины и больше изъ сухаго, несвязывающагося суглинка. Цвѣтъ осыпающагося берега казался мнѣ таковымъ-же и по Оби, такъ, что заключеніе мое объ одинаковомъ составѣ его продолжалось до Атлымскаго погоста, гдѣ изъ разговоровъ случилось узнать, что берегъ этого селенія изобилуетъ бѣлымъ пескомъ и что

Digitized by Google

Тобольскія суда запасаются онымъ въ немаломъ количествѣ. Вы изволите увидѣть изъ засыпки сего письма, сколь бѣлъ и мѣлкозернистъ этотъ кремнистый песокъ. На слѣдующей-же станціи подали мнѣ отломокъ камней, какіе частію находятся въ составѣ продолжающагося Обскаго берега, и отломокъ былъ глинистый сланецъ, проникнутый слюдою и желѣзною окисью.

В. Изъ уваженія къ искусной проэкціи и къ превосходной отработкѣ картъ, которыя издаются при Депо картъ, я-бы смѣлъ замѣтить небольшія неисправности, усмотрѣнныя на двухъ картахъ Россіи, на *генеральной* 1809 года, и на *подробной*, прежде того вышедшей. Вотъ онѣ, мѣстными свѣдѣніями подтверждаемыя:

I. На подр. к., пониже Самарова, Обь соединяется съ Иртышемъ двумя рукавами.

Прим. Тутъ Обь въ натурѣ соединяется однимъ устьемъ.

II. На подр. к. соединенная рѣка черезъ 10 верстъ дѣлится на два рукава, изъ коихъ западный надписанъ: рѣка Обь.

Прим. Тутъ Обь не дѣлится, а только изъ нея выходитъ проливъ, *Прорвою* называемый, и этотъ проливъ около деревни Бѣлогорской тотчасъ падаетъ въ протоку или старицу, изъ Иртыша вышедшую повыше Самарова. Протока-же, пролегая по поверхности земли особымъ

Digitized by Google

путемъ до *Нарыкарскихъ юртъ*, осенью мѣстами пересыхаетъ, и въ разныхъ разстояніяхъ носитъ разныя названія, напр. *Байбалаковской*, *Васнухольской*, *Ендерской*.

III. На генер. к. хотя начало протока изъ Иртыша показано въ своемъ мѣстѣ, но чертежъ ея все неправиленъ.

Прим. Неправильность въ томъ: а) что протока соединяется съ Обью при Кондинскомъ монастырѣ, а не въ поименованныхъ юртахъ, въ чемъ карта отъ истины разнится 60 верстами; б) что кромѣ Бѣлогорской прорвы надобно-бы означить еще три такія-же, и именно въ юртахъ Ворочинскихъ; потомъ выше большаго Атлыма, и напослѣдокъ, между Кондинскаго монастыря и юртъ Алешокъ.

IV. На ген. к. Обь выше Алешокъ раздвоятся, а протоки уже не стало.

Прим. Напротивъ Обь, при продолженіи помянутой старицы, впервые дѣлится, 7 верстами выше Чемашскаго погоста, на двѣ вѣтви. Восточная называется Обью *Большою*, западная *Малою*. Малая, 20 верстами ниже того погоста, принимаетъ въ себя протоку, у юртъ Нарыкарскихъ.

Еще *прим.* Выше г. Березова въ 20 верстахъ, Малая Обь соединяется новою прорвой съ р. Сосвою, и не иначе какъ чрезъ эту прорву, плывущія съ верху суда приходятъ въ городъ.

Digitized by Google

V. На ген. к. Березовъ показанъ при самомъ устьѣ Сосвы.

Прим. Въ подлинникѣ, устье Сосвы впадаетъ ниже города въ 20 верстахъ.

VI. На подр. к. Сосва названа Малою, а на ген. к. Большою, вѣроятно для различія съ Пермскою рѣкою сего-же имени.

Прим. Жители называютъ Сосву просто Сосвой, не зная ни малой, ни большой, а картѣ не дается права переименовывать живыя урочища.

Заключить надобно тѣмъ, что гипотетическія погрѣшности, которыя происходятъ не отъ искуства, а отъ дальности, столь-же обыкновенны, какъ и извинительны.

Г. Желательно-бы поговорить о происхожденіи Остяковъ, Вогуловъ и Самоѣдовъ, изъ числа которыхъ я видѣлъ только первыхъ; но матерія сія, по видимому рѣшенная, не требуетъ, во мнѣніи многихъ, новаго взгляда. Не льзя между тѣмъ не сказать, что Русская населенность, или Сибирь, прошедъ посреди народовъ отъ Урала до Становаго хребта, разроднила ихъ на двѣ стороны до такой степени, что теперь трудно опознать, къ чему и гдѣ приставить на сторонѣ юга обрѣзки сѣвера, хотя по всѣмъ вѣроятностямъ должно полагать, что всѣ эти обрѣзки суть происхожденія, или Финскаго, или Турецкаго, или Татарскаго, или Монгольскаго.

Digitized by Google

Трудность дойдти до начала нашихъ сѣверныхъ народовъ увеличивается и отъ того, что когда они жили въ средней Азіи (а кромѣ Финновъ всѣ тамъ жили), Китайцы, по извѣстному своенравію, давали имъ на обумъ странныя имена; когда являлись на глаза Европы, Греки и Римляне коверкали подлинныя ихъ названія; когда водворялись въ настоящихъ предѣлахъ жительства, опять новые сосѣди начинали называть ихъ новыми звуками, такъ, что теперь едва-ли сами они удержали въ памяти общія названія народовъ-предковъ, памятуя вѣроятно одни удѣльныя. Исторія ихъ очень походитъ на исторію бабочекъ, проводящихъ разновременные періоды своего бытія, то въ яичкѣ, то въ личинкѣ, то въ куколкѣ, до совершеннаго развитія.

На чемъ-же надлежало-бы особенно основываться въ изслѣдованіи вопроса? Конечно не на покроѣ одѣянія, которому народы по нуждѣ научаются у климата, ни на родѣ промысловъ, которые также указываетъ имъ инстинктъ самохраненія, ни на обычаяхъ, которые часто измѣняются отъ обстоятельствъ и сосѣдей. Я бы, въ семъ случаѣ посовѣтовался съ языкомъ и съ физіогноміей народовъ, родства не помнящихъ, и больше съ физіогноміей, чѣмъ съ языкомъ, который скорѣе уступаетъ

Digitized by Google

времени, нежели обликъ (*). Изъ чего изволите заключить, сколь далекъ я отъ довѣрія книжнымъ разсказамъ о сѣверныхъ нашихъ сосѣдяхъ.

Знали-ли, не лишній вопросъ, древніе географы кого нибудь изъ сѣверныхъ нашихъ инородцовъ понынѣ существующимъ именамъ? Иродотъ зналъ Алазоновъ и Аримасповъ; Пликій старш. Финновъ, Котиновъ и Аринееевъ; Птолемей также Финновъ и Могуловъ; Констанштинъ Порф. Хазаровъ или Казаровъ.

Нашъ трудолюбивый Татищевъ, иногда въ Аримаспахъ, иногда въ Аринееяхъ, видитъ, какъ въ призмѣ, всѣхъ народовъ, отъ Лапландіи до Енисея живущихъ, слѣдственно: Вогуловъ, Остяковъ и Самоѣдовъ, какъ будто-бы рѣшено, что настоящія орды тутъ жили до временъ Иродота, или Плинія.

(*) Какое несходство между языкомъ Моисеева Пятикнижія и языкомъ Шкловскаго, на пр., Кагала, между языкомъ Конфуція и нынѣшняго Китайца, между языкомъ Русской Правды и языкомъ Александровыхъ учрежденій! Но обликъ и цвѣтъ нынѣшняго Раввина не снимокъ-ли съ древняго Левита? Узкость глазъ и обликъ нынѣшняго Китайца не сходны-ли видомъ и размѣромъ съ древними изображеніями страны? Тобольскіе Остяки разныхъ рѣкъ, чтобы ближе быть къ дѣлу, чрезвычайно разнятся въ языкѣ, но въ очертаніи лица и стана общій очеркъ очевидѣнъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Академики наши описали, между прочимъ, народовъ, о коихъ идетъ рѣчь, по чему то установилось общее мнѣніе, что Вогулы (Манзи) и Остяки (Хандыхо) суть такіе-жь сучья Финскаго поколѣнія, какъ Чухонцы и Карелы. Описаніе народовъ Георги, хотя-бы и не было перепорчено поправками и пропусками Русскаго издателя, повторяетъ тоже предубѣжденіе. Самъ знаменитый Карамзинъ безъ разсмотрѣнія причисляетъ Вогуловъ и Остяковъ къ Финнамъ.

Но повидавшись съ Остяками, говорящими тѣмъ-же языкомъ, какимъ и Вогулы, я смѣю со всею твердостію удостовѣрить васъ, что сіи племена отнюдь не Финскаго происхожденія, и вотъ основанія: 1, что языкъ обоихъ не сходенъ съ Финскимъ, кромѣ словъ, по сосѣдству къ нимъ вкравшихся; 2, что русый изрыжа цвѣтъ и не плоское расположеніе лица суть неразлучныя примѣты Финскаго племени, какъ напротивъ у моихъ Остяковъ увидѣли-бы вы волосы, какъ смоль, лицо смугло-широкое, какъ полный мѣсяцъ въ уменьшенномъ размѣрѣ, а обликъ Вогула разнится отъ сего портрета только большею смугловатостію. Какіе-жь тутъ Финны? Не правильнѣе-ли назвать ихъ переселенцами средней Азіи, которымъ обликъ и цвѣтъ не измѣнили, даже по прошествіи несчетныхъ столѣтій?

Digitized by Google

Чтобы подкрѣпить мнѣніе дальнѣйшими доводами, я прошу принять въ замѣчаніе, 3-е, что способъ ловить сильныхъ звѣрей таковъ-же у Остяковъ, каковъ и у Монголовъ, т. е., дѣлая изгороды на нѣсколько верстъ со скрытыми ямами; 4-е, что живучи при больщихъ водахъ, страшиться купаться лѣтомъ, какъ дѣлаютъ сосѣди мои, значитъ выказывать, что предки ихъ вышли изъ сухихъ или безводныхъ странъ, каковы въ средней Азіи; 5-е, что Остяки не въ примѣръ сѣвернымъ племенамъ сластолюбивы, при волокитствѣ даже фантазируютъ пѣсни, и притомъ, давно ли (до крещенія ихъ Митрополитомъ Филофеемъ) вели частую войну за любовь въ своихъ Котскихъ городкахъ (*), и попеременно осаждали ихъ, какъ Трою Греки; 6-е, что щегольской обычай мущинъ прививать себѣ разряженныя косы, безъ всякаго сомнѣнія перенятъ у Гобійскихъ народовъ; 7-е, что шаманское вѣрослуженіе, еще незабытое у некрещеныхъ Остяковъ, есть коренной признакъ, что народъ происходитъ изъ теплой Азіи, и что онъ научился мнительно сообщаться съ горними силами или у древнихъ Могуловъ, или Ин-

(*) Остяцкія деревни отъ Самарова почти до Березова называются въ нашихъ податныхъ книгахъ *Котскими городками*, а сами Остяки отъ жителей многда Кондою. Около тѣхъ деревень видны и нынѣ рвы обводные, а слово Котскіе то же, что Кондскіе.

довъ, ибо и Дельфійская Пиѳія, прорекавшая въ равныхъ съ Шаманкою обстоятельствахъ (т. е. первая среди куреній, а послѣдняя среди курева), есть благовоспитанная дочь одной матери Индіи; 8-е что кромѣ шаманства, у Остяковъ есть много поклоненій идоламъ, много суевѣрій и колдованій. Послѣдняя историческая примѣта заставляетъ рѣшительно признавать въ Вогулахъ и Остякахъ отродье Угровъ-Уйгуровъ, уклонившихся по Абулгазію къ Иртышу для ловли дорогихъ звѣрей.

Очередь доходитъ до Самоѣдовъ. По широкому окладу лица, уже выполаскивающагося въ бѣлый цвѣтъ (отъ долговременнаго-ли тутъ, или около Кавказа, водворенія), надобно и ихъ почитать также за первоселенцовъ средней Азіи. Въ настоящую эпоху Самоѣдь, которая протянулась отъ р. Мезени до залива Хатангскаго, называя своихъ дѣтей, мальчика и дѣвочку, однимъ словомъ *ніучу*, а взрослыхъ мущинъ *хазово*, присвояетъ и себѣ самой, какъ народу, то же двоякое имя: *Ніучу* и *Хазово* (*). Первобытныя ли эти названія орды или подставныя, трудно разгадать, хотя не льзя отрицать, что то и другое по видимому засвидѣтельствованы Исторіей.

(*) Отъ какого корня происходятъ употребляемыя гостинодворцами слова: *хазовый конецъ*?

Китайская исторія, по словамъ Дегиня (Deguines), въ концѣ XII и въ началѣ XIII столѣтія, находитъ орду осѣдлую въ Печели, Шанси и Шенси, и даетъ ей имя *Ніугу*. Нѣтъ сомнѣнія, что эта орда состояла изъ однородцовъ нашей Самоѣди; но чѣмъ увѣриться, чтобы сѣверно-Китайское стойбище было самое мѣсторожденіе, а не становье?

Другое историческое стойбище Самоѣди и, можетъ быть, и самое мѣсторожденіе, было на восточной сторонѣ Кавказа, тамъ, гдѣ бывало жили древніе *Хозоги* (попросту Косоги), такъ, по всей вѣроятности, переименованное изъ Хазово.

Третіе историческое стойбище орды Хазово, подъ именемъ *Хизахіи* (Казахіи), замѣченное Константиномъ, было на западной сторонѣ Кавказа. Куда же Хозоги или Хазахійцы потомъ исчезли мгновенно отъ глазъ Исторіи?

Я бы смѣлъ утверждать, что *Хазары*, въ послѣдствіи съ грознымъ именемъ приближившіеся къ Россіи и къ восточной Европѣ, были прежніе Хозоги или наши Хазово. Святославъ, въ 965 году, побѣдивъ Хазаровъ, называетъ ихъ (въ Несторѣ) Ясами и Косогами, слѣдственно, Хазары не по одному филологическому выводу, а по самой бывальщинѣ состояли изъ Хосоговъ, Ясовъ и вѣроятно другихъ соплеменныхъ наименованій. Преложеніе слова Ясы, въ Асы, въ Азы или въ Хазы, кажется, не мудрено для переиначи-

Digitized by Google

ванья въ устахъ современныхъ, и въ тоже время однозвучно для уха. Это служитъ образчикомъ, что одинъ народъ, Хазаво, могъ у Европейцовъ называться Хазарами, и Косогами и Асами. Извѣстныя догадки нѣкоторыхъ, что подъ именемъ Косоговъ средней исторіи не были-ль Киргизъ-Кайсаки, а подъ именемъ Асовъ не должно-ли разумѣть Кабардинцовъ; не найдутъ себѣ мѣста въ критической исторіи народовъ (*).

Въ большее оправданіе моего мнѣнія, надобно отдать справедливость Хазово-обломкамъ, что хотя и загнаты въ пустынную и холодную глушь, не перестаютъ они при своемъ дородствѣ быть бодрыми, дѣятельными и достойными памяти славныхъ предковъ. Сохраняя въ фи-

---

(*) Почитаемъ приличнымъ сообщить здѣсь Сочинителю *Писемъ изъ Сибири* догадку Клапрота, объясненную имъ въ 1-й части его Mémoires relatifs à l'Asie (Парижъ, 1824 г.). Находя, что городъ Хазарскій, построенный нарочно посыланнымъ Спафарокандидатомъ Петроною, при Императорѣ Византійскомъ Ѳеофилѣ (см. Лерберга, *Изслѣдован. служ. къ объясн. древн. Русской Исторіи*, С.Пб. 1819, 321 и слѣд., называемъ былъ *Саркелъ* (Бѣлая вежа, по-Русски); что Греки переводили *Бѣлгородъ*, Клапротъ доказываетъ, что это не могло быть Турецкое слово, и опровергая (весьма достаточно) другія свидѣтельства, что Хазары были Турецкаго происхожденія, утверждаетъ, что *Хазары могли быть именно изъ тѣхъ поколѣній, которыя называются*

зiогномiя свидѣтельство рожденiя въ лучшихъ климатахъ Азiи, они поддакиваютъ истину родословiя еще своими искуствами; приличными старой родинѣ. Я хочу сказать, что наша Самоѣдь умѣетъ хорошо закаливать желѣзо въ сталь, легко размягчать мамонтовую кость и искусно вырѣзывать изъ нее однимъ ножемъ курительныя трубки, въ Китайскомъ рисункѣ (*), съ эллиптическою около горлышка плоскостью, къ верху погнутою, со всею притомъ мягкостью въ соединенiи разныхъ плоскостей. Сiи занесенныя къ сѣверу искуства ручаются, что наши Нiучу не были чужiе извѣстной у Китайцовъ ордѣ Нiючу.

Можетъ быть, послѣ сего проспекта, вы сдѣлаете вопросъ: когда и какимъ путемъ часть ихъ уклонилась на сѣверныя тундры? Не принимая вопроса, можно за

нынѣ *Остяками, Вогуличами и Самоѣдами.* Любопытно было-бы знать болѣе объ языкахъ сихъ народовъ. Много важныхъ сомнѣнiй разрѣшается нынѣ симъ новымъ средствомъ анатомить вѣка прошедшiе. Принимая съ особеннымъ уваженiемъ замѣчанiя Г-на Сочинителя *Писемъ изъ Сибири*, мы усердно просимъ его обращать вниманiе во время путешествiй на сiю важную и для Сибири весьма худо еще обработанную часть этнографiи. *Изд. Тел.*

(*) Я получилъ въ Березовѣ отъ Н. И. Андреева Самоѣдскую трубку, съ другими достопамятностями, и отослалъ въ Музей Иркутской Гимназiи.

Digitized by Google

просто думать, что она переселилась туда, или спустясь по р. Енисею, или обогнувъ Уралъ, когда пало Хазарское царство на Волгѣ. Остяки и Вогулы, называя Самоѣдь *Урьягб*, т. е. горнымъ народомъ, кажется, тѣмъ намѣкаютъ, что они встрѣтили сихъ пришельцовъ изъ за Уральскихъ горъ.

Палласъ причисляетъ Самоѣдь къ Кавказскимъ народамъ и кажется, больше по замѣчаемому сходству въ языкѣ, который, надобно признаться, для слуха долженъ быть пріятенъ по частому соединенію буквъ гласныхъ съ согласными, особенно носовыми. Не отъ одного-ли корня происходитъ языкъ Самоѣдіи и Гуріи? Я дѣлаю эту смѣлую догадку не потому, что и въ Гуріи и въ Самоѣдіи есть р. *Печора*.

Окончивъ свою рѣчь о происхожденія трехъ племенъ, особо представляю на ваше разсмотрѣніе *поколѣнную роспись* сихъ и другихъ сосѣдей, расположенную по одному сходству ихъ языковъ. Притомъ, чтобы исчерпать матерію до дна, попытаюсь старыя имена нѣкоторыхъ народовъ, у древнихъ географовъ выше мною замѣченныя, перевесть для примѣра на настоящія, и вотъ какъ:

Иродотовы *Алазоны*, могутъ быть *Альзоны* Монгольскаго народа, нынѣ живущіе въ числѣ нашихъ Бурятъ. Родъ, который прежде могъ идти за цѣлый на-

родъ, могъ послѣ сдѣлаться малочисленною горстью.

Плиніевы *Котты* должны быть Сибирскіе *Котовцы*, живущіе нынѣ между Абаканомъ и Канскимъ.

Птолемеевы *Могулы* и *Матеры* безъ сомнѣнія суть извѣстные *Монголы* и *Моторы*, даромъ что у Птолемея Матеры приурочиваются къ р. Кумѣ.

Иродотовы *Аримаспы*, жившіе за Исседонами, т. е. въ Монголіи, и Плиніевы *Аринвеи*, жившіе около Меотійскаго моря, могутъ быть нынѣшніе *Аримы* или *Аринцы*, въ числѣ уменьшившіеся. Кому неизвѣстно, что не только Аримы, но и славные народы убавлялись, убавлялись, да и исчезли.

Изберите кого нибудь съ большимъ противъ моего терпѣніемъ, и мы увидѣлибы любопытный сводъ Сибирскихъ народовъ, старыхъ и новыхъ.

Д. Я чуть не пропустилъ включить въ замѣчанія, сколь гибельна была для здѣшняго края необыкновенная теплота, лѣтомъ и осенью не кстати здѣсь продолжавшаяся. Пожары еще лѣтомъ запылали по лѣсамъ Березовскаго уѣзда, и огонь мѣстами не погасъ до сего даже времени. Лѣса, на пространствѣ, заключавшемся между Сургута, Самарова и Оби, обгорѣли до тундристыхъ мѣстъ къ сѣверу. Жители Котскихъ городковъ сѣтуютъ о поврежденіи кедровыхъ лѣсовъ, какъ плодо-

витыхъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и объ уходѣ бѣлки, не находящей уже корма въ ихъ сосѣдствѣ.

Въ другихъ мѣстахъ западной Сибири рыбныя озера обмѣлѣли, отъ чего рыба, или подохла, или исчерпана снастями: и вотъ причина, что нынѣ на ярмаркахъ она продавалась за безцѣнокъ, а на будущее лѣто уловъ ея по озерамъ долженъ послѣдовать самый скудный.

3 Декабря.
Въ Березовѣ.

Поколѣнная роспись Сибирскихъ и другихъ народовъ, по одному сходству ихъ языковъ.

Имена народовъ.	Какого происхожденія по языку.
Чухонцы Карелы Олончане	Финскаго = Варяжскаго = Чудскаго.
Лопари	особаго, хотя по образованію тѣлесному и по Исторіи соплеменны Финнамъ.
Вотяки Зыряне Пермяки	особаго, и едва-ли не соплеменны Аринцамъ.
Вогулы Остяки	особаго.

Digitized by Google

Самоѣдь	}	особаго.
Койбалы Моторы Камачи	}	Самоѣдскаго.
Якуты, какъ и Барабинцы	}	Татарскаго.
Ламуты Чапогиры Тунгусы	}	Манжуйскаго.

Примѣч. Въ семъ раздѣленіи я основывался на Сравнительныхъ Словаряхъ, въ 1787, 89, 90 и 91 годахъ изданныхъ (*).

(До слѣд. книжки.)

(*) Какое великое одолженіе ученому свѣту можно сдѣлать, повѣряя на мѣстахъ *сравнительные словари* сіи, которые донынѣ еще не подверглись ученой повѣркѣ! *Изд. Тел.*

Digitized by Google

II. КРИТИКА.

Six mois en Russie. Lettres écrites à M. X. B. Saintines, en 1826, à l'époque du couronnement de S. M. l'Empereur, par M. Ancelot (*). — *Шесть мѣсяцовъ въ Россіи. Письма, писанныя Г-мъ Ансело, въ 1826 году, въ эпоху Коронаціи ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, и проч.* Парижъ, 1827 г. in 8.

(Письмо изъ Парижа въ Москву къ Сергѣю Дмитріевичу Полторацкому.)

Съ той поры, какъ прочелъ ты во Французскихъ Газетахъ объявленіе о вышедшей книгѣ Г-на Ансело, вѣрно не проходило дня, чтобы ты не поминалъ меня лихомъ и не говорилъ съ досадою: »А онъ не присылаетъ этой книги и ничего не пишетъ о ней. Хорошъ пріятель! хорошъ корреспондентъ!« Предчувствую твое нетерпѣніе и пользуюсь первою удобностью, чтобы, хотя задаткомъ, успокоить

(*) Французскій молодой Поэтъ, извѣстной Трагедіями: Людовикъ IX, Палатный Мэръ (le Maire du Palais), Заговоръ Фіэски, офранцуженнымъ подражаніемъ Шиллеру и Поэмою: Марія Брабантская. Онъ въ числѣ нынѣшнихъ хорошихъ стихотворцовъ Франціи, и слогомъ и напѣвомъ своимъ приближается къ школѣ Ламартина. Онъ пріѣзжалъ въ Россію, въ слѣдъ за посольствомъ Герцога Рагузскаго, и въ свидѣтельство пребыванія своего у насъ оставилъ Оду на Коронацію. Онъ сказывалъ, что пишетъ Трагедію Русскаго содержанія; но на вопросы любопытныхъ никакъ не могъ опредѣлить ни эпохи, ни событія, ни героя своей драмы. Вѣроятно, для полнѣйшей свободы въ созданіи, не хочетъ онъ стѣснять себя историческими оковами, а уже послѣ приберетъ и раму и имена для своей картины.

Digitized by Google

твое сердце и твою библіографическую жадность. Вѣроятно, не льзя будетъ доставить тебѣ эту книгу въ Москву. Довольствуйся тѣмъ, что я прочелъ ее и будь сытъ моимъ насыщеніемъ или пресыщеніемъ. Впрочемъ, право жалѣть тебѣ нѣчего. Не подумай, что я въ оправданіе малаго усердія, хочу отбить въ тебѣ охоту. Нѣтъ! съ моей стороны нѣтъ никакой уловки, никакого злаго умысла. Отлагая обиняки и всѣ иносказанія, постараюсь тебѣ дать кое-какъ понятіе о шестимѣсячномъ пребываніи въ Россіи Г-на Ансело и если успѣю изложить ясно и внятно сущность этой книги, то безъ сомнѣнія умѣрю твое нетерпѣніе и неудовольствіе на меня. Слушай! Первыя пять Писемъ заключаютъ въ себѣ поверхностный отчетъ въ поѣздкѣ Автора отъ Парижа до Митавы. Въ нихъ замѣчателенъ развѣ одинъ уважительный отзывъ Французскаго Поэта о Гёте. Тамъ слѣдуетъ стихотвореніе, написанное Авторомъ на полѣ Люценской битвы. Въ послѣднихъ стихахъ обращеніе къ Наполеону благородно и кажется хорошо выражено.

Quand ton sceptre pesait sur le monde asservi,
Quand la France tremblait, ma lyre inexorable
D'un silence obstiné peut-être eût poursuivi
De ton pouvoir sans frein la majesté coupable:
Mais tu connus l'exil et sa longue douleur,
Mais la mort t'a frappé sur un rocher sauvage;
Je te plains, et ma lyre adresse un libre hommage
A la majesté du malheur.

Тутъ должно замѣтить откровенное *peut-être*. Въ царствованіе Наполеона, Поэтъ не былъ еще извѣстенъ и не льзя знать, не иначе-ли заговорила-бы

дира его. Отъ седьмаго письма изъ Петербурга начинаются именно Русскія Письма. Всего навсе въ книгѣ ихъ 44, а страницъ 422. Большая часть изъ нихъ посвящена мѣстнымъ описаніямъ и, такъ сказать, статистико-топографико-живописнымъ подробностямъ, какъ ты и самъ увѣришься изъ извлеченія оглавленій писемъ, которое здѣсь сообщаю. Александро-Невскій монастырь, Екатерингофъ, дрожки, Биржа, Арсеналъ, Царское Село, погребеніе ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ, Семикъ, Лѣтній Садъ, гулянье въ Лѣтнемъ Саду, въ Духовъ день (Fête des mariages), ИМПЕРАТОРСКАЯ Библіотека, Кронштатъ, С. Петербургская крѣпость, Соборъ Петро-Павловскій, водосвятіе, Смольный монастырь, Зимній дворецъ, Эрмитажъ, видъ Петербурга, Казанскій Соборъ, Гробница Моро, Острова, дорога изъ Петербурга въ Москву, Новгородъ, Валдаи (la Suisse Russe), Москва, Китай-городъ, Кремль, Петровское, Цыганы, судебныя мѣста, тюрьмы, Бородинское поле, Церковь Василія Блаженнаго, Сухарева башня, обрядъ Коронаціи и описаніе праздниковъ, данныхъ при этомъ случаѣ. Все это, должно признаться, за исключеніемъ нѣкоторыхъ погрѣшностей, неумѣстныхъ замашекъ учености, умничанья и либерализма, тѣмъ болѣе неумѣстнаго, что Авторъ дома совсѣмъ не въ рядахъ оппозиціи, а либеральничаетъ только въ гостяхъ, все это описано довольно вѣрно, прибавимъ NB, для путешественника и для Француза; но все безцвѣтно, безмысленно и по крайней мѣрѣ для насъ Рускихъ ни мало не занимательно и не любопытно. Остальное содержаніе Писемъ, политическое и нравственное, еще ниже и сквознѣе. Не

льзя сказать, чтобы Авторъ, какъ многіе изъ собратій его, былъ движимъ какимъ нибудь недоброжелательствомъ къ Русскому народу и увлеченъ предубѣжденіями противъ Россіи; но зрѣніе его слабо и близоруко. Говоря о злоупотребленіяхъ, о недостаткахъ нашихъ (и какой-же народъ не подверженъ имъ?), онъ не рѣдко кружится около истины, но не настигаетъ ее и не въ силахъ за нее ухватиться. Россія, можетъ быть, отчасти и видна въ его книгѣ, но видна какъ въ зеркалѣ тускломъ и къ тому-же съ пятнами, которое отражаетъ предметы слабо и темно. Въ этомъ отношеніи вина не Автора и Богъ проститъ ему: не каждому даны взоръ орлиный, умъ зоркій и наблюдательный; но каждый образованный и воспитанный человѣкъ отвѣчаетъ за личности, когда онъ себѣ ихъ дозволяетъ. Въ этомъ отношеніи Г-нъ Ансело иногда отступаетъ отъ законовъ общежитія и тѣмъ оскорбилъ не Рускихъ, которые недоступны оскорбленіямъ Г-на Ансело, но своихъ согражданъ и товарищей путешествія своего, хотя и говоритъ въ предисловіи, что *онъ не числился при посольствѣ Герцога Рагузскаго и что наблюденія его, неизвѣстныя членамъ посольства, принадлежатъ ему одному, что одинъ онъ за нихъ отвѣчаетъ.*

Впрочемъ, не льзя сказать, чтобы Авторъ худо помнилъ хлѣбъ-соль, по крайней мѣрѣ, авторскую. 8-е Письмо содержитъ благодарное описаніе обѣда, даннаго ему Г-мъ Гречемъ.

»Нѣсколько Русскихъ Литтераторовъ," говоритъ онъ, »узнавъ о пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, »хотѣли доказать мнѣ, что Музы сестры, и я за »нѣсколько счастливыхъ минутъ обязанъ ихъ друже-

Digitized by Google

»любному гостепріимству. Русскій Литтераторъ, »Г-нъ Гречъ, одинъ изъ библіотекарей Императорскихъ, ученый Филологъ, Сочинитель Грамматики, »которая имѣетъ законную силу въ Россіи (fait »autorité en Russie), хотя и не была еще вполнѣ из»дана, и Редакторъ лучшаго Журнала въ Имперіи, Сѣ»верной Пчелы, далъ вчера большой обѣдъ, на коемъ »присутствовали всѣ отличные Литтераторы, на»ходящіеся нынѣ въ Петербургѣ. Тутъ видѣлъ я »Г-на Крылова, который прелестнымъ комедіямъ, а »болѣе еще Баснямъ своимъ обязанъ за извѣстность »Европейскую: его прозвали Русскимъ Лафонтеномъ »и въ самомъ дѣлѣ въ твореніяхъ его находимъ »простосердечіе, прелесть, придающія ему нѣкото»рое сходство съ нашимъ безсмертнымъ *добрякомъ*. »Въ свѣтѣ имѣетъ онъ какую-то молчаливую раз»сѣянность, которая довершаетъ сходство и оправ»дываетъ его славное прозваніе. Г-нъ Бургаринъ »(Bourgarine), сотрудникъ Г-на Греча (*), человѣкъ ума »весьма замѣчательнаго (d'un esprit des plus remarqua»bles); онъ занимается нынѣ сочиненіемъ, коего от»рывки уже напечатанные, приняты были съ боль»шимъ успѣхомъ; прозваніе его: *Русскій Жил»блазъ* (**). Цѣль сочиненія описаніе нравовъ и обы»чаевъ разныхъ областей Русскаго народа; ожида»ютъ здѣсь книгу эту съ большимъ нетерпѣніемъ и »если позволено заранѣе судить о достоинствѣ »сочиненія по разговору Автора, то можно ска»зать утвердительно, что въ отношеніи оригиналь»ности картинъ, тонкости и остроумія наблюде»ній, сія книга вполнѣ удовлетворитъ ожиданіямъ.

(*) Ужь не Г. Вулгаринъ-ли?

(**) Не Польскій-ли Жилблазъ?

»Возлѣ меня сидѣли за столомъ Г-нъ Лобановъ, ко-»торому Русскій театръ одолженъ переводами Федры и Ифигеніи и нынѣ готовящій переводы Гоѳоліи »и Британника; Г-нъ Измайловъ, уваженный басно-»писецъ; Г-нъ Сомовъ (Soumoff), коего талантъ »показывается съ блескомъ, и Графъ Толстой, искус-»ный рѣщикъ на медаляхъ, который хотѣлъ при-»дать славу искуствъ знаменитости происхожденія. »Кромѣ этихъ, собраніе составлено было изъ »поэтовъ, ученыхъ и грамматиковъ (*). Предлагали »заздравные *тоасты* въ честь Литтературы Фран-»цузской, *старшей и любезнѣйшей сестры Лит-»тературы Русской* (la soeur ainée et bien aimée de la »litterature Russe); въ честь ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ »I-го, Который благотвореніемъ, истинно достой-»нымъ Великаго Царя, почтилъ письмена въ лицѣ »Г-на Карамзина.“ — Въ концѣ обѣда пили за здоро-»вье Г-на Жуковскаго, одного изъ лучшихъ нынѣш-»нихъ Поэтовъ Русскихъ.«

Вообще Авторъ довольно справедливъ и благо-склоненъ въ сужденіяхъ своихъ о нашихъ Поэтахъ, женщинахъ и простолюдинахъ. И за то ему спаси-бо! О талантѣ Александра Пушкина отзывается онъ съ уваженіемъ и жалѣетъ, что не удалось ему познакомиться съ Поэтомъ. Въ книгѣ своей пред-лагаетъ онъ переводъ, прозою, но довольно вѣрною и красивою, Свѣтланы Жуковскаго, Черепа, сочине-нія Баратынскаго, отрывка изъ Полярной Звѣзды и другаго стихотворенія неизданнаго. Говоря о Бара-

(*) Жаль, что Грамматика Г-на Греча и Господа Русскіе Грамматики, до сей поры болѣе извѣстны Г-ну Ансело, чѣмъ намъ. Не знаемъ, что было за этимъ обѣдомъ, но мы пока судимъ еще на тощакъ, безъ Русской Грамматики Г. Греча и безъ Русскаго Грамматика.

Digitized by Google

тынскомъ, жалуетъ онъ его въ Князья (*le jeune prince E. Baratinsky*), но за то съ другой стороны разжалываетъ его еще неумѣстнѣе въ подражатели Французскихъ нововведеній: передъ переводомъ стихотворенія: *Черепъ*, сказываетъ, что „*оно уважается* Рускими, которые начинаютъ нынѣ перенимать у насъ нашу недавнюю любовь къ грезамъ поэтическимъ, мистическимъ и *наркотическимъ* (снотворнымъ), коими мы наводнены.“ Въ подлинникѣ нѣтъ ничего мистическаго, а еще менѣе *наркотическаго*. Черепъ, предметъ философическій и поэтическій, и нововведеніе, которое ведется со смерти Авеля. Но Французу не льзя не похвастать и не обращать всего къ Французамъ. Мелькомъ онъ и строго судитъ нашу Литтературу, но и тутъ не безъ основанія. »Не должно,“ говоритъ онъ, »требовать хода »(allure) оригинальнаго и свободнаго отъ Литтерату»ры Русской: въ ней упражняются люди, коихъ »воспитаніе иноплеменное, образованность, понятія »и самый языкъ заимствованы у Франціи, и слѣдова»тельно, она не можетъ быть иначе, какъ лит»тература подражательная. Донынѣ она неотступ»но повторяла формы, физіогномію и даже предраз»судки нашей. Съ нѣкотораго времени, Русскіе Поэты, »кажется, хотятъ отходить отъ классическихъ образ»цовъ и искать образцы свои въ Германіи, *но и въ этомъ* »*они только намъ подражаютъ*.« Въ началѣ сужденія есть, какъ ни говори, много справедливаго; но въ послѣднихъ словахъ опять одна голая выходка Французскаго самохвальства. Мы еще съ Карамзина ознакомились съ Нѣмецкою Литтературою, а съ Жуковскаго принялись за нее. Французы же услышали о Нѣмецкихъ авторахъ только съ появленія книги

Digitized by Google

Г-жи Сталь о Германіи. То, что путешественникъ говоритъ о женскомъ полѣ въ Россіи, заслуживаетъ по моему мнѣнію безусловное утвержденіе. Вотъ слова его:

»Нѣкоторые путешественники, а именно Авторъ *Тайныхъ Записокъ о Россіи*, донесли Европѣ о невѣжествѣ Русскихъ женщинъ: не знаю, были-ли они безпристрастны въ эпоху такого мнѣнія, но я съ ними не согласенъ. Пользуясь правами, присвоенными званію моему иностранца, я не одинъ разъ переходилъ за межу разграниченія, проведеннаго между обоими полами« (выше Авторъ замѣчаетъ, что въ гостиныхъ и столовыхъ нашихъ оба пола не сходятся); »я разговаривалъ съ этѣми женщинами, обвиненными въ невѣжествѣ, и по большой части находилъ у нихъ свѣдѣнія разнообразныя, соединенныя съ необыкновенною тонкостью ума, познанія не рѣдко глубокія во многихъ Литтературахъ Европейскихъ и прелесть выраженія, которой могли-бы позавидовать многія Француженки. Особливо-же, между молодыми, сіи качества блистательнѣе обнаруживаются: это доказываетъ, что съ прошедшаго столѣтія образованіе женщинъ въ Россіи приняло новое направленіе, и что истинное лѣтъ тому тридцать перестаетъ нынѣ походить на правду. Часто въ Петербургѣ встрѣчаешь дѣвицъ съ равною свободою изъясняющихся на языкахъ: Французскомъ, Нѣмецкомъ, Англійскомъ и Русскомъ; я могу назвать такихъ, которыя пишутъ на сихъ языкахъ слогомъ замѣчательнымъ по необыкновенной исправности и красивости (*). Обширность этихъ

(*) Положимъ, что Авторъ могъ судить о степени свѣдѣній ихъ въ трехъ языкахъ; но какъ-же берется онъ судить и о познаніи ихъ въ Русскомъ языкѣ?

»познаній, это превосходство нравственное, объ»ясняютъ, можетъ быть, причину одиночества, въ »которомъ молодые люди оставляютъ ихъ въ обще»ствѣ и нежеланіе ихъ сближаться съ ними (et la »répugnance qu'ils éprouvent à se rapprocher d'elles).«

Я радъ, что иностранецъ гласно призналъ превосходство образованности женскаго пола надъ нашимъ въ Россіи. Я всегда былъ этого мнѣнія и увѣренъ, что наши свѣтскія общества холодны и безжизненны отъ нашей братіи. Если просвѣщеніе нашихъ женщинъ и не утверждено на истинныхъ основаніяхъ, то, по крайней мѣрѣ, согласиться должно, что Изящныя Искуства, чтеніе иностранныхъ книгъ и отечественныхъ, сколько ихъ есть, входятъ въ число любимыхъ занятій новаго поколѣнія. И если молодыя дѣвицы, поступивъ въ званіе супругъ, не рѣдко охлаждаются къ симъ просвѣщеннымъ вкусамъ, то по большой части виноваты мужья, которые не рѣдко не умѣютъ ни поддерживать, ни цѣнить благородныхъ склонностей подругъ своихъ. Ты скажешь мнѣ: »хорошо тебѣ за глаза обвинять своихъ товарищей, думая, что за отсутствіемъ, ты изъемлешься изъ общаго приговора.« Нѣтъ! я и съ вами на лицо признавалъ преимущество женщинъ надъ нами, и право не изъ одной любви къ нимъ, а изъ любви безкорыстной и къ истинѣ. Я довольно ѣздилъ по Россіи, живалъ и въ губернскихъ и въ уѣздныхъ городахъ, и вездѣ находилъ *безъ всякаго лицепріятія*, что сумма, какова-бы она ни была, мыслей, утонченныхъ чувствъ, образованности и свѣдѣній, перетянетъ всегда на сторонѣ женской.

Не знаю, какъ ты и вы всѣ господа столичные; но я готовъ многое простить Автору за от-

Digitized by Google

въ его о нашемъ простомъ народѣ. Почти всѣ путешественники кадили нѣкоторымъ вершинамъ нашего политическаго общества, чтобы потомъ безнаказаннѣе и смѣлѣе бить по нижнимъ рядамъ своею предательскою кадильницею. Г-нъ Ансело не подражалъ имъ и вотъ нѣкоторыя черты изъ его характеристики Русскихъ простолюдиновъ.

»Болѣе всего съ перваго взгляда иностранецъ удивляется въ Русскомъ крестьянинѣ презрѣнію опасности, которое онъ почерпаетъ въ чувствѣ силы и ловкости своей. За него испугавшись, вы указываете на бѣду; онъ улыбается и отвѣчаетъ вамъ: *небось!* Это слово у него всегда на языкѣ: оно знаменуетъ неустрашимость, истинное основаніе его характера. Догадливые и услужливые Русскіе крестьяне прилагаютъ всѣ способности свои, чтобы понять васъ и вамъ услужить: нѣсколько словъ достаточны иностранцу для объясненія мысли своей Русскому крестьянину, который устремя глаза свои на ваши, угадываетъ ваши желанія и спѣшитъ имъ угодить. Ничто такъ удивительнымъ не кажется, какъ отмѣнная вѣжливость, которая отличаетъ этихъ простолюдиновъ и являетъ странную противоположность съ ихъ дикими лицами и грубою одеждою: не только говоря съ высшими себѣ употребляютъ они учтивыя поговорки, которыхъ не слышишь во Франціи среди низшихъ званій, но и между собою приводятъ они ихъ при каждомъ случаѣ: встрѣчаяся, они снимаютъ шляпу другъ передъ другомъ и кланяются съ учтивостью, которая, казалось-бы, должна быть плодомъ воспитанія, а у нихъ она слѣдствіе природной благосклонности. На каждомъ шагу иностранецъ на

»улицѣ встрѣчаетъ примѣры этой общежительности, »свойственной Русскому народу: всегда ласковымъ »словомъ остерегаютъ прохожаго и вмѣсто грубаго »*прочь*, *посторонись* (gare!), которымъ привѣт»ствуетъ васъ нашъ носильщикъ и часто послѣ »того, какъ уже свалитъ васъ съ ногъ, здѣсь слы»шите вы: *баринъ! остерегитесь!* и проч. (*).«

Далѣе приводитъ онъ примѣры мастерства и проворства Русскаго работника, который однимъ топоромъ замѣняетъ не рѣдко цѣлую артель мастеровыхъ, вооруженныхъ разными орудіями. Вотъ чѣмъ довершаетъ онъ свои наблюденія: »Знаю, что »и у Француза найдешь готовность услужить; но »разсматривая пристально оба народа, замѣчаешь »ощутительную разницу въ свойствѣ ихъ услужли»вости. Французъ, помогая вамъ, слѣдуетъ своей »природной живости, и вы, пріемля отъ него услугу, »видите по важности, которую онъ придаетъ ей, »что онъ знаетъ ея цѣну: Рускій одолжаетъ васъ по »природному побужденію и по чувству религіозному. »Одинъ исполняетъ обязанность, возлагаемую обще»житіемъ, другой долгъ любви христіанской. Честь »сія добродѣтель народовъ образованныхъ, вмѣстѣ и »побужденіе и возмездіе перваго; другой не помы»шляетъ о достоинствѣ своего поступка: онъ дѣ»лаетъ просто, что другіе дѣлали-бы на его мѣстѣ, »и не понимаетъ возможности поступить иначе. »Если дѣло идетъ о спасеніи человѣка, Французъ »видитъ опасность и предается ей; Рускій видитъ »передъ собою одного несчастнаго, готоваго по-

(*) Г-жа Сталь въ своемъ *десятилѣтнемъ изгнаніи* отзывается также похвально о вѣжливости и радушіи нашего крестьянина.

»гибнуть: смѣлость одного обдуманная, неустра»шимость другаго въ его природѣ.«

Подъ Французскимъ перомъ замѣчательны также наблюденія безпристрастныя о нашемъ Русско-Французскомъ воспитаніи. Говоря, что языкъ Французскій сдѣлался для насъ потребностью, что вообще молодежь образуется Французскими наставниками, онъ прибавляетъ: »Наше народное честолюбіе должно конечно быть довольно этою данью »уваженія, платимою нашему языку, нашимъ нра»вамъ, нашей литтературѣ; но разсматривая сію »систему глазомъ философическимъ, не найдешь»ли въ ней много важныхъ неудобствъ? Разстояніе, »раздѣляющее высшія званія общества отъ того, ко»торое называется народомъ, непомѣрно. Образъ воспи»танія, предназначенный для молодыхъ бар̑ъ, не уве»личиваетъ-ли еще сего разстоянія? Не уничтожаетъ»ли оно всѣ сношенія между ними и званіями нижни»ми? Обдѣлка ума, чувства, языкъ, обычаи, все »различно. И притомъ, иностранные наставники »могутъ-ли внушить воспитанникамъ любовь къ »отечеству? Могутъ-ли они образовать Русскихъ? »Не полагаю, и смѣю думать, что истинный патріо»тизмъ должно искать въ одномъ народѣ. Кажется, »Правительство убѣдилось въ этомъ неудобствѣ и »говорятъ о скоромъ учрежденіи Императорскихъ »учебныхъ заведеній, въ которыхъ основы воспита»нія будутъ въ лучшемъ согласіи съ нравами, зако»нами и постановленіями Россіи.«

Добросовѣстно показавъ тебѣ нѣкоторыя хорошія черты изъ книги Г-на Ансело, жаль мнѣ, что я долженъ, по той-же добросовѣстности, изложить передъ тобою недостатки и погрѣшности его.

Digitized by Google

Путешественники любятъ давать мнѣніямъ и замѣчаніямъ своимъ обьемы общіе. Извѣстенъ анекдотъ о Французѣ, который проѣзжая черезъ Нѣмецкій городокъ, остановился въ гостинницѣ для перемѣны лошадей и увидя въ ней рыжую хозяйку, которая била мальчика, записалъ въ своей путевой книжкѣ: »Въ здѣшнемъ городѣ всѣ женщины рыжи и злы« Этотъ анекдотъ можетъ быть примѣненъ и къ нашему путешественнику. Случалось-ли ему, что въ какомъ нибудь Русскомъ домѣ принятъ онъ былъ хуже въ слѣдующіе разы, чѣмъ въ первый, онъ тотчасъ вноситъ въ свой журналъ опредѣленіе: »Руской начинаетъ съ того, что сказывается вашимъ »искреннимъ другомъ, скоро становитесь вы простымъ знакомцемъ, и тѣмъ кончится, что онъ перестаетъ вамъ кланяться.« Положимъ, что Авторъ испыталъ это на дѣлѣ; не станемъ разбирать, кто виноватъ въ этомъ охлажденіи взаимныхъ отношеній; но зачѣмъ-же, если Г-нъ Анселo напалъ на Рускаго, или даже на нѣсколько Рускихъ, которые не умѣли, или не хотѣли, поддержать плату учтивостей, съ перваго пріема оказанныхъ иностранцу, заочно знакомому имъ по литтературному имени, за чѣмъ же сей часъ подводить всѣхъ иностранцовъ и всѣхъ Русскихъ подъ одного общаго знаменателя? Надѣюсь, не столько для чести Рускихъ, сколько для собственной чести Автора, что и онъ въ шестимѣсячномъ пребываніи своемъ у насъ, умѣлъ сохранить знакомцовъ, которые кланялись ему до конца.

Ребячество нѣкоторыхъ наблюденій его доходитъ до неимовѣрности. Описывая Эрмитажъ и упомянувъ о библіотекѣ Вольтеровой, въ немъ храня-

Digitized by Google

щейся и которой онъ не видалъ въ подробности, за отсутствіемъ того, у коего хранился ключъ отъ нее, говоритъ онъ съ забавною важностью: »Не могу приписать неблагосклонности путеводите-»ля своего, или даннымъ ему приказаніямъ, лишеніе, »о коемъ сожалѣю; но тотъ, кому поручено хране-»ніе сихъ книгъ, былъ въ отлучкѣ и никто не могъ »и не хотѣлъ-бы взять на себя должность на друга-»го возложенную. Подобное неудобство встрѣчается »въ Россіи ежеминутно: въ общественныхъ-ли за-»веденіяхъ, въ частныхъ-ли домахъ, каждый имѣетъ »свою долю занятія и отвѣтственности, за которыя »не переступаетъ. Такимъ образомъ случилось мнѣ »однажды у знатнаго барина не допроситься стака-»на сахарной воды, потому что человѣка смотря-»щаго за буфетомъ не было, а между тѣмъ въ »этомъ домѣ болѣе ста служителей.«

Что за мудрость, что ключъ отъ библіотеки Вольтеровой хранится въ рукахъ человѣка именно къ ней приставленнаго и что другіе должностные не взялись изъ угожденія Г-ну Ансело выломать замки книжныхъ шкафовъ? Что-же касается до другаго примѣра, приведеннаго Авторомъ, то не льзя-ли истолковать его слѣдующею гипотезою? Нашъ путешественникъ поэтъ; Французскіе поэты любятъ читать стихи свои; Французъ не иначе примется за чтеніе вслухъ, какъ поставивъ передъ собой крафинъ съ водою, стаканъ и сахаръ. Хозяинъ дома, въ которомъ Авторъ имѣлъ эту неудачу, можетъ быть, не охотникъ до стиховъ вообще, или въ особенности до стиховъ Г-на Ансело, и для избѣжанія чтенія ему угрожающаго, онъ свалилъ бѣду на оплошнаго буфетчика. Въ этомъ случаѣ сказать

можно: les absens ont tort, mais les présens avoient peut être raison.

Анекдоты имъ разсказываемые, какъ и наблюденія его, отзываются какимъ-то малолѣтствомъ, примѣчательнымъ въ литтераторѣ, извѣстномъ во Франціи, и довольно выгодно. Анекдоты его нелюбопытны и не вѣрны. И тутъ вертится онъ около истины, но она ему не дается. Говоря на примѣръ о строгости Цензуры нашей, разсказываетъ онъ, что кто-то изъ Рускихъ хотѣлъ издать путешествіе свое во Францію въ 1812-мъ году; что Цензура одобрила книгу, но съ требованіемъ, чтобы имя Франціи было въ ней вездѣ замѣнено именемъ Англіи, потому что Рускому неприлично признаться, что онъ въ 1812-мъ году путешествовалъ по Франціи. Вѣримъ, что Авторъ не выдумалъ этой нелѣпой сказки; но жалѣемъ о немъ, что онъ могъ ей повѣрить, а еще болѣе о томъ, который ему передалъ ее. Въ другомъ мѣстѣ, разсказываетъ онъ, что какой-то воръ подмѣнилъ пукомъ пустыхъ бумажекъ пукъ ассигнацій, данныхъ Епископу за обрядъ бракосочетанія. Въ такомъ плутовствѣ, если оно и было, нѣтъ ничего замѣчательнаго, и къ тому-же, у насъ Епископы не вѣнчаютъ на бракъ. Книга кончается стихотвореніемъ: *Воробьевы горы;* тутъ болѣе всего поэзіи въ свободѣ, съ которою Поэтъ переноситъ эту гору съ мѣста на мѣсто. То она очутится у него за заставою по Владимірской дорогѣ, и тогда служитъ проѣздомъ въ Сибирь; то она за Дорогомиловскою, и тогда представленъ на ней Наполеонъ, приближающійся съ войскомъ къ Москвѣ и ожидающій на ней депутатовъ, съ городскими ключами. Положимъ, что Авторъ можетъ не знать,

Digitized by Google

что дорога въ Сибирь не мимо Воробьевыхъ горъ; но какъ-бы, кажется, не знать ему, что Наполеонъ не изъ Сибири-же шелъ въ Москву?

Довольно-ли тебѣ этѣхъ выписокъ? Право, не изъ лѣни, но по недостатку ограничиваюсь ими. Если тебѣ этого мало, то, пожалуй, цѣликомъ выпишу нѣсколько писемъ и доставлю тебѣ при случаѣ. Эта книга такого рода, что нѣчему въ ней радоваться, ни сердиться не за что. Настоящій стаканъ воды: примешься за нее отъ жажды, проглотишь, и ни какого вкуса, никакого отзыва въ тебѣ не останется: развѣ на днѣ отстоятся кой-какія соринки. Нѣтъ намъ счастія на пишущихъ путешественниковъ. По большой части все напечатанное иностранцами о Россіи составлено изъ пустяковъ, лживыхъ разсказовъ и ложныхъ заключеній. Впрочемъ, мы также съ своей стороны не правы въ неосновательныхъ сужденіяхъ о насъ Европейскихъ гостей. Они не умѣютъ смотрѣть на Россію, а мы не умѣемъ ее показывать. Мы сами худо знаемъ свое отечество и превратнымъ образомъ обращаемъ на него взгляды иностранцовъ. Угощая пріѣзжихъ Россіею, многіе изъ насъ спѣшатъ выказывать имъ все подлежащее осужденію, чтобы такою уловкою явить въ себѣ изъятіе изъ общаго правила. Таить погрѣшности свои не нужно; но указывайте на нихъ съ патріотическимъ соболѣзнованіемъ, а не по разсчету личной суетности. Я, признаюсь, былъ-бы радъ найдти въ иностранцѣ строгаго наблюдателя и судію нашего народнаго быта: со стороны можно видѣть яснѣе и цѣнить безпристрастнѣе. Отъ строгихъ, но добросовѣстныхъ наблюденій посторонняго, могли-бы мы научиться; но отъ глупыхъ

Digitized by Google

насмѣшекъ, отъ безпрестанныхъ уликъ, устремленныхъ всегда на одинъ ладъ и по одному направленію, отъ поверхностныхъ указаній, ничему не научишься. Многіе признаютъ за патріотизмъ безусловную похвалу всему, что свое. Тюрго называлъ это *лакейскимъ патріотизмомъ*, *du patriotisme d'antichambre.* У насъ его можно-бы назвать *квасным патріотизмомъ.* Я полагаю, что любовь къ отечеству должна быть слѣпа въ пожертвованіяхъ ему, но не въ тщеславномъ самодовольствѣ: въ эту любовь можетъ входить и ненависть. Какой патріотъ, котораго-бы онъ народа ни былъ, не хотѣлъ-бы выдрать нѣсколько страницъ изъ Исторіи отечественной и не кипѣлъ негодованіемъ, видя предразсудки и пороки свойственные его согражданамъ? Истинная любовь ревнива и взыскательна. Равнодушный всѣмъ доволенъ, но что отъ него пользы? Безстрастный въ чувствѣ, онъ безстрастенъ и въ дѣйствіи. Но повторяю, можно-ли дождаться намъ отъ иностранца хорошей книги о Россіи, которую видитъ онъ, или изъ коляски, или изъ гостиныхъ, или знаетъ еще невѣрнѣе изъ рѣчей людей, знающихъ ее также худо.

Г. Р. К.

Digitized by Google

III. БИБЛІОГРАФІЯ.

1826 года.

201. *Руководство для исчисленій тригонометрической съемки*, и работъ Военно-Топографическаго Депо, съ принадлежащими къ онымъ таблицами, сочинено для Офицеровъ Корпуса Топографовъ Генералъ-Маіоромъ Шубертомъ. Спб. 1826 г. in 8, V и 92 стр.

202. Anleitung zu den Berechnungen einer trigonometrischen Aufnahme, und zu den Arbeiten des topographischen Bureaus; nebst den dazu gehörigen Hülfstafeln. Verfasst für die Offiziere des Corps der Topographen von dem General-Major T. F. v. Schubert. Спб. 1826 г. in 8, V и 90 стр.

Какъ Нѣмецкій подлинникъ, такъ и Русскій переводъ сей, отличной по расположенію и изложенію, книги, напечатаны вмѣстѣ. *Приложенія* къ ней писаны на Русскомъ языкѣ и составляютъ отдѣльную размѣтку страницъ. »Я чувствовалъ часто,« говоритъ Авторъ, »недостатокъ ручной книжки, въ которой были-бы собраны всѣ практически полезныя формулы и таблицы, употребляемыя при тригонометрическихъ измѣреніяхъ. Это подало мнѣ мысль составить такую книжку для офицеровъ, служащихъ подъ моимъ начальствомъ. Она отнюдь не составляетъ теоретическаго сочиненія, ибо теоретическія свѣдѣнія предполагаются, и должна служить только руководствомъ, къ которому можно прибѣгнуть во всей геодезической части тригонометрическаго измѣренія, и при которомъ можно обойдти-

ся безъ всѣхъ прочихъ книгъ, исключая логориѳмическихъ таблицъ. Въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Генеральномъ Штабѣ введенъ въ употребленіе повторительный теодолитъ Рейхенбаха, почему и выпущены здѣсь всѣ формулы, относящіяся къ поправкамъ угла, измѣреннаго повторительнымъ кругомъ. Приборъ, принятый для измѣренія основанія, подобенъ прибору Деламбра, только что въ нѣкоторыхъ частяхъ усовершенствованъ. Описаніе и употребленіе сихъ инструментовъ не принадлежитъ сюда, ибо всякій офицеръ предполагается совершенно съ ними знакомымъ. Во второмъ отдѣленіи, заключающемъ вычисленія, принадлежащія болѣе къ занятіямъ Топографическаго Депо, я равномѣрно не коснулся теоріи различныхъ проэкцій. Я привелъ только проэкцію Бонна, которая признана теперь вообще лучшею для картъ большаго масштаба, и потомъ меркаторскую, которая важна для страны толико великаго береговаго протяженія.«

Такимъ образомъ, составляя книгу для офицеровъ Военно-Топографическаго Депо, Авторъ изъясняетъ въ *первомъ* отдѣленіи, *Геодезическія измѣренія*, приводя всѣ оныя къ пяти статьямъ: *Вычисленіе измѣреній основанія; Вычисленіе треъугольниковъ; Вычисл. разстояній отъ главнаго меридіана и главнаго перпендикуляра; Вычисл долг. и шир. тригонометрич. точекъ и построеніе меридіановъ и параллельныхъ круговъ; Вычисл. барометрич. измѣреній.* Въ окончаніи описано *Веденіе книгъ при тригонометрическомъ измѣреніи.* — Во *второмъ* отдѣленіи излагаются *Занятія Топографическаго Депо*, приведенныя къ двумъ статьямъ: *Приведеніе картъ къ иному масштабу и нанесеніе ихъ*

Digitized by Google

на данную географическую карту; Вычисленіе сѣтокъ и нанесеніе на нихъ точекъ, астрономически опредѣленныхъ.

Приложенія, въ числѣ 32 статей', заключаютъ въ себѣ разныя таблицы, образцы книгъ, выкладки, сравненіе мѣръ разныхъ странъ, и наконецъ, (полнѣйшее, какое донынѣ существуетъ) собраніе *Астрономическихъ опредѣленій мѣстъ въ Россійской Имперіи*: здѣсь означены 1361 пунктъ, опредѣленныхъ (Астрономически и Тригонометрически) разными наблюдателями. Новѣйшія наблюденія будутъ издаваемы въ видѣ Прибавленій. Четыре чертежа принадлежатъ къ книгѣ; какъ сіи чертежи, такъ и самое изданіе книги превосходно произведены при Депо и въ Типографіи Главнаго Штаба.

203. *Scholae semestres, in Caesarea Universitate Litteraria, quae Dorpati constituta est*, a d. 23 Jul. usque ad d. 19 Dec. anni 1826, habendae, indicuntur a Rectore et Senatu Academico. Inest *Caroli Morgensternii Dissertatio de Theodoro Santabareno*, partis tertiae Dommentationis de numismate Basilii tschernigoviae nuper effosso epimetrum. Дерптъ, въ полл., XII и 6 стр.

Сія роспись лекцій Дерптскаго Университета, за вторую половину 1826 года, показываетъ намъ, что число коѳедръ Университета простираясь тамъ до 28, раздѣляется на IV отдѣленія: *Богословское* (4 каѳедры), *Юридическое* (6 каѳ.), *Медицинское* (8 каѳ.) и *Философическое* (10 каѳ.), не считая отдѣльнаго изученія Русскаго, Французскаго, Нѣмецкаго, Италіянскаго, Англійскаго, Латинскаго и Эстонскаго языковъ; также уроковъ Фехтованья, Танцованья, Музыки, и проч. Впрочемъ, названіе от-

Digitized by Google

дѣлений не показываетъ существеннаго назначенія ихъ, ибо къ Юридическому причислена каѳедра Исторіи, къ Философическому каѳедры Фармаціи, Математики, Химіи, Архитектуры, Астрономіи, Древностей и Русской Литтературы (для исторіи сей Литтературы приняты въ руководство *Словарь Духовныхъ Писателей* и *Словарь Писателей*, *Новикова*).

Приложенная къ росписи лекцій диссертація Профессора Моргенштерна есть прибавленіе къ третьей части разсужденія его о Черниговской гривнѣ (см. Телегр. 1825 г. т. II 29 и 1826 г. т. X 227). Здѣсь Г-нъ Моргенштернъ входитъ въ историческія разысканія о Ѳеодорѣ Сантабаренскомъ, Архіепископѣ Евхаитарскомъ; опровергая нелѣпую сказку о явленіи Василію Македонянину умершаго сына его, явленіи, произведенномъ будто-бы Ѳеодоромъ Сантабаренскимъ, Г-нъ М. называетъ эту повѣсть *бабьимъ разсказомъ* (anilem monachorum fabulam) и опровергаетъ разныя обстоятельства изъ жизни Ѳеодора. Онъ приводитъ свое разысканіе въ доказательство, какой критикѣ подлежатъ еще Византійцы. Не сомнѣваясь въ этомъ, мы должны отдать полную справедливую похвалу Г-ну Моргенштерну за его обширныя и трудныя соображенія и разысканія.

204. *Part third of the catalogue of the English circulating library*, etc. *Третье отдѣленіе каталога Англійской Библіотеки для чтенія*, находящейся въ Москвѣ, между Кузнецкимъ мостомъ и Малымъ Театромъ, въ домѣ Кантонистовъ Военно-Сиротскаго Отдѣленія. М. 1826 г. in 12, 16 стр.

Для любителей отечественнаго просвѣщенія конечно пріятно будетъ узнать, что Англійская

Digitized by Google

Библіотека въ Москвѣ нетолько неуничтожается, но напротивъ получаетъ большее распространеніе. Можно, кажется, предвѣщать, что Англійскій языкъ, Англійская Литтература безпрерывно будутъ входить у насъ въ обширнѣйшее употребленіе. Нынѣ къ предметамъ воспитанія нашихъ молодыхъ людей почти уже постоянно причисляется изученіе Англійскаго языка. Байронъ, Шекспиръ, В. Скоттъ диктаторствуютъ почти безспорно въ нашей Литтературѣ. Соглашаемся, что *Англоманія* все не будетъ доказательствомъ самобытности духа народнаго, но признаемся, что если суждено намъ еще нѣсколько времени *перенимать у другихъ*, пока другіе начнутъ *перенимать у насъ*, то Англоманію рѣшительно предпочесть должно *Галломаніи*. Еще много такого могутъ перенять Руcкіе отъ Англичанъ, чего никогда не узнали-бы они отъ Французовъ. Философія, знанія, общественность находятся въ Англіи на степени высокой, болѣе намъ сродной, и высшей во многихъ отношеніяхъ нежели у Французовъ. Если въ Англіи менѣе блеска, за то болѣе прочности. Не говоримъ объ Изящныхъ Искуствахъ, о Поэзіи Англійской, которую не смѣемъ и сравнивать съ Французскою. Впрочемъ, не должно впадать изъ одной крайности въ другую, а нашимъ литтераторамъ однакожь пора-бы бросить забавную привычку знакомиться съ Литтературою Англійскою черезъ Французскіе переводы.

Англійская Библіотека для чтенія, открыта въ Москвѣ въ 1824 г. Изъ *третьяго* прибавленія видимъ, что нынѣ заключаетъ она въ себѣ до 600 сочиненій и переводовъ и составлена съ большимъ выборомъ. Въ ней находятся классическіе авторы,

Digitized by Google

множество путешествій и книгъ для полезнаго и пріятнаго чтенія, кромѣ богатыхъ изданій Англійскихъ книгъ, которыя особенно продаются. Небольшая цѣна за чтеніе (50 р. въ годъ, 25 р. въ полгода, 15 руб. въ три мѣсяца и 6 р. за мѣсяцъ) доставляетъ всякому удобство пользоваться Библіотекою.

1827 *года.*

53. *De localibus morborum causis, quae sic dictam constitutionem climaticam spectant, et de diverso morborum charactere exinde oriundo.* Oratio, in anniversariis solemnibus inaugurationis Universitatis Caesareae Literarum Mosquensis habita ab Arcadio Alphonsky, Med. et Chir. D., Professore, etc. die 27 Iunii anni 1827. М. 1827 г. въ Универс. тип. in 4, 15 стр.

54. *Рѣчь о тѣхъ отличительныхъ качествахъ, которыми преимущественно древніе Греческіе Классики заслужили неоспоримое право быть всегдашними руководителями хорошаго вкуса въ Словесности, не только во время политическаго существованія Греціи, но и по уничтоженіи онаго*, произнесенная въ торжественномъ собраніи ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета, Іюня 27 дня 1827 года Коллежскимъ Совѣтникомъ, Публичнымъ Ординарнымъ Профессоромъ Греческой Словесности и Кавалеромъ, Семеномъ Ивашковскимъ. М. 1827 г. въ Универс. Тип. in 4, 52 стр.

55. *Краткая Исторія ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета съ 3-го числа*

мѣсяца Іюля 1826 *по* 27 *число Іюня* 1827 *года*, М. 1827 г. въ Унив. Тип. in 4, 19 стр.

Двѣ означенныя Рѣчи Г-дъ Профессоровъ Альфонскаго и Ивашковскаго, Стихотвореніе Профессора Мерзлякова и Отчетъ, *или* Крат. исторія М. У. за учебный годъ, протекшій съ Іюля 1826 г., читаны были въ торжественномъ собраніи Университета, Іюня 27 д. сего 1827 года., Особенное любопытство посѣтителей привлекало новое устройство Университетскихъ Кабинетовъ и Библіотеки, каждодневно открытой нынѣ для всѣхъ желающихъ пользоваться книгами въ ней находящимися. — Извлекаемъ важнѣйшія статьи изъ Отчета Университета. Въ семъ году начато въ Университетѣ преподаваніе Италіянскаго языка; умножено число вспомогательныхъ каѳедръ и закрыта каѳедра Философіи. Ректоромъ Университета избранъ на новое трехъ лѣтіе Профессоръ И. А. Двигубскій.— Произведены: Докторами Медицины 4, Магистрами разныхъ отдѣленій 9, Кандидатами 30; въ Университетѣ обучается нынѣ, по отд. *Физико-Математическому*, 6 канд., 48 студент., 12 слуш.; по отд. *Словесному*, 16 канд., 102 студ., 43 слушателей; по отд. *Медицинскому*, 35 лекарей, 267 студ., 31 слушатель и по отд. *Этико-Политическому*, 11 кандид., 269 студ., 51 слушатель; всего-же 891 (Кандидатовъ 33, лекарей 35, студ. 686, слушателей 137). — Число учебныхъ заведеній въ округѣ Москов. Университета умножилось 8-ю уѣздными училищами, 5 приходскими и 15 частными пансіонами и школами, а число всѣхъ учащихся въ оныхъ простиралось до 11,453. — Въ Цензурномъ Комитетѣ одобрено къ напечатанію 39 книгъ и 185 рукописей. — Замѣ-

Digitized by Google

чательныя приношенія въ Университетѣ и его округѣ были слѣдующія: Статск. Сов. Стевенъ продалъ Университету собраніе насѣкомыхъ за 12,000 руб. и предоставилъ деньги сіи обратно, съ тѣмъ, чтобы на проценты съ нихъ получаемые, содержимы были два студента, преимущественно занимающіеся Естествознаніемъ. Купеческ. жена Кулакова пожертвовала въ Университетъ 10 т. рублей и машину дѣлителя. Почетн. Членъ З. П. Зосима подарилъ Университету дачу свою, находящуюся въ Москвѣ, на Трехъ Горахъ. Капитанъ Князь Щербатовъ обязался отстроить для училища въ городѣ Павловскѣ каменн. домъ, въ 20 т. рублей; Графъ Дивіеръ внесъ въ Приказъ Об. Призр. 5000 руб, съ тѣмъ, чтобы на проценты съ нихъ были содержимы въ Воронежской Гимназіи и Валуйскомъ училищѣ 4 воспитанника изъ бѣдныхъ людей. — Университетъ предлагаетъ для рѣшенія на сей 1827 годъ слѣд. задачу: »Какое было содѣйствіе Римскаго Права »въ положительномъ законодательствѣ Европейскихъ »народовъ, съ представленіемъ слѣдствій, отъ того »происходящихъ, по части Гражданскаго Судо»производства.« Награда за лучшее рѣшеніе оной 250 руб.

56. *Записки*, издаваемыя Государственнымъ Адмиралтейскимъ Департаментомъ, относящіяся къ мореплаванію, Наукамъ и Словесности. Часть XII. С.Пб. 1827 г. въ Морской тип. in 8, XLVI и 356 стр.

Въ семъ томѣ, кромѣ *Записки о занятіяхъ Адмиралтейскаго Департамента по ученой части*, *во второй половинѣ* 1826 *года*; *Инструкціи о пробѣ и пріемѣ пороха*, составленной Военно-Ученымъ Комитетомъ Главнаго Штаба и Вы-

Digitized by Google

сочайше утвержденной 6 Сентября 1826 года; *Выписки изъ журнала Кронштатской Штурманской школы*, съ Апрѣля по Декабрь 1826 года и *Выписки метеорологическихъ наблюденій въ Кронштатѣ за 1826 годъ*, не помѣщено *ни одной оригинальной статьи*. Изъ статей переводныхъ, кромѣ *Проспекта* (на 54 страницахъ) *объ изданіи путешествій Капитановъ Фрейсине и Дюперре* (изъ коихъ первое еще въ 1825 г. было издано, и второе давно уже издается) и продолженія *Путешествія Малеспины въ Южное море* (на 163 страниц.), помѣщены только *три* статьи: *О пользѣ цѣпныхъ канатовъ*, письмо Капитана Галла, взятое изъ Brewster Philosophical Journal, въ коемъ Авторъ излагаетъ пользу, могущую произойдти отъ введенія на корабляхъ желѣзныхъ цѣпей, вмѣсто пеньковыхъ канатовъ; *О разрушеніи мѣдной обшивки кораблей морскою водою и о способѣ предупреждать оное*: здѣсь Гумфри-Деви изложилъ свое мнѣніе о предупрежденіи поврежденій мѣдной обшивки кораблей, чрезъ соединеніе мѣдныхъ листовъ съ оловянными пластинками. Жаль, что не переведены другія статьи, коими оспориваемо было предложеніе Деви и коими отвѣчалъ онъ на возраженія. Сіи статьи мы видѣли въ разныхъ журналахъ 1825 года. *Замѣчанія объ Южной Шетландіи*: это извлеченіе изъ Записокъ, приложенныхъ къ картѣ Южнаго Океана, изд. Повелемъ и, вѣроятно, есть переводъ изъ какого нибудь Англійскаго Журнала. Сочинитель доказываетъ, что такъ названная нѣкоторыми географами *Южная Исландія* есть ничто иное, какъ *Повелева Купа* (Powell's Group), открытая симъ мореплавателемъ, въ 1821 г. Кажется, подобную статью должно-бы помѣщать так-

Digitized by Google

же съ дополненіями новѣйшихъ открытій. Мы осмѣливаемся указать въ семъ случаѣ на изданное въ 1825 г. Путешествіе Ведделя (a Voyage towards the south pole etc. Лондонъ, 1825 г. in 8, съ картами).

Въ Запискахъ о занятіяхъ Адмиралтейскаго Департамента помѣщена вполнѣ Инструкція, составленная Г-мъ Профессоромъ Щегловымъ, для отправлявшихся въ путешествіе кругомъ свѣта Естествоиспытателей (стр. II-XXVI). — Мы нашли тамъ еще извѣстіе о предположенномъ изданіи четырекратнаго путешествія Кап. Лейт. Литке въ Ледовитое море, Лейт. - Демидова въ Бѣлое и Штурм. Иванова на рѣку Печору. Какъ путешествія сіи, такъ и карты и виды, къ нимъ принадлежащіе, будутъ изданы на счетъ Кабинета ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА. — По случаю поврежденія молніею Суропскаго маяка, опредѣлено всѣ маяки снабдить громоотводами. — Путешествіе Ванкувера переводятъ на Русскій языкъ, подъ смотрѣніемъ Контръ - Адмирала Крузенштерна. — Нѣкто Англичанинъ Галлъ представилъ Начальнику Морскаго Штаба проэктъ, что по вновь открытому имъ способу »доставлять ели, березѣ, вязу и осинѣ преимущество въ прочности предъ лучшимъ дубомъ, для кораблестроенія и другихъ потребностей,« онъ готовъ передать свою тайну Россіи, съ тѣмъ чтобы его и другаго Англичанина сдѣлать управляющими приготовленіемъ деревъ, на пять лѣтъ, съ платою по *милліону рублей* въ годъ, или выдачею единовременно милліона и привиллегіею въ теченіе 20 лѣтъ приготовлять весь строевой лѣсъ, платя имъ по 2 рубли за каждый кубич. футъ; открытіе Г-на Галла, какъ ничѣмъ не-

Digitized by Google

поддерживаемое, не могло возбудить довѣренности, а самое предложеніе его почтено совсѣмъ несообразнымъ.

57. *Второе Прибавленіе къ описанію Славяно-Россійскихъ рукописей*, хранящихся въ Библіотекѣ Тайнаго Совѣтника, Сенатора, Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Дѣйствительнаго Каммергера и Кавалера, Графа Ѳедора Андреевича Толстова. Издалъ Павелъ Строевъ, Академіи Наукъ Корреспондентъ, и проч. М. 1827 г. въ тип. С. Селивановскаго, in 8, IX и 100 стр.

Каталогъ рукописей, находящихся въ Библіотекѣ Графа Ѳ. А. Толстова, изданный въ 1825 г. Г-ми Калайдовичемъ и Строевымъ, уже извѣстенъ ученой публикѣ и заслужилъ вниманіе даже иностранныхъ библіографовъ и археографовъ. Въ томъ же году издано было *первое Прибавленіе* къ оному. Мы порадовались *второму*, нынѣ изданному *Прибавленію*, видя, что Графъ Ѳ. А. не оставляетъ своего достохвальнаго старанія собирать памятники старинной Русской Литтературы, спасая ихъ отъ гибели и доставляя всѣмъ способъ пользоваться ими при ученыхъ трудахъ. Извѣстно, что имѣющіе надобность въ справкахъ и выпискахъ могутъ относиться къ Библіотекарю, П. М. Строеву, который подтверждая объ этомъ въ предисловіи къ новому *Прибавленію*, вмѣстѣ съ тѣмъ радуетъ насъ извѣстіями о нѣкоторыхъ ученыхъ своихъ предпріятіяхъ. Онъ надѣется выдать въ будущемъ году Собраніе Сибирскихъ Лѣтописей и Историческихъ Отрывковъ, все, извлеченное изъ Библіотеки Графа Толстова. Вскорѣ выданъ будетъ имъ подробный Каталогъ богатаго собранія старо-печатныхъ

Digitized by Google

книгъ, въ сей Библіотекѣ находящихся. Любви Графа къ отечественнымъ древностямъ мы обязаны будемъ прекраснымъ изданіемъ сего Каталога, ибо предположено присовокупить къ нему до 30 снимковъ. Изданіе выписокъ изъ рукописей, о которомъ говорено было въ 1825 г., отлагается впредь до неопредѣленнаго времени.

Новое *Прибавленіе* представляетъ каталогъ 192-хъ, вновь, въ теченіе двухъ лѣтъ пріобрѣтенныхъ Графомъ Ѳ. А. рукописей (въ томъ числѣ четыре *харатейныхъ*). Расположеніе *Прибавленія* совершенно сходствуетъ съ первымъ Каталогомъ, о которомъ подробно говорено было въ Библіографическихъ Листахъ, Варшавскомъ Журналѣ и Моск. Телеграфѣ. Прибавленіе представляетъ намъ въ числѣ новыхъ пріобрѣтеній многія весьма любопытныя. Въ немъ означены бывшія у Исторіографа *Морозовская* Лѣтопись и списокъ сочиненія Гваньини о Царѣ I. В. — Вообще по опредѣленію Г-на Строева, изъ новыхъ пріобрѣтеній Графа Толстова, 1 рукопись принадлежитъ къ XIII вѣку (*Псалтирь*), 4 къ XIV (Минея праздничн., Тріодь, etc.), 3 къ XV (Евангеліе etc.), 43 къ XVI, 69 къ XVII и 72 къ новѣйшему времени. Хотя здѣсь мы и не видимъ многаго числа памятниковъ древнѣйшихъ, или имѣющихъ особенное общее достоинство, но кто можетъ отрицать, что и въ новѣйшихъ спискахъ (при строгой только критикѣ) не льзя отыскать множества любопытныхъ предметовъ для Исторіи и вспомогательныхъ ея знаній? Г-нъ Строевъ въ предисловіи къ Прибавленію, указываетъ на замѣчательнѣйшія статьи, въ немъ заключающіяся.

Digitized by Google

58. *Объ искуствѣ смотрѣть на художества по правиламъ Зульцера и Менгса*, сочин. Ф. Милиціи. Переводъ съ Италіянскаго Валеріана Лангера. Спб. 1827 г. въ тип. *Генеральнаго* (Главнаго?) Штаба, in 8, XII и 186 стр.

Имя Автора столь-же мало извѣстно въ Исторіи Изящн. Художествъ, какъ непонятно Русское названіе книги его. Не говоря о томъ, что безъ прилагательнаго: *Изящныя*, слово: *Художества*, неопредѣленно и темно; спрашиваемъ: можетъ-ли быть *Искуство* смотрѣть на *Искуство*? Вѣроятно здѣсь найдется пропускъ: Переводчикъ долженъ былъ сказать: Объ Искуствѣ смотрѣть *на произведенія Изящныхъ Художествъ*. Но что это будетъ за *Искуство*? Развѣ можно *смотрѣть* не *разсуждая*, разсуждать *не имѣя познанія въ общей теоріи*, и не одииxъ Из. Худ., но вообще *Изящныхъ Искуствъ*? Слѣд.; вотъ гдѣ должно искать этого Искуства, которому Милиція хочетъ научить художниковъ своею небольшою книжкою, въ коей, безъ всякаго порядка, набросаны замѣчанія и мысли, основанныя на теоріи неосновательной и несправедливой.

Учите живописца, ваятеля, зодчаго, механическимъ пріемамъ ихъ искуствъ, старайтесь образовать въ нихъ понятіе объ общей теоріи Изящ. Искуствъ; потомъ покажите имъ отдѣльно критику вкуса, въ произведеніяхъ искуства, каждому собственно назначеннаго; покажите образцы, развернúте воображеніе: вотъ путь, коимъ долженъ идти художникъ. Общія теоріи, творенія Винкельмана, Лессинга, новѣйшихъ мыслителей-критиковъ; описанія великихъ произведеній: вотъ въ чемъ должны со-

стоять руководства художника. Надобно стараться удалить отъ него произведенія мѣлкихъ писателей, безсистемныя книжки, гдѣ находимъ критику и мысли какого нибудь стариннаго критика; ибо подобныя руководства приучаютъ художника къ мѣлочничеству, устраняютъ его отъ истинной теоріи, заставляютъ отставать отъ вѣка, оковываютъ умъ и воображеніе, и болѣе вредны, нежели полезны.

Книгу Милиціи причисляемъ къ сему разряду. Это былъ Италіянскій писатель XVIII вѣка, составившій, лѣтъ сорокъ тому, небольшую книжку, которую теперь перевелъ Г-нъ Лангеръ на Русскій языкъ. На стр. V находимъ, что Милиція »способствовалъ сочиненіями своими *къ лучшему направленію художествъ*« (?); на стр. VII, что онъ былъ »Писатель-философъ;« на стр. IX, что онъ былъ »просвѣщенный человѣкъ, одаренный чистымъ вкусомъ, судилъ по собственнымъ своимъ чувствамъ и *руководясь природою*;“ на стр. VI говорятъ намъ, что онъ »руководствовался собственнымъ чувствомъ, *слѣдуя правиламъ Зульцера и Менгса*,« а на стр. X читаемъ совсѣмъ непонятное, что »*слѣдуя правиламъ Зульцера и Менгса*, Милиція *слѣдовалъ влеченію собственнаго своего генія и природѣ*!« Искренно совѣтуемъ писать предисловія яснѣе.

Недостатокъ системы основательной доказывается самымъ расположеніемъ книги. Сначала идетъ, безъ всякихъ предварительныхъ разсужденій, краткое обозрѣніе 22 извѣстнѣйшихъ произведеній Ваянія. За тѣмъ слѣдуютъ, подъ именемъ: *Разсужденій*, 40 §, гдѣ Авторъ говоритъ о теоріи Из. Художествъ, и преимущественно о Ваяніи. Въ за-

Digitized by Google

ключеніе помѣщены три отдѣльныя статьи: *Живопись*, *Архитектура*, *Гравированіе*, въ которыхъ разсуждаетъ онъ о сихъ отрасляхъ Из. Художествъ.

Мы имѣли случай говорить въ Телеграфѣ объ истинной теоріи Из. Искуствъ; полагаемъ, что истинная теорія ихъ столь извѣстна уже въ Россіи, что не нужно доказывать ошибку тѣхъ людей, которые донынѣ держатся старой невѣрной теоріи Баттё, Зульцеровъ и Менгсовъ. Книга Милиціи можетъ быть яснымъ доказательствомъ, къ какимъ заблужденіямъ можетъ вести основная ошибка теоретика, и какъ невѣрны и несправедливы могутъ быть отъ того всѣ выводы и послѣдствія. Изъ мнѣній и правилъ, находимыхъ въ его книгѣ, можно представить самыя противорѣчащія и забавныя положенія, тѣмъ болѣе, что выводы теоретическіе смѣшаны у Милиціи съ ученическими замѣчаніями, ученые выводы съ такими, которые знаютъ ученики, едва начиная рисовать. Дабы показать духъ, въ какомъ писана вся книга, довольно привести нѣсколько строчекъ:

Стр. 37. *Главное дѣйствіе* всѣхъ вообще Изящныхъ Искуствъ, основанныхъ на рисункѣ, состоитъ въ *доставленіи удовольствія* зрителю.

Стр. 97. Цѣль Живописи состоитъ въ наученіи насъ, *доставленіемъ удовольствія* зрѣнію, посредствомъ изображенія предметовъ изящной природы.

Стр. 142 Архитектура касается Из. Искуствъ только тою частію, которая способна быть изящною; но механической-же своей части скорѣе мо-

Digitized by Google

жетъ отнестись къ *Физикѣ*, *Математикѣ*, *Химіи*, *Естественной Исторіи*, и проч. (?).

Стр. 38. *Совершенное* въ отношеніи къ слуху и зрѣнію составляетъ то, что называется *изящнымъ*.

Idem. Выборъ лучшихъ частей, соглашеніе оныхъ между собою и составъ изъ нихъ *совершеннаго* или *изящнаго* - цѣлаго называется изящностію идеальною или подражаніемъ *изящной природѣ*.

Стр. 39. Предметомъ занятій художника должна быть *изящная природа* . . . Змѣи, чудовища *и проч* могутъ назваться *изящными* . . . не смотря на отвратительный видъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, всѣ они въ своемъ родѣ могутъ быть совершенны, т. е. *изящны*.

Стр. 68. Видъ *изящнаго* какого-либо предмета *доставляетъ удовольствіе*; но ежели *изъ удовольствія сего не проистекаетъ пользы*, *то оно недостаточно*. Чѣмъ *живѣе удовольствіе*, тѣмъ *необходимѣе и полезнѣе*; удовольствіе-же *самое высшее* есть *необходимѣйшее и привлекательнѣйшее*. Истинныя наслажденія доставляютъ весьма много пользы; недоставляющія-же никакой, или весьма малую, есть наслажденія пустыя, ничтожныя, злоупотребленія или только призраки наслажденія. Конскій бѣгъ доставляетъ зрителямъ наслажденіе ничтожное; хозяину-же лошади, выигравшему закладъ, существенное.«

Довольно выписокъ; опровергать подобныя теоріи и противорѣчія не стоитъ труда. Покажемъ частныя замѣчанія Милиціи. (Стр. 111) »Совершенно темная тѣнь всегда непріятна; для избѣжанія сего должно пользоваться *отраженіями*. Рафаэль *не имѣлъ понятія*

Digitized by Google

объ отраженіяхъ, столь много способствующихъ ясности и пріятности картины« (Стр. 120). »Предметы аллегорическіе, метафорическіе и миѳологическіе совсѣмъ для насъ не занимательны, или занимательны весьма мало. — (Стр. 140) (Рѣчь о формахъ человѣческаго тѣла) »Рафаэль списывалъ ихъ съ природы, въ такомъ точно видѣ, въ какомъ находилъ, и не зналъ сущности истиннаго изящества оной.« — Мы видѣли выше, сколько зналъ это Милиція и потому не удивляемся ни мало, находя на 183 стр. смѣшной проэктъ Г-на Милиціи. Онъ негодуетъ на мозаику и говоритъ, что если-бы сумма, издерживаемая на одну мозаическую картину Ватикана, предоставляема была тому, *кто превзойдетъ Рафаэля*, а черезъ десять лѣтъ опять *превзошедшему побѣдителя Рафаэлева*, то Живопись сдѣлала-бы исполинскіе шаги въ теченіе ста лѣтъ. Подлинно, исполинскіе: тогда ей, какъ у Гомера конямъ боговъ, на землѣ не куда было-бы шагнуть въ другой разъ.

Мы упомянули, что у Милиціи находятся обозрѣнія важнѣйшихъ произведеній Ваянія; прибавимъ: и Зодчества, въ статьѣ: *Архитектура*. Если-бы сіи обозрѣнія сдѣланы были систематически, они по крайней мѣрѣ были-бы полезны. Напротивъ, сіи обозрѣнія жалко читать. Аполлонъ Бельведерскій кажется Милиціи копіею съ древней статуи, *второстепеннымъ* произведеніемъ искуства Грековъ, потому что Зульцеръ и Менгсъ такъ думаютъ. Почему Фальконетъ утверждаетъ противное, говоритъ Милиція, почему сказалъ онъ: »Аполлонъ есть статуя перваго класса, ou jamais statue n'en fut? Это надобно *доказать*.—Доказательство на 82 стр. книги Милиціи: *возьми глаза мои*, отвѣчалъ Тимомахъ спор-

щику съ предразсудками, *и ты будешь видѣть такъ, какъ я!* — О Венерѣ Медицiской. Милицiя не говоритъ ни слова, утверждая только, что Венера Капитолiйская лучше ее (стр. 22).

Жалѣемъ, если Италiянскiе художники учатся по книгѣ Милицiи, и охотно повторяемъ стихъ Крылова

Избави Богъ и насъ отъ этакихъ судей!

59. *Опытъ въ антологическомъ родѣ* или собранiе краткихъ басенъ и сказокъ, нравственныхъ мыслей, мадригаловъ, эпиграммъ, эпитафiй и другихъ мѣлкихъ стихотворенiй Алексѣя Илличевскаго, С.Пбургскихъ Общ. Любителей Слов., Наукъ и Художествъ Дѣйствительнаго Члена и Вольнаго Любит. Росс. Слов. Члена-Корреспонд. СПб. 1827 г. въ тип. Деп. Нар. Просв. in 16, IX и 132 стр. съ загл. грав. листкомъ.

Авторъ, въ предисловiи своемъ, хотя и говоритъ, что послѣ разсужденiя Батюшкова о достоинствѣ легкой Поэзiи »*излишне было-бы оправдывать опыты въ антологическомъ родѣ*,“ все еще какъ будто старается оправдываться въ своемъ предисловiи. И въ самомъ дѣлѣ совершенно излишне. Кому же неизвѣстно, что антологическiе цвѣты Грековъ, что эпиграммы Марцiала, Ж. Б. Руссо, Пирона признаны поэтическими драгоцѣнностями и пользуются славою неотъемлемою? Разумѣется: хорошая эпиграмма не стоитъ хорошей оды, хорошей трагедiи; но неоспоримо и то, что хорошая эпиграмма лучше тома худыхъ одъ и трагедiи въ пяти актахъ, въ которой нѣтъ ни дѣйствiя занимательно изложеннаго, ни чувства вѣрно выраженнаго, ни свѣтлой мысли, ни стиха живо написанна.

го. Знаемъ, что есть у насъ, а можетъ быть и вездѣ, судіи, которые судятъ о книгахъ по заглавіямъ, какъ о людяхъ по чинамъ, и спѣсь титула пріемлютъ за достоинство содержанія. Но къ чему же поэту оправдываться передъ такими людьми? Намъ случилось слышать отъ подобнаго оцѣнщика: *за чѣмъ нападаете вы все на такого-то? Онъ конечно худой стихотворецъ, но по крайней мѣрѣ выбираетъ важные и дѣльные предметы.«*

Въ опытахъ Г-на Илличевскаго видимъ *Аллегоріи*, *Басни*, *Сказки*, *Мадригалы*, *Эпиграммы*; *Надгробныя*, *Эпитафіи* (что значитъ это различіе?), *Десятистишія*, *Двустишія*, *Куплеты* и проч и проч. Оглавленіе пьесъ раздѣлено на 23 рода: раздробленіе излишнее. Въ каждомъ изъ главныхъ родовъ встрѣчаешь нѣсколько хорошихъ опытовъ. Жаль, что не всѣ эти бездѣлки одинакаго достоинства, на примѣръ, съ слѣдующими: *Разсчетливый скупецъ*, *Оцѣнка стиховъ*, *Злая сосѣдка*, *Несчастный трубадуръ*, *Лисица и лань*, *Мадригалъ, на 5 й страницѣ,* и многими другими. Жаль, что есть между хорошимъ и посредственное, а между посредственнымъ, хотя и очень, очень мало, почти совершенно ничтожное. Но впрочемъ, Марціалъ сказалъ давно, что иначе не составляется книга. Въ подражаніяхъ иностранцамъ нашъ Поэтъ не всегда былъ разборчивъ и выбиралъ иногда то, что не стоило выбора. Иное остро, когда сказано на лету въ первый разъ; въ повтореніи оно притупляется. На примѣръ слѣдующее:

Траги-Комику.

Клитъ написалъ одну трагедію всего,
И это лучшая комедія его!

Французская эпиграмма забавна; Русское повтореніе вяло и холодно.

Рецензентъ Сѣверной Пчелы неудачно похвалилъ собраніе Г-на Илличевскаго, говоря, что онъ не подражалъ другимъ стихотворцамъ, которые составляютъ свои стихотворныя мозаики *изъ лоскутковъ сочиненій Вольтера и Буало* (давно-ли мозаики составляются изъ лоскутковъ?). Собраніе Г-на Илличевскаго есть точно стихотворная мозаика, и жаль, что онъ не болѣе заимствовалъ изъ хорошихъ запасовъ и не чаще испытывалъ силы свои въ соперничествѣ съ мастерами, подобными Вольтеру и Депрео. Если Г-ну Рецензенту неизвѣстны иностранные языки, то по крайней мѣрѣ могъ-бы онъ въ предисловіи Автора прочесть признаніе, что многія изъ его пьесъ заимствованы изъ Французской, Нѣмецкой и другихъ Литтературъ. Тогда похвала его не сбивалась-бы на укоризнительную насмѣшку. Дѣло въ томъ, что хвалить труднѣе, чѣмъ бранить. Была-бы охота и удаль, можно бранить съ плеча, сколько душѣ угодно; хвалить-же надобно съ головою, а этого у многихъ и *нѣтъ*.

Прочитавъ книгу Г-на Илличевскаго, подумали мы, что хорошо издать-бы Русскую Антологію и собрать въ ней все, что имѣемъ хорошаго въ Антологическомъ родѣ, разсѣяннаго, и часто погребеннаго въ собраніяхъ стихотвореній и въ журналахъ, старыхъ и новыхъ. Начиная отъ старика Сумарокова до Г-на Илличевскаго, который былъ-бы однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ вкладчиковъ въ антологію нашу, можно составить-бы томикъ порядочный, но именно томикъ, а не томъ. Если эпиграммы наши возмутся на откупъ книжнымъ барышникомъ, то и тутъ

станутъ подливать воду въ вино и мѣшать съ эпиграммами, забирающими всѣ водяныя и прѣсныя эпиграммы нашихъ *невинныхъ* Марціаловъ.

60. *Письма о Франціи въ 1825 году*, Сира Валтера Скотта, подъ именемъ Павла. Съ Французскаго перевелъ М. П. . . въ. — 2 части. М. 1827 г. въ тип. Рѣшетникова, in 8, 188 и 199 стр., съ литограф. картинкою.

61. *Письма Павла къ своему семейству*. Сочиненіе Сира Валтера Скотта. Перевелъ съ Французск. Г. П. . . въ. — 3 части. М. 1827 г. въ тип. Театра Московск., in 12, 184, 118 и 113 стр.

62. *Владѣтель островòвъ*, Поэма въ 6 пѣсняхъ. В. Скотта. М. 1827 г. въ тип. А. Семена, in 12, 275 стр.

63. *Награда супружеской вѣрности*. Одно изъ *любопытныхъ* сочиненій *Валтера Скотта*. Переводъ. М. 1827 г. въ тип. А. Семена, in 12, V и 79 стр.

64. *Потерянный рай*, Поэма *героическая* (?). Твореніе Мильтона. Переводъ *съ иностраннаго* (?) языка. Изданіе *шестое*. М. 1827 г. въ тип. Театра Московск., in 8, XVI и 504 стр., съ портретомъ и картинками.

Пять новыхъ книгъ и все переводы Англійскихъ сочиненій: говорите послѣ этого, что Англійская Литтература намъ мало извѣстна! Но призракъ нашего знакомства исчезнетъ, когда мы разсмотримъ его поближе. Три первыя книги, изъ коихъ одна является въ *двойномъ* переводѣ, а другой В. Скоттъ и въ глаза не видывалъ, есть, однакожь, доказательство сильнаго вліянія В. Скотта на современниковъ, вліянія, проникшаго и въ нашу Литтературу; имя В.

Digitized by Google

Скотта и у насъ дѣлается для книгъ почти дипломомъ на вниманіе читателей. Недавно видѣли мы объявленія въ Газетахъ о нѣсколькихъ вдругъ переводимыхъ романахъ его; съ десятокъ ихъ уже передано въ переводѣ. Теперь передъ нами Русскіе переводы его: Paul's letters to his kinsfolk, и поэмы: The Lord of the Isles. О *наградѣ супружеской вѣрности* скажемъ отдѣльно.

Письма Павла къ своему семейству писаны В. Скоттомъ въ 1815 году, и приняты были съ особеннымъ восторгомъ въ Англіи. Въ два года вышло ихъ *четыре* изданія. Чему приписать такой блестящій успѣхъ? Въ 1815 г., правда, извѣстенъ уже былъ *Веверлей*, и выданы были почти всѣ *поэмы* В. Скотта; но слава В. Скотта основывается не на поэмахъ его, и извѣстность В. Скотта, какъ стихотворца, не могла, кажется, заставить такъ сильно дорожить всѣмъ, что онъ ни напишетъ. Мы отыскиваемъ другую причину успѣха *Писемъ Павла:* они были изданы ко времени. Головы Англичанъ горѣли тогда патріотическимъ жаромъ; подвиги ихъ во Фландріи казались имъ чѣмъ-то необыкновеннымъ; Веллингтона носили они на рукахъ. Вдругъ вышло сочиненіе, въ которомъ публика нашла множество подробностей, собранныхъ Авторомъ на мѣстѣ, живыя описанія событій, взглядъ на Парижъ, на Францію и что болѣе могло *тогда* понравиться, все написанное съ патріотическою *нетерпимостью* (intolérance), въ насмѣшливомъ тонѣ. Вотъ, кажется, причина успѣха Писемъ Павла! Переводы ихъ, Французскіе и Нѣмецкіе, явились и перепечатываются потому, что теперь все В. Скоттовское читаютъ, если не сказать рѣшительнѣе, что многіе *его толь-*

ко и читаютъ. Въ силу этого, на ряду съ романами, являются и у насъ *Письма Павла.* Вѣроятно, очиниваются уже Русскія перья, коими передадутъ намъ немедленно и Исторію Наполеона, сочиняемую В. Скоттомъ, передадутъ не боясь огромности томовъ и не смотря на то, какова она будетъ, ни на то, *какъ* и съ подлинника-ли станутъ переводить. Объ этомъ у насъ еще мало думаютъ и готовы-бы переводить Англійское хоть съ Ирокезскаго, еслибы этотъ языкъ былъ знаемъ нашими переводчиками. Въ No 10 и 11 Вѣстника Европы, сего года, мы видѣли повѣсть Ирв. Вашингтона, переведенную съ *Польскаго,* и что за дѣло? Вздумалось Переводчику переводить, а хорошо ли вздумалось, пусть додумываютъ другіе. Оба Русскіе перевода *Писемъ Павла* сдѣланы съ Французскаго перевода. Послѣ сего Рецензенту не должно уже сличать ихъ съ подлинникомъ. Само по себѣ разумѣется, что въ спискѣ съ списка едва найдемъ только главные очерки подлинника, особливо подлинникъ писанъ мастерскою кистью.

Говоря о В. Скоттѣ (Тел. 1826 г. Т. XI, 185), мы не включили *Писемъ Павла* въ тѣ сочиненія, коими утверждается его слава; начальный успѣхъ сей книги объясняя выходомъ *кстати,* мы объяснимъ поддержку успѣха тѣмъ, что ее писалъ В. Скоттъ, а разсматривая хладнокровно, не смотря на достоинства сочиненія, не льзя не пожалѣть, что В. Скоттъ написалъ ее. Это не должно пугать Русскихъ читателей: пусть они прочитаютъ *Письма Павла,* ибо много любопытнаго и неизвѣстнаго имъ найдутъ они въ этой книгѣ, особливо, зная мало изъ того, что писано въ Англіи, Фран-

Digitized by Google

ціи и Германіи объ эпохѣ нашего времени. В. Скоттъ, какъ *Писатель*, не падаетъ. Описаніе Ватерлооской битвы читаете у него, какъ главу изъ романа; анекдотовъ, замѣчаній множество. Но духъ, въ которомъ писана книга, но Сочинитель, разсматриваемый, какъ космополитъ, какъ Историкъ, возбуждаетъ негодованіе. Въ *Письмахъ Павла* ярко выпечатана непріязнь Джона Булля къ его заморскимъ сосѣдямъ. В. Скоттъ смотритъ и судитъ не какъ политикъ и философъ, но какъ заѣзжій помѣщикъ Абботсфортскій; прибавьте, такой, который воюя съ непріятелемъ, хочетъ бить его чѣмъ ни попало, и дѣдовскимъ копьемъ и кухоннымъ сковородникомъ. Непріязнь надѣваетъ ему желтые очки и — все желто кажется ему, все что Французское. Думаемъ, что В. Скоттъ, *Историкъ Наполеона*, *не будетъ говорить* такъ, какъ говорилъ онъ, путешествуя въ 1815 г., въ слѣдъ за Англійскими войсками, отъ Ватерлоо до Парижа. Предувѣдомляя читателей о томъ, какъ написаны Письма Павла, мы неуказываемъ, чему въ этихъ письмахъ должно вѣрить и чему нѣтъ; читатели сами увидятъ. Духъ непріязни дѣлалъ Сочинителя столь близорукимъ, что онъ радовался слыша, какъ Прусскіе солдаты высѣкли нѣсколько Французовъ, видѣлъ во Французскихъ солдатахъ разбойниковъ, въ Наполеонѣ почти атамана какой-нибудь шайки, а что говорилъ онъ о своихъ Англичанахъ, о Кастельре, о Веллингтонѣ, то нынѣ почти похоже на сатиру.

Одинъ переводъ *Писемъ Павла* сдѣланъ Г-мъ *М. П. . . вымъ* и изданъ имъ самимъ; другой Г-мъ *Г. П. . . вымъ* и изданъ книгопродавцомъ. При первомъ приложено прекрасно литографированное изоб-

Digitized by Google

раженіе Наполеона (только непохожее); второй переводъ, не знаемъ почему, напечатанъ *со многими исключеніями* противъ перваго. Книгопродавецъ-Издатель обезобразилъ еще этотъ второй переводъ портретомъ: какая-то нелѣпая рожица представлена читающею книгу и внизу подписано: *Баронетъ Сиръ Валтеръ Скоттъ!*

Владѣтель островов (что впрочемъ столько-же выражаетъ неправильно Англійское названіе: The Lord of the Isles, какъ Русское названіе: *Поэма послѣдняго барда*, выражала: The lay of the last Minstrel) есть *Русскій переводъ, въ прозѣ, съ Французскаго перевода, въ прозѣ, Англійской Поэмы*; довольно для тѣхъ, кто можетъ понимать; но видно что находятся охотники читать такіе, сквозь рѣшето Французской прозы, просѣянные переводы Англійскихъ поэмъ В. Скотта: вотъ уже *третья*, ежели не *четвертая*, поэма переводится такимъ образомъ. Что-жь дѣлать намъ съ переводчиками и читателями? Переводите, Мм. Гг., читайте Мм. Гг. — Лучше *читать что нибудь*, нежели *не читать ничего*. Кто знаетъ? Можетъ быть, поэмы В. Скотта въ Русскихъ переводахъ, съ легкой руки, изъ мѣлочныхъ книжныхъ лавочекъ начнутъ расходиться по рукамъ, стоять на полочкахъ читателей рядомъ съ Письмовникомъ и Еруслановъ Лазаревичемъ? Дивиться нечему: мало-ли что на свѣтѣ бываетъ!

Повѣрятъ-ли Англичане, что Русскій переводъ Поэмы ихъ великаго соотечественника, Мильтоновъ *Потерянный рай*, у насъ находится именно въ отдѣлѣ *книгъ простонародныхъ?* Старинный переводъ его изъ Французской прозы (съ *иностраннаго*

Digitized by Google

языка, сказано на заглавномъ листѣ) въ обветшалую Русскую прозу, съ лубочными портретомъ и картинками, въ нынѣшнемъ году напечатанъ уже въ *шестой* разъ. Другой, такой-же переводъ, напечатанъ былъ въ СПб. въ 1824 г., тоже не въ первый разъ. Вѣроятно съ Нижегородской ярмарки повезутъ въ провинціи воза два новаго изданія Потеряннаго Рая, и читатели сыщутся.

Награда супружеской вѣрности названа на заглавномъ листкѣ *однимъ изъ любопытныхъ сочиненій В. Скотта.* Это совершенная неправда. Небольшая повѣсть эта, какъ по всему видно, есть *Русская композиція* и составлена человѣкомъ не знающимъ ни языка, ни логики. В. Скоттъ даже и не думалъ писать такой вздорной сказки, въ которой нѣтъ ни складу, ни ладу. Вотъ уже въ третій разъ выдаютъ Русской публикѣ нелѣпости за романы В. Скотта. Читатели наши припомнятъ, что въ Телеграфѣ было писано о *Густавѣ Вальдгеймѣ* и *Бѣглецѣ,* романахъ, которые въ объявленіяхъ книгопродавцовъ и донынѣ называются сочиненіями В. Скотта. Удивляемся, что переводчикъ, или сочинитель, *Награды супружеской вѣрности* не посовѣстился выставить свое имя, въ концѣ посвященія четкими буквами: *Мартынъ Скабертинъ.*

65. *Ночь въ замкѣ Лары* (Лорда Байрона). Взято изъ XIV книжки Журнала: *Славянинъ* (пер. И. Козлова). СПб. 1827 г. in 8, 4 стр.

Сказавъ читателямъ о неутѣшительныхъ явленіяхъ нашей Словесности, спѣшимъ подѣлиться съ ними подтвержденіемъ пріятной надежды, что вскорѣ, можетъ быть, увидимъ мы явленіе изящное и пріятное. Мы говорили уже о началѣ перевода Байроновой

Digitized by Google

Поэмы: *Лара* (Тел. 1827 г. No IX стр..57). Получивъ теперь отдѣльно отпечатанный отрывокъ перевода, мы, по праву библіографіи, хотимъ сказать о немъ нѣсколько подробнѣе.

Имя переводчика уже включено у насъ въ число именъ отличныхъ современныхъ поэтовъ, и его поэзія, его необыкновенная судьба, извѣстны уже иностранцамъ. Недавно сообщена была намъ изъ Дрездена Біографія Козлова, которую напечатали въ новомъ Conservations Lexicon. Переводимъ ее для нашихъ читателей, ибо она хорошо знакомитъ съ жизнію Поэта, показывая въ то-же время вниманіе Германцовъ къ нашей Словесности.

»*Козловъ* (Иванъ), Русскій дворянинъ, родился въ 1780 г. Какъ человѣкъ и Поэтъ, онъ примѣчательное явленіе. Исполненный ума, воображенія и чувствительности, онъ издержалъ свою молодость въ большомъ свѣтѣ. Отлично принятый въ лучшихъ обществахъ Московскихъ и Петербургскихъ, онъ велъ жизнь болѣе безпокойную, чѣмъ дѣятельную; геній его дремалъ непробужденный; однакожь, онъ любилъ литтературу, зналъ совершенно языки Французскій и Италіянскій, и классиковъ ихъ; но онъ видѣлъ въ нихъ, за недостаткомъ занятій, одинъ источникъ удовольствій въ праздности своей и отдохновенія послѣ суетныхъ разсѣяній. Вся его дѣятельность была обращена на забавы свѣта и заботы о семействѣ своемъ. Около сороковаго года постигнутъ онъ былъ болѣзнью, лишившею его употребленія ногъ. Вдругъ отлученный отъ обществъ, которыя любилъ, вынужденъ онъ былъ уединеніемъ искать въ себѣ самомъ замѣны свѣтской жизни, дотолѣ ему извѣстной. Сей ударъ Судьбы не сразилъ

Digitized by Google

его; душа его пріяла высшее направленіе: онъ сталъ поэтомъ; сотворилъ себѣ міръ идеальный, съ избыткомъ вознаградившій его за міръ существенный, у него отъятый; на ложѣ страданія позналь себя и открылъ въ себѣ дарованіе, хранившееся подъ спудомъ. Въ скоромъ времени познакомился онъ съ языкомъ и литтературою Англичанъ; но сильнѣйшее испытаніе ожидало Козлова: онъ ослѣпъ. Сіе несчастіе не удручило духа его и было для него новою ступенью къ возвышенію нравственному и духовному. Со слѣпотою тѣлесною просіялъ для него во всемъ блескѣ день поэзіи. Ослѣпнувши уже, началъ онъ учиться Нѣмецкому языку и вскорѣ могъ понимать Нѣмецкихъ классическихъ авторовъ. Съ той поры живетъ онъ въ области воспоминанія и воображенія. Одаренный памятью необыкновенною, Козловъ затверживаетъ наизусть все что читаетъ, или правильнѣе говоря, что ему читаютъ. Онъ переводитъ Байрона съ памяти: воспѣваетъ и воскрешаетъ свое прошедшее въ блестящихъ сновидѣніяхъ Поэзіи. Онъ написалъ нѣсколько посланій къ друзьямъ своимъ, которые собираются вокругъ него, не съ тѣмъ, чтобы приносить утѣшенія ему, но чтобы наслаждаться его бесѣдою, потому что не одно дарованіе, но духъ, чувства его, вся возвышенная жизнь раскрылись въ немъ необыкновенно. Провидѣніе, лишая его зрѣнія, сказало душѣ его: *да будетъ свѣтъ!* Сей свѣтъ, озаряющій умъ его, вмѣстѣ и живитъ и согрѣваетъ

Разговоръ Козлова занимателенъ и блестящъ; воспоминанія о прошедшемъ, безцвѣтномъ, и такъ сказать, безжизненномъ, не мѣшаютъ ему возноситься до высоты настоящаго и принимать горячее

участіе во всемъ томъ, что благородно, великодушно и близко человѣчеству. Козловъ извѣстенъ нѣкоторыми счастливыми переводами съ Италіянскаго и съ Англійскаго и поэмою *Чернецъ*, которая, не теряя ничего въ сравненіи, напоминаетъ о *Гяурѣ*, Байрона. Извѣстенъ также его прекрасный переводъ *Абидосской Невѣсты*. Нынѣ занимается онъ сочиненіемъ поэмы, коей содержаніе, удачно избранное, принадлежитъ Русской Исторіи и царствованію Императрицы Анны (*). Такимъ образомъ имя Козлова уже внесено въ лѣтописи Литтературы Русской. Несчастіе открыло передъ нимъ прекрасное поприще. Силою генія будетъ онъ господствовать надъ судьбою своею и въ урнѣ воспоминаній и сердца своего найдетъ, по словамъ Грея, *мысли, которыя дышутъ, и слова, которыя горятъ.*«

Такъ думаютъ о нашемъ Поэтѣ Нѣмецкіе Біографы и вѣроятно еще многое прибавятъ они, прибавимъ и мы, въ наши литтературныя лѣтописи, когда Провидѣнію угодно будетъ продлить земное бытіе Поэта нашего. Переводъ *Лары*, вѣроятно, будетъ прекраснымъ листкомъ въ лавровомъ вѣнкѣ его.

Не говоря уже о трудности переводить вообще Байроновы поэмы, скажемъ, что поэма *Лара*, по нашему мнѣнію, представляла Переводчику затрудненій больше всѣхъ другихъ поэмъ. Здѣсь все *дѣйствія*, все *описанія*, а мы привыкли ко вставкамъ, и 1272 стиха Байроновы въ Ларѣ, сильные, сжатые, дышащіе силою мрака, если Козловъ побѣ-

(*) Наталья Долгорукова. *И. Т.*

Digitized by Google

дишъ всѣ затрудненія, будутъ завоеваніемъ блестящимъ.

Въ отрывкѣ перевода мы находимъ 6 стансовъ изъ 1-й пѣсни Лары (съ 9-го до 16-го). Мы говорили подробно о переводѣ *Абидосской Невѣсты* и судили о немъ, можетъ быть, съ привязчивою строгостію. Не смѣемъ думать, чтобы критика показала путь Поэту къ лучшему способу перевода: его собственныя силы зрѣютъ: и Козловъ въ *Ларѣ*, является намъ Поэтомъ болѣе постигнувшимъ свой подлинникъ и болѣе сильнымъ обладателемъ собственнаго языка, нежели прежде. Мы находимъ многія мѣста, переданныя, выраженныя совершенно. Пусть сличатъ сами читатели Русскій переводъ съ подлинникомъ и они увидятъ вполнѣ справедливость нашихъ словъ; приведемъ примѣръ изъ начала 11-го станса. Сумрачный Лара уходитъ изъ сада, гдѣ

. . . прекрасный видъ
О прежнихъ дняхъ невольно говоритъ,
О той странѣ, гдѣ сводъ небесъ яснѣй,
Свѣтлѣй луна, ночь тихая милѣй;
О тѣхъ сердцахъ . . . Нѣтъ, нѣтъ! Шуми надъ нимъ,
Бушуй гроза! Онъ, дерзкій, нещадимъ,
Душою твердъ; но свѣтлая красой,
Такая ночь смѣется надъ душой.

XI.

Вступилъ онъ въ залъ, весь полный тишины:
Тѣнь длинная мелькнула вдоль стѣны;
Портреты тамъ людей минувшихъ лѣтъ;
Отъ пышности злодѣйствъ другихъ остатковъ нѣтъ:

Digitized by Google

Преданій дымъ и темный сводъ, гдѣ прахъ
Съ пороками, грѣхами спитъ въ гробахъ;
Полустолбцы, ведущіе до насъ,
Изъ вѣка въ вѣкъ, сомнительный разсказъ,
Укоръ, хвалу: вотъ все — и чѣмъ древнѣй
Тѣхъ хартій ложь, тѣмъ съ правдою сходнѣй.
Тамъ ходитъ онъ и смотритъ, а луна,
Въ готическомъ отверстіи окна
Видна ему, и блескъ бѣжитъ струей
На полъ изъ плитъ, на потолокъ съ рѣзьбой;
И образа на стеклахъ расписныхъ,
Молящихся угодниковъ Святыхъ,
Въ таинственныхъ видѣніяхъ, луной
Оживлены, но жизнью не земной.
Кудрей густыхъ цвѣтъ черный, мракъ чела
И зыбкій склонъ широкаго пера
Даютъ ему весь ужасъ мертвецовъ,
Все страшное, все тайное гробовъ.

Второй стихъ X-го станса переданъ превосходно:

And his high shadow shot along the wall.

Въ четвертомъ стихѣ мы желали бы исправнѣйшаго устройства стопъ; въ шестомъ исключенія предлога, ослабляющаго смыслъ. У Байрона сказано простѣе: Their dust, their foibles, and their faults. Надѣемся, что подобныя поправки не избѣгнутъ вниманія Переводчика, по окончаніи всего перевода. Для этого мы согласимся нѣсколько продлить нетерпѣливое ожиданіе наше; но уже и изъ приведенныхъ отрывковъ можно примѣтить, что Козловъ, послѣ перевода Абидосской Невѣсты, шагнулъ впередъ: этого мы всегда ожидали и ожидаемъ.

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

Состоянiе Наукъ и Словесности въ Италiи въ 1826 году (*). Хотя не можемъ мы читателямъ нашимъ дать отчетъ о *всѣхъ* новыхъ произведенiяхъ Италiянской Литтературы, ибо не имѣемъ средствъ получать ихъ всѣ; но и тѣ книги, о коихъ извѣщали мы читателей (**), достаточно могутъ показывать состоянiе Литтературы Италiянскаго полуострова. Мы видимъ изъ нихъ опыты и усилiя, довольно доказывающiя, что не смотря на обстоятельства, мало благопрiятныя, Италiянцы не оставляютъ ничего, дабы поставить себя на равный путь съ народами просвѣщенными, и превзойдти другихъ въ ревностномъ занятiи Науками и Словесностiю. Повсюду замѣчаемъ слѣды сего движенiя въ Литтературѣ Италiянской, и съ величайшею силою обнаруживается оно, по мѣрѣ того, какъ обстоятельства споспѣшествуютъ внутреннему его стремленiю.

Тоскана, и особенно Флоренцiя, столица сей земли, по своимъ успѣхамъ въ просвѣщенiи, по

(*) Соч. Ф. Сальфи, Италiянскаго Литтератора. Статьи его объ Италiянскомъ переводѣ Басенъ Крылова извѣстны читателямъ Телеграфа. Онъ доканчиваетъ теперь *Исторiю Итал. Литтерат.*, начатую Женгене. Статья, которую предлагаемъ мы, взята изъ Rev. Encycl. (Янв. и Февр. 1827 г.). *Изд. Тел.*

(**) Г. Сальфи занимается особенно Италiянскою библiографiею въ редакцiи Rev. Encyclopédique. *Изд. Тел.*

своему нарѣчію, самому чистому и правильному, нѣкоторымъ образомъ болѣе другихъ способна къ дальнѣйшему ходу; она гордится славою знаменитыхъ гражданъ своихъ Данте, Маккіавелли и Галилея, и не пренебрегаетъ ихъ уроками, ихъ примѣрами. Здѣсь занимаются Науками, Словесностію и Художествами въ одно время, почти съ равнымъ успѣхомъ. *Пизскій Университетъ*, *Ливорнское Лаброническое общество*, *Академія della Crusca*, *Флорентійская Георгофиловъ*, *Журналъ ученыхъ*, издаваемый въ Пизѣ, и особенно *Флорентійская Антологія*, соревнуютъ другъ другу споспѣшествовать наклонности вѣка и участвовать въ общемъ просвѣщеніи Италіи. Многія благотворительныя заведенія, и особенно училища взаимнаго обученія, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Италіи, по странному предразсудку, почитаемыя вредными, здѣсь поддерживаются и улучшаются ревностнымъ усердіемъ нѣкоторыхъ почтенныхъ гражданъ. Прекрасное изданіе *Исторіи Ваянія*, соч. *Графомъ Чиконьара*, и изданіе сочиненія Азинкура, съ успѣхомъ предприняты однимъ издателемъ (*Чіаньетти*); также, изданіе огромнаго сочиненія Масканьи *объ Анатоміи*, не упоминая уже о другихъ важныхъ книгахъ, показываютъ, какое благородное употребленіе дѣлаетъ Тоскана изъ книгопечатанія и какое участіе беретъ она въ успѣхахъ Изящныхъ Искуствъ.

Ломбардійское Королевство поддерживаетъ извѣстность, какую оно приобрѣло въ новѣйшее время, особенно знаніями Математическими и Физическими. Музы, не смотря на усилія Парини, казалось, не хотѣвшія быть обитательницами богатыхъ долинъ Ломбардіи, съ тѣхъ поръ, какъ *Мон-*

Digitized by Google

ши основали здѣсь свое пребываніе, водворились въ Ломбардіи, также, какъ и въ другихъ областяхъ Италіянскихъ.

Брерская Академія Художествъ всегда показываетъ себя достойною общаго уваженія, по дарованіямъ ея правителей и по наградамъ, какія пріобрѣтаютъ ея воспитанники. Необыкновенное число книгъ, издаваемыхъ въ Ломбардіи, преимущественно въ Миланѣ, есть доказательство, сколько занимаются здѣсь науками и словесностію. Г. *Джіоіа* часто печатаетъ здѣсь новыя сочиненія Статистическія и Философическія; что дѣлаетъ онъ для Политической Экономіи, то выполняетъ Г. *Романьози* для Юриспруденціи. *Общество типографическое, для изданія Италіянскихъ классиковъ*, продолжаетъ новыя изданія замѣчательнѣйшихъ по всѣмъ родамъ книгъ, какія появились въ Италіи въ послѣднее столѣтіе. Творенія Беккарія, Верри, Джіаннино, Филанджіери являютъ намъ, какой родъ ученія предпочла-бы Италія, еслибы наклонность умовъ не встрѣчала препятствій.

Между новыми книгами, заслуживающими вниманіе наблюдателя, надобно отличить книги относящіяся къ просвѣщенію и наученію многочисленнѣйшихъ званій народа, что было пренебрежено донынѣ. Г. Сильвестри и другіе издатели заслуживаютъ благодарность Италіянцовъ за обнародованіе такого рода книгъ, отечественныхъ и иностранныхъ. Хотя правительство, установленное для надзора за средствами просвѣщенія, закрыло училища взаимнаго обученія, но поддерживаетъ, такъ называемыя, *Нормальныя* училища, и возстановило и умножило другія подобныя заведенія. Упомянемъ *о военной*

Digitized by Google

Миланской Коллегіи, кажется, единственной во всей Италіи и заслуживающей быть образцомъ повсюду. Полковникъ *Одоардъ Юнгъ*, директоръ оной; его *Основанія гимнастики или курсъ аналитическій и постепенный, упражненій, могущихъ раскрыть и укрѣпить организацію человѣческую*, служатъ доказательствомъ его усердія и свѣдѣній. Число журналовъ литтературныхъ - собственно и ученыхъ, издаваемыхъ въ одномъ Миланѣ, весьма значительно. Замѣтимъ, издаваемую для Словесности, Наукъ и Искуствъ *Италіянскую Библіотеку* и Ricoglitore (*Собиратель* — подражаніе Англійскому Зрителю); для Медицинскихъ знаній *Всеобщія Лѣтописи Медицины*, Доктора Омодеи; *Критическій Журналъ*, Доктора Страмбіо; Журналъ *Химической Фармаціи*, издав. Г-мъ Каттанго; наконецъ: *Всеобщія Лѣтописи Статистики и Путешествій*, *Астрономическія Эфемериды*, *Лѣтописи Технологіи, Земледѣлія и Искуствъ*, и проч.

Города Ломбардо - Венеціянскіе споспѣшествуютъ дѣятельности, какая видна въ Миланѣ и другихъ городахъ. Каждый изъ нихъ замѣтенъ въ какой - либо изъ отраслей человѣческихъ знаній. Бресчіа и Тревиза многимъ пользуются отъ своихъ Аѳенеевъ, что свидѣтельствуютъ *Записки Бресчійскаго Аѳенея* и журналъ, издаваемый Тревизскимъ Аѳенеемъ о состояніи Наукъ и Словесности въ областяхъ Венеціянскихъ. Верона, всегда вѣрная служенію Музъ, не забываетъ и наукъ: Сельскою Экономіею занимается здѣшняя *Академія Земледѣлія*. Павія и Падуа, хотя оплакиваютъ потерю многихъ знаменитыхъ Профессоровъ, сла-

Digitized by Google

вятся однакожь великимъ числомъ учениковъ, слушающихъ лекціи въ Университетахъ сихъ городовъ, и полезными трудами доказывающихъ свои успѣхи. Изданіе сочиненій классическихъ метафизиковъ, всѣхъ народовъ, производимое въ Павіи Г-мъ Сакки, и поддерживаемое нѣкоторыми отличными воспитанниками Университета, показываетъ расположеніе ихъ къ философскимъ наукамъ. Италія одолжена также нѣкоторымъ изъ здѣшнихъ Профессоровъ хорошимъ *Журналомъ Физики, Химіи и Естествознанія*, такъ какъ Университету Падуанскому *Журналомъ Италіянской Литтературы*, котораго Издатели должны-бы однакожь усилить свою ревность и дѣятельность.

Что можно сказать нынѣ о Венеціи, о семъ городѣ, котораго паденія, не смотря на усилія Правительства, не льзя не предчувствовать, какъ прежде не льзя было не удивляться его величію? Въ Венеціи есть отдѣленіе Италіянскаго Института, коего другія части находятся въ Миланѣ и Падуѣ. Въ Венеціи занимаются также и художествами, въ Академіи, ввѣренной управленію просвѣщеннаго Графа Чиконьары. Въ семъ городѣ находятся отличные ученые люди. Упоминаемъ изъ нихъ о Г-нѣ Гамба и Г-жѣ Альбридзи. Здѣсь не печатаютъ нынѣ того величайшаго количества книгъ, которыя, хотя издаваемыя весьма неисправно, наводняли Италію, Венеція уступила это преимущество Милану, отличающемуся нынѣ огромнымъ числомъ выходящихъ въ немъ книгъ, и столько же притомъ ихъ исправностію и изящностію. Замѣтимъ, что иногда, за недостаткомъ сочиненій, здѣсь многимъ пользуются изъ Французскихъ журналовъ и книгъ.

Digitized by Google

Генуа не живетъ уже нынѣ самобытною жизнію: въ Литтературѣ она дополняетъ славу Піемонта, коего нынѣ сдѣлалась областію. Замѣтимъ здѣшній *Институтъ глухо-нѣмыхъ*, управляемый Аббатомъ Багутти, при коемъ ученики оказываютъ большіе успѣхи; въ Генуѣ есть также обсерваторія, устроенная Барономъ Цахомъ.

Науки и Искуства успѣшно цвѣтутъ въ Туринѣ; Словесность также дѣлаетъ здѣсь усилія сохранить то вниманіе, коимъ одолженъ былъ Туринъ знаменитому гражданину Альфіэри. Если на поприщѣ Трагедіи не видимъ поэта, который нынѣ могъ-бы приближаться къ Альфіэри, за то Г. *Нота* даетъ надежды на блистательные успѣхи въ Комедіи. Его почитаютъ уже превосходнѣйшимъ поэтомъ-комикомъ, изъ всѣхъ явившихся со временъ Гольдони.

Словесность и Художества нынѣ болѣе покровительствуемы въ Пармѣ, нежели въ Моденѣ. Но и въ семъ государствѣ есть отличные ученые люди, есть и *Италіянская Академія*; но, по видимому, здѣсь боятся взять дѣятельнѣйшее участіе въ распространеніи просвѣщенія.

Папскія владѣнія, и особенно столица ихъ, кажется, назначены блистать только въ филологическихъ изысканіяхъ и въ занятіяхъ древностями и художествами. Всѣ почти выходящія здѣсь книги относятся къ симъ предметамъ. Означимъ между прочими: *Римскія записки о древностяхъ и художествахъ*, составляемыя Г-ми Л. и К. *Кардинали*, М. Дж. *Мелькіори* и К. П. *Висконти*. *Аркадскій Журналъ* особенно посвященъ Словесности и Поэзіи; онъ благоговѣйно держится школы Классиковъ. Осо-

Digitized by Google

бенное вниманіе обращено въ немъ на знанія Медицинскія; Астрономіею занимаются также съ успѣхомъ: Римскій Календарь показываетъ необходимость заняться прилежнѣе симъ знаніемъ. *Записки Астрономическія*, изданныя въ недавнемъ времени Г-ми Каландрелли, Конти и Риккебакомъ, заставляютъ желать продолженія сего ученаго журнала. Еще утѣшительнѣе для любителей Философіи должно быть то, что *Основанія Оптики и Астрономіи* Г-на Сетеля, гдѣ доказывается справедливость Коперниковой системы, приняты въ главной Римской Гимназіи (*). Старались было здѣсь возстановить знаменитую Академію des Lincei; но чего можно надѣяться отъ добрыхъ намѣреній новыхъ Академиковъ, въ такой землѣ, гдѣ не позволено публично воздать почести памяти Князя Чези, основателя прежней Академіи?

Политическія знанія находятся здѣсь не въ такомъ состояніи, какъ-бы должно имъ быть. Въ *Журналѣ Аркадскомъ*, говоря о Политической Экономіи, ссылаются на духовныя сочиненія, что кажется довольно несовмѣстно. Творенія Г-дъ Феа и Спедаліери совсѣмъ забыты. Училище Духовнаго Права установлено въ Римѣ, и Профессоръ, монахъ ордена Ѳеатиновъ, торжественно увѣряетъ своихъ учениковъ, что Папа есть источникъ всякой власти на землѣ, ибо онъ единственный намѣстникъ Божій; по этому судите и о прочемъ.

Изъ всѣхъ городовъ Папскаго владѣнія *Болонія* отличается болѣе другихъ: здѣсь менѣе оказываещ-

---

(*) Изъ словъ Г-на С. замѣтно, что до нынѣ этого *не смѣли говорить* въ Римскихъ училищахъ. *Пер.*

Digitized by Google

ся вліяніе Папскаго духа; Словесность и Науки въ почтеніи. Г. Томассини поддерживаетъ Медицинскую систему, донынѣ первенствующую въ Италіи. Споры, возникшіе по поводу системы Г на Разори (*), подали поводъ къ изданію *Журнала новѣйшей Италіянской методы леченія.* Книги, изданн. Г-ми Оріоли, Мондини и друг., помогаютъ успѣхамъ Физическихъ знаній. Г. Оріоли, одинъ изъ ревностнѣйшихъ распространителей новой теоріи, или лучше сказать, опытовъ, касательно градоотводовъ; но занимаясь преимущественно Физикою и Химіею, онъ не оставляетъ изученія древностей, и при обширныхъ своихъ познаніяхъ можетъ дѣлать такія открытія, коихъ гораздо труднѣе достигнуть антикваріямъ не столь опытнымъ въ другихъ знаніяхъ. Болонія никогда не пренебрегала Словесностію и Поэзіею. Вліяніе Литтератора *Пертикари*, распространившееся по всѣмъ болѣе другихъ просвѣщеннымъ городамъ Церковной области, замѣтнѣе прочихъ въ Болоніи: сочиненія Г-на Косты и другихъ писаны въ его духѣ. Предметы одъ Г-на *Леопарди* достойны Музъ Италіи, и его примѣръ, вѣроятно, не останется безъ подражаній.

Множество книгъ Медицинскихъ, Математическихъ и Минералогическихъ, особенно о произве-

---

(*) Это та самая система, которую вводилъ было во Францію Докторъ *Леруа*, система пагубная и изгнанная повсюду. Упоминаемъ о ней, ибо, къ сожалѣнію, мы слышали, что нѣкоторые изъ нашихъ соотечественниковъ, и особенно соотечественницъ, *вѣрятъ еще этой системѣ*, и что шарлатаны тайно осмѣливаются пользовать больныхъ пагубнымъ универсальнымъ лекарствомъ сей системы. Мучительная смерть ожидаетъ тѣхъ, кто ихъ слушается! *Пер.*

Digitized by Google

деніяхъ Везувія, показываетъ, что сими знаніями занимаются въ *Неаполѣ*. *Бурбонское Общество*, замѣнившее нынѣ Геркуланскую Академію и Академію Наукъ, производитъ однакожь мало и его труды не всегда обращены на важнѣйшіе предметы. Не знаемъ, Академики-ли сами, или обстоятельства, этому причиной? *Понтаніева Академія*, именемъ своимъ напоминающая намъ литтературныя заслуги основателя оной въ XVI вѣкѣ, мало приноситъ пользы, идя по старымъ слѣдамъ. *Общество ободренія* можетъ быть гораздо полезнѣе, если слава его не ограничится однимъ названіемъ. Извѣстія о всѣхъ сихъ заведеніяхъ не слишкомъ выгодны для современной исторіи Наукъ и Словесности въ Королевствѣ Неаполитанскомъ; но по сему не должно думать, что науки, коими занимались Вико, Женовези, Пагано и Филанджіери, остаются здѣсь безъ вниманія; напротивъ, ими занимаются въ Неаполѣ болѣе, нежели когда нибудь прежде. Мы могли-бы показать многія тому свидѣтельства; но будетъ-ли благоразумно сдѣлать это, въ то время, когда въ Неаполѣ выходятъ книги *о необходимости инквизиціи?* Не хотимъ думать, чтобы подобныя книги были ободряемы Правительствомъ; но согласиться должно, что гдѣ являются сіи признаки, тамъ трудно развернуться народному генію въ полной его силѣ.

Сіи замѣчанія можно отнести и къ Сициліи. Какія ни были-бы тому причины, число писателей и ихъ произведеній, здѣсь, по пропорціи, гораздо менѣе другихъ мѣстъ Италіи. Впрочемъ, сочиненія Г-дъ Счины, Ферари и проч., также различные

Digitized by Google

опыты Г-на Фодера, показывают, къ чему способны Сицилійцы.

Изъ всего можемъ замѣтить, что хотя вообще всѣ знанія, болѣе или менѣе, не оставлены бездѣйствовать въ различныхъ областяхъ полуострова Италіянскаго, но нѣкоторые однакожь болѣе другихъ обрабатываются, и особенно тѣ, въ коихъ Правительства Италіи не находятъ мнимыхъ опасностей, о которыхъ не перестаютъ еще думать, особливо въ земляхъ, гдѣ вліяніе Папы сильнѣе. Изысканія, и разсужденія объ языкѣ и грамматикѣ всегда занимали и занимаютъ многихъ Италіянскихъ литтераторовъ. Читая ихъ сочиненія, можно подумать, что языкъ Италіянскій, при семивѣковомъ развитіи своемъ и при множествѣ классическихъ писателей, все еще не столько обработанъ, какъ другіе новѣйшіе языки. Надобно, впрочемъ, отдѣлять отъ толпы грамматиковъ и риторовъ незначительныхъ, во всѣ времена наводнявшихъ Италію, многихъ просвѣщенныхъ критиковъ, которые въ спорахъ показали новый свѣтъ ума и знаній и привели оныя въ систему. Въ числѣ твореній подобныхъ критиковъ, должно замѣтить опыты Грасси, Никколини, Пеззаны, Герардини, Аббата Романи, и особенно оконченныя нынѣ Г-мъ Монти Proposta, di alcune correzioni al vocabolario della Crusca.

Большое количество критиковъ занимается нынѣ изъясненіемъ La divina Commedia, Данте. Никогда не было на нее столько комментаторовъ, какъ нынѣ: Со временъ *Варано* и особенно *Монти*, почитатели Данта, кажется, смѣняютъ въ Италіи Петраркистовъ XVI вѣка. Между тѣмъ, какъ многіе отличные поэты стараются подражать красотамъ

великаго Данте, комментаторы безъ усталости изъясняютъ его. Читая ихъ можно сказать, что они видятъ въ творенiи Данте новый Апокалипсисъ, изыскивая въ немъ то, чего совсѣмъ нѣтъ. Такимъ образомъ, ихъ творенiя, нѣкоторымъ образомъ служащiя къ прославленiю Поэта, дѣлаются мученiемъ для читателей. Скажемъ, что нѣкоторые изъяснители увѣряютъ, будто-бы Италiянцы должны всю жизнь свою посвящать изученiю Данте, видя въ немъ единственный источникъ всего, что можно знать. Подобное заблужденiе восторга съ нѣкоторыхъ сторонъ похвально, но впрочемъ большая часть комментарiевъ есть ничто иное, какъ лабиринтъ грамматическихъ замѣчанiй. Не должно смѣшивать однакожь съ сочинителями подобныхъ изысканiй писателей, имѣвшихъ цѣлiю представить замѣчанiя новыя и остроумныя, о томъ, что касается до историческихъ отношенiй, дѣйствительныхъ достоинствъ эпопеи и собственныхъ, принадлежащихъ Данте, достоинствъ. Таковы были послѣднiя изысканiя *Фосколо*, *Россетти*, *Троiа* и друг.

Италiянцы всегда занимались изученiемъ Древнихъ и Восточныхъ языковъ; ни одинъ народъ болѣе ихъ не способствовалъ познанiю древностей и религiй. Съ нѣкотораго времени казалось, что великiе филологи и антикварiи Италiянскiе исчезли съ Висконти, Морчелли, Марини, и проч. Можетъ быть, цѣль подобныхъ изслѣдованiй не соотвѣтствовала уже направленiю духа времени, стремящагося только къ великимъ и важнѣйшимъ открытiямъ. Мы узнаемъ теперь, что Шамполлiонъ далъ Италiянскимъ ученымъ направленiе важное и полезное, своимъ открытiемъ чтенiя Египетскихъ гiероглифовъ. Пось-

Digitized by Google

щая Италію, онъ вездѣ оставлялъ послѣ себя учениковъ и любителей, съ жаромъ устремлявшихся по слѣдамъ его. Неаполь, Болонія, Флоренція, Туринъ и особенно Римъ признали достоинство сего новаго Гермеса, открывшаго новый міръ предъ любопытными взорами антикваріевъ. Ученые Италіи, самые знаменитые, каковы Г-да Маи, Пейронъ, Оріоли и друг., отдали ему справедливость; самый Г. Валеріани, во Флоренціи, оспоривавшій его систему, наконецъ откровенно сознался въ своемъ согласіи.

Италія нынѣ, кажется, болѣе всѣхъ другихъ земель, занята спорами Классиковъ и Романтиковъ. Хотя большая часть правилъ, на коихъ утверждаются классики, кажется намъ болѣе благоразумною и основательною, нежели правила ихъ противниковъ, мы охотно сознаемъ справедливость нѣкоторыхъ возраженій, сдѣланныхъ и сими послѣдними, отвергая тотъ всеобщій догматизмъ классицизма, который хотѣлъ владѣть словесностью и искусствами, также самовластно, какъ владѣла нѣкогда ученостью схоластическая философія. Между тѣмъ, замѣтимъ, что классики повторяютъ правила и подражаютъ примѣрамъ древнихъ, а большая часть романтиковъ, говоря о независимости въ произведеніяхъ Поэзіи, кажется, еще превосходитъ въ подражательности своихъ противниковъ: большая часть романтиковъ нейдетъ впередъ безъ авторитета другихъ, вѣритъ только тому, что сказали ихъ начальники и считаетъ вѣрнымъ свой успѣхъ, когда можетъ захватить себѣ благопріятное мнѣніе какого нибудь журналиста своей школы. Такъ тянется родъ какого-то литтературнаго отголоска, въ которомъ скорѣе узнаете духъ партіи, нежели

Digitized by Google

ту любовь къ истинному и изящному, которая должна оживлять истинныхъ друзей Наукъ и Искуствъ. Не смѣшиваемъ съ толпою писателей по наслышкѣ, тѣхъ людей, которые, по убѣжденію обширнаго ума, не хотятъ оставить безъ вниманія средствъ и выгодъ романтизма; о нихъ хотимъ мы сообщить отдѣльно наше мнѣніе.

Миланская *Италіянская Библіотека* и Флорентійская *Антологія* обыкновенно сражаются, одна за *классицизмъ*, другая за *романтизмъ*. Антологія заключаетъ въ себѣ иногда по нѣскольку страницъ, благопріятствующихъ классикамъ, но преимущественно покровительствуетъ она романтиковъ. Можно сказать, что сіи два Журнала истощили все, что можно было сказать въ пользу защищаемыхъ каждымъ изъ нихъ сторонъ. *Римскій Аркадскій Журналъ* поддерживаетъ классицизмъ, но часто больше съ усердіемъ, нежели съ Философіею: статьи сего Журнала совсѣмъ не имѣютъ той занимательности, какую находимъ въ статьяхъ Библіотеки Италіянской или Антологіи. Г. Герардини въ своемъ переводѣ *Курса Драматической Литтературы*, А. Шлегеля, опровергнулъ нѣкоторыя мнѣнія сего писателя. Онъ изслѣдовалъ потомъ *довольно основательно* правила и теорію романтизма, и въ изданныхъ имъ *Основаніяхъ Поэзіи*, отдалъ преимущество ученію классиковъ. Уважая достоинства Шлегеля, Сисмонди и Г-жи Сталь, которыхъ Италіянскіе романтики считаютъ своими корифеями, Г-нъ Герардини находитъ, что сіи корифеи несогласны между собою и отвергаетъ все, что кажется ему болѣе ново, нежели справедливо. Въ тоже время Г-нъ *Гермесъ Висконти*, по при-

Digitized by Google

нѣру Беккарія, хотѣвшій приложить философическій анализъ къ дѣлу Литтературы и вкуса, издалъ *Разговоръ объ единствѣ времени и мѣста въ Драмѣ.* Если критики и не убѣдились основательностію мнѣній автора, они не могли отказать ему въ великой проницательности. Г-нъ Манзони, одаренный рѣдкими достоинствами и богатый многоразличными свѣдѣніями, ничего не пренебрегъ для поддержанія своей теоріи романтической драмы, которая ни Шекспирова, ни Шиллерова, но его собственная. Ей слѣдуютъ нынѣ многіе романтики Италіянскіе. Манзони изложилъ свою теорію въ *Письмѣ къ Г-ну Ч. объ единствѣ времени и мѣста въ Трагедіи.* Въ двухъ Трагедіяхъ своихъ *(Графъ Карманьола* и *Adelghis)* Манзони хотѣлъ показать практически правила своей теоріи. Онъ, кажется намъ, не успѣлъ въ своемъ намѣреніи. Красоты, правда, явны въ упомянутыхъ твореніяхъ его; но онѣ обезображены величайшими недостатками, и можно сказать, что красотами обязанъ Поэтъ своему генію, а недостатки его суть слѣдствія дурнаго рода литтературныхъ мнѣній, имъ принятыхъ, которыя тщетно старается онъ оправдать въ письмѣ своемъ, выше упомянутомъ.

Весьма-бы важно было наблюдать такое различеніе и оно разувѣрило-бы многихъ критиковъ, которые, смѣшивая дѣйствія генія съ правилами какой нибудь системы, думаютъ имѣть право оправдывать странности сей послѣдней блескомъ перваго. Отъ сего являются посредственные подражатели, лишенные дарованій, и тѣмъ болѣе достойные осужденія, что у нихъ находимъ мы только ошибки

системы и не находимъ никакого достоинства. Въ доказательство того, что мы говоримъ, можно представить историческую трагедію *Беатриса Тенда.* Сочинитель, Г-нъ *Тедальди-Форесъ*, прежде нее, издалъ еще трагедію: *Бондельмонта*: обѣ трагедіи весьма незамѣчательны; въ обѣихъ видно стараніе идти по слѣдамъ Манзони, но многаго недостало сочинителю для достиженія образца; и обѣ трагедіи, хотя написанныя по системѣ знаменитаго писателя, не представляютъ ни одной изъ красотъ, какія находимъ въ его твореніяхъ. *Беатриса Тенда* болѣе другой незанимательна; дѣйствіе оной растянуто и слогъ неопрятенъ.

Замѣчанія, сдѣланныя нами касательно драмы, можно приложить и къ эпопеѣ. Ѳома Гросси, юный поэтъ, у котораго геній не по лѣтамъ, заслуживъ похвалы за свою повѣсть въ стихахъ (*Ильдегонда*), отважился на гораздо обширнѣйшее твореніе; онъ издалъ эпическую поэму: *Лонгобарды въ первый Крестовой походъ.* Въ Италіи говорили, что эта поэма превосходитъ *Освобожденный Іерусалимъ.* Рецензіи, спорныя статьи, тетрадки летѣли со всѣхъ сторонъ. Среди такихъ шумныхъ преній, мы не побоимся сказать, что поэма Г-на Гросси заключаетъ въ себѣ величайшія красоты и недостатки, и снова повторимъ, что недостатки ее обезображивающіе суть слѣдствія романтической теоріи, а красоты принадлежатъ собственно Автору. Онъ ошибся, думая, что тѣже средства, которыя могли одушевить небольшую повѣсть, какова *Илдегонда*, могутъ поддержать интересъ большой эпопеи, и весьма въ этомъ обманулся.

Digitized by Google

Иностранцы, путешествовавшіе по Италіи полагают, что число ученых людей в сей землѣ гораздо меньше, нежели у других народов. Самые Французы без остановки повторяют, что они рѣдко встрѣчали ученых людей, даже в значительных городах Италіянских. Мы позволим себѣ замѣтить, что литтераторы Италіянскіе не соединены и не сосредоточены там в один город, как во Франціи все соединяется в Парижѣ. Исключив столицы государств, болѣе других успѣвших в просвѣщеніи, пусть скажут нам, какіе второстепенные города можем сравнить, по состоянію учености, не только с Миланом, Флоренціею, Римом, Неаполем и Турином, но даже с Пизою, Болоніею, Пармою, Моденою, Павіею, Бресчіею, Вероною, Падуею, Палермо?

Италіянцы занимаются Науками и Словесностію по страсти, а не по ремеслу; они преслѣдуют предметы своих занятій в тишинѣ кабинетов, и если хотим узнать их, там искать их должно, а не в большом свѣтѣ, гдѣ они рѣдко появляются. Вольтер говорил: »*Статуи являются в Италіи повсюду, а люди мыслящіе прячутся; их надобно отрывать* (déterrer).«

Не трудно убѣдиться в том, что знанія распространены в Италіи болѣе, нежели полагают, если сообразим великое число Академій и Обществ Литтературных и ученых (из коих главнѣйшія нами означены) и великое множество журналов всѣх родов, которые в Италіи выходят: в одном Миланѣ их *двадцать*, сверх множества печатаемых там книг.

Наше обозрѣніе (хотя весьма неполное) нынѣшняго состоянія Наукъ и Словесности въ Италіи, даетъ понятіе о направленіи умовъ въ сей прекрасной землѣ и объ литтературныхъ заслугахъ Италіянцовъ, не менѣе облагодѣтельствованныхъ природою въ отношеніи нравственныхъ и умственныхъ способностей, какъ и въ отношеніи климата, благопріятнаго тихой мечтательности, ученому досугу и высокимъ впечатлѣніямъ.

НЕКРОЛОГІЯ. Іосифъ Піацци, Директоръ Неапольской и Палермской обсерваторій, Членъ Академій Наукъ: Неапольской, Санктпетербургской, Туринской, Берлинской, Парижской и мног. другихъ, родился въ Вальтелинѣ (близь Понте), въ нынѣшней Миланской области, 16 Іюля, 1746 г. Онъ останется въ лѣтописяхъ современнаго просвѣщенія, какъ одинъ изъ славнѣйшихъ Астрономовъ нашего времени. Деламбръ, въ историческомъ обозрѣніи своемъ, сказалъ, что для познанія звѣзднаго неба Маскелинъ и Піацци сдѣлали болѣе, нежели всѣ другіе астрономы отъ Иппарха до нашихъ временъ. Піацци учился сначала въ Миланѣ, потомъ въ Брерѣ, гдѣ между наставниками его были Тирабоски и Беккарія. Онъ въ юныхъ лѣтахъ вступилъ въ монашескій орденъ Ѳеатиновъ и приготовленный къ преподаванію Философическихъ и Математическихъ Наукъ, былъ Профессоромъ въ Генуѣ. За нѣкоторыя мнѣнія, показавшіяся дерзкими Доминиканамъ, онъ принужденъ былъ удалиться въ Мальту, гдѣ преподавалъ Математику. Тогда раскрылась вполнѣ

Digitized by Google

склонность его къ Математическимъ наукамъ, и особенно къ Астрономіи. Онъ былъ еще нѣсколько времени Профессоромъ Философіи въ Римѣ и Равеннѣ; потомъ Богословія въ Римѣ; но вездѣ почитали его за дерзкаго безбожника, и въ 1780 г. Піацци отказался совершенно отъ Богословія и Философіи, удалился въ Сицилію и былъ назначенъ Профессоромъ высшей Математики въ Палермо. Здѣсь начинается настоящая жизнь Піацци, ибо человѣкъ начинаетъ жить только тогда, когда выполняетъ назначеніе свое для блага человѣчества. Стараясь разсѣять тму невѣжества, облекавшую новое его отечество, и рѣшась совершенно посвятить себя Астрономіи, Піацци убѣдилъ Короля устроить въ Палермо обширную обсерваторію. Онъ самъ отправился во Францію за астрономическими снарядами; познакомился здѣсь съ Лаландомъ, Бальи, Деламбромъ, и пользуясь отправленіемъ Кассини, Мешеня и Лежандра въ Англію, для измѣренія разности между Гриничскимъ и Парижскимъ меридіанами, поѣхалъ съ ними въ Лондонъ, гдѣ заказалъ Рамздену инструменты. Піацци самъ придумалъ устройство огромнаго круга (cercle vertical), 5 футовъ въ діаметрѣ, съ азимуфами (azimutal). Англійское Правительство не хотѣло допустить вывоза сего новаго инструмента изъ Англіи, полагая его Англійскимъ изобрѣтеніемъ; но Рамзденъ призналъ изобрѣтателемъ Піацци; новый снарядъ и всѣ другія принадлежности обсерваторіи были привезены въ Сицилію. Піацци съ тѣхъ поръ ревностно занялся своимъ любимымъ дѣломъ и продолжалъ его всю жизнь. Онъ почелъ первою необходимостію въ тогдашнемъ состояніи Астрономіи, составленіе каталога звѣздъ. Не при-

Digitized by Google

нимая условій Маскеллина, коими руководствовались современные астрономы (*утвержденная позиція 36 звѣздъ, какъ пунктовъ сравненія вѣрныхъ*), онъ рѣшился все снова подвергнуть самому строгому, практическому наблюденію; съ 1792 года начался его трудъ, и черезъ девять лѣтъ подтвердилось мнѣніе Піацци, что если-бы Фламстеды, Майеры и Лемонье слѣдовали образу наблюденій имъ принятому, открытіе Урана было-бы сдѣлано гораздо прежде Гершеля. Января 1 д., 1801 г., Піацци открылъ новую планету, которую назвалъ онъ *Церерою*, присовокупивъ къ тому имя своего покровителя *Фердинанда*, бывшаго тогда Короля Сициліи (что однако жь въ послѣдствіи оставлено астрономами). Немедленно издалъ Піацци извѣстіе о своемъ открытіи (Risultati delle osservazioni della nuova stella. Палермо, 1801 г., in 12) и потомъ описалъ его подробнѣе въ Della scaperta del nuovo pianeta *Cerere Ferdinandea* (Палермо, 1802 г., in 8). Въ слѣдующемъ году изданы имъ были плоды многолѣтнихъ наблюденій его въ книгѣ: Praecipuarum stellarum inerrantium positiones mediae, ineunte seculo XIX, ex observationibus habitis in specula panormitana ab anno 1792 ad 1802. Здѣсь представилъ Піацци каталогъ 6748 звѣздъ. Трудъ его принятъ былъ съ величайшимъ уваженіемъ; но не смотря на старость свою, онъ неутомимо занялся усовершенствованіемъ его и въ 1814 г. выдалъ *второе изданіе* своей книги, гдѣ описалъ уже 7646 звѣздъ; между тѣмъ онъ отвлекаемъ былъ другими трудами по своей Наукѣ, и издалъ слѣд. важныя сочиненія: Memoria sull' obbliquità dell' ecclittica (въ XI Т. Актовъ Италіянск. Общества); Memoria sulla precessione degli equinozj (въ Ми-

Digitized by Google

ланскихъ Эфемеридахъ, 1804 г.); Ricerche sulla parallasse di alcune principali stelle (въ XII Т. Актовъ Италіянск. Общества); Sulla misura dell' anno tropico solare (ibid. въ XIII Т.); Saggio su' movimenti proprj delle stelle fisse (въ I Т. Актовъ Италіянскаго Института). Въ 1812 г. онъ издалъ описаніе кометы, тогда явившейся (Della cometa del 1811 — Палермо, 1812 г., in 8), гдѣ сказалъ свое мнѣніе, что почитаетъ кометы тѣлами, составляющимися въ безконечности пространства и потомъ разсыпающимися въ прежнее небытіе. Твердо увѣренный въ этомъ, онъ не занимался наблюденіемъ кометъ, считая сей трудъ безвыводнымъ и мало полезнымъ. Еще до того времени Піацци поручено было уравненіе мѣръ и вѣсовъ въ Сициліи, о чемъ издано имъ нѣсколько сочиненій. Онъ отвергалъ всѣ выгодныя предложенія Наполеона, перезывавшаго его въ Болонію. Около 50 лѣтъ прожилъ Піацци въ Палермо, безпрерывно трудился и не хотѣлъ уже переѣхать въ Неаполь, куда въ 1817 г. Король предлагалъ ему переселиться. Піацци ревностно старался о просвѣщеніи Сицилійцовъ, всегда былъ истиннымъ другомъ просвѣщенія, мало думалъ о самомъ себѣ, и все отдавалъ въ пользу наукъ и своихъ согражданъ. Онъ скончался въ глубокой старости, 22 Іюля, 1826 года. Славный Боде родился только полугодомъ послѣ его и умеръ въ одномъ съ нимъ году, переживъ его только 4-ю мѣсяцами. Почти въ одинъ годъ Европа лишилась Лапласа, Піацци, Боде и Шуберта.

Digitized by Google

Digitized by Google

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

*На кончину ***.*

(Изъ Жанъ-Поля.)

Въ ту минуту, когда ты, въ бѣлой брачной одеждѣ,
Вышняго тайнаго міра невѣста, земную корону
Тихо сняла, и землѣ возвратила, и въ свѣжемъ, изъ зрѣлой
Жатвы, вѣнкѣ, отъ насъ полетѣла — все зарыдало!
Плакалъ, кто только слыхалъ о тебѣ; но болѣе плакалъ
Зрѣвшій тебя, и тѣ, кого прижимала ты къ сердцу,
Слезъ найдти не могли, а послѣ ихъ счесть не умѣли.
Время придетъ: намъ завидовать будутъ въ великомъ, въ прекрасномъ,
Будутъ завидовать въ счастьи, насъ посѣтившемъ; по скорби;
Скорби, съ какой мы его отъ себя проводили, не вспомнятъ!
Въ ту минуту, когда бытіе для нее начиналось,
Ангелъ жизни ея предсталъ предъ Судьбой и сказалъ ей:
Много вѣнковъ у меня для младенца: изъ лилій сплетенный,
Свѣжій вѣнецъ красоты, и брачный изъ миртъ; и корона;

Digitized by Google

Есть и лавровый вѣнецъ, Германскія правды и чести;
Есть и терновый . . . . . Который избрать назначаешь младенцу?«
— Всѣ избираю! — сказала Судьба . . . Но остался единый,
Все-награждающій! Въ день испытанья, когда появился
Смерти вѣнецъ на высокомъ челѣ, унывающій Ангелъ
Снова предсталъ, и однѣ лишь слезы его вопрошали;
Голосъ воскликнулъ: *воззри!* Онъ воззрѣлъ . . . а надъ ней — *Искупитель!*

Смерть Данта.

(Дантъ, изгнанный изъ своего отечества Флоренціи и до сего скитавшійся по Италіи, наконецъ пріютился у Гвида Полента, владѣтеля Равенскаго, котораго дочь Франческа Римини, убитая мужемъ въ объятіяхъ любовника, была воспѣта Дантомъ, въ пятой пѣсни его Ада. Знаменитый пѣвецъ умеръ изгнанникомъ, въ объятіяхъ великодушнаго друга своего Поленты.)

Дантъ.

Пѣвца-изгнанника послѣдній покровитель,
Полента! я иду въ ту мирную обитель,
Которую давно отъ бурь себѣ избралъ:
Для гостя твоего послѣдній часъ насталъ!
Ты Данта не отвергъ, ты старцу въ утѣшенье
Скитавшемуся былъ . . . прими благодаренье:
Да наградитъ тебя небесный нашъ Отецъ!

Полента.

Нѣтъ, нѣтъ! твоихъ друзей, божественный пѣвецъ,
Еще не оставляй! Тебѣ вѣнки лавровы

Digitized by Google

Италія плететъ; сограждане готовы
Тебя со славою принять въ родимый градъ. . . .

Дантъ.

Ужь поздно! Мертваго они не воскресятъ!
Приподыми меня, Полента, дай мнѣ руку:
Хочу я воздухомъ мою развѣять муку . . . .
Веди ослабшаго. . . . Я сяду близь окна;
Дорога изъ него къ Флоренціи видна. . . .
Вотъ такъ; благодарю.

(*Садится.*)

Полента.

О чемъ мечтаешь ты?

Дантъ.

Вы измѣнили мнѣ, любимыя мечты!

(*задумывается*)

Когда я пѣлъ, землей и небомъ вдохновенный,
Высокій гимнъ Творцу, былъ голосомъ вселенны;
Къ жестокой родинѣ любовію горѣлъ,
И въ славѣ я искалъ изгнанія предѣлъ,
Мечталъ поэмою открыть стезю къ отчизнѣ
И упокоить тамъ остатокъ бурной жизни!
Тогда-бъ въ тотъ свѣтлый храмъ, гдѣ смертный грѣхъ омылъ
Водой крещенія, я въ торжествѣ вступилъ
И надъ купелію принялъ вѣнокъ мой. . . Гдѣ я?
Ахъ! я въ Равеннѣ! . . .

Полента.

Дантъ! или во мнѣ злодѣя
Ты здѣсь нашелъ?

Дантъ.

Прости, мой благородный другъ!

Ахъ! рѣчь невольную, и горе, и недугъ
Изъ сердца вырвали! Нѣтъ, нѣтъ, мои страданья
Ты облегчилъ! Прости! Не знаешь ты изгнанья,
И на престолѣ ты его не испыталъ;
Я по Италіи скитаяся, узналъ,
Какъ солонъ хлѣбъ чужой и какъ крута дорога
На чуждое крыльцо. Полента! много, много
Я странникомъ терпѣлъ: на старца не сердись.

Полента.

Друзьями вѣчно быть взаимно мы клялись.

Дантъ.

Такъ! ты одинъ мой другъ! Флоренція! съ тобою
Я узы всѣ расторгъ; ты адскою враждою,
Непримиримая, всю жизнь меня гнала,
И въ ранній, чуждый гробъ, бездомнаго свела. . . .

. . . Ты мнѣ не родина! не признаю тебя!
Не твой пѣвецъ, не сынъ! здѣсь въ землю слягу я!
Не погребешь меня! Я мертвою рукою
Твой камень гробовой съ моей могилы срою!
Полента! поклянись не выдавать мой прахъ!

Полента.

Не выдамъ, Дантъ!

Дантъ.

Клянись!

Полента.

Или въ моихъ словахъ
Ты сомнѣваешься?

Дантъ.

Клянись!

Полента.

Клянусь святыней!

Digitized by Google

Дантъ.

Но клятва на тебѣ не на одномъ; на сынѣ,
На внукѣ, правнукахъ, на родѣ всемъ лежитъ,
И горе племени, когда ей измѣнитъ!
Клянись за весь твой родъ!

Полента.

Клянусь всесильнымъ Богомъ!

Дантъ.

Теперь спокоенъ я. — Полента! объ убогомъ
Ты въ счастьи не забылъ, все далъ ему, что могъ;
Прими-же отъ пѣвца, отъ странника, въ залогъ
Признательности, все, что съ жизнью оставляю:
Мои творенія. Тебѣ ихъ завѣщаю!
Сей свитокъ сохрани; онъ съ Дантомъ не умретъ,
И скоро вся сюда Италія придетъ,
Какъ къ свѣжему ключу, въ немъ черпать вдохновенья,
И будутъ ей мои оракуломъ видѣнья!

Полента.

О Дантъ, безсмертный Дантъ! Ахъ, ежели знакомъ
Тебѣ моленій гласъ, и если этотъ домъ
Пріютомъ былъ тебѣ, забвеніемъ страданій,
Не отвергай, молю, отцовскихъ заклинаній;
Ты самъ отецъ, о Дантъ!

Дантъ.

Что хочешь? говори?

Полента.

Еще ты живъ, и вотъ твой свитокъ; ахъ! сотри
Любовь, судьбу и смерть, воспѣтыя тобою,
Франчески дочери!

Digitized by Google

Дантъ.

Безумный!

Полента. (*Бросается къ ногамъ его*)

Предъ тобою
Здѣсь повергаюсь я, пѣвецъ, какъ предъ судомъ
Всего потомства! Дантъ! ты сжалься надъ отцомъ,
Несчастной дочери не разглашай позора,
Изъ ада выведи, оставь безъ приговора!
Она мнѣ стоила столь многихъ, многихъ слезъ;
Когда-бъ ты зналъ ее . . . .

Дантъ.

Полента! много слезъ
Я самъ пролилъ въ часы подземнаго свиданья;
Какъ трупы падаютъ, упалъ я отъ рыданья,
Увидя тѣнь ея. Тебѣ прощаю я
Безумную мольбу: Франческа дочь твоя!
Возстань: иль ты мечталъ, я могъ безъ вдохновеній
Духовный міръ воспѣть, и видѣть безъ видѣній?
Пройдти сквозь Адъ и Рай, живой въ толпѣ тѣней,
И мертвый, хладный міръ, создать въ душѣ моей? . . .
Полента — я не богъ! Взгляни, я умираю,
Какъ смертный! Хладный трупъ: вотъ все что оставляю;
Но нѣкогда сей трупъ былъ духомъ оживленъ
Божественнымъ, былъ имъ въ святилище введенъ,
И не мои слова въ устахъ моихъ гремѣли.
Когда-бъ не истину они запечатлѣли,
Тогда-бъ страшился жизнь межъ тѣми потерять,
Которые сей вѣкъ минувшимъ будутъ звать.

Полента.

Безмолвствую, о Дантъ! въ слезахъ благоговѣю.

Digitized by Google

Дантъ.

Но время . . . смерть въ очахъ: я гасну и хладѣю.
Дай руку мнѣ, сожми; прости, не забывай. . . .
Богъ искупитель мой! прими меня въ Твой рай. . .

А. Муравьевъ.

Лохъ Ломонъ (*).

Первое замѣчательное мѣсто, означенное въ моемъ дорожникѣ, было Дунфіонъ или гора Фингала, еще сохранившая нѣкоторые слѣды древняго стана сего героя. Далѣе простирается Рушай - Дель (Rushy - Dale), или Тростниковая долина, извѣстная кровавой сшибкой Колкгуновъ съ Макгрегорами, около начала XVII столѣтія. Ломонское озеро показывалось вправо и украшало безпредѣльность небосклона неимовѣрнымъ разнообразіемъ видовъ своихъ. Напрасно ожидали-бы отъ меня тщетнаго усилія описать оное. Кто можетъ передать уму и сердцу, посредствомъ хладныхъ чернилъ и безплодныхъ буквъ, тѣ ощущенія, которымъ самъ дивишься, прежде не обрѣтая силы, потребной для испытанія оныхъ! Кто можетъ описать сіе озеро, лежащее между горъ и усыпанное островами разнообраз-

(*) Озеро въ Шотландіи, въ Дунбартонской области. *Пер.*

ными, изъ коихъ одни, важные и величественные, покрыты мрачными тѣнями деревъ, сливающимися съ цвѣтомъ водъ, ибо озера Каледоніи суть мрачныя озера Оссіана; природа другихъ еще болѣе уныла и угрюма: кой-гдѣ на ихъ поверхностяхъ подъемлются обнаженныя скалы, на коихъ отблескъ свѣта отражается чудесными тѣнями, или купы цвѣтущихъ горныхъ кустарниковъ; многіе изъ сихъ островковъ украшаются прохладою береговъ, прекрасными рощами, букетами высокихъ деревъ, стоящими, какъ-бы великія тѣни, на шелковистой муравѣ: прелестный садъ, гдѣ душа въ упоеніи предается восторгу и котораго велерѣчивая краса говоритъ сердцу! Я видѣлъ поселянина неподвижнаго передъ озеромъ: устремивъ взоры свои на оное, онъ, казалось, погружался въ глубокое размышленіе. Я приблизился къ нему и отвлекъ его отъ созерцанія. Онъ взглянулъ на меня и поднявъ руку къ небу, сказалъ со вздохомъ: Fine country (прекрасная земля)!

Ломонское озеро, по своей пріятности, величинѣ, разнообразію живописныхъ видовъ и дѣйствій имъ производимыхъ, говоритъ отличный путеводитель Чапмана, можетъ почесться занимательнѣйшимъ и великолѣпнѣйшимъ въ Великобританіи. Что касается до меня, видѣвшаго много странъ, нахожу, что оно есть одно изъ важнѣйшихъ и великолѣпнѣйшихъ зрѣ-

Digitized by Google

зницъ природы, я надѣюсь, что читатель, сколько-бы онъ ни былъ недоступенъ къ таковымъ красотамъ, также его оцѣнитъ безъ помощи гиперболъ. Пускай онъ представитъ себѣ озеро, съ тридцатью двумя островами, на поверхности его лежащими, изъ коихъ многіе простираются на нѣсколько миль длины, озеро, окруженное на небосклонѣ своемъ цѣпью горъ, изъ коихъ многія болѣе 500 саженъ вышины; пусть прибавитъ онъ къ сему топографическому очерку дѣйствіе, производимое разнообразіемъ растеній, всегда прекрасныхъ или величественныхъ, и непостоянство свѣта и тѣни въ сихъ глубокихъ ущеліяхъ, гдѣ солнце является и исчезаетъ безпрестанно, проходя за горами ихъ окружающими; чудесный видъ паровъ, вѣнчающихъ вершины сихъ горъ, въ странѣ, такъ сказать, освятивщей миѳологію облаковъ; странный грохотъ отзывовъ, передающихъ на безконечныя пространства одинъ другому малѣйшій шумъ волны, и наконецъ, приносящихъ какое-то благозвучное трепетаніе, подобное исчезающему въ послѣднемъ отзывѣ, издаваемомъ струною арфы; преданія сихъ первыхъ временъ и имена Оссіана, Фингала, Оскара, перешедшія съ памятью ихъ подвиговъ и пѣсней, къ жителямъ сихъ странъ, такъ живо, какъ пѣсни героевъ позднѣйшихъ временъ, и сего самаго Робъ-Роя, которымъ Каледонянинъ, движимый вели-

Digitized by Google

кимъ удивленіемъ или предметомъ необычайнаго страха, клянется еще нынѣ, подобно Римлянамъ, клявшимся именемъ Геркулеса. Наконецъ, я не упомянулъ въ семъ исчисленіи о трехъ чудахъ Ломонскаго озера, на которыя перевощики всегда указываютъ путешественникамъ: о пловучихъ островахъ, волнахъ безъ вѣтра и рыбахъ безъ плавательнаго пера. Сія весьма обыкновенная рыба, употребляемая жителями края и почитаемая за змѣю путешественниками, есть ужъ, весьма невинный, *coluber natrix*, если не ошибаюсь.

Древніе назвали Ломонское озеро прекраснымъ именемъ *Линкилидоръ*, съ Гальскаго *Llyn-celydd-dur* (воды осѣненныхъ горъ). Названіе Ломонскаго оно получило отъ высочайшей и чудеснѣйшей изъ горъ своихъ, Бенъ-Ломона, замѣчательной по совершенно обнаженному конусу, который вѣнчаетъ ее. *Llwmonry* значитъ *лысая гора*. Симъ прекраснѣйшимъ видамъ Валтеръ Скоттъ обязанъ счастливымъ вдохновеніемъ своимъ. Но какого Поэта не посѣтило бы оно при видѣ *Линкилидора* и какое живописное мѣсто не возбудилобы вдохновенія въ блестящемъ Оссіанѣ новѣйшей Шотландіи? Только такая природа можетъ произвести такую Поэзію.

(Съ Французск. М.)

Необходимость переписки между родными.

Кто противъ дяди и невѣжества?

Кн. Одоевскій.

Здравствуйте, дядюшка, сказалъ я, входя въ комнату дяди моего, недавно пріѣхавшаго въ Москву.

Здорово, мой милый, сказалъ онъ. Что это братъ? ты совершенно забылъ меня! Хоть-бы строчкой порадовалъ?

Я. Помилуйте, дядюшка, я писалъ къ вамъ нѣсколько разъ.

Онъ. Да, вотъ ужъ съ мѣсяцъ, какъ я не получалъ отъ тебя писемъ; послѣ того, какъ ты извѣстилъ меня о помолвкѣ сестры твоей и выходѣ своемъ изъ пансіона, ты вдругъ замолчалъ.

Я. Да, о чемъ-же мнѣ писать, дядюшка? Если наполнить письмо только одними учтивыми фразами и увѣрять въ покорности своей къ услугамъ вашимъ, такъ объ этомъ писать нѣчего: надобно доказывать любовь свою къ роднымъ не на письмѣ, а на дѣлѣ.

Онъ. Да, все таки, хоть-бы что нибудь да написалъ.

Я. Ахъ, дядюшка! — Письмописаніе доведено у насъ до такой степени совершенства, что если примемся за перо, то напрасно будемъ искать новыхъ выраже-

Digitized by Google

ній; всѣ они ежедневно разъѣзжают по губерніямъ, такъ, что иногда подумаешь, будто играешь въ воланъ съ тѣмъ, съ кѣмъ имѣешь переписку. Посылаешь фразу; чрезъ нѣсколько времени она летитъ назадъ, и я не удивляюсь, что говорятъ, будто намагнитизированные могутъ читать письма, не будучи въ состояніи сомнамбулизма: я берусь разсказать вамъ содержаніе многихъ писемъ. Притомъ-же учтивыя фразы, эти уродливыя дѣти моды, вовсе не должны-бъ быть употребляемы между родными. Я обязанъ почитать ихъ и не хочу давать подписки въ моемъ почтеніи; на что имъ она? Развѣ въ случаѣ моего неуваженія уличить меня собственною рукою?

Онъ. Да, иногда желаешь знать о здоровьѣ отсутствующаго.

Я. Но если кромѣ этого писать не о чемъ, такъ надобно написать только, что я здоровъ, или дополнить письмо, опять повторяю, уродливыми дѣтьми обыкновенія.

Онъ. Ну, сказать о *здоровьѣ* . . . спросить о *здоровьѣ* того, къ кому пишешь, и пожелать ему *здоровья*, счастія, благополучія . . . сказать, какъ проводишь время. . .

Я. И поговорить о погодѣ, спросить какова у васъ! Нѣтъ, дядюшка, не знаю какъ вамъ, а мнѣ скучно читать и писать такого рода письма. Да, притомъ, они отвле-

Digitized by Google

каютъ отъ занятій, а въ нихъ — не найдете ничего! Чтожъ касается до пожеланія здоровья, то я желаю его всѣмъ и каждому, тѣмъ болѣе роднымъ и вообще людамъ, мною уважаемымъ и любимымъ. Слѣдовательно, вы и безъ моего письма можете быть увѣрены, что я вамъ желаю здоровья, счастія, а съ своей стороны я увѣренъ, что и вы мнѣ того-же желаете.

Онъ. Но если, сверхъ чаянія, ты боленъ, если тебѣ нужна будетъ моя помощь, мои совѣты!

Я. А! нужна помощь! вотъ въ такомъ случаѣ я напишу къ вамъ.

Онъ. Слѣдовательно, надобно писать только тогда, когда принудитъ необходимость? Но можетъ статься, этого никогда не случится, или будетъ случаться рѣдко, и такъ ты будешь переписываться изъ году въ годъ?

Я. Напротивъ; на примѣръ, если-бы я куда нибудь уѣхалъ, то конечно увѣдомилъ бы васъ о томъ, благополучно-ли я доѣхалъ; можетъ быть, вздумалось-бы мнѣ разсказать какія нибудь новости, что очень часто случается; но если ихъ нѣтъ, если и увѣдомить не о чемъ, и разсказать нѣчего, тогда, что прикажете писать? Опять повторлю: пустыя увѣренія въ любви, въ почтеніи?

Онъ. Да, хоть-бы ты мнѣ написалъ, что ты дѣлалъ въ продолженіи этого мѣсяца.

Digitized by Google

Я. И такъ я долженъ буду посылать вамъ ежемѣсячный журналъ моей жизни; ибо, можетъ быть, и въ будущій мѣсяцъ нечего будетъ описывать кромѣ моего времяпрепровожденія, положимъ, веселаго, но оно весело было для меня, а вамъ что въ этомъ пользы? Притомъ-же, жизнь моя почти всегда единообразна, и чтобы не надоѣсть вамъ однимъ и тѣмъ-же, чтобы занять васъ, я долженъ буду прибѣгнуть къ вымыслу, или, не желая наскучить и писать небывальщину, прибѣгнуть къ наполненію письма вздоромъ учтивостей!

Онъ. Да чтожъ такое? Хоть вздоръ; хоть однѣ учтивости, я и тѣмъ доволенъ; только непремѣнно надобно писать, потому что *между родными такъ водится.*

По неволѣ скажешь съ К. Одоевскимъ, думалъ я: *кто противъ дяди и невѣжества*; согласился, и по отъѣздѣ своего дядюшки каждую почту пишу къ нему и не рѣдко играю съ нимъ въ воланъ, словами: *я здоровъ, чего и вамъ желаю.* Признаюсь, что писать письма, для того только, чтобы писать, очень незанимательно; но что дѣлать? Не пишешь: говорятъ *забылъ, не любитъ!* и — вотъ перо снова должно увѣрять въ любви и почтеніи, и писать, что уже писано было нѣсколько разъ, а между тѣмъ жаль бѣднаго времени! Изволь трудиться такимъ образомъ въ перебрасываніи *сѣмо* и *овамо* обыкновенныхъ выраженій и убивай часы;

Digitized by Google

иногда нужные для другихъ или для себя самого. Ахъ, Милостивые Государи! такія письма цѣлыми кипами ежедневно пріѣзжаютъ во всѣ почтамты. На примѣръ, если имѣютъ случай переслать письмо чрезъ кого-либо, то пишутъ такимъ образомъ:

Милостивый Государь (дядюшка, дѣдушка).

(N. N. P. P.)

При сей вѣрной оказіи не могъ преминуть, чтобы не засвидѣтельствовать вамъ моего нижайшаго почитанія и преданности. Я, слава Богу, здоровъ, чего и вамъ отъ всего сердца (отъ всей души, сердечно, душевно) желаю. Засвидѣтельствуйте мое почтеніе (дядюшкѣ, тетушкѣ и проч.); пишите къ намъ почаще.

За симъ съ почтеніемъ и преданностію пребыть честь имѣю, покорный ко услугамъ вашимъ,

Милостивый Государь,

такой-то.

Если нужно отвѣчать на письмо, то пишутъ такимъ образомъ:

Пріятнѣйшее письмо ваше имѣлъ я удовольствіе получить. Очень радъ, что вы здоровы; о себѣ скажу, что я, слава Богу, здоровъ. За симъ, желая вамъ счастія и благополучія, съ истиннымъ почтеніемъ

Digitized by Google

и неизмѣрною преданностію пребыть честь имѣю, вамъ,

Милостивый Государь,

покорный ко услугамъ

такой-то.

Разумѣется, что здѣсь могутъ быть иногда прибавки; какъ на примѣръ: если письмо пишется женатымъ, то мужъ прибавляетъ: *жена моя вамъ кланяется, а не пишетъ потому, что въ отлучкѣ или нездорова* (хоть это по большой части и вздоръ). Иногда заочно *цѣлуютъ родительскія ручки, просятъ родительскаго благословенія, жалуются на нездоровье,* которому причиной полагаютъ непогоду (хотя-бы это произошло отъ чрезмѣрнаго аппетита); заочно цѣлуютъ милыхъ малютокъ: Сашеньку, Петиньку, Митрофанушку и пр. Если-же супруга, съ трудомъ преодолѣвая лѣнь, наконецъ рѣшится взять перо, то приписываетъ къ письму мужа экстрактъ изъ его вѣжливостей, начиная: »При семъ и я, Милост. Государь...« и пр. Еще скажемъ, что дѣвушка къ дѣвушкѣ пишетъ обыкновенно: Ma chère cousine. Но если она ей неродня? скажетъ Критикъ. Нужды нѣтъ, Мил. Гос., У нашихъ красавицъ такое обыкновеніе, что какъ скоро познакомились, такъ и говорятъ: *Кажется, мы съ вами свои;* начинаютъ выводить родословную (едва-ли не отъ Адама), и наконецъ *кузинятся* (т. е. сшива-

Digitized by Google

ются узами родства). Попробуйте переписать всѣхъ кузинъ, на примѣръ, у дѣвицъ *АВС*. *DC*. *ВТ*. и пр. Нѣтъ, Мм. Гг., не станетъ бумаги! Красавицы наши желаютъ быть всѣ сестрами, желаютъ золотаго вѣка, если не для насъ, то по крайней мѣрѣ, для своего пола. — За симъ съ почтеніемъ и преданностію пребыть честь имѣю, вамъ, Мил. Госуд., читатели или Мм. Гг., читательницы (какое счастіе, если онѣ найдутся!), покорный ко услугамъ,

И. Н—въ.

II. СМѢСЬ.

Журналистика.

Недавно, во *Всеобщей Библіотекѣ* (Bibliothèque Universelle) мы съ удивленіемъ читали статью о Русской Литтературѣ: и не льзя было не удивляться, смотря на ошибки и странныя мнѣнія, какими она наполнена. Надобно знать, что эта статья извлечена Издателями *Библіотеки* изъ книги, изданной въ половинѣ прошлаго года, въ Парижѣ, Адріаномъ Бальби, подъ названіемъ: *Этнографическій Атласъ земнаго шара* (Парижъ, in 8, CXLIII и 415 стр. и огромный атласъ in fol.), которая получена теперь и въ Москвѣ. Г-нъ Бальби посвятилъ Русскому языку и Русской Литтературѣ огромную статью. Объ языкахъ всѣхъ почти другихъ народовъ доставили ему свѣдѣнія извѣстнѣйшіе ученые: *Агубъ*, *Шези*, *Шамполліонъ*, *Дюперре*, *Фрейсине*, *Гарсенъ-де-Тасси*, *Галатинъ*, *Гумбольдтъ*, *Жомаръ*, *Жоберъ*, *Клапротъ*, *Копитаръ*, *Крузе*, *Марціусъ*, *Молльенъ*, *Пашо*, *Риттеръ*, *Абель-Ремюза*, *Сенъ-Мартенъ*, *Шпиксъ*, *Варденъ* и проч. Только наша бѣдная Литтература досталась не въ такія руки. Какой-то *молодой Русскій дворянинъ и Литтераторъ* (un jeune seigneur russe, jeune littérateur: слова Г-на Бальби, на стр. 192 и 321), не пожелавшій объявлять своего имени, объѣздившій Европейскую и Азіятскую Россію, бывшій въ Тобольскѣ, Харьковѣ, Москвѣ и Санктпетербургѣ, а потомъ въ Парижѣ и оставившій Парижъ въ 1825 году, составилъ

для Г-на Бальби статью о Русскомъ языкѣ и Русской Литтературѣ. По всѣмъ примѣтамъ не можемъ угадать, кто этотъ *юный Литтераторъ*, нашъ соотечественникъ, и весьма жалѣемъ, что на благонамѣренный вызовъ иностранца онъ подарилъ его статьею, самою невѣрною и ошибочною. Правда, онъ принялъ на себя всю отвѣтственность за погрѣшности, и потому мы спѣшимъ предупредить читателей, что по статьѣ о Русской Литтературѣ, они не должны заключать о всей книгѣ, которая есть превосходное ученое произведеніе, стоющее полной благодарности просвѣщенныхъ читателей. Статьѣ о Русской Литтературѣ мы назначаемъ въ Телеграфѣ подробный разборъ, который въ то же время будетъ переведенъ на Французскій языкъ и отосланъ къ Парижскимъ Журналистамъ. Мы поспѣшимъ сдѣлать это тѣмъ болѣе, что книга Г-на Бальби, принятая съ отличною похвалою, уже переводится на Нѣмецкій языкъ, и невѣрныя сужденія и ошибки нашего соотечественника могутъ ввести въ заблужденіе не знающихъ нашей Литтературы и появляясь въ книгѣ замѣчательной составить нѣкоторый авторитетъ. Къ статьѣ неизвѣстнаго Литтератора, присовокупилъ еще прибавленіе Г-нъ Нейенкирхенъ, знаемый у насъ по переводамъ нѣсколькихъ книгъ и статей съ Русскаго на Нѣмецкій языкъ. Этой прибавочной статьи не льзя читать безъ изумленія. Скажемъ для примѣра, что главнѣйшимъ изъ Русскихъ юриспрудентовъ въ ней названъ — *Г-нъ Филимоновъ* (издавшій лѣтъ за 30 тъ брошюрку объ Естественномъ Правѣ); главнѣйшимъ изъ Русскихъ поэтовъ и прозаиковъ названъ, онъ-же *Г-нъ Филимоновъ*, за его Собраніе сочиненій и переводовъ

Digitized by Google

(*Проза и Стихи*, *В. Филимонова.* М. 1822 г.). лучшими трагедіями Русскими показаны: *Мароа Посадница*, соч. Ѳ. Иванова, *Персей*, соч. Г-на Ростовцова и *Сафо*, соч. Г-на Сушкова'!! Послѣ сего вините иностранцовъ, когда имъ Руские, или изъ Россіи доставляютъ подобныя свѣдѣнія, и надобна-ли критика для отраженія такихъ литтературныхъ странностей?

Въ сей книжкѣ Телеграфа помѣстили мы статью объ Италіянской Литтературѣ, соч. Г-мъ Сальфи. Предупреждаемъ читателей, что передавая оную вполнѣ, мы не соглашаемся безусловно во всѣмъ тѣмъ, что говоритъ Г-нъ Сальфи о Теоріи Изящныхъ Искуствъ: читатели видятъ его мнѣнія, во многомъ, какъ намъ кажется, весьма ошибочныя и требующія повѣрки. Трудно согласиться безъ справокъ, что-бы Г-нъ Герардини доказалъ несправедливость мнѣній Шлегеля, и чтобы погрѣшности Г-дъ Манзони и Гросси происходили отъ ложныхъ правилъ, а не отъ чего нибудь другаго. Романтизмъ имѣетъ сильныхъ защитниковъ въ самой Италіи. Услышимъ что они будутъ отвѣчать Г-ну Сальфи, который, кажется, и не вполнѣ понимаетъ, чего хотятъ нынѣшніе романтики и не можетъ отстать отъ милыхъ ему предразсудковъ. Не странно-ли приписывать романтизму, что многіе послѣдователи сей теоріи пишутъ дурно? Беремся представить Г-ну Сальфи столько-же примѣровъ дурныхъ классиковъ, сколько представилъ онъ примѣровъ дурныхъ романтиковъ. Присовокуплять примѣчанія къ его статьѣ мы почли ненуж-

нымъ. Читатели Телеграфа могутъ знать наше собственное мнѣніе о романтизмѣ, которое раскрываемо было во многихъ статьяхъ Телеграфа; вѣроятно, еще довольно случаевъ представится намъ говорить о семъ важномъ предметѣ.

Журальный сыщикъ.

Парижскія моды (*).

Des bérets en moire, en gros de Naples rose ou bleu sont recouverts de tulle ou de blonde, et ornés, à droite, de deux longs esprits à pied rose ou bleu, placés l'un au-dessus de l'autre. Au côté gauche, est une rosette d'étoffe bordée de blonde, d'où pendent deux larges brides en blonde.

La coeffure la plus générale est un bonnet de gaze lisse bleue ou rose, à grandes ailes, et à calote plate. Les bonnets de ce genre sont ornés de fleurs légères, telles que muguet, clématite, myosotis, ou aube-épine.

Les capotes les plus à la mode sont de gros de Naples bleu: leur forme ou calote est ronde; et leur passe très-longue, mais un peu cintrée sur les oreilles.

On a remarque à Tivoli une mantille d'une nouvelle forme; ses bouts pendans sont en tulle uni et coupés carrément. Vers le bas, une large marguerite est brodée en reprises. La mantille n'est arrondie ni sur les épaules ni sur le dos. Le derrière, froncé dans le bas, est retenu par une ceinture en ruban de gaze qui passe dans les fronces et vient former noeuds à deux coques et deux bouts très-courts sur le devant. Cette mantille ressemble à un canezou qui ne serait pas fermé sous les bras. Des jockeis ronds, doubles et croisés

---

(*) До 20 Іюня (н. с.) 1827 г.

offrent quatre marguerites brodées en reprises. Un collet renversé présente deux pointes et une marguerite dans chacune.

Les sacs les plus nouveaux sont de moire rose, bleue ou jaune oiseau-de-paradis; ils ont la forme d'un coeur et sont bordés d'un liseré dont la couleur diffère de celle du sac. L'ouverture est placé à la pointe du coeur. En cet endroit sont deux larges pattes doublées d'étoffe de la même nuance que le liseré et froncées. Deux rubans attachés à ces pattes servent à suspendre le sac.

Jamais on n'a tant porté de cot-pali brodé en soie plate que cette année.

Digitized by Google

Береты, изъ морелевой матеріи и гроденапля розоваго или голубаго, дѣлаются, съ тюлемъ или съ блондами, и убираются, съ правой стороны двумя длинными *эспри*, у которыхъ концы розоваго или голубаго цвѣта. Съ лѣвой стороны розетка изъ шелковой матеріи, окруженная блондами; отъ нея висятъ двѣ блондовыя завязки (brides).

Самый употребительный головной уборъ: чепчикъ, изъ гладкаго газа, голубаго или розоваго цвѣта, съ большими крыльями и плоскою тульею. Сіи чепчики убираютъ небольшими цвѣтами, какъ-то: ландышами, жигучкой (clématite), сокольей травою (myosotis) и боярышникомъ (aube-épine).

Самые модные капоты (шляпки) гроденаплевыя, голубыя. У нихъ тулья круглая и поля весьма длинныя, надъ ушами немного выгнутыя.

На прогулкѣ въ Тиволи замѣтили мантилью новаго рода: висячіе на передъ концы изъ неразрѣзнаго тюля и обрѣзаны квадратно. Низъ вышитъ маргеритками. Мантилья не округлена ни на плечахъ, ни на спинкѣ: задняя сторона ея въ складкахъ и и придерживается поясомъ (изъ газовой ленты), который проходитъ въ складки и образуетъ на переди таліи бантъ, съ короткими кончиками. Вообще мантилья походитъ на канезу, только не обхватываетъ рукъ подъ плечами. Круглые, двойные и перекрестные лацканы вышиты маргеритками. Два цвѣточка такихъ-же вышиты на двухъ углахъ лежачаго воротничка.

Digitized by Google

Самые новые *ридикюли* дѣлаютъ изъ морелевой матеріи, розоваго, голубаго или желтаго-райской птички, цвѣтовъ. Они имѣютъ фигуру сердца и окружены лизере цвѣта отличнаго отъ цвѣта самаго ридикюля. Отверстіе ихъ въ верхней сторонѣ; его закрываютъ двѣ лапы со складками, съ подкладкою изъ матеріи того-же цвѣта, какъ лизере. На двухъ лентахъ, прикрѣпленныхъ къ лапамъ носятъ ридикюль.

Никогда не носили столько платьевъ изъ коппали, вышитаго шелкомъ, сколько носятъ ихъ въ нынѣшнемъ году.

На приложенной картинкѣ:

Италіянская соломенная шляпка, убранная цвѣтами, колосьями и лентами атласными. Органдинное платье, убранное воланами. Кисейное *фишю*, вышитое, и убранное тюлемъ.

Digitized by Google

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. НАУКИ и ИСКУСТВА.

Письма изъ Сибири.

(Продолженіе.)

Березовъ, при всемъ отдаленіи, не только отъ ѳеатра славы, но и отъ обыкновеннаго общежитія, имѣетъ свои воспоминанія, косвенно принадлежащія къ безсмертнымъ временамъ Петра Великаго. Здѣсь въ заточеніи кончилъ свою жизнь, столько-же необыкновенную, какъ и поучительную, сотрудникъ и любимецъ Преобразователя Россіи, Меньшиковъ.

При имени сего знаменитаго изгнанника не льзя было удержаться, чтобы не вспомнить о правахъ его на побѣды, въ Польшѣ, подъ Лѣснымъ и подъ Полтавой; о его заслугахъ, какія онъ оказалъ въ новой сѣверной столицѣ, въ присутствіи и отсутствіи единственнаго Монарха. Но — »Вотъ слѣды могилы Меньшикова,« указываютъ мнѣ, »а вонъ тамъ, близъ другой церкви, развалины хижины его.« Какое мрачное, неизмѣримое разстояніе

Digitized by Google

между Полтавы и Березова! Но оно было пройдено, и пройдено не по лавровымъ вѣтвямъ. Такъ, я сегодня видѣлъ, гдѣ помѣщался подъ конецъ, и гдѣ наконецъ вмѣстился этотъ обширный исполинъ, которому, за сто лѣтъ, если правда, тѣсно было у подножія престола.

Жизнь Князя Меньшикова, конечно, принадлежитъ Исторіи; но житье Меньшикова принадлежитъ всякому христіанину. Вотъ нѣсколько словъ, дошедшихъ до меня изъ устъ втораго поколѣнія Березовскихъ жителей; вы посудите изъ нихъ о послѣднихъ занятіяхъ этой сильной души.

»Меньшиковъ своеручно пособлялъ строитъ деревяннуюцерковь, которая уже сгорѣла. Онъ ходилъ звонить въ колоколъ, когда наступало время церковнаго служенія; пѣлъ и читалъ въ церкви. По окончаніи служенія, любилъ оставаться тамъже, и читать простолюдинамъ назидательныя книги. Не только не роптал онъ на свою участь, но при всякомъ случаѣ съ живостію благодарилъ Бога, что Онъ смирилъ его. Узнаете-ли вы въ этѣхъ чертахъ Генерала и Министра Петра Великаго?

Какъ не узнать, гдѣ есть истинное величіе! Меньшиковъ служилъ Великому, и послѣ, когда думали унизить его, онъ пошелъ служить Всемогущему, съ превосходнѣйшимъ самоотверженіемъ. Чѣмъ больше мечталъ сперва возвыситься у престола, тѣмъ больше силился онъ послѣ унизить себя

Digitized by Google

у алтаря: одинъ и тотъ-же духъ, разнообразно несшійся къ высокому, потому что высокое его (первое и послѣднее) разнилось безконечностію.

Не знаю, извѣстны-ли вы, что онъ двѣ орденскія звѣзды, которыми былъ украшенъ отъ десницы Монаршей, здѣсь возложилъ на оплечья двухъ богатыхъ священническихъ ризъ. Я видѣлъ одно изъ сихъ облаченій. Звѣзда и фризонъ ризы уже начали осыпаться; но приношеніе, можно-ли не чувствовать, какъ единственно и какъ трогательно! Кто-бы во всѣхъ поступкахъ изгнаннической жизни не прочиталъ чувствъ души сильной, пылкой и парящей, парящей уже къ Царю Царей?

Sunt hic etiam sua proemia laudi,
Sunt — — — — et mentem mortalia tangunt.

4 Декабря.
Въ Березовѣ.

Посмотрите, подъѣзжая съ востока къ Тюмени, посмотрите на эту открытую и усмѣхающуюся физіогномію города: не правда ли, что восточный абрисъ его живописенъ?

Тюмень расположена по крутому, высокому берегу Туры; нѣсколько каменныхъ зданій выглядываютъ изъ за крышъ передовой линіи, а по цѣлой дугѣ городскаго берега бѣлѣются храмы Господни, воздвигнутые не столько благочестіемъ нашимъ,

Digitized by Google

сколько услугою времени. Надобно признаться, что дѣлу Божію и время служитъ.

Посмотрите, говорю, на открытое лицо города, и угадывайте о внутренности города! Нѣтъ, если сдѣлаете шагъ внутрь его, вы увидите части, а не цѣлое, увидите не ряды стелющихся улицъ, но буераки, разрозниваюшіе городъ. Это можетъ служить и вмѣсто иносказанія, хотя и не хотѣлось-бы намѣкать вамъ о раздѣленіи мнѣній по части вѣроисповѣданія.

Прогуляемся лучше туда, гдѣ всѣ Тюменцы, безъ различія толковъ, соединяются въ одну мысль, посмотримъ на многочисленную ярмарку, выставку низшихъ искуствъ города и округа. Мы увидимъ тутъ мочалы (не пренебрегайте первоначальною основою Русской мануфактурной промышленности), увидимъ подлѣ мочалъ цыновку, ленъ и пеньку, со всѣми издѣліями, шерсть и разноцвѣтные ковры, разноименныя кожи и щеголеватую конскую сбрую; увидимъ колеса, повозку, тѣлегу, соху, кресла, скрыпку и клѣтку съ соловьемъ, если-бы была весна; словомъ, мы найдемъ тутъ все нужное для обихода сельскаго и полугородскаго, все, что выдѣлывается для сего двоякаго употребленія изъ царствъ растительнаго и животнаго, что производится гибкостію перстовъ, не дорогими инструментами вооруженныхъ.

Digitized by Google

Огромное скопленіе издѣлій, при стеченіи волнующагося народа, появляется каждую недѣлю въ установленный день, и въ одинъ день все исчезаетъ съ площади, за цѣну или на обмѣнъ, по требованіямъ разныхъ округъ. Этотъ день, даже безъ поэзіи, можно-бы назвать праздникомъ Минервы земледѣльческой.

Послѣ сего я-бы думалъ, и не безъ основанія, утверждать, что немногіе въ Сибири города такъ хорошо поняли тайну своей промышленности, какъ Тюмень. Во многихъ изъ нихъ слышны жалобы, то на упраздненіе годовыхъ ярмарокъ, то на отводъ большаго тракта; но городъ, гдѣ есть своя основная промышленность, едва-ли отъ подобныхъ перемѣнъ подвергнется чувствительному упадку.

Теперь оставляю васъ въ покоѣ и самъ уединяюсь въ Троицкій монастырь, чтобы еще разъ взглянуть на священную твердыню, съ дѣтскихъ лѣтъ для меня достопамятную. — Какія воспоминанія, какія тихія, отроческія воспоминанія вспыхнули въ душѣ и грѣли ее нѣсколько минутъ! Такъ, душа насладилась ими; она молча свидѣлась съ собою и, какъ-бы сказать, съ собою отроковицей. Alter ab undecimo tum me jam ceperat annus, jam fragiles poteram a terra contingere ramos. Уже могъ я тогда засматриваться на иконостасъ съ выпуклой рѣзьбою, дотрогивался руками до вися-

Digitized by Google

чихъ лампадъ, и въ невинной простотѣ умѣлъ молиться иконамъ. Теперь я въ томъ-же храмѣ опознаю тѣ-же разныя украшенія, тѣ-же иконы и тѣ-же лампады. Все то-же, кромѣ меня и позолоченой бѣлояровой свѣчи! Доска и плинѳа сохранили мертвыя повапленныя формы, потому что онѣ не теплились, не горѣли въ эти пятьдесятъ лѣтъ. Вы по дружбѣ чувствуете силу словъ.

Поднявшись вверхъ, къ боковымъ сводамъ храма, я очутился посреди двухъ горнихъ церквей, сооруженныхъ Митрополитомъ Филоѳеемъ, который, кажется, желалъ-бы, если-бы возможность слушалась ревности, заселить жертвенниками и атмосферу, во славу Всевышняго.

Шагъ за порогъ, и вотъ простое надгробіе сего Іерарха, завѣщавшаго похоронить свой прахъ внѣ церкви, на пути, дабы мимоходящіе попирали его своими ногами. Напротивъ, кто не поклонится почивающимъ костямъ человѣка Божія, который благовѣстилъ Евангеліе среди Котскихъ городковъ, который былъ ходатаемъ за Тюменскую обитель у Петра Великаго, и который, на закатѣ жизни, скрылся отъ свѣта въ святомъ образѣ схимника. Я видался съ именемъ сего боголюбиваго старца еще въ Иркутскѣ, гдѣ есть памятникъ съ поновленною надписью, что въ 1719 и 1720 годахъ онъ посѣщалъ тамошнюю паству.

Digitized by Google

Благополучна паства, когда евангельская жизнь Архипастыря бываетъ для нея живою проповѣдью, въ силѣ, а не въ звукѣ!

12 Декабря.
Въ Тюмени.

Не чувствительно очутившись при скатѣ нагорья, увидѣлъ я внизу городокъ, и съ удовольствіемъ смотрѣлъ на небольшой, но правильный, красивый городокъ этотъ: это былъ Туринскъ.

Пять сотъ пятьдесятъ домовъ, и среди нихъ возносится шесть благолѣпныхъ церквей и столькожъ колоколенъ.

Покровская колокольня изъ всѣхъ зданій сего рода есть башня примѣчательная; примѣчательная не по внѣшней пестротѣ готическихъ прикрасъ. Посмотрите, какая стройность въ вышинѣ, какая легкость въ массѣ, кромѣ основанія, какая смѣлость въ ширинѣ пролетовъ, на которые отважился Туринскій зодчій въ двухъ верхнихъ ярусахъ! Колокольня держится на однихъ углахъ; она отвсюду прозрачна, и сосѣдняя башня, какъ и луна, очаровательно смотрятся вечеромъ сквозь нее.

Радуйтесь, Сибирскіе юноши, рожденные съ тонкимъ организмомъ, радуйтесь и вы, переимчивые Якуты, столь удачно начинающіе работать въ преддверіи зод-

Digitized by Google

чества! радуйтесь: Минерва уже на Уралѣ; но ея наугольникъ и масштабъ, ея палитру и кисти, ея вентебель и шпунтовникъ со множествомъ пилочекъ (*) я видѣлъ по сю сторону Урала.

Мысленно обратясь къ Якутску, Енисейску и Березову, къ толико сѣвернымъ городамъ, отличающимся числомъ каменныхъ церквей, не соразмѣрнымъ со счетомъ жителей, подобно Туринску, я задалъ себѣ вопросъ: чему надобно приписывать въ этихъ городахъ успѣхи церковнаго зодчества? Совокупности разныхъ причинъ, какъ думалъ я послѣ.

Частію набожности, потому что за небывалостію искуственныхъ зрѣлищъ и такъ называемыхъ собраній, жители охотно продолжаютъ посѣщать церковь; граматѣи ихъ участвуютъ въ пѣніи съ трогательною любовію, и простой хоръ гражданъ мечтался мнѣ отголоскомъ, тянущимся отъ первой апостольской церкви. Частію древности городовъ, потому что зауральское наше водвореніе прежде всего шло по сѣверовостоку. Частію щедротамъ торга, потому что въ сѣвер-

(*) Въ Туринскѣ довольно рѣзчиковъ на липѣ и кедрѣ, равно иконописцовъ и каменьщиковъ съ своими рисунками, но въ рѣзьбѣ на деревѣ, Рафайлова слобода, что на р. Исети, имѣетъ явное превосходство.

ныхъ городахъ скоплялись капиталы, для закупа мягкой рухляди высылаемые, и по протокамъ естественнаго кругообращенія, а иногда и по особымъ движеніямъ благочестія текли на дѣла богоугодныя. Частію неуспѣшности въ земледѣліи, потому что настояла необходимость обезпечивать свое продовольствіе искуствами. Частію надобно приписывать тамъ успѣхи церковнаго зодчества и естественному прискорбію человѣческаго ума, который видя себя заключеннымъ въ негостепріимныхъ, сумрачныхъ предѣлахъ земной широты, силится на перекоръ природы украшать горизонтъ своего пребыванія приличными искуственными памятниками.

Такъ я изъяснялъ Туринскъ въ Туринскѣ, на досугѣ; но повѣрите-ли, что въ теченіе трехъ дней, мною тамъ проведенныхъ, оставалось у меня мало досуга отъ должностныхъ занятій и неожиданной бесѣды. Какъ надѣяться встрѣтить въ Туринскѣ непринужденный разговоръ о Естественной Философіи, слышать между прочимъ о Галилеевыхъ открытіяхъ въ разсужденіи тяжести тѣлъ земныхъ, или, слышать повтореніе Кеплеровыхъ законовъ, и т. п.? И этой травлею познаній я любовался, не безъ удивленія, въ домѣ почтеннаго судьи NN.

Digitized by Google

Правду сказать, что для умозрительныхъ знаній самый лучшій пріютъ есть такой городъ, который стоитъ въ тѣни отъ модныхъ препровожденій времени. Ни ужины, ни карты, ни собранія не придутъ возмутить бесѣды съ Ураніей.

Ахъ! какъ скучно должно быть въ такомъ мѣщанскомъ городѣ, гдѣ надобно зѣвать отъ скуки, и убаюкивать ее мечтательными припѣваніями Музъ, говорилъ мнѣ NN, въ отвѣтъ моего живаго пересказа.

Вѣрно онъ не знаетъ, что у досужливой скуки не рѣдко качалось прекрасное дитя: изобрѣтеніе или усовершеніе.

Знаетъ, да думаетъ, что очень, очень немногимъ изъ скучливыхъ мыслителей достается эта честь!

Согласенъ, но удовольствіе отъ знанія, покойное и ровное удовольствіе, что тайны вещественнаго міра, что нравственно-физическія отношенія человѣка ко вселенной, что сокровенныя отношенія человѣка ко вселенной, что сокровенныя отношенія между духочеловѣкомъ и Богочеловѣкомъ, постигнуты и свѣтятся въ умѣ, это независимое, это самодержавное удовольствіе, подъ часъ бесѣдою воспламеняемое, можетъ-ли стоять въ одной цѣнѣ съ мѣлочными и дорогими, съ

скоропреходящими и утомительными забавами?

> Me doctarum hederae proemia frontium
> Diis miscent superis, me — —
> Secernunt populo.
>
> Horat.

18 Декабря.
Въ Тюмени на обр. пути.

Повозка моя шаркнула подлѣ стѣнъ Рафаилова монастыря, котораго верхи и померклые кресты я видѣлъ за 16-ть лѣтъ, какъ проѣзжалъ съ Урала въ Барнаулъ. И такъ, въ эту годину, я совершилъ свой эллипсисъ по Сибири, описавъ его къ югу черезъ копи серебряныя, а къ сѣверу черезъ мѣста, содержащія подъ мерзлымъ черепомъ мамонтову кость.

Теперь я долженъ остановиться на письмѣ В. П., въ которомъ замѣтивъ, что не всѣ письма, какія имѣлъ я честь писать изъ Сибири къ извѣстнымъ лицамъ, были вами читаны, вы возлагаете на меня обязанность отвѣтствовать на вашъ вопросъ: какая судьба ожидаетъ впереди Сибирь, послѣ толикихъ попеченій о ней со стороны благотворнаго нашего Правительства? Достигнетъ-ли она той степени, къ какой назначена запасами физическихъ своихъ богатствъ, и къ какой прочія части Россіи на перерывъ направляются?

Digitized by Google

Сомнѣваясь, чтобы вопросы, въ наукѣ Государственнаго Хозяйства почерпнутые, могли быть кстати примѣняемы въ такой странѣ, гдѣ населенность въ сравненіи съ пространствомъ земли ничтожна, гдѣ съ одной стороны пустота, а съ другой тѣснота продажи, противятся добрымъ мѣрамъ троякой промышленности, я тѣмъ не меньше готовъ представить въ вашу угодность краткое обозрѣніе по главнымъ отдѣленіямъ.

А. Земледѣліе, и въ тѣсномъ и въ пространномъ смыслѣ взятое, не представляетъ широкихъ надеждъ, въ настоящемъ географическомъ состояніи Сибири.

Земледѣліе, въ тѣсномъ смыслѣ разумѣемое, подлежитъ естественнымъ бѣдствіямъ и другимъ препятствіямъ, столь-же упорнымъ, какъ и первыя.

Естественныя бѣдствія, южную или иначе лучшую Сибирь разстроивающія, состоятъ въ засухѣ, въ раннихъ морозахъ и въ повальномъ скотскомъ падежѣ, который, въ двоякомъ значеніи и орудія и матеріи, отнимаетъ у пашни вожделѣнныя силы къ удобренію. Пораженіе животнаго организма свирѣпствуетъ только въ Западной Сибири.

Помянутыя препятствія состоятъ въ невѣдѣніи ученыхъ способовъ земледѣлія и въ ограниченности расхода на зерно.

Digitized by Google

Ибо могутъ-ли когда нибудь наставленія Экономическаго и Агрономическаго обществъ сдѣлаться понятными для Сибирскихъ земледѣльцовъ, и что еще труднѣе, перейдти въ ихъ навыки, когда предъ глазами ихъ нѣтъ практическихъ образцовъ? Какія притомъ могутъ быть побужденія къ распространенію земледѣлія, когда по дикому, необщежительному склоненію многоводныхъ рѣкъ затрудняется внутреннее перемѣщеніе запасовъ, даже между губерніями, рука объ руку лежащими; когда съ юга прилегаютъ плотоядныя орды, которыя Сибирь давно, но безъ успѣха, учитъ питаться хлѣбомъ, и когда пространныя моря, полуокружность страны омывающія, не представляютъ ни одного исхода для хлѣбныхъ запасовъ?

Земледѣліе, въ пространномъ смыслѣ понимаемое, можетъ съ меньшимъ затрудненіемъ придти въ надлежащее преспѣяніе.

Посѣвъ конопляннаго и льнянаго сѣменъ довольно замѣтный въ Западной Сибири, далѣе къ востоку очень скуденъ.

Огородничество народное еще не умѣетъ водиться съ зеленью, которая даетъ приправу и пріятность скромному столу. Сельдерей, шпинатъ и пр. гостятъ только въ огородахъ пріѣзжихъ чиновниковъ, которые умѣютъ хозяйничать.

Садоводство, изъ подражанія такъ здѣсь называемое, довольствуется разсаживать около домовъ мѣстныя безплодныя де-

Digitized by Google

ревья и даетъ наслаждаться въ жары одною тѣнью и дерновымъ диваномъ. Вѣроятно, Сибирь, подвинувшись къ югу посредствомъ учреждаемыхъ въ степи округовъ, увидитъ въ садахъ новыхъ городовъ деревья плодовитыя.

Хмѣлеводство у крестьянъ въ бросовомъ состояніи. Никто донынѣ не наставилъ ихъ способу правильно разводить сію статью, такъ многозначущую въ хозяйствѣ и торгѣ.

Обладаніе вишнею, дикорастущею въ южныхъ уѣздахъ Тобольской Губерніи, принадлежитъ, по старому заведенію, ближнимъ деревнямъ, хотя не льзя не видѣть, что размноженіе и сбереженіе сей плодовитой лозы требовало-бы лучшаго вниманія, лучшихъ рукъ, и можетъ быть другаго установленія.

Б. Мануфактурная частная промышленность, исключая казенные металлическіе, гранильные заводы и Тельминскую фабрику, ни въ чемъ не ознаменовала видныхъ производствъ, показывая однѣ какъ бы пробы.

Въ царствѣ животномъ выработываются шерстяные ковры, для употребленія мѣщанскаго, мыло и юфтевыя кожи на Азіятскую руку; но разборчивый Сибирякъ носитъ и башмакъ и сапогъ изъ привозныхъ кожъ Русскаго дѣла. По такой скудости можно судить, сколь многихъ заведеній въ кожевенныхъ статьяхъ должна

Digitized by Google

желать Сибирь, гдѣ кожи разныхъ животныхъ могли-бы служить обильными добычами для передѣльнаго искуства. За 25 лѣтъ былъ положенъ сему искуству хорошій начинъ, въ окрестности Тобольска; но духомъ обстоятельствъ (будь это сказано для исторіи искуства) дѣло разрушено до основанія.

Одни можетъ быть заведенія сего рода и имѣли-бы обширный расходъ. При дешевомъ пропитаніи мастеровыхъ, и при сходной покупкѣ кожъ изъ первыхъ рукъ, можно было предполагать, что въ семъ дѣлѣ Сибирь скоро стала-бы соперничать съ Россіей.

Въ царствѣ растительномъ писчая бумага низшихъ добротъ выдѣлывается въ достаточномъ количествѣ. Остячки Обскія приготовляютъ для себя изъ крапивы порядочную холстину и съ Исетскихъ кросенъ свиваются трубки тонкихъ холстовъ; отъ сихъ простонародныхъ издѣлій можно взойдти выше съ вопросомъ: для чего-бы капиталистамъ не подумать о заведеніяхъ для разныхъ полотенъ?

Въ царствѣ ископаемомъ частію пользуются мамонтовой костью Якутскъ, Енисейскъ и Самоѣдь. Также начинаютъ дѣлать фаянсъ и даже, если можно причислять издѣлія Шадринскія къ Сибирскимъ, фарфоръ, котораго основа лѣтъ за 50 указана была Академиками, по Челябинскимъ восточнымъ покатостямъ Урала. Совѣто-

Digitized by Google

валъ-бы я Шадринскому фабриканту быть бережливѣе и въ массѣ и въ позолотѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что многое можно бы завести въ Сибири; но гдѣ предпріимчивые капиталисты, гдѣ мастера, гдѣ мастеровые, и гдѣ, говоря короче, капиталъ и искуство? Когда-же водворится искуство и дѣятельность, не будутъ ли опять спрашивать, гдѣ мѣсто для продажи?

Если всмотрѣться ближе въ надобности и недостатки Сибири, не льзя не встрѣтиться съ неизбѣжнымъ замѣчаніемъ, что настоящее шествіе Сибирской промышленности далеко не въ смежномъ съ мануфактурами расположеніи, но еще въ промежуточномъ состояніи, въ которомъ настоитъ общая нужда въ цѣховыхъ мастерствахъ. Hic labor, hic opus. Представьте себѣ, какія груды мягкой рухляди вывозятся изъ Сибири, и ни кто еще не рѣшился здѣсь выдѣлывать и составлять мѣховъ, такъ, что Тобольскій купецъ, какой бы ни отправлялъ торгъ пушными товарами, долженъ выписывать себѣ мѣхъ Сибирскій изъ Москвы. Какое изобиліе въ рыбѣ всякаго рода, но умѣть солить ее совсѣмъ не наше дѣло. Мы начинаемъ только выходить изъ лѣсовъ, но на случай прогулки покупаемъ трости и тросточки Московскія. Берега многихъ озеръ завалены гусиными перьями; но перо, которымъ теперь пишу,

Digitized by Google

заваривалось гдѣ-то въ Россіи. Ишимскій уѣздъ снабжаетъ излишками своего сала Финскій или Архангельскій портъ, но свѣчу, при которой читаю въ Тобольскѣ, заблаговременно выписываю изъ за Урала. Какое множество подобныхъ статей, которыми можно укорять Сибирь въ безконечной ея нерукодѣльности!

В. Изъ сихъ усмотрѣній легко заключить, между кѣмъ и кѣмъ посредничаетъ Сибирская торговля, и въ чьи руки переноситъ плоды своихъ трудовъ. Прикажете-ли пояснить?

Внутренняя городская торговля, въ удовлетвореніе издерживателей, ищетъ приличныхъ товаровъ на двухъ государственныхъ ярмаркахъ и въ Москвѣ; она щечится нѣкоторыми издѣльями съ Линіи и съ Кяхты. Такимъ образомъ, торговля сія, посредствуя между Сибиряками и Рускими мануфактурами, не меньше услуживаетъ и рукодѣліямъ Бухарскимъ и Китайскимъ. Она не обширна, по небольшому количеству покупщиковъ, изъ числа которыхъ надобно еще выключить инородцовъ и почти всѣхъ крестьянъ, одѣвающихся и питающихся отъ своихъ рукъ, въ годы оскудѣнія. Она стала медленна въ своихъ оборотахъ, и отъ того частію, что сами продавцы едва ли не затрудняютъ движеній ея накладкою несоразмѣрныхъ процентовъ. Сумма оборота рѣдко у нихъ выручается даже въ годовой срокъ,

Digitized by Google

какъ напротивъ, при умѣренности процентовъ, соблюдая впрочемъ тѣже обстоятельства, она могла-бы три раза очищаться въ году, по крайней мѣрѣ на нѣкоторыхъ статьяхъ. Желательно, чтобы силы, какими обыкновенно оживляется внутренняя торговля, успѣли отвратить неблагопріятное вліяніе стекающихся помѣхъ.

Внѣшняя торговля, пользуясь на границѣ правомъ обмѣна въ неважныхъ итогахъ, сосредоточиваетъ въ одной Кяхтѣ главные отпуски, собираемые не только по Сибири, но частію и въ Россіи. Привозъ на Кяхту издѣлій Русскихъ превосходнѣе противъ привоза Сибирскихъ, точно такъ, какъ привозъ произведеній въ сыромъ видѣ значительнѣе со стороны Сибиря противъ Россіи. Посему, заведенія Русскія больше участвуютъ въ торговлѣ Китайской, чѣмъ Сибирскія, больше участвуютъ въ ней инородцы, какъ ловчіе, нежели крестьяне. Но, чтобы узнать, какими прибылями въ какіе годы купечество пользовалось отъ торговли съ Китаемъ и какимъ переворотамъ она подвергалась въ теченіе XVIII столѣтія, я смѣю указать для прочтенія одно изъ моихъ писемъ 1814 года.

Сколь ни кратка предлагаемая статья, не трудно однакожъ усмотрѣть прочеркнутыя въ ней пути, по которымъ массы товаровъ движутся изъ разныхъ то-

чекъ сѣвера и запада къ пограничному селенію Маймачинамъ, какъ и обратно; слѣдственно торговля наша съ Китаемъ, въ окончательномъ выводѣ, благотворна вообще для Сибири цѣнами за провозы чрезъ великія разстоянія. Короче сказать, Сибирская торговля, внутренняя и внѣшняя, по недостатку собственныхъ фабрикъ и по далекому перемѣщенію товарныхъ статей, есть прямая *транзитная* торговля, и вотъ подлинное имя ея. Имя сіе тѣмъ съ большею справедливостію прилично Сибирской торговлѣ, чѣмъ меньше она повелѣваетъ цѣнами по своему соображенію, и чѣмъ больше покоряется жеребьямъ требованій.

Описавъ Сибирскую дѣятельность въ оказательствахъ троякой промышленности, я предчувствую, по ощупи понятій, что вы будете любопытны знать, въ какихъ степеняхъ ознаменовались умственныя способности Азіятцевъ-Рускихъ?

Когда художникъ конной статуи Петра Великаго хотѣлъ изобрѣсть достойное изваяніе, конечно трудный урокъ предлежалъ уму не въ лавровомъ вѣнкѣ, не въ подножіи, не въ балюстрадѣ, но въ царствующемъ идеалѣ головы, въ подражаніи душѣ великой, которая выражалась-бы и въ державномъ маніи руки, и во всей державной осанкѣ тѣла. Жизнь души, все преоборающей, надъ всѣмъ торжествующей, и повелѣвающей даже съ вершины

утеса — вотъ первоначальный эскизъ, которымъ завладѣлъ художникъ, и который пытался онъ оживлять, то карандашемъ, то гипсомъ, то пробною отливкой; вотъ въ чемъ задача, а все прочее подчинялось первенствующему образованію. Такъ превосходное изваяніе восприяло свое безсмертіе отъ руки художника! Такъ Россія съ Европой увидѣла Петра Великаго на уподобительной высотѣ, послѣ того, какъ она видѣла его на высотѣ истинной. Прибавьте къ тому, что и самъ Преобразователь Россіи, въ згмашливомъ своемъ рисункѣ, поступалъ одинако съ художникомъ статуи, ибо стремившись образовать народъ, онъ также началъ съ головы, а не съ подножія, началъ Академіей Наукъ, и посылалъ въ чужіе краи молодыхъ дворянъ учиться прямымъ знаніямъ.

Такъ-ли поступаютъ Сибиряки въ своемъ образованіи, какъ поступалъ художникъ статуи и самъ художникъ Россіи, вы изволите усмотрѣть изъ послѣдующаго. Они исполнены природнаго разсудка, благоразумны по торговлѣ, какъ купцы, способны къ гражданской службѣ, какъ чиновники, и въ самодовольствіи отдавая себѣ справедливость, которой не могутъ у нихъ оспоривать пріѣзжающіе на службу Рускіе, они при своей письменности, индѣ восходящей до подражанія лѣтопис-

цу Нестору (*), продолжаютъ учиться жить, пока живутъ. Посему наука житейскаго поведенія, хотя теорія ея ни кѣмъ не изложена, содержитъ у нихъ много мудрости въ приложеніяхъ къ случаямъ. Далѣе? Далѣе, по всей Сибири, съ недавнихъ лѣтъ, введено въ обычай употребленіе ручныхъ хронометрическихъ картъ, измѣряющихъ время степенями досады или забавы, а между тѣмъ выигрывается упражненіе въ вычисленіяхъ ариѳметическихъ. Правду сказать, что принятый способъ препровождать такимъ образомъ время, къ сожалѣнію, необходимъ въ Сибири, гдѣ человѣкъ скорѣе изнемогаетъ подъ чувствомъ одиночества, гдѣ душа часто видитъ себя сиротой и гдѣ утѣшенія жизни такіе рѣдкіе гости.

Лѣтъ за 35, нѣсколько соревнователей чтенія вздумали мутный *Иртышъ превращать въ Иппокрену* (**), но усиліе сіе не столько по забавному наименованію, сколько по испытанной невозможности, вскорѣ причислилось къ баснословнымъ превращеніямъ. Недавно также одинъ любитель умнаго препровожденія времени хотѣлъ въ Красноярскѣ учредить *бесѣду ученую*; голосъ его, сперва громко повто-

---

(*) Въ Иркутскѣ и въ мою бытность продолжалась Лѣтопись.

(**) *Иртышъ, превращающійся въ Иппокрену:* сіе ежемѣсячное сочиненіе издавалось въ Тобольскѣ.

рившійся среди тамошнихъ горъ, исчезъ въ послѣдствіи, какъ исчезаетъ голосъ человѣка въ пустынѣ. Двукратныя сіи предпріятія (честь честью, кому она принадлежитъ) затѣвались пріѣзжими, а не туземными особами. Ужъ-ли должно изъ того заключить, что цвѣты просвѣщенія никогда не развернутся на Сибирской почвѣ? Ужъ-ли кой-какіе иностранные мечтатели, которымъ нравится приурочивать способность ума къ своимъ широтамъ, останутся правы, отказывая въ семъ дарѣ сѣвернымъ жителямъ?

Нѣтъ, успѣхи въ Словесности, успѣхи въ наукахъ принадлежатъ условіямъ порядка, принадлежатъ принятымъ въ общежитіи понятіямъ и сильному почувствованію необходимости въ сихъ успѣхахъ. Какая напротивъ необходимость въ пріобрѣтеніяхъ сего рода Сибиряку, въ настоящее время, когда онъ видитъ пріѣзжающихъ изъ столицы на службу чиновниковъ безъ вѣдѣнія о наукахъ, и когда не давая отчета въ своемъ знаніи и слѣдственно не винясь предъ начальствомъ въ невѣдѣніи, онъ въ правѣ достигать высшихъ чиновъ и мѣстъ почетныхъ съ одною смѣтливостью въ поведеніи?

Я стану защищать способности Сибиряковъ тѣмъ опытомъ, какой за 50 лѣтъ Тобольскъ видѣлъ въ драматическомъ *представленіи Ермака*, представленіи, изобиловавшемъ мыслями и счастливыми

Digitized by Google

стихами (*). Стану защищать и тѣмъ явленіемъ, что не смотря на данную свободу служить въ Сибири безъ наукъ, нечувствительно растетъ скромное семейство людей, которые считаютъ за честь своего званія посвящать досуги наукамъ. Они, таясь въ уединеніи Гимназій, естественно не представляютъ видныхъ лицъ, тѣмъ паче, что при тихихъ вечернихъ лампахъ у нихъ не отсвѣчивается посторонныхъ фигуръ, которыя бы лучъ бесѣды умѣли преломлять оттуда въ общество; но когда нибудь этотъ лучъ превратится въ свѣтильникъ.

Когдажъ этотъ блѣдный лучъ превратится въ свѣтозарный свѣтильникъ для цѣлой Сибири? Третьяго дня, успокоясь отъ дороги въ богатомъ крестьянскомъ домѣ, этимъ вопросомъ я питался въ мысляхъ цѣлый вечеръ, со стороны утѣшительной и противной. Въ первомъ смыслѣ, просвѣщеніе, обогативъ Естественными науками, показало бы намъ способы пользоваться всѣми разсыпанными дарами природы, умягчило-бы нравы, умѣрило-бы стремленіе къ чувственности и открыло-бы новыя удовольствія, скрывающіяся у самого человѣка то въ трудѣ, то въ размышленіи, то въ переливѣ мыслей. Въ другомъ смыслѣ я, какъ Сибирякъ, опасался, чтобы подъ личиной просвѣщенія

(*) Сочиненіе Священника И. А. Флоровскаго.

Digitized by Google

ѣо временемъ не вкралась блестящая философія, помрачающая старыя истины и украшающая заблужденія новыя, чтобы не вкралось, подъ именемъ политическихъ знаній, полуученіе, ослѣпляющее юность неуважительными идеями и не постигающее истиннаго назначенія роду человѣческому. Блудящіе огни, которые надъ оградою монастырскою по временамъ чертили атмосферу по линіи отвѣсной, составляли какую-то гармонію съ переборомъ моихъ мыслей.

Сегодня, кончивъ письмо, я пошелъ помолиться въ монастырѣ, спѣшилъ оттуда зайти на открытое мѣсто, съ котораго, какъ сказывали крестьяне и какъ прежде я не однократно слышалъ, Рафайловскія окрестности представляются въ одной плѣнительной картинѣ, гдѣ поворачивающійся глазъ совокупляетъ рѣку, группы березниковъ, поля зеленѣющія, выставляющіяся деревни и семь сельскихъ церквей. Я оборачивался туда и сюда, но въ зимнемъ ландшафтѣ, покрытомъ какъ бѣлою холстиной, видѣлъ призраки селеній и одну повсемѣстную бѣлизну снѣга. Такъ мало разстоянія между нынѣшнимъ днемъ и весною, и я не могъ усмотрѣть вожделѣнной очаровательной картины; можно-ли послѣ сего взыскивать съ меня, если не берусь проникать въ закрытое будущее и не смѣю предсказывать, превра-

Digitized by Google

тится-ли когда нибудь блѣдный лучъ просвѣщенія въ свѣтозарный свѣтильникъ для моей отчизны?

23 Декабря 1826.
Въ Рафайловой слободѣ.

(*Продолженія ожидаемъ.*)

II. КРИТИКА.

Histoire de la guerre de la Péninsule sous Napoléon, précédée d'un tableau politique et militaire des puissances belligérantes; par le Général Foy. Publiée par M-me la comtesse Foy. Paris, Baudouin frères, éditeurs (*Исторія войны на Испанскомъ полуостровѣ, во время Наполеона и проч.* Соч. Генерала Фуа). Парижъ, 1827 г., in 8. XV и 403 стр. (*).

Имя Генерала Фуа извѣстно всѣмъ друзьямъ возвышенныхъ чувствъ и безкорыстной любви къ отечеству. Новое сочиненіе Фуа показываетъ, что Франція лишилась въ немъ не только вѣрнѣйшаго изъ сыновъ своихъ, но и писателя необыкновеннаго, которому предстоялъ блестящій, славный путь на поприщѣ Исторіи.

Французскіе Журналисты съ полгода повторяли, что Фуа оставилъ Записки о войнѣ Испанской. Нетерпѣніе публики возрастало наравнѣ съ объявленіями публицистовъ; всѣ нетерпѣливо желали видѣть, какъ пламенный, благородный Фуа пред-

(*) Сообщено. Изд.

Digitized by Google

ставить одно изъ любопытнѣйшихъ событій нашего времени: войну народа противъ притѣснителя своего, борьбу свободной независимости противъ деспотизма неограниченнаго, для котораго война на Испанскомъ полуостровѣ была только ступенью къ дальнѣйшимъ успѣхамъ. Радуюсь, что могу представить Русскимъ читателямъ обозрѣніе сего любопытнаго явленія, имѣя въ рукахъ первый томъ *Исторіи войны на Испанскомъ полуостровѣ*, недавно появившійся въ Парижѣ.

Въ 1815 году, послѣ Ватерлооской битвы, Генералъ Фуа увидѣлъ, что военное поприще его кончилось. Не на полѣ битвы долженъ онъ былъ впередъ защищать мнѣнія, заставившія его двадцать лѣтъ назадъ взяться за оружіе. »Мѣста не удовлетворяютъ честолюбію души возвышенной!« сказалъ Фуа, когда ему представился случай при новомъ правительствѣ занять выгодное мѣсто. »Не здѣсь могу я быть полезнымъ.«

Онъ еще не вступилъ тогда на каѳедру народа, куда влекла его сила души. Но умъ, ненасытимый дѣятельностью, не могъ оставаться безъ пищи и прозябать въ безполезномъ бездѣйствіи. Всегда внимательный, всегда мучимый жаждою познаній, Фуа и среди бурной, безпокойной жизни въ станѣ ратномъ, среди гремящихъ битвъ, вездѣ находилъ страну для наблюденій, событіе достойное памяти, книгу для чтенія и разговоръ, изъ котораго могъ что нибудь занять. Онъ не просто *собиралъ*, но имѣя умъ болѣе практическій нежели созерцательный, онъ изъ всего хотѣлъ извлекать пользу. Знать основательно и судить своимъ умомъ было для него необходимо. Онъ всякій день записывалъ, что ви-

Digitized by Google

лѣлъ, слышалъ или думалъ. Множество томовъ дневника служатъ свидѣтельствомъ его дѣятельности.

Оставивъ жизнь лагерную, Фуа рѣшился описать Испанскую войну. Конечно были эпохи, болѣе славныя для Французской арміи; но въ Испаніи Фуа совершилъ всѣ кампаніи; воспоминаніе о нихъ было ближе къ нему, было достойно вниманія общаго. Война Испанская составляетъ эпизодъ, отдѣльный отъ другихъ войнъ Французовъ; къ тому-же въ ней живѣе чѣмъ въ другихъ отражались духъ и мнѣнія народовъ, отношенія политики и характеръ могущественнаго Наполеона, царствовавшаго *надъ всѣми волями.* И Генералъ Фуа болѣе нежели кто нибудь имѣлъ права судить о немъ. Служа въ Реинской арміи, онъ проливалъ кровь свою за отечество и отказался отъ мѣста адъютанта при начальникѣ Италіянской арміи. Онъ удивлялся великому человѣку, но видѣлъ въ немъ героя, а не гражданина.

»Я сдѣлалъ все, что человѣчески возможно было, дабы воспротивиться его власти. Я отказался отъ его даровъ и могу говорить о немъ добро: его слава есть наша собственность.« Это слова Ген. Фуа.

При началѣ сего сочиненія, одна мысль приводила его въ безпокойство: какъ разрѣшить видимое противорѣчіе въ мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ Французовъ? Они шли въ огонь, несли жизнь за отечество, за свободу и — съ жаромъ дрались подъ знаменами Наполеона. Утвердивъ независимость родной земли, они съ равнымъ геройствомъ, съ равнымъ мужествомъ шли порабощать отдаленныя государства. Какъ могли друзья собственной свободы нарушать

спокойствіе Европы и простирать замыслы на независимость цѣлаго міра? Этотъ вопросъ принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ историческимъ задачамъ, рѣшеніе которыхъ освѣщаетъ исторію цѣлыхъ эпохъ. Фуа рѣшилъ его окончательно. Мы въ послѣдствіи обратимся къ сему важному вопросу, излагая содержаніе книги Генерала Фуа, но теперь скажемъ, что главнѣйшею причиною успѣховъ Наполеона былъ самый ходъ дѣлъ, приготовленный дальновиднымъ умомъ его: Франція и армія ея всегда находились въ опасности; честь народа и безопасность государства всегда требовали защиты, войны.

»Пусть не говорятъ,« восклицаетъ Фуа, »что солдаты наши не думали объ отечествѣ, сражаясь вдали отъ него, за дѣло и по волѣ завоевателя... Побѣда подъ Москвою или при Арапилахъ была въ тысячу разъ важнѣе, не только въ сравненіи съ Жеммапомъ или Вальми, но въ сравненіи съ Фонтенуа и Росбахомъ . . . Чѣмъ отдаленнѣе была страна, тѣмъ важнѣе дѣйствіе, тѣмъ кровавѣе послѣдствія его . . . Москва привела АЛЕКСАНДРА въ Парижъ.«

Съ такой возвышенной точки глядя на свой предметъ, Фуа зналъ, что простое повѣствованіе, всегда сбивающееся на реляціонный тонъ, не освѣтитъ огнемъ истины его описаній. Собирая матеріялы, онъ не только не упускалъ изъ виду ничего, что могла представить ему сама Франція, но два раза ѣздилъ въ Англію, дабы изучить составъ и образованіе арміи Англійской и узнать разсказы Англичанъ о войнѣ Испанской. Кромѣ замѣчаній, собранныхъ имъ самимъ, на мѣстѣ, во время войны,

Digitized by Google

нъ узнавалъ отъ Испанцовъ ихъ мнѣнія и пересказы, вездѣ находя случай повѣрять, изыскивать и находить истину.

Эта работа занимала его въ 1816 и 1817 годахъ. Но слишкомъ прилежное занятіе кабинетное, послѣ дѣятельной военной жизни, сильно разстроило его здоровье. Онъ принужденъ былъ на время оставить свой трудъ для возстановленія силъ, а съ 1819 года, будучи избранъ Депутатомъ, занялся другою обязанностью къ обществу. Такимъ образомъ, трудъ его остался не совсѣмъ конченнымъ. Вдова Генерала издала нынѣ, по совѣту друзей его, первую часть *Исторіи Войны на Испанскомъ полуостровѣ*. Не зная, будутъ-ли выданы остальные томы сего сочиненія, приступаю къ обозрѣнію первой части онаго.

Она раздѣляется на двѣ *книги*. Въ *первой* Авторъ представляетъ краткій историческій обзоръ Франціи отъ начала революціи до 1808 года, военное состояніе Франціи при Наполеонѣ, характеръ сего необыкновеннаго человѣка, и наконецъ неизбѣжныя причины войны Французовъ съ Испанцами и Англичанами. Во *второй* книгѣ, также послѣ краткаго историческо-политическаго обзора Англіи, отъ начала Французской революціи, представлено состояніе арміи Англійской и послѣ общаго взгляда на все описанное, приложены нѣкоторыя военныя постановленія Англіи. Фуа можетъ быть названъ соперникомъ Наполеона въ искуствѣ писать. Онъ умѣлъ начертать столь полную картину всего здѣсь нами упомянутаго, что читая его книгу, вы какъ будто

Digitized by Google

видите передъ глазами своими описываемое Историкомъ. Самые сухіе предметы оживляются въ его очеркахъ.

Французская революція, низпровергнувъ весь прежній порядокъ вещей, заставивъ всѣ страсти отыграть свои роли; утомила не только народъ, но и самыхъ эфемерныхъ его повелителей во время ужасовъ. Французы чувствовали внутреннюю силу свою, свои способы и готовы были успокоиться подъ защитою законнаго правленія.

Явился Наполеонъ и верховная власть скоро была въ его рукахъ. Дѣла ручались за него. Онъ ненавидѣлъ революціонеровъ за ихъ правила и нравы, но видя, что они были сильнѣе другихъ, предводительствовалъ ими 13 Вандеміера, и положилъ на вѣсы партій, 18 Фруктидора, свою шпагу. По избранію и необходимости сдѣлавшись главою новыхъ выгодъ, славою воина онъ разувѣрялъ страшившихся успѣховъ иноземца. Его любовь къ наукамъ, глубина помысловъ и Оссіановская возвышенность рѣчей, казались друзьямъ отечества свидѣтельствомъ, что онъ раздѣляетъ ихъ мысли, не смотря на прежнее свое поведеніе. Образованный классъ людей болѣе ожидалъ отъ знаменитаго Генерала, нежели отъ буйныхъ демагоговъ, возросшихъ среди сатурналій послѣдняго времени. Народъ желалъ порядка.

Наполеонъ доказалъ собою, что Небо не всегда для счастія народовъ посылаетъ первостепенныхъ геніевъ.

Онъ родился въ Корсикѣ, внѣ нравовъ Франціи и своего вѣка. Природа одарила его, вмѣстѣ съ желѣзнымъ сложеніемъ, могущественнымъ умомъ,

пламеннымъ воображеніемъ и непобѣдимою твердостью характера. Литтература смягчаетъ характеръ: на нее клевещутъ, говоря, что она ослабляетъ умъ, выдавая слова за сущность. Наполеона не плѣняла она. Математика нравилась Наполеону какъ истина: болѣе занимаясь ею, онъ былъ бы Ньютономъ или Лагранжемъ. Но самая нагота ея охлаждала его. Онъ искалъ болѣе существеннаго. Свои идеи объ истинной сущности вещей обратилъ онъ къ обществу: современныя происшествія обратили его къ войнѣ и политикѣ. Освѣщаемый пламенникомъ изслѣдованій, поддерживаемый силою характера, онъ скоро опередилъ всѣхъ слѣдовавшихъ по избитой дорогѣ.

Французская революція многимъ казалась еще хаосомъ: Наполеонъ уже видѣлъ ея слѣдствія. Въ 1792 году одинъ соотечественникъ совѣтовалъ ему ѣхать въ Корсику и тамъ идти по слѣдамъ стараго Паоли: »Нѣтъ,« отвѣчалъ молодой человѣкъ, исполненный предвѣдѣнія, «легче сдѣлаться Французскимъ, нежели Корсиканскимъ Королемъ« Съ этого времени, вездѣ видно стремленіе его быть первымъ. При Тулонѣ, батальонный начальникъ артиллеріи, второй по своей части, среди ужасныхъ представителей народа, онъ дѣйствовалъ самовластно. Въ Италіи, Директорія велѣла ему начальствовать солдатами и драться: онъ принималъ посланниковъ, заключалъ трактаты, низлагалъ и возвышалъ государства, дѣйствовалъ какъ законодатель. Въ тридцать лѣтъ онъ былъ славнѣе всѣхъ своихъ современниковъ. Жажда власти и желаніе не дать опомниться удивленію, сопровождали его въ Египетъ. »Востокъ ожидаетъ человѣка,« говорилъ онъ пере-

Digitized by Google

ходя пустыни, отдѣляющія Африку отъ Азіи. Онъ не зналъ, что Западъ отвергнетъ такого человѣка.

Наполеонъ не вдругъ выказалъ всего себя; пылая страстью къ войнѣ, онъ предложилъ Европѣ миръ. Отказъ Англіи заставилъ Перваго Консула побѣждать противниковъ своихъ. Предводительствуя конскриптами, онъ однимъ маневромъ, одною побѣдою завоевалъ Италію, которая за четыре года стоила ему и солдатамъ его одиннадцати мѣсяцовъ усилій героическихъ и трудныхъ соображеній. Переходъ его черезъ Альпы переноситъ мысль во времена Аннибала; движенія, окончившіяся битвою при Маренго, показываютъ, до какой степени возвысилось искуство. Капитуляція Генерала Меласа не имѣла примѣра въ лѣтописяхъ войны.

Столь-же великій на другихъ путяхъ, Наполеонъ преобразовалъ государство, далъ ему твердые, неизмѣнные законы, утвердилъ общественную довѣренность и независимость каждаго. Порядокъ, примѣта силы и долголѣтія, былъ возстановленъ въ судахъ; финансы поправлены; законы исполняемы строго. Передъ такимъ блескомъ, умѣряемымъ мудростью, умолкли заговоры и всѣ междоусобія исчезли.

Наполеонъ сталъ Императоромъ. Здѣсь встрѣчаемъ противорѣчіе въ его поведеніи. Онъ гналъ смѣлую истину отъ своего трона и покровительствовалъ литтературѣ, наукамъ, искуствамъ, жалѣлъ, что не можетъ болѣе распространить ихъ. Это изъясняется влеченіемъ его ко всему ослѣпляющему сильнымъ блескомъ. Въ его царствованіе построены мосты на всѣхъ рѣкахъ, множество каналовъ прорыто или прожектировано, проложены дороги сквозь отвѣсныя скалы; торговля, промышленность оживи-

Digitized by Google

лись. Нѣтъ примѣра въ Исторіи, чтобы какое-либо государство такъ процвѣло и возвысилось во время безпрестанныхъ войнъ.

Перемѣна образа правленія произвела мало вліянія на толпу, потому что была постепенною перемѣною. Гордость волновала Наполеона, и онъ имѣлъ право гордиться собою. Но къ этой благородной гордости, которая есть совѣсть генія, онъ присоединялъ несчастное пристрастіе къ древности дворянства. Повѣритъ-ли потомство? Герой пирамидъ, славнѣйшій человѣкъ своего времени, любилъ повторять, что онъ родовой дворянинъ! Конечно въ немъ было это однимъ изъ тѣхъ впечатлѣній дѣтства, которыя остаются въ насъ на всю жизнь, на зло размышленію и здравому разсудку. Желая придать больше блеска своему двору, онъ призвалъ прежнихъ придворныхъ. »Я отворилъ дворянамъ передніа Императорскаго двора моего,« сказалъ Наполеонъ, »и они бросились въ нихъ.«

Послѣ Маренго Франція приняла миръ; послѣ Гогенлиндена она заставила принять его. Англія неохотно дала мирный отдыхъ человѣчеству. Наполеонъ возвратилъ въ отечество пятьдесятъ тысячъ эмигрантовъ. Они были бѣдны, лишены прежнихъ преимуществъ, но пріятны въ обхожденіи, а это совершенно Французская сила, для Французовъ почти равная силѣ ума. Они первенствовали въ залахъ и могли-ли не любить Англичанъ, недавно облагодѣтельствованные ихъ гостепріимствомъ. Новая слава Франціи была не ихъ слава. Не равно-ли было-бы имъ, если-бы чужеземцы оставили ихъ только въ стѣнахъ Буржа, но позволили имъ пользоваться общественными преимуществами? Такъ явились они

Digitized by Google

противниками новаго порядка вещей. Когда имъ возвратили часть народныхъ имѣній, люди, послѣ революціи сдѣлавшіеся владѣльцами, устрашились и не знали, чѣмъ кончится этотъ обратный ходъ дѣлъ? Наполеонъ рѣшился загладить свою политическую ошибку поступкомъ ненавистнымъ, какъ-бы ни разсуждали о немъ. Голова Герцога Энгіенскаго была принесена въ жертву собственнымъ подозрѣніямъ Наполеона и пользамъ встревоженныхъ революціонеровъ.

Казалось, на минуту всѣ партіи примирились, потому что революціонеры и эмигранты, республиканцы и роялисты изъявили равное негодованіе.

Этотъ поступокъ, столь несогласный съ просвѣщеніемъ нашего вѣка, есть однакожь единственное пятно въ жизни Наполеона. Если честолюбіе его заставило пролить много слезъ и крови, это было слѣдствіемъ общаго направленія его ума, а не жестокости сердца. Не будемъ смѣшивать деспотизма, ограничивающагося собственною пользою, съ тиранствомъ слѣпымъ, страстнымъ и кровавымъ. Наполеонъ не былъ золъ сердцемъ; напротивъ, вездѣ видимъ его снисходительнымъ; онъ не умѣлъ даже ни долго, ни жестоко ненавидѣть своихъ враговъ. Читайте исторію людей, изъ простаго состоянія возвысившихся до верховнаго властительства, и вы увидите, чѣмъ и какъ большая часть изъ нихъ купили свою корону!

Наполеону не довольно было повелѣвать великою націею: онъ открыто думалъ о всемірной монархіи. При этой гигантской мысли, можетъ быть, воображеніе его плѣнилось не столько самою цѣлью, сколько путемъ, по которому должно было слѣдовать для достиженія къ ней, потому что волненіе

было его стихіей: онъ радовался бурямъ; весь земной шаръ едва-ли-бы могъ удовлетворить его стремленіе еще болѣе прославить свое, такъ рано славное имя. Онъ раскошествовалъ на войнѣ, онъ любилъ ее какъ юноша свою любовницу; онъ оправдывалъ самъ себя, говоря, что »призванъ не только правительствовать во Франціи, но покорить ей весь міръ, безъ чего міръ поглотитъ ее.« Съ этою цѣлью онъ устроивалъ Имперію для войны и для войны вѣчной. Не за право быть самовластнымъ государемъ дрался онъ подъ всѣми широтами, и что мѣшало ему сдѣлаться государемъ безъ такихъ трудовъ? Напротивъ, Имперія была у него средствомъ творить, оживлять и вѣчно возобновлять стихію войны. Люди непричастные военному ремеслу не могутъ понимать этого бурнаго безпокойства, сопровождавшаго Александра на берега Гангеса и Карла XII подъ Полтаву. Война есть сильнѣйшая и обольстительнѣйшая изъ всѣхъ страстей, та страсть, которую разжигаютъ голодъ, жажда, раны, и даже вѣчное присутствіе смерти производитъ при ней какое-то упоеніе.

Воинственный геній Наполеона нашелъ сильнаго возбудителя: это былъ Кабинетъ Сен-Джемскій. Императоръ дѣлалъ противъ Англіи страшныя приготовленія. На пятнадцать мѣсяцовъ Римъ и Кареагенъ ожили. Наполеонъ точно хотѣлъ сдѣлать высадку въ Англію и смирить ее. Пять маршей по берегу Темзы привели-бы Французовъ ближе къ цѣли — завоевать міръ — нежели тридцать побѣдъ на твердой землѣ.

Гоненіе лишило Францію многихъ республиканскихъ Генераловъ. Не было пламеннаго, благороднаго

Digitized by Google

Гоша; Клеберъ, котораго не умѣли оцѣнить, палъ подъ ударомъ убійцы; молчаливый, мрачный Пишегрю умеръ за Францію, поддавшись обѣщаніямъ Англичанъ. Моро жилъ еще: генералъ превосходный, но характеръ его былъ ниже таланта. Наполеонъ свергнулъ Моро и приверженцовъ своихъ осыпалъ милостями. Сульшъ, Даву, Ней и другіе искусные генералы, забыли о первыхъ побужденіяхъ своихъ подвиговъ и предались одной страсти къ войнѣ, подъ знаменами Императора.

На землѣ Англіи онъ хотѣлъ сдѣлаться посредникомъ Европы, и возсталъ противъ державъ твердой земли, надѣясь сокрушить Англію. Этотъ ходъ былъ долговременнѣе, ненадежнѣе перваго и могъ стоить болѣе крови. Онъ былъ выгоднѣе для Британцовъ. Питтъ не переставалъ проповѣдывать новый крестовой походъ, и весною 1805 года Австрія явилась въ грозномъ видѣ на границахъ Италіи, подъ предлогомъ предохранить свои владѣнія отъ желтой горячки; но истинное намѣреніе ея было истребить болѣе страшное и сильнѣйшее зло: Французскую революцію, сосредоточившуюся въ одномъ человѣкѣ. Россія принимала участіе въ семъ ополченіи.

Наполеона не такъ легко было взять въ расплохъ. Скоро его колонны явились на берегахъ Дуная. Подъ Ульмомъ онъ взялъ руками цѣлую Австрійскую армію и славнаго Генерала Макка. Это было дѣйствіемъ одного стратегическаго движенія, обдуманнаго съ предусмотрительною дерзостью и съ удивительною точностью исполненнаго. Битва подъ Аустерлицомъ можетъ почесться одною изъ ученѣйшихъ и рѣшительнѣйшихъ битвъ нашего времени.

После Пресбургскаго трактата Наполеонъ могъ остановить свою торжественную колесницу. Власть Франціи имѣла сильнѣйшее вліяніе на Германію и на южныя государства Европы. Наполеонъ поставилъ старшаго своего брата властителемъ Неаполя и другаго сдѣлалъ Королемъ Голландіи.

Подъ скромнымъ названіемъ Протектора, Наполеонъ овладѣлъ деньгами и солдатами половины Германіи; его арміи всегда были готовы овладѣть другою половиною ея. Пруссія первая находилась противъ всего пламени его власти. Послѣ войны Австрійской, въ замѣну Анспаха и нѣкоторыхъ другихъ частей Прусскаго владѣнія, онъ отдалъ ей Ганноверъ, не имѣя на то права, потому что Ганноверъ никогда не былъ уступленъ ему. Такое насиліе оскорбило всѣхъ благородныхъ Пруссаковъ. Открылась война.

Эта война не была сообразна съ пользами Франціи, потому что Франціи не за что было сражаться. Но въ Парижѣ не понимали намѣреній завоевателя, явно обнаружившихся черезъ два года въ войнѣ съ Испанцами. Наполеонъ воспользовался недоразумѣніемъ Французовъ и славою хотѣлъ загладить свою несправедливость. Іенская битва рѣшила судьбу Пруссіи, не столько въ слѣдствіе отличныхъ тактическихъ эволюцій, сколько потому, что такъ сосредоточены были войска. Послѣ сей несчастной битвы, для завоеванія, казалось, надобно было только идти впередъ.

»ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ снова явился на защиту царей и народовъ. Обитатели Сѣвера и Юга сошлись на равнинахъ Польши. Въ третій разъ воины Наполеона встрѣтились, не съ учите-

Digitized by Google

лями, потому что въ военномъ искуствѣ не было у нихъ учителей, но съ могучими соперниками, по числу, презрѣнію къ смерти и святой преданности къ Государю. Французы дрались за четыреста миль отъ отечества, на линіи дѣйствій ненадежной; Руские вблизи границъ своихъ, магазиновъ, подкрѣпленій всякаго рода и съ помощью остатка Прусскихъ войскъ. Не будь одного человѣка противъ нихъ, и борьба была-бы неравна удивительно. Но одинъ Наполеонъ стоилъ ста тысячь человѣкъ. Занятіе Варшавы не избавило его отъ второй кампаніи, которая при другомъ предводителѣ могла-бы почесться дерзкою и быстрою, но Французамъ казалась робкою и продолжительною. Битвы при Пультускѣ и Эйлау должны-бъ были навѣять на душу героя спасительными внушеніями. Это были не уроны; но какая армія, какая держава могла-бы снова начинать такими побѣдами! Битвою подъ Фридландомъ Наполеонъ выигралъ свиданіе въ Тильзитѣ.«

»На полѣ битвы, преданность вождей, храбрость солдатъ, тысяча непредвидимыхъ обстоятельствъ, всякую минуту разстроиваютъ талантъ предводителя и успѣхъ не всегда достается искуснѣйшему. Въ битвѣ одинъ на одинъ, гдѣ умъ служитъ оружіемъ, Наполеонъ былъ увѣренъ, что онъ достигнетъ своей цѣли. Въ разговорѣ его заключалось какое-то неизъяснимое волшебство и мы не знаемъ человѣка равнаго ему въ искуствѣ плѣнять сердца слушавшихъ его. Справедливая, оживленная картина неприязненныхъ поступковъ Англіи растрогала душу Императора Россійскаго. АЛЕКСАНДРЪ и Наполеонъ обѣщали одинъ другому вѣчный миръ. Но

Digitized by Google

слѣдствіе великихъ усилій было-бы незначительно, если-бы Наполеонъ не достигъ главной своей цѣли: склонить Россійское Правительство къ одной системѣ въ отношеніи Англіи. Истребленіе флотовъ и эскадръ не позволяло и думать объ открытомъ боѣ съ нею: Наполеонъ рѣшился смирить ее другимъ образомъ. Это была континентальная система.«

Здѣсь Историкъ оканчиваетъ историческую картину постепеннаго возвышенія Наполеона, направленія его генія, его страстей и приступаетъ къ описанію военной силы Франціи.

Выражаясь почти словами самого Автора въ семъ начертаніи, также послѣдуемъ за нимъ и далѣе. Читатели не должны пугаться сухости слѣдующихъ выписокъ: Наполеонъ и здѣсь является оживляющимъ геніемъ; искуство Фуа оказывается еще блистательнѣе въ описаніи предметовъ, неимѣющихъ равной для всѣхъ читателей занимательности.

(Оконч. въ слѣд. книжкѣ.)

Digitized by Google

III. БИБЛІОГРАФІЯ.

1826 года.

205. *Краткое изложеніе правилъ для составленія ручнаго Словаря нынѣшняго языка Русскаго*, съ приложеніемъ пробныхъ листовъ Словаря. (Читано въ Моск. Общ. Люб. Рос. Слов., Апрѣля 3 дня 1826 года. Соч. Ивана Өедоровича Калайдовича.) М. 1826 г. in 8, 28 стр.

Эта небольшая книжка служитъ предварительнымъ извѣстіемъ о предпріятіи важномъ. Авторъ, одинъ изъ отличныхъ знатоковъ Русскаго языка, излагаетъ здѣсь свои мысли о составленіи ручнаго Словаря языка Русскаго. Предлагая суду занимающихся Русскимъ языкомъ правила, которыми намѣренъ руководствоваться при исполненіи своего труда, Авторъ приглашаетъ *любителей не оставить его своими совѣтами* (стр. 10). Кто изъ Русскихъ, занимающихся Литтературою отечественною, не захочетъ приложить своей лепты на дѣло общее, ибо таковымъ почитаемъ мы предпріятіе Г-на Калайдовича. Съ своей стороны мы докажемъ уваженіе наше къ Автору и труду его нѣсколькими замѣчаніями.

Всѣ занимающіеся Русскою Литтературою чувствуютъ необходимость справочнаго Словаря языка Русскаго. Авторъ говоритъ, что мы пользуемся большимъ Словаремъ изд. Академіею Россійскою, но не имѣемъ ручнаго Сл. яз. Русскаго. »Всякому любителю Словесности,« прибавляетъ онъ, »было-бы пріятно появленіе таковой книги *на нашемъ оте-*

Digitized by Google

чественномъ языкѣ, а учащемуся юношеству даже необходима небольшая уютная книжка, гдѣ-бы въ немногихъ строкахъ заключалось всё нужное.« Это мнѣніе подлежитъ сильной критикѣ. 1 е, Словарь Академическій устарѣлъ во многихъ отношеніяхъ, потому что послѣ перваго изданія онаго языкъ Русскій далеко подвинулся впередъ. Да и какъ первый опытъ, онъ не могъ быть возможно-совершеннымъ сочиненіемъ. 2 е, Любителямъ Словесности должно быть не только пріятно, но необходимо изданіе краткаго и вмѣстѣ полнаго Словаря языка Русскаго, ибо теперь у насъ почти нѣгдѣ справиться въ сомнительныхъ случаяхъ, а всякому литтератору извѣстно, какъ часто нужны справки касательно языка и особенно Русскаго. Послѣднихъ словъ Автора: »юношеству необходима небольшая уютная книжка, гдѣ-бы въ немногихъ строкахъ заключалось *все нужное*» — мы не понимаемъ. Если Авторъ говоритъ о Словарѣ, то юношеству нуженъ Словарь подробный, ибо опытному писателю не такъ часто и не такія обширныя справки нужны, какъ юношѣ.

Опредѣленіе Грамматики и Словаря, представляемое Авторомъ, кажется намъ также недостаточнымъ. Вотъ слова его: «Предметъ Грамматики есть аналитическое изслѣдованіе языка, изъясненіе механизма его и систематическое изложеніе правилъ составленія рѣчи.« Напротивъ, предметъ Грамматики есть синтетическое изслѣдованіе языка (ибо во всѣхъ Грамматикахъ идутъ отъ общаго къ частному) и систематическое изложеніе законовъ построенія періодовъ. »Предметъ Словаря есть храненіе и изъясненіе словъ, яко матеріяловъ языка, и собраніе

Digitized by Google

неподлежащихъ постояннымъ правиламъ примѣчаній, относительно каждаго слова.« По опредѣленіямъ Автора не льзя отличить Грамматики отъ Словаря, ибо и Грамматика также заключаетъ въ себѣ изъясненіе словъ, какъ Словарь аналитическое изслѣдованіе языка.

Далѣе встрѣчаемъ очень смѣлое и не совсѣмъ справедливое мнѣніе, что »*наша Грамматика еще младенчествуетъ*.« Можно-ли сказать это послѣ прозы Карамзина, Жуковскаго и нѣкоторыхъ другихъ писателей, послѣ всѣхъ старыхъ и новыхъ изслѣдованій, свершенныхъ нашими и иностранными филологами? Авторъ и самъ тотчасъ прибавляетъ, что *можно и должно составить Грамматику*, и хочетъ самъ заняться составленіемъ Грамм., но Грамматика его будетъ только, въ чемъ мы не сомнѣваемся, лучше расположена, дополнена новыми наблюденіями; существуетъ-же она и нынѣ уже не въ дѣтскомъ возрастѣ; иначе, или Авторъ беретъ на себя слишкомъ многое, или слишкомъ унижаетъ свой трудъ.

Желая Автору всѣхъ возможныхъ успѣховъ въ благородномъ и почтенномъ его предпріятіи: сочинить Русскую Грамматику и составить *недорогой*, *немноготомный*, но полный Словарь или справочную книгу языка Русскаго, мы долгомъ почитаемъ изложить нѣкоторыя сомнѣнія наши касательно правилъ, которыми онъ намѣренъ руководствоваться. Главное въ чемъ мы несогласны съ нимъ, есть самый порядокъ Словаря. Онъ хочетъ составить Словарь по азбучному порядку; намъ кажется это совершенно неудобнымъ: для Словаря Русскаго языка единственный порядокъ есть этимологическій.

Digitized by Google

Правило. II е. »Помѣстить слова древняго языка нашего, *слова единоплеменныхъ намъ народовъ* и слова областныя (провинціяльныя), ежели только, при богатствѣ своего значенія, они близки къ нынѣшнему, общеупотребительному нарѣчію.«

Съ этимъ мы никакъ не согласны, потому что Авторъ въ 1 мъ правилѣ именно говоритъ: »Собрать *всѣ Русскія* слова, общеупотребительныя въ *нынѣшнемъ* чистомъ разговорномъ и книжномъ языкѣ нашемъ.« Если-же помѣщать тутъ древнія, областныя и другихъ Славянскихъ народовъ слова, то многія слова будутъ три раза повторяемы не только безъ пользы, но даже ко вреду нашего языка, и Словарь будетъ не одного, а трехъ языковъ. Къ чему эта ненужная роскошь? И знаетъ-ли Авторъ, что ввело его въ это ошибочное положеніе? То, что онъ хочетъ составить Словарь не производный, а по азбучному порядку. Неудобства азбучнаго Словаря Русскаго языка очевидны, ибо въ нашемъ языкѣ большая часть словъ наши производныя, а если при каждомъ производномъ словѣ ставить, отъ какого оно происходитъ, то весь Словарь будетъ испещренъ ссылками и это сдѣлаетъ его, можетъ быть, огромнѣе, нежели нѣсколько листовъ азбучныхъ реэстровъ въ концѣ производнаго Словаря. Да если-бы производный Словарь и былъ огромнѣе азбучнаго нѣсколькими листами, то можетъ-ли это остановить предпріятіе важное, долженствующее сдѣлать эпоху въ Русскомъ языкѣ? Въ Словарѣ производномъ найдутъ свое мѣсто у коренныхъ словъ и корни ихъ, какого-бы языка они ни были, древнія или новыя, Славянскія, Еврейскія, Греческія, Латинскія и проч.

Digitized by Google

Слова областныя могутъ быть допущены только въ такомъ случаѣ, когда они занимаютъ праздное мѣсто, то есть, когда нѣтъ общаго, замѣняющаго ихъ слова. Такъ на примѣръ, вошло въ употребленіе слово: *тундра* и могутъ войдти многія другія, на примѣръ: *гаркй*, *хвдросты*, *бурунъ*, *хивузъ*, и проч.

Авторъ упустилъ изъ виду важную отрасль языка: слова ремесленныя и употребляемыя промышленнымъ классомъ народа, ибо сіи слова составляютъ необходимую часть языка. Мы увѣрены, что десятый изъ насъ не съумѣетъ поддержать разговора съ ремесленникомъ, касательно занятій сего послѣдняго; каково-же будетъ изъясненіе, когда по службѣ или по какому-бы то ни было случаю придется писать о такомъ предметѣ? Мы совсѣмъ не понимаемъ, почему Авторъ не упомянулъ въ своемъ планѣ о техническихъ словахъ ремеслъ: эти слова большею частью чисто Русскія, безпрестанно употребляемыя, но ихъ надобно собирать, потому что они употребляются только въ языкѣ разговорномъ ремесленниковъ, и до сихъ поръ почти совсѣмъ не были записываемы.

Правило IV. Грамматическое значеніе каждаго слова показать со всѣми необходимыми этимологическими перемѣнами, неправильностями и особенностями, съ приложеніемъ замѣчаній для Синтаксиса, Просодіи и Орѳографіи.

Это такъ темно сказано, что мы истинно не знаемъ, чего хочетъ Авторъ. *Каждое* слово изъяснять Грамматически? Для кого-же это? Для знающихъ Грамматику довольно замѣчать неправильности въ измѣненіи словъ, ибо это бываетъ нуж-

Digitized by Google

но, особенно въ словахъ малоупотребительныхъ. Еще темнѣе у Автора изъясненіе этого положенія, особенно когда онъ ссылается — на Г. Болдырева!

И Г. Калайдовичъ, въ слѣдъ за другими, видитъ сходство между *oculus*, *око*, и подобными имъ! Для предполагаемаго имъ Словаря это вовсе не нужно.

»Опредѣленія важнѣйшихъ предметовъ не худо-бы выбрать изъ лучшихъ писателей, какъ сдѣлалъ Буастъ (стр. 8).« Едва-ли было-бы это и хорошо, потому что и при богатствѣ Французской Литтературы у Буаста въ примѣрахъ по большой части несносное пустословіе, а у насъ не изъ чего выбрать и краснаго выраженія для многихъ словъ.

»Приложить синонимы, антонимы и примѣры.« Это можетъ чрезвычайно увеличить Словарь: не надобно упускать изъ вида, что дѣло идетъ о Словарѣ ручномъ, краткомъ.

Мы также не согласны съ Авторомъ, что изъ Словаря надобно исключить *слова искуственныя*, то есть принадлежащія особенно къ наукамъ и искуствамъ. По этому правилу надобно будетъ исключить слова: *человѣкъ*, *орелъ*, *слонъ*, *рѣзецъ*, *свѣтотѣнь* и мн. другія, ибо всѣ они относятся къ Естественной Исторіи и Изящнымъ Искуствамъ. Буастъ, на котораго опять ссылается Авторъ, несправедливо отдѣлилъ отъ настоящаго Словаря номенклатуру Естественной Исторіи и Медицины; надобно исключить только *собственныя имена*, и потому имена историческія, миѳологическія, названія городовъ, рѣкъ и проч., естественно не войдутъ въ Словарь, а слова употребляемыя въ нау-

Digitized by Google

кахъ и искуствахъ, какъ нарицательныя, никакъ не могутъ быть исключены.

Напрасно Авторъ полагаетъ, что Словарь долженъ быть составляемъ однимъ лицомъ: въ именахъ изъ наукъ и ремеслъ ему необходимы сотрудники.

Касательно *пробныхъ листовъ Словаря*, приложенныхъ въ концѣ, замѣтимъ, что они, какъ слѣдствіе правилъ, съ которыми мы во многомъ не согласны, и какъ первый опытъ, не могутъ подлежать нашей критикѣ. Во всякомъ случаѣ просимъ Автора принять замѣчанія наши съ тѣмъ-же радушіемъ, съ какимъ мы старались изложить оныя.

Кс.

206. *Новые разговоры* Французскіе, Нѣмецкіе и Россійскіе, изданные Яковомъ Лангенымъ. Третьимъ тисненіемъ. СПб. 1826 г., in 8, V и 266 стр.

Эти разговоры суть не иное что, какъ выборъ изъ книги такого-же рода, изданной множество разъ въ Страсбургѣ книгопродавцемъ Левро (Französische und deutsche Gespräche. Ein Mittel, durch praktische Anweisung Anfängern in Französischen das Sprechen zu erleichtern). Переводъ сихъ Разговоровъ на Русскій языкъ не исправенъ. На примѣръ: »Вы совсѣмъ *зарыты книгами.* — Въ сей послѣдней (въ биржѣ) должно-бы намъ прежде всего побывать, потому что наши кошельки совсѣмъ оскудѣли (C'est cette dernière que nous devrions visiter avant tout, car la nôtre est presque à sec). Совсѣмъ не то на Французскомъ (и Нѣмецкомъ) и гдѣ тутъ разговорный слогъ?

Жалѣемъ, что Переводчикъ вновь издалъ книгу совершенно безполезную, и еще болѣе жалѣемъ, что понадобилось третье изданіе оной. Выучиваніе раз-

Digitized by Google

говоровъ наизусть должно быть оставлено, потому что оно не ведетъ къ успѣхамъ ни въ какомъ отношеніи. У насъ, видно, еще не убѣдились въ этомъ. Иное дѣло, если-бы издать книгу, гдѣ-бы собраны были непереводимыя Французскія или Нѣмецкія выраженія (идіотизмы) и пословицы, съ вѣрнымъ переводомъ смысла оныхъ и съ буквальнымъ словъ: это было-бы очень полезно. Такая книга принесла-бы очень много пользы, потому что идіотизмовъ и пословицъ нельзя выучить изъ Грамматики. Разговоры-же, при необходимомъ навыкѣ и Грамматическомъ знаніи языка, всякій ученикъ сочинитъ самъ, и можетъ быть лучше Гг. Левро и Лангена.

— *Театръ Августа фонъ Коцебу*, содержащій собраніе *новѣйшихъ* театральныхъ сочиненій сего славнаго Писателя, переведенный съ Нѣм. Ѳ. Эттингеромъ. Часть VII. СПб. 1826 г., in 12, 422 стр., съ литографированною картинкою. (Относится къ No 24-му Библіографіи 1826 года М. Т.)

О самомъ предпріятіи и достоинствѣ перевода сего *Театра* помѣщены были удовлетворительныя извѣстія въ Моск. Телеграфѣ (Ч. VII. с. 389, Ч. VIII. с. 356, 1-го отд.). Въ сей Части, 7-й новаго собранія и 27-й Театра Коцебу на Русскомъ языкѣ, помѣщены: *Мщеніе любви и ненависти*, драма, *На дѣлѣ правы, душою виноваты* и *Скрытный по неволѣ*, комедіи. Слогъ Переводчика не поправляется; выборъ пьесъ также неудаченъ какъ и прежде.

— *Опытъ Библіотеки для военныхъ людей*, вторично изданный Василіемъ Соцомъ, Членомъ

Digitized by Google

С.Пбургскаго Общ. Люб. Сл., Наукъ и Художествъ. СПб. 1826 г. in 8, XIX и 377 стр. (къ No 22-му Библ. М. Т. 1826 г.)

Первое изданіе сей книги разошлось чрезвычайно быстро. Желая споспѣшествовать Автору въ трудѣ полезномъ, мы замѣтили (М. Т. Ч. VII, с. 376-я I-го отд.), что казалось намъ необходимымъ для усовершенствованія его сочиненія и помѣстили подробный разборъ онаго, написанный человѣкомъ знающимъ (см. М. Т. Ч. IX, с. 36-я, I-го Отд.). Было сказано, что Авторъ слишкомъ и безъ разбора заимствовалъ матеріялы у Ронья, и во многихъ мѣстахъ просто переводилъ изъ его Considérations sur l'art de la guerre; переводя, часто ошибался; исчисляя писателей военныхъ, при многихъ не упомянулъ объ изданіяхъ сочиненій оныхъ и лучшихъ переводахъ; о Россійскихъ военныхъ писателяхъ говорилъ съ излишнимъ пристрастіемъ; въ статьѣ *О военномъ искуствѣ и силахъ Россіянъ* не сказалъ того что должно было сказать и наговорилъ много лишняго, и проч. и проч. Воспользовался-ли Авторъ сими безпристрастными замѣчаніями? Совсѣмъ нѣтъ! Какъ что было, такъ и осталось. Даже явныя ошибки и пропуски сохранены съ дипломатическою точностью, на примѣръ, что »въ новѣйшія времена бомбардированіе признано сильнѣйшимъ средствомъ для завоеванія крѣпостей,« что »конница занимала *самые крайніе фланги.*« Правда, мы замѣтили одно прибавленіе: Авторъ, къ сонму военныхъ писателей Русскихъ причислилъ Ѳ. В. Булгарина, который ничего не писалъ *собственно военнаго.* Какъ человѣкъ просвѣщенный, Г. Булгаринъ, вѣроятно не доволенъ сею незаслуженною почестью; но ужь напрасно Ав-

Digitized by Google

торъ на заглавномъ листкѣ втораго изданія не прибавилъ: *исправленное и дополненное изданіе.*

— *Антенскій Пустынникъ*, или изображеніе Парижскихъ нравовъ и обычаевъ въ началѣ XIX столѣтія. Соч. Жуи. Пер. съ Французскаго С. де Шаплетъ. Ч. III-я, IV-я и V-я. СПб. 1826 г., in 8, 331, 322 и 322 стр. (къ N 100-му Библ. М. Т. 1825 года.)

Пустынникъ Сен-Жерменскаго предмѣстія, или замѣчанія о нравахъ и обычаяхъ Французовъ въ началѣ XIX столѣтія. Соч. Г-на Кольне, *служащее продолженіемъ собранію* Французскихъ нравовъ Г. Жуи. Пер. съ Франц. А. О. Ч. II я. СПб. 1826 г., in 8, 145 стр. (къ N 124 Библ. М. Т. 1826).

Сочиненія Жуи, извѣстныя подъ именемъ *описанія нравовъ*, напечатаны по нѣскольку разъ во Франціи, переведены на многіе языки, имѣли многихъ подражателей; кажется, послѣ этого излишне было-бы доказывать достоинство ихъ. Но что составляетъ ихъ достоинство? Новость предмета? Нѣтъ, потому что не только Парижанамъ, но вообще Французамъ, и даже иностранцамъ, нравы Французскіе знакомы очень хорошо. Жуи описываетъ современное, существующее передъ глазами всѣхъ. Новость описаній, или рода сочиненія? Нѣтъ, потому что въ этомъ родѣ Жуи имѣлъ многихъ и славныхъ предшественниковъ. Не говоримъ о слогѣ, потому что это необходимое условіе всякаго хорошаго, чисто-литтературнаго сочиненія.

Намъ кажется, что Жуи поставилъ себя на новую точку зрѣнія, и отъ того предметы самые обыкновенные кажутся въ описаніяхъ его новыми, разнообразными, оживленными; отъ того нашелъ

Digitized by Google

онъ новыя стороны въ ежедневно встрѣчаемыхъ предметахъ, наконецъ отъ того поработилъ онъ вниманіе читателей и породилъ подражателей своимъ описаніямъ. Но въ чемъ состоитъ его новый взглядъ на предметы? Вопросъ довольно затруднительный, но его, кажется, можно разрѣшить, назвавъ *описанія Жуи* общественнымъ критицизмомъ. Дѣйствительно: Жуи не все порицаетъ; часто онъ только *описываетъ* избранный предметъ, описываетъ съ удивляющею истиною, различаетъ относительное добро и зло, обращаетъ вниманіе читателя на незамѣчаемое, и оно получаетъ новую игру, новый блескъ въ глазахъ нашихъ.

Но Жуи писалъ первоначально почти на подрядъ, для ежедневнаго-Парижскаго листка и все въ одномъ родѣ, слѣдовательно невозможно, чтобы каждая изъ его статей имѣла одинакое достоинство. Надобно прибавить, что онъ уже слишкомъ *записался*, потому что, кромѣ 5-*ти томнаго* Антенскаго Пустынника, онъ написалъ еще *Вильгельма откровеннаго* 2 тома, *Пустынника Гвіанскаго* 3 тома, *Пустынника въ провинціи* 6 томовъ, *Пустынниковъ въ тюрьмѣ* 2 тома, *Пустынниковъ на свободѣ* 2 тома, сверхъ тое послѣ придѣлалъ къ нимъ 2 тома *введенія*, такъ что всѣ Пустынники его, съ принадлежностями своими составляютъ, за исключеніемъ 2-хъ томовъ, написанныхъ другомъ его Же, 20 томовъ! Такая плодовитость, слѣдствіе перваго успѣха, даетъ знать, и при повѣркѣ точно открывается, что Жуи не всегда одинаково хорошъ. Нѣкоторыя статьи его суть просто Французская volubilité (многорѣчивость).

Самозваный *продолжатель* Жуи далеко отстаетъ отъ него во всѣхъ отношеніяхъ. У Кольне нѣтъ ни того глубокаго взгляда, ни тонкой насмѣшливости, ни мастерства въ описаніяхъ, какими отличается Жуи. Нѣчего и удивляться: Кольне подбиралъ колосья послѣ своего предшественника. Описанія его не добираются ни до самородныхъ глупостей, ни до сердца читателя, оскорбленнаго невѣжествомъ и низостями современнаго вѣка. Публику можно сравнить съ кокеткой: она прельщаетъ всякаго своими розовыми вѣнками; но ихъ не льзя заслужить ни обыкновенными разсказами, ни излишнею колкостью, ни безцвѣтнымъ потворствомъ. Въ первомъ случаѣ она невнимательна, въ другомъ слишкомъ самолюбива, и потому не любитъ признаваться, въ третьемъ не будетъ уважать васъ. Надобно чтобы она любила и боялась искателя.

Оба Переводчика исполнили свое дѣло очень хорошо, особенно Г-нъ де Шаплетъ. Г-на А. О. мы снова упрекнемъ за то, что онъ сдѣлалъ, и безъ того изъ щедушнаго Кольне, выпажку, а не переводъ. Во второй части Сенъ-Жерменскаго Пустынника, въ подлинникѣ находится 24 статьи; въ переводѣ 11-ть.

1827 года.

66. *Астраханская Флора.* Карманная книжка на 1827 годъ. Изданная Николаемъ Розенмейеромъ. СПб. 1827 г. въ тип. А. Смирдина, in 16, 291, съ картинкою, заглавн. гравированн. листкомъ и нотами.

67. *Литтературный Музеумъ на 1827 годъ,* Владиміра Измайлова. Изданіе Александра Ширяева. М. 1827 г. въ тип. С. Селивановскаго, in 16, III и 320 стр., съ нотами.

Digitized by Google

68. *Сѣверные Цвѣты на 1827 годъ.* Изданы Барономъ Дельвигомъ. СПб. 1827 г. въ тип. Департ. Народн. Просв. in 16, 348 стр., съ заглавн. гравир. листкомъ, портретомъ и двумя картинками.

(*Статья* 1.)

Вотъ три запоздалые Альманаха и разборъ нашъ еще болѣе запоздалый! Впрочемъ, книги наши не имѣютъ срочной поры, послѣ которой не удовлетворяютъ онѣ минутнымъ требованіямъ, временному любопытству. Русская книга всегда въ пору, можетъ быть, именно отъ того что она никогда не во время. Самое слово *l'à propos* не имѣетъ значенія ни въ языкѣ, ни въ быту нашемъ. Нѣтъ недостатка, который не граничилъ-бы съ выгодою: не расточая силъ своихъ въ гоньбѣ за минутными успѣхами, обратимся мы, можетъ быть, въ свое время къ дѣламъ вѣковѣчнымъ; не волочась за молвою, сочетаемся со славою, то есть, съ пользою, ибо истинная слава бываетъ возмездіемъ только истинной пользы. До сей поры всѣ книги наши, за такимъ малымъ исключеніемъ, что стыдно и сказать, и за твореніями первоклассныхъ поэтовъ нашихъ, только одни упражненія въ искуствѣ писать, по коимъ мы судимъ о степени способностей каждаго упражняющагося и о успѣхахъ общихъ въ самомъ искуствѣ. Этотъ приговоръ строгъ, но справедливъ. Докажемъ истину его слѣдующимъ вопросомъ: можетъ-ли человѣкъ не запоздалый, а понятіями и умственными требованіями современникъ настоящей эпохи, можетъ-ли онъ ограничиться однимъ продовольствіемъ Русскихъ сочиненій? Гдѣ могъ-бы онъ не только найдти источникъ для пріобрѣтенія по-

Digitized by Google

выхъ понятій, но даже побудительную силу для приведенія стараго запаса въ движеніе? Грустно признаться, но большая часть литтераторовъ нашихъ отстала не только отъ Европейскихъ собратій своихъ, но даже и отъ многихъ соотечественныхъ читателей. Мы удивляемся, что насъ мало читаютъ. Но кому-же насъ читать? Наши необразованные люди не любятъ чтенія, а иначе они были-бы образованными: образованнымъ у насъ читать почти нѣчего. Мы для однихъ не пишемъ и пишемъ не для другихъ. Вотъ рѣшеніе задачи непріятной; но это такъ. Между тѣмъ, мы и не замѣчаемъ, что желаніе оправдаться въ замедленіи разбора книгъ, за нѣсколько мѣсяцовъ вышедшихъ, завело насъ слишкомъ далеко. Оправдываясь передъ читателями, ссоримся съ своею братіею, которая не посмотритъ на то, что и мы кладемъ повинную голову. Это и не побратски и не разсчетливо. Читатели, люди посторонніе и къ тому-же незлопамятные; писатели свои, а между своими уже нѣтъ прощенія. Отвлеченныя же наши сѣтованія тѣмъ болѣе здѣсь неумѣстны, что мы собираемся дать отчетъ въ чтеніи трехъ книгъ, изъ коихъ каждая, по своему размѣру, имѣетъ внутреннее достоинство. Начнемъ съ гостьи небывалой и издалека.

Астраханская Флора. Карманная книжка на 1827 *годъ*. Заглавіе два раза вводитъ читателя въ обманъ. По первому прозванію подумаешь, что это сочиненіе ботаническое; по другому можно подумать, что наподобіе другихъ карманныхъ книжекъ на такой-то годъ и эта представляетъ собраніе сочиненій и

переводовъ разныхъ писателей, однимъ словомъ, *Литтературный Альманахъ*, хотя впрочемъ и это названіе принято у насъ злоупотребительно. *Календарь, Альманахъ*, слова изъ коихъ первое производится изъ Греческаго и Римскаго языковъ, а другое по мнѣнію иныхъ изъ Арабскаго, другихъ изъ Арабскаго и Греческаго, третьихъ изъ древняго Саксонскаго, означаютъ по смыслу своему раздѣленіе годоваго времени: во Французскихъ и Нѣмецкихъ Альманахахъ, посвященныхъ Литтературѣ, все есть одно отдѣленіе, содержащее въ себѣ то, что именно до Альманаха относится. Мы въ своихъ книжкахъ отбросили существительное, удержали одно прилагательное. Это не бѣда: замѣчаемъ не въ укоризну, а такъ, глядя на другихъ, пришлось къ рѣчи попедантствовать съ лексикономъ передъ глазами. Такимъ образомъ Астраханская Флора не Флора, Карманная книжка не Альманахъ, и книжка едва-ли карманная, по крайней мѣрѣ, по нынѣшнему покрою нашихъ платьевъ. Но и это не бѣда. Г-нъ Розенмейеръ, Издатель Астраханской Флоры, и по видимому единственный участникъ въ стихахъ и прозѣ, въ ней помѣщенныхъ, можетъ быть, обманулъ нѣкоторыхъ читателей двусмысленнымъ заглавіемъ, но во многомъ трудами своими оправдалъ требованія тѣхъ, которые ожидаютъ отъ книги имъ предлагаемой чтенія пріятнаго. Это главное. Весело думать, что изъ Астрахани, которая донынѣ подчивала столицы одними хвалеными арбузами, получаются стихи и проза, которые были-бы не лишними въ любомъ столичномъ Журналѣ. Весело узнать, что тамъ, гдѣ по предубѣжденію нашему, пускаются въ оборотъ одни ограниченныя понятія полудикой торговли, тамъ между тѣмъ мы-

Digitized by Google

слам и чувства Клейста, Гердера, Шиллера, Маттисона, Тидге находитъ отзывъ и передаются намъ на языкѣ отечественномъ, вмѣстѣ съ мыслями и чувствами оригинальными. Для полнаго патріотическаго удовольствія, можно желать, чтобы книга, составленная въ Астрахани, была тамъ и напечатана; но видно легче имѣть авторовъ, чѣмъ типографщиковъ. У насъ есть Державинъ, но нѣтъ еще Дидота. Впрочемъ на этомъ можно помириться: пускай пока печатаютъ въ столицахъ, а мыслятъ вездѣ. Однако-же мы можемъ похвастаться старинною библіографическою рѣдкостью въ этомъ родѣ.

Въ Тобольскѣ, въ типографіи В. Корнильева, въ 1791-мъ годѣ, издавалось отъ Тобольскаго главнаго народнаго Училища, и *съ дозволенія Управы Благочинія*, ежемѣсячное сочиненіе, подъ названіемъ: *Иртышъ, превращающійся въ Иппокрену*. Панкратій Сумароковъ былъ главнымъ Редакторомъ его и нѣкоторыя изъ его стихотвореній, тутъ помѣщенныхъ, перепечатаны послѣ въ Аонидахъ.

Въ людяхъ и въ книгахъ должно добираться всегда до характеристическаго, до мѣстнаго, и первые наши выборы въ Астраханской Флорѣ пали на слѣдующія статьи: *Поѣздка на ватагу*, *Странствованіе по протокамъ Волжскимъ*, *О концертѣ въ Астрахани*, *Вечеръ въ Татарскомъ аулѣ*, *Разговоръ между Астраханскимъ помѣщикомъ и тамошнимъ Армяниномъ*. Изъ статей, здѣсь упомянутыхъ, узнаемъ о красотахъ живописной природы Астраханской, о нѣкоторыхъ любопытныхъ подробностяхъ, свойственныхъ тому краю, объ удовольствіяхъ общества въ городѣ и мы рады, что узнаемъ объ этомъ изъ описаній концертныхъ, которыя при-

Digitized by Google

услаютъ уши Персидскія, Индійскія, Армянскія къ согласнымъ строямъ Моцарта, Роде, Фильда, Чимарозы. Изъ послѣдней статьи узнаемъ о нравственности Армянина Хачатура Аракеловича, чего, кажется, ни намъ, ни другимъ читателямъ нужды знать не было. Изъ переведенныхъ пьесъ въ прозѣ лучшею по языку и отдѣлкѣ показалась намъ *Отрывокъ изъ Маттисоновыхъ воспоминаній: Гора Св. Бернарда.* Въ переводѣ нѣкоторыхъ парамиѳій Гердеровыхъ, языкъ, кажется, слишкомъ тяжелъ: въ изложеніи подобныхъ аллегорій нужно болѣе игривости и свободы. Есть въ рукописи полный Русскій переводъ сего замысловатаго творенія Гердера: желательно, чтобы Переводчикъ, извѣстный у насъ по своей ясной и твердой прозѣ, хотя и рѣдко онъ является у насъ на авторской сценѣ, напечаталъ свой переводъ, который безъ сомнѣнія будетъ подаркомъ нашей Литтературѣ. Въ числѣ другихъ переводовъ, помѣщенныхъ въ Астраханской Флорѣ, находимъ Нѣмецкую повѣсть: *Семейственный романъ* и *Волшебный колпакъ*, комедію Коцебу, переложенную на древніе Русскіе нравы. Въ нихъ нѣтъ прямо литтературнаго достоинства и напрасно занимаютъ онѣ около трети книжки, которая отъ нихъ толще, но не лучше. Нѣмецъ, передѣланный на Славянскій ладъ, смѣшеніе Коцебу, Добрыни и Бояна, все это слишкомъ сбивается на *бенефисную литтературу* нашихъ драматическихъ присмѣшниковъ. Можетъ быть, эта комедія на сценѣ и позабавила-бы зрителей и Переводчикъ ея, не хуже водевильныхъ переводчиковъ былъ-бы, какъ водится, послѣ представленія вызванъ кликушами пріятелями на показъ передъ публику, но

читатели хладнокровнѣе и разсудительнѣе зрителей; къ тому-же Г-нъ Розенмейеръ, по выбору другихъ переводовъ своихъ, являетъ въ себѣ свѣдущаго Литтератора и слѣдовательно, долженъ быть строже самъ къ себѣ. Намъ сдается, что Издатель Астраханской Флоры еще молодой человѣкъ, недавно поступившій въ ряды писателей. По крайней мѣрѣ, желаемъ достовѣрности нашему предположенію: тогда при дальнѣйшемъ упражненіи и прилежнѣйшемъ изученіи свойствъ нашего языка и образцовъ нашей Литтературы, онъ, безъ сомнѣнія, успѣетъ исправить слогъ свой въ прозѣ и набить руку въ стихахъ, которые у него иногда отзываются ученическою неопытностью; однимъ словомъ, заступитъ онъ почетное мѣсто въ числѣ хорошихъ писателей нашихъ. Если-же онъ уже въ лѣтахъ и можетъ начесть нѣсколько шевроновъ въ службѣ Музамъ, то отбирая надежды свои на будущее, останемся съ благодарностью при томъ что есть, надѣясь только, что и на будущій годъ Астрахань удержитъ свое мѣсто въ статистико-литтературной картѣ Россіи. Пускай только болѣе знакомитъ она Россію съ собою, съ природою своею, съ жителями, обычаями ихъ, съ преданіями историческими, и мы обѣщаемъ литтературному представителю ея уваженіе и признательность читающихъ соотечественниковъ.

Литтературный Музеумъ. Въ Литтературномъ Музеумѣ явился вновь, какъ Издатель Авторъ, и Писатель заслуженый, которому наша Литтература обязана хорошими журналами, хорошими переводами и сочиненіями, кото-

Digitized by Google

ръя читаетъ съ удовольствіемъ. Радуемся новому обращенію его къ авторской дѣятельности. Начальная статья въ Литтературномъ Музеумѣ: *Краткое обозрѣніе* 1826 *года*, писанное Издателемъ. Первая половина въ ней политическаго или лучше сказать газетнаго содержанія и кажется неумѣстна. У насъ еще нѣтъ и быть не можетъ языка политическаго; ибо ни языкъ оффиціяльный, ни языкъ дипломатическій не есть еще истинный языкъ публициста. Краткое обозрѣніе современныхъ событій не политическая исторія, а просто цвѣтистая амплификація современныхъ газетъ. За чѣмъ-же Автору приниматься не за свое дѣло? Событія, которыя онъ описываетъ, еще свѣжи въ памяти читателей современныхъ; потомкамъже описаніе его будетъ излишне и недостаточно, ибо оно ничего имъ не разгадаетъ и ни въ чемъ не различествуетъ съ тѣмъ, что газеты передали подробнѣе и полнѣе. Есть время для лѣтописей которыя нынѣ называются газетами: будетъ время для Исторіи. Современники могутъ быть только рукописными лѣтописцами или печатными газетчиками. Въ переходѣ отъ Политики къ Литтературѣ, Авторъ изложилъ весьма хорошо нѣсколько нравственныхъ мнѣній о самомъ достоинствѣ Литтературы нашей и заключенія его не благосклоннѣе тѣхъ, которыя мы обнаружили выше. »*Давно сказано,*« говоритъ онъ »*что нѣтъ у насъ главнаго достоинства: мыслить и заставлять мыслить другихъ.*« Только явленія этой *безмысленности* приписываемъ мы съ Авторомъ причинамъ различнымъ. Онъ полагаетъ, что писатели наши притворяются и сжимаются, *что они, стоящіе выше народа своего, не простираютъ*

полета своего за предѣлы нѣкоторой посредственности, чтобы не казаться нескромными и даже непонятными. Мы съ своей стороны не подозрѣваемъ ихъ въ лукавствѣ и признаемъ въ нихъ болѣе откровенности. Писатели наши, за исключеніемъ весьма, весьма немногихъ, *не выше народа своего,* ибо нельзя опредѣлить высоту ихъ тѣмъ, что они лучше большей части читателей своихъ знаютъ гдѣ поставить *ѣ* или *е* и какъ удовлетворить прихотливымъ требованіямъ нашего письменнаго языка. У насъ есть государственные правители, полководцы, негоціанты, художники, а нѣтъ ни по одной изъ частей ихъ, сочиненія полнаго, руководства надежнаго; слѣдовательно не народъ въ долгу у писателей, но писатели у народа.

Въ Литтературной половинѣ обозрѣнія находимъ отчетъ о книгахъ, ознаменовавшихъ преимущественно письменное бытіе 1826 года: въ сужденіяхъ Автора отзывается вкусъ вѣрный и опытный, за исключеніемъ нѣкоторыхъ приговоровъ, подлежащихъ сомнѣнію (*). На примѣръ, мы согласны съ Авторомъ, что въ твореніяхъ Глинки (младшаго) *видѣнъ прекрасный отпечатокъ его души, ума и дарованія,* но находимъ неумѣстными слѣдующія слова: *въ подражаніяхъ Корану Пушкинъ является счастливымъ соперникомъ Глинки.* О мастерѣ своего дѣла, о Поэтѣ, который, по словамъ самого Г-на Измайлова, *готовъ, кажется, захватить одинъ*

(*) Съ этимъ трудно согласиться. Мнѣ кажется, напротивъ, что за исключеніемъ весьма немногихъ, почти всѣ приговоры Г-на Измайлова невѣрны и недостаточны. Н. П.

высоты Парнасса, не льзя сказать, что онъ счастливый соперникъ человѣка съ дарованіемъ, это правда, и съ дарованіемъ отличнымъ, но все не первенствующимъ. Вообще находимъ, что опредѣленія Автора во всей этой статьѣ слишкомъ безусловно похвальны. У насъ обыкновенно нѣтъ средины между панегирикомъ и сатирою. Боясь послѣднею раздражить самолюбіе ближнихъ, мы настроиваемъ рѣчь свою на торжественный ладъ и похожи на жрецовъ, колѣно-преклоненныхъ передъ кумирами. Авторъ обозрѣнія позволяетъ себѣ общія укоризны, но въ частномъ примѣненіи онъ держится неотступно похвалы неограниченной. Кажется, должно слѣдовать совершенно противному правилу. Въ общемъ объемѣ есть всегда нѣчто хорошее и удовлетворительное; въ частныхъ отдѣленіяхъ должны неминуемо быть недостатки. Указывайте на нихъ смѣло и безъ лицепріятія, а не то въ вашихъ поголовныхъ мадригалахъ ничего не будетъ поучительнаго. Въ доказательство, что *раннему историку* трудно быть зрѣлымъ въ сужденіяхъ своихъ, замѣтимъ противорѣчіе, въ которое впалъ Авторъ какъ политикъ и литтераторъ. Въ первой половинѣ обозрѣнія своего, на стр. 7, говоритъ онъ о Наполеонѣ: *»и раздавшаяся по землѣ слава едва не умолкла на его гробѣ подъ стономъ вселенныя и укоризнами вѣка.* Въ другой половинѣ, упоминая о сочиненіи Пушкина, говоритъ онъ: »*въ стихотвореніи: Наполеонъ, хотя и не столь обильномъ великими красотами* (какъ стихотвореніе: *къ Овидію*), *чего не искупятъ сіи мысли и стихи*:«

Великолѣпная могила! . . .

Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежитъ,

Народовъ ненависть почила,
И лучъ безсмертія горитъ.

Если мы, по убѣжденію своему, не могли безусловно похвалить эту статью, которая впрочемъ отличается многими хорошими мыслями и благородными чувствами и вообще писана пріятнымъ авторскимъ слогомъ, то спѣшимъ съ удовольствіемъ похвалить безпрекословно и по всѣмъ частямъ другую статью Издателя: *Русскій наблюдатель въ 19-мъ вѣкѣ*. Тутъ мысли, мнѣнія и самое изложеніе оныхъ, все примѣчательно, все убѣдительно. Не связанный посторонними уваженіями, Авторъ говоритъ независимо и откровенно, все, что внушено ему умомъ просвѣщеннымъ, сердцемъ благороднымъ и патріотическою благонамѣренностью, и говоритъ языкомъ образованнаго литтератора. Однимъ словомъ, Русскій наблюдатель въ 19-мъ вѣкѣ есть и Европейскій писатель 19-го вѣка.

Рѣчь, въ память Исторіографу Россійской Имперіи, произнесенная въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, Членомъ онаго, Н. Иванчинымъ - Писаревымъ и напечатанная въ *Литтературномъ Музеумѣ*, содержитъ въ себѣ много хорошаго. Должно сперва похвалить Автора за его намѣреніе, которое въ этомъ случаѣ уже похвальное дѣйствіе. Онъ убѣдился въ неприличіи молчанія нашихъ литтераторовъ о Писателѣ, который болѣе *или* менѣе образовалъ все пишущее поколѣніе наше и воздвигнулъ на голой равнинѣ отечественной Литтературы зданіе великолѣпное и вѣковѣчное, памятникъ предкамъ отъ современниковъ потомству. И въ признательномъ благоговѣніи къ

знаменитому согражданину заплатилъ онъ ему по силамъ дань уваженія и преданности. Чѣмъ заслуги оказанныя народу писателемъ истинно-народнымъ важнѣе, тѣмъ свойственнѣе почувствовать имъ цѣну человѣку благомыслящему и образованному, но тѣмъ труднѣе показать ихъ въ удовлетворительномъ свѣтѣ и оцѣнить ихъ достойнымъ образомъ. Не боясь оскорбить Автора *Рѣчи*, скажемъ откровенно, что и послѣ его творенія, заслуживающаго уваженіе, Карамзинъ еще ожидаетъ панегириста себѣ равнаго. Но повторяемъ, все не менѣе, и побужденіе и самое исполненіе во многихъ частяхъ приносятъ честь чувствамъ Автора. Жаль, что Панегиристъ въ Рѣчи своей руководствовался нѣкоторыми ошибками журнальныхъ некрологовъ Карамзина. Онъ скончался не на 61 году своей жизни, а 59 лѣтъ. Нѣтъ сомнѣнія, что смерть ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА поразила глубокою скорбью сердце его, любви и признательности исполненное; но не льзя сказать, чтобы она была причиною и его смерти. И слова Панегириста: *онъ не могъ пережить Александра*, не имѣютъ исторической достовѣрности. Твердый, хотя и чувствительный, проникнутый неограниченною довѣренностію къ Провидѣнію, онъ оплакивалъ Государя, котораго зналъ и любилъ, не подъ однимъ величіемъ Царскимъ, а и въ простотѣ частныхъ сношеній; но между тѣмъ какъ семьянину, гражданину и писателю, Карамзину предстояли еще на пути жизни и высокія обязанности и свѣтлыя прелести. Предположенія Автора о сѣтованіи Карамзина, что сограждане и собратія его не отдавали ему должной справедливости, что завистливые, *жалкіе*

книгмен, искушая душу великаго Писателя, не рѣдко и его заставляли имѣть нужду въ стоической твердости, убѣдительно и прекрасно опровергаются словами Карамзина изъ письма его, напечатаннаго въ Литтературномъ Музеумѣ. Языкъ Панегириста довольно хорошъ: видно, что онъ изучалъ творенія Писателя, котораго хвалитъ. Въ иныхъ мѣстахъ встрѣчаемъ черты истиннаго краснорѣчія сердечнаго; въ другихъ можно-бы требовать болѣе спокойствія и менѣе восклицаній. Обращеніе Автора въ послѣднемъ періодѣ Рѣчи, кажется, совершенно неумѣстно и отзывается семинаристскимъ витійствомъ. — *Приказъ съ того свѣта*, повѣсть Г-на Сомова, шутка, свободно и весело разсказанная. Въ числѣ поэтовъ, участвовавшихъ стихотвореніями въ составленіи Литтературнаго Музеума, находимъ имена Пушкина (А. С.), Пушкина В. Л., Гнѣдича, Ѳ. Глинки, Баратынскаго, Кн. Вяземскаго, Раича и другихъ. Читатели могутъ судить о пріятномъ разнообразіи стихотворнаго отдѣленія Музеума, по одному списку наименованныхъ поэтовъ. Не льзя безъ сердечнаго умиленія прочесть прекрасные стихи, написанные къ Издателю Поэтомъ, коего имя угадается безъ подписи каждымъ читателемъ, свѣдущимъ въ Русской Поэзіи. Отвѣтъ Издателя откликнулся также поэтически на поэтическій голосъ знаменитаго Пѣснопѣвца.

Ас.

69. *Краткая Священная Исторія*, въ пользу благородныхъ воспитанницъ Женскаго Патріотическаго Общества, изданная Андреевскаго Собора Священникомъ Василіемъ Полянскимъ. СПб. 1827 г. въ тип. Ак. Наукъ, in 8, 90 стр.

Digitized by Google

Въ сей книжкѣ, раздѣленной на семь періодовъ, чрезвычайно кратко описана Исторія Израильскаго народа, до начала ученія Св. Апостолъ. Продолженія Исторіи до нашихъ временъ нѣтъ.

70. *Собраніе Шарадъ*, 2 Части. М. въ Ун. Тип. 1827 г., in 16, 112 и 80 стр.

Лѣтъ за десять, Шарады были въ большой модѣ у Русскихъ читателей. Журналы: Вѣстникъ Европы, Благонамѣренный, Инвалидъ и проч., десятками представляли ихъ публикѣ, такъ что я думаю, Издателю *Собранія Шарадъ* надобно будетъ издать еще десять книжекъ, если онъ вздумаетъ *истощить свой предметъ*. Въ старыхъ Журналахъ поле для него обширное.

О литтературномъ достоинствѣ сего *Собранія* говорить нѣчего, потому что очень немногія изъ помѣщенныхъ въономъ Шарадъ, Анаграммъ и проч. имѣютъ какое-либо достоинство; многія очень, очень плохи; на примѣръ (изъ множества указываемъ на одну) послѣдняя шарада (292-я) 1-й Части, оканчивающаяся стихомъ:

Не дай Богъ никому имѣть такую мать!

Жаль, что Собиратель не помѣстилъ многихъ истинно хорошихъ произведеній сего рода, какова на примѣръ извѣстная острою загадочностью своею Шарада: *Каракалпакъ*, напечатанная въ 17 No *Дамскаго Журнала* на 1824 годъ. Издатель Д. Ж. до сихъ поръ угощаетъ своихъ читательницъ Шарадами, тогда какъ всѣ другіе Русскіе Журналисты забыли думать о Шарадахъ. Въ настоящемъ *Собраніи* помѣщено 292 Шарады, 49 Анаграммъ, 44 Логогрифа, 18 Омонимовъ, 8 Шарадъ-Анаграммъ, 6 Шарадъ-Омонимовъ, 2 Логогрифа-Анаграммы, 1 Логогрифъ-

Digitized by Google

Омонимъ, 7 Омонимовъ-Анаграммъ и 3 Шарадо-Омонимо-Анаграммы. — Какой запасъ для охотниковъ разгадывать пустяки!

71. *Өемида*, или начертаніе правъ, преимуществъ и обязанностей женскаго пола въ Россіи, на основаніи существующихъ законовъ. Соч. Иларіона Васильева. М. 1827 г. въ Унив. Тип. in 18, 96 стр.

Заглавіе сей книги даетъ понятіе о ея содержаніи. Но права женскаго пола въ Россіи нераздѣльны съ правами мужескаго пола, такъ, что трудно дать точное понятіе о правахъ женщинъ, не говоря о правахъ мужчинъ. Впрочемъ, Авторъ изложилъ предметъ свой, сколько могъ лучше. Мы не думаемъ однакожъ, чтобы онъ заслужилъ благосклонную улыбку прекраснаго пола, особенно за страницы 18-ю,-19, 35, 72, 73, 74, 75-ю.

Руководство къ познанію Всеобщей Политической Исторіи, сочиненное Професс. Имп. Царское. Лицея, С.Пбургскаго Общ. Люб. Сл., Наукъ и Худ. Дѣйств. Членомъ, Колл. Сов. и Кавалеромъ Иваномъ Кайдановымъ. *Третіе изданіе, исправленное и дополненное.* Ч. III. Исторія новая или трехъ послѣднихъ вѣковъ, продолженная до 1818 года. СПб. 1827 г. въ тип. Деп. Нар. Просв. VIII и 392 стр., съ хронологическою таблицею (*). (Къ No 106 Библ. М. Т. 1826 г.)

Извѣщая о двухъ первыхъ томахъ сей книги (Моск. Тел. X., 247, 1-го отд.), Рецензентъ справедливо назвалъ ее лучшею изъ краткихъ Всеобщихъ Исторій, изданныхъ на Русскомъ языкѣ. Теперь,

(*) Продается въ С.Пбургѣ, у книгопродавца И. В. Сленина. Цѣна за всѣ 3 тома 12, съ пересылкою 13 рублей.

вмѣстѣ съ 3-мъ томомъ составляя полный курсъ Всеобщей Исторіи, книга Г. Кайданова получитъ новое достоинство какъ трудъ оконченный. Въ приводимомъ нами библіографическомъ извѣстіи, Рецензентъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній справедливыхъ о недостаткахъ, найденныхъ имъ въ сочиненіи Г. Кайданова. Во всемъ соглашаясь съ нимъ, мы осмѣливаемся думать, что Авторъ не могъ воспользоваться сими замѣчаніями при печатаніи 3-й части, потому, что онъ долженъ былъ слѣдовать принятому въ первыхъ двухъ частяхъ плану: отъ того и здѣсь не встрѣчаемъ желаемаго *всеобщаго* взгляда. Дѣло идетъ почти все о Европѣ. Не потому-ли, встрѣчая прекрасныя, даже красноръчивыя мѣста, каково, на примѣръ, описаніе 30-ти лѣтней войны, находимъ и погрѣшности въ обзорѣ и взглядѣ. На примѣръ слѣдующія слова: »*Со времени открытія Америки* и морскаго пути въ Восточную Индію, Европейцы начали заводить свои колоніи *во всѣхъ частяхъ свѣта.*« Могли-ли они заводить колоніи *во всѣхъ* частяхъ свѣта, когда *половина свѣта* не была еще открыта? »Сіи колоніи имѣютъ *нынѣ* величайшее вліяніе на Европу: вся Европейская торговля тѣсно соединена съ ними; онѣ часто даютъ направленіе политикѣ и многія государства основываютъ на нихъ свои виды и надежды и въ нихъ полагаютъ источники своего богатства.« Это было; такъ; но нынѣ отношенія Европейскихъ государствъ къ колоніямъ совершенно перемѣнились. Назовите намъ государство Европейское, на колоніяхъ основывающее свои виды, надежды и богатство? Сама Англія, при точнѣйшемъ изслѣдованіи, окажется противъ сего мнѣнія.

Digitized by Google

Можно-бы также замѣтить почтенному Автору кой-какія *описки* и несправедливыя извѣстія; на примѣръ о пожарѣ Москвы въ 1812 году »Сей пожаръ Московскій до сего времени остается еще загадкою,« говоритъ Авторъ. Напротивъ, это давно рѣшенный вопросъ и неоспоримая отгадка о немъ находится въ печатныхъ сочиненіяхъ Гг. Бутурлина и Шамбре, въ подлинныхъ документахъ и въ устахъ многихъ остававшихся во время пожара въ древней нашей столицѣ. Вообще Авторъ не безпристрастенъ въ описаніи близкихъ къ намъ событій. Но сіи маленькіе недостатки, выисканные нашимъ желаніемъ показать Автору, какъ внимательно читали мы его книгу, не уменьшаютъ настоящаго ея достоинства, и мы рекомендуемъ ее всѣмъ родителямъ и наставникамъ, какъ лучшее въ своемъ родѣ произведеніе на Русскомъ языкѣ.

Кс.

72 и 73. *Ручная Математическая Энциклопедія.* Книжка III. *Алгебра.* Книжка IV, *Приложеніе Алгебры къ Геометріи.* М. 1827 г. въ Универс. Тип. in 16, 297 и 206 стр., съ однимъ чертежемъ.

При появленіи первой книжки сей Энциклопедіи, мы помѣстили подробный разборъ вообще плана сего предпріятія и Ариѳметики, тогда уже изданной (М. Т. Ч. IX. с. 114. I отд.). Въ прошедшемъ-же году издана была книжка вторая, заключающая въ себѣ основанія *Геометріи* (М. Т. Ч. X, с. 335 I-го Отд.). Нынѣ выдано и еще двѣ книжки. Въ нихъ изложены: *Алгебра* и *Приложеніе Алгебры къ Геометріи.* Многія части изложены здѣсь совершенно новымъ образомъ, вѣрнѣе и ближе ведущимъ къ рѣшенію вопросовъ математическихъ. Можно утвердительно сказать, что

на Русскомъ языкѣ еще не было столь превосходнаго курса Математики, какъ издаваемый Г-мъ Перевощиковымъ. Вмѣстѣ съ высшимъ ученымъ достоинствомъ онъ соединяетъ въ себѣ и важное удобство: дешевизну, такъ, что теперь люди недостаточные не имѣютъ нужды прибѣгать къ Ариѳметикѣ Меморскаго и подобнымъ имъ ошибочнымъ, затруднительнымъ въ ученіи, но дешевымъ математическимъ книгамъ (*). Въ слѣдующихъ книжкахъ Моск. Телеграфа мы посвятимъ подробный разборъ важному труду Г-на Перевощикова.

§ IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

Изображеніе нынѣшняго состоянія Греціи (продолженіе). Румеліоты и Суліоты: вотъ прекраснѣйшее и сильнѣйшее поколѣніе людей видѣнныхъ мною. Тѣло ихъ, всегда подверженное вліянію солнца, совершенно бронзоваго цвѣта, грудь широка, какъ панцырь; голова покрыта густыми, развѣвающимися по плечамъ волосами, которые придавали-бы имъ много красы, если-бы они не приняли обыкновенія подбривать себѣ виски. Греки всегда любили носить густые, длинные волосы. Гомеръ, между прочими эпитетами, придаваемыми имъ своимъ соотечественникамъ, называетъ

(*) I-я книжка Математической Энциклопедіи или *Ариѳметика* стоитъ 2 руб., II-я кн.; *Основанія Геометріи*, 3 р., III-я кн., *Алгебра*, 3 р., IV-я кн., *Приложеніе Алгебры къ Геометріи*, 2 рубли.

Digitized by Google

ихъ: »Красовласыми Греками.« Румеліоты и Суліоты съ самаго младенчества своего носятъ пистолеты и саблю и никогда не разстаются съ ними. Подобно всѣмъ другимъ воинамъ Греціи, они обязаны имѣть свое оружіе и платье. Жалованье ихъ состоитъ изъ пайка хлѣба, двѣнадцати парасъ въ день на пищу и двадцати пяти піастровъ въ мѣсяцъ на другія издержки. У нихъ нѣтъ ни палатокъ, ни постелей и никакого крова. Постелею служитъ имъ плащъ, изголовьемъ камень, а пологомъ — ясное небо. Пока продолжаются военныя дѣйствія, они вовсе не раздѣваются и не перемѣняютъ рубашекъ; разумѣется, опрятность жестоко страдаетъ отъ этого, но за то оружіе сихъ воиновъ всегда вычищено и высвѣтлѣно. Первая мысль ихъ по пробужденіи, вычистить и приготовить свое оружіе. Они страстно любятъ оружіе красивое и богатое, которое, блистая серебромъ и золотомъ, составляетъ странную противоположность съ запачканными рубашками владѣтелей онаго. Для поклажи у нихъ нѣтъ ранцовъ. Эти прекрасные и стройные мущины сильны какъ львы и быстры какъ козы. Я видѣлъ благородныхъ гренадеровъ Наполеона, знаю горделивую Англійскую гвардію; но Суліоты, какъ мнѣ кажется, всѣхъ превосходятъ. Осанка ихъ и поступь имѣютъ что-то совершенно величественное. Они сражаются вразсыпную: каждый самъ себѣ избираетъ мѣсто. Въ сраженіи они обыкновенно не подвергаютъ тѣла своего опасности. Какъ древніе закрывались щитами, такъ они становятся за камень, который ихъ защищаетъ, и если между ними и непріятелемъ находится хотя часть утеса, тогда не льзя ихъ ранить: столь искусно умѣютъ

они укрываться и которыя заряжать свои ружья и стрѣлять изъ нихъ. Чтобы обмануть Турокъ, они, находясь въ извѣстномъ разстояніи, обыкновенно ставятъ въ виду шапку свѣтло-краснаго цвѣта, нѣсколько впереди того мѣста, гдѣ сами скрываются. Окоповъ они не дѣлаютъ никакихъ. Когда хотятъ сражаться всѣ вмѣстѣ и удержать за собою какое-либо мѣсто, то дѣлаютъ *барабанъ:* такъ называютъ они пространство, обнесенное небольшимъ каменнымъ парапетомъ; укрывшись за этимъ укрѣпленіемъ, они производятъ почти всегда убійственную стрѣльбу, ибо вообще стрѣляютъ очень мѣтко. Генералъ Каратаццо, находившійся въ одномъ изъ таковыхъ барабановъ, убилъ нѣсколько сотъ Египтянъ, хотѣвшихъ сбить его съ мѣста. Сказываютъ, что Суліоты никогда не стрѣляютъ болѣе трехъ разъ изъ своихъ мушкетоновъ, даже и въ весьма близкомъ разстояніи; потомъ, бросивши на землю ружья и свои плащи, они обнажаютъ сабли и бросаются на непріятеля. Они употребляютъ саблю вмѣсто *ятагана*, который принятъ вообще всѣми Морейскими солдатами. Если нападеніе ихъ бываетъ неудачно, тогда они теряютъ свои плащи и ружья. Румеліоты, а еще болѣе Суліоты, почитаютъ великимъ несчастіемъ лишиться своего Капитана, какимъ-бы то ни было образомъ, такъ что иногда въ сраженіяхъ они не позволяютъ ему слишкомъ отваживать себя и удерживаютъ его отъ опасной близости. Они слѣдуютъ за своимъ начальникомъ или оставляютъ его по собственному произволу. Нѣтъ ни стыда, ни наказанія за побѣгъ, ибо нѣтъ настоящихъ побѣговъ, и солдатъ оставляетъ одно знамя для того, чтобъ служить подъ

Digitized by Google

другимъ. Кто будетъ сравнивать сихъ воиновъ съ шайками Италіянскихъ *Кондоттіери* или Испанскихъ *Гверильясовъ*, тотъ не имѣетъ вѣрнаго о нихъ понятія: они походятъ болѣе на жителей древнихъ Шотландскихъ *клановъ*, ибо крѣпкіе члены сихъ воиновъ и самая одежда ихъ, напоминаютъ Шотландскихъ горцовъ и они могутъ быть взаимно сравниваемы. Въ Румеліи, начальствованіе сохраняется обыкновенно въ нѣкоторыхъ семействахъ, заслужившихъ оное своею храбростію, и право сіе передаетъ отецъ сыну. Суліоты поклялись быть вѣчными врагами Турковъ и сдержали клятву свою лучше нежели Мальтійскіе рыцари. Болѣе ста пятидесяти сихъ храбрыхъ воиновъ погибло въ сраженіи 19-го Апрѣля. Тутъ пролита драгоцѣнная кровь, ибо съ того времени, какъ Суліоты потеряли свое отечество, ихъ остается не болѣе тысячи, разсѣянныхъ по всей Греціи и на островахъ Іонійскихъ. Однакожъ корпусъ ихъ все еще многочисленъ, ибо многіе Румеліоты, привлеченные воинскою славою Суліотовъ, любятъ воевать соединенно съ ними и въ семъ училищѣ дѣлаются превосходными воинами. Какъ за древними Спартанцами, и за ними въ военное время слѣдуетъ множество Грековъ, сражающихся подъ ихъ начальствомъ.

Разставшись съ Суліотами, я обратилъ вниманіе Генерала Роша на неповиновеніе сего войска Начальнику Правительства, давая замѣтить, что это пагубно въ военное время, и что отпаденіе двухъ тысячь сихъ храбрыхъ непремѣнно должно ускорить паденіе Наварина. Для воспрепятствованія сему я совѣтовалъ Генералу частно снестись съ Константиномъ Боццари, который, казалось, имѣлъ болѣе вліянія и былъ откровеннѣе прочихъ; Генералъ

Digitized by Google

могъ предложить ему свое посредничество у Президента, для примиренія обѣихъ сторонъ: это было-бы благородно и вмѣстѣ важно для блага отечества. Генералъ былъ совершенно убѣжденъ, какъ выгодно было заставить начальствующихъ перемѣнить первое ихъ намѣреніе. Онъ пригласилъ Константина Боццари на другой день придти въ наше жилище для частнаго совѣщанія. Боццари пришелъ одинъ, а Генеральскій слуга былъ переводчикомъ.

Но совѣщаніе это осталось безуспѣшно. Боццари сказалъ, что онъ оставилъ лагерь безъ согласія Президента и даже противъ воли его, но былъ принужденъ къ этому опасностію Миссолунги, угрожаемой, подобно всей Западной Греціи, вторженіемъ непріятеля. Онъ прибавилъ, что одинъ, лично, не много поможетъ, а солдаты ушли-бы и безъ него. Впрочемъ, онъ обѣщалъ навсегда остаться другомъ и приверженцомъ Президента въ общемъ дѣлѣ.

Однакожъ, не взирая на благовидныя причины, которыми оправдывался Боццари, впослѣдствіи ясно доказано, что отступленіе его войскъ было одною изъ главныхъ причинъ взятія Наварина.

Въ Триполицѣ есть Грамматическая школа, въ которой обучаютъ древнему Греческому языку, заставляя читать и изъяснять Геродота, Ѳукидида и Ксенофонта.

Мая 8-го открыта была школа взаимнаго обученія, въ одной мечети, преобразованной для сего предмета. Она довольно обширна, такъ, что въ ней можетъ помѣщаться до четырехъ сотъ учениковъ. Учителемъ въ сей школѣ Георгій Константинъ, уроженецъ Кипрскій, обучавшійся методѣ

Digitized by Google

ненняго обученія въ большой Боругъ-Роадской школѣ, въ Лондонѣ. Многіе изъ знатнѣйшихъ жителей надзираютъ надъ нею; Князь Ипсиланти принимаетъ въ ней особенное участіе. Познакомившись съ однимъ изъ надзирателей общественнаго ученія, Г-мъ Григоріемъ Константасомъ, я просилъ его начертать для меня обозрѣніе успѣховъ ученія въ Греціи. Сей почтенный и ученый священно-служитель былъ столь добръ, что написалъ ко мнѣ письмо, наполненное любопытными свѣдѣніями. Въ 1825 году умеръ въ Триполицѣ нѣкто Кава ди Димицана, прозванный *Сабанако;* онъ былъ безобразенъ и горбатъ, спереди и сзади, но природа надѣлила его удивительнымъ даромъ импровизаціи. Не умѣя ни читать, ни писать, онъ воспѣвалъ въ стихахъ всю Греческую революцію. Я успѣлъ собрать около двухъ третей импровизированныхъ имъ пѣсенъ. Въ нихъ довольно гармоніи и встрѣчаются мѣста счастливыя; однакожъ, подобно большей части импровизированныхъ Италіянскихъ стихотвореній, онѣ не выдерживаютъ внимательнаго чтенія. За всѣмъ тѣмъ это достойно упоминанія, и служитъ доказательствомъ, что новый Греческій языкъ и нынѣшніе Греки столь-же способны къ импровизаціи, какъ древній Греческій языкъ и древніе Греки.

По выступленіи Румелійскаго войска Президентъ отправился изъ Салы въ Каламату, и оттуда писалъ къ Генералу Рошу, что ему было бы непріятно заставить Генерала совершить столь трудное путешествіе, а потому онъ проситъ его остаться въ Триполицѣ. Генералъ почелъ за лучшее сообразоваться съ желаніемъ Президента. И такъ, къ большому сожалѣнію моему, я разстался

съ этимъ почтеннымъ мужемъ, котораго съ каждымъ днемъ уважалъ болѣе и болѣе. На другой день, 30 го Апрѣля, въ полдень, я отправился въ Каламату.

Въ первый день я проѣхалъ только пять миль и вечеромъ остановился въ домѣ, находящемся за одну милю отъ Леондари, въ прелестной долинѣ, по крайней мѣрѣ столь же плѣнительной, какъ долины описанныя Аріостомъ. Свѣтлые, никогда не иссыхающіе источники, чистый и свѣжій воздухъ, пѣніе птицъ, вѣчно зеленые масличные перелѣски украшаютъ сіе мѣсто, гдѣ усталый путешественникъ находитъ отдохновеніе послѣ дневнаго жара и утомительной ѣзды на дурномъ мулѣ или на дурной лошади. Въ лѣсахъ обитаетъ множество соловьевъ: къ ихъ мелодическимъ концертамъ сова присоединяетъ свой непріятный, пронзительный крикъ, подобный крику ребенка.

Тотчасъ по пріѣздѣ нашемъ, два вѣрные паликара, наши провожатые, которые дѣятельнѣе и неутомимѣе Испанскихъ солдатъ, стали приготовлять для насъ ужинъ. Обыкновенно ягненокъ бываетъ привлекательнымъ кушаньемъ на такихъ жертвоприношеніяхъ. Въ одну минуту его убили, очистили и внутри натерли солью и перцомъ. Потомъ, вмѣсто вертела воткнули его на палку и стали жарить на большомъ огнѣ.

Во время ужина я замѣтилъ, что паликаръ разсматриваетъ одну изъ костей ягненка (лопатку) съ такимъ же вниманіемъ, какъ древніе разсматривали внутренность животныхъ, принесенныхъ въ жертву. Я спросилъ, что значитъ это разсматриванье. Одинъ изъ паликаровъ, говорившій по-Италіянски, отвѣчалъ мнѣ, что товарищъ его узнаетъ будущее.

Digitized by Google

Онъ прибавилъ, отчасти важнымъ, отчасти шутливымъ тономъ, что по знакамъ, находимымъ на сей кости, можно предсказывать будущее, и что наканунѣ сраженія 19-го Апрѣля, одинъ изъ его товарищей предсказалъ гибельное окончаніе сего дня. Теперь кость сія въ Греціи называется *Газета паликаровъ.* Сначала, я улыбнулся причудливому суевѣрію; но оно-же возбудило во мнѣ печальныя размышленія: суевѣріе есть неизлечимая болѣзнь всѣхъ народовъ; даже самые образованные не избѣгли отъ него, ибо, кромѣ этого гаданія, я думаю, новѣйшіе Греки еще не такъ суевѣрны, какъ современники Сократа, у которыхъ вездѣ были оракулы, храмы, прорицанія, Сивиллы. Какъ ни привязаны новѣйшіе Греки къ своей религіи, но они не такъ охотно отдаютъ свое имѣніе и деньги священникамъ, какъ древніе, которые, кромѣ подарковъ, коими обогащали храмы, имѣли обыкновеніе поручать свои богатства въ руки жрецовъ. Нынѣшніе бездомовные Греки носятъ свои деньги въ поясѣ или даже зарываютъ ихъ въ землю, а не хотятъ отдавать священникамъ. Въ Греціи народъ бѣденъ, духовенство также, церкви еще болѣе. Здѣсь не такъ какъ въ Японіи: тамъ жители бѣдны до крайности, а монахи ихъ и капища завалены серебромъ и золотомъ. Въ Триполицѣ нѣтъ даже колоколовъ для созыванія православныхъ на молитву. И послѣ четырехъ лѣтъ свободы, для возвѣщенія божественной службы, въ семъ городѣ употребляютъ еще желѣзную доску, привѣшенную къ воротамъ (Турецкій деспотизмъ запрещалъ употребленіе колоколовъ): въ нее ударяютъ камнемъ, и при семъ звукѣ христіане спѣшатъ въ ближайшую церковь.

Digitized by Google

Другое прелестное мѣсто, оставившее во мнѣ пріятныя впечатлѣнія, есть источникъ Памизи, гдѣ мы останавливались и умѣренно пообѣдали маслинами, съ недавно собраннымъ чеснокомъ, и сыромъ изъ козьяго молока. Желая лучше узнать страну, я всегда слѣдую мѣстнымъ обычаямъ. Древніе почитали воздухъ вокругъ источника Памизи цѣлительнымъ, особенно въ дѣтскихъ болѣзняхъ.

Въ Греціи путешественники обыкновенно останавливаются обѣдать въ мѣстахъ пріятныхъ своимъ положеніемъ. Ручьевъ здѣсь множество, а фонтаны, уважаемые даже самыми дикими солдатами, распространяютъ пріятную свѣжесть въ здѣшнемъ климатѣ, гдѣ въ теченіе многихъ мѣсяцовъ солнце слишкомъ пламенно. Сколько потоковъ, долинъ, деревьевъ могъ-бы я назвать, надъ которыми въ продолженіе четырехъ вѣковъ царствовалъ геній унынія! Нѣтъ болѣе ни дворцовъ, ни звѣринцовъ, ни увеселительныхъ домовъ; Турецкая тираннія оставила Греціи только ея землю и ея солнце.

Каламата, область, составляющая часть древней Мессеніи, хорошо воздѣлана, изобильна фигами, виномъ, шелкомъ и всякаго рода плодами; но она всегда имѣла невыгодное сосѣдство. Нѣсколько вѣковъ Спартанцы опустошали сію землю и жителямъ оставляли на выборъ войну или ссылку, смерть или рабство; теперь Майноты (наслѣдники, если не потомки Спартанцовъ) часто возмущаютъ сію провинцію своими набѣгами. Они отъ времени до времени сходятъ съ горъ своихъ и производятъ грабительства въ сихъ прелестныхъ равнинахъ, усѣянныхъ холмами и ручьями.

Digitized by Google

Вечеромъ прибылъ я въ Каламату и отправился къ Президенту. Передъ домомъ его увидѣлъ я множество народа: здѣсь тѣснились точно какъ около того мѣста, гдѣ даются для народа представленія безъ платы за входъ. Я подвигался впередъ, вмѣстѣ съ народомъ, до самаго мѣста присутствія Князя Маврокордато, который привѣтствовалъ меня очень учтиво. Я увидѣлъ, что физіогномія его гораздо лучше и выразительнѣе въ натурѣ, чѣмъ на портретахъ его, выставленныхъ въ Лондонѣ. Онъ одѣвается какъ Французъ. Когда увидѣлъ его въ первый разъ въ Каламатѣ, платье на немъ было изношенное и изодранное; это мнѣ показалось болѣе жеманствомъ нежели необходимостію. Онъ изъясняется по-Французски свободно и пріятно; разговоръ его живъ, пріятенъ и исполненъ ума. У него на все готовы скорые отвѣты. Однажды Генералъ Рошъ сказалъ ему: »Не странно-ли, что въ Парижѣ говорятъ гораздо болѣе о дѣлахъ Греціи, нежели въ самой Греціи.« — Что-жь тутъ страннаго? возразилъ Маврокордато: говорить гораздо легче нежели дѣйствовать. — »А я думаю,« отвѣчалъ Генералъ, »что мы говоримъ о Греціи, какъ любовники говорятъ безпрестанно о той, которую любятъ.« — Очень жаль, сказалъ Маврокордато, что до сего времени любовь ваша была совершенно платоническая. — Онъ одаренъ всѣми талантами, нужными для государственнаго чиновника, знаетъ хорошо дѣла и исправляетъ ихъ быстро. Потому-то непріятели его, не смѣя сказать, что у него нѣтъ талантовъ, говорятъ, что Маврокордато гораздо лучше владѣетъ перомъ, нежели саблею. На соотечественниковъ своихъ онъ не имѣетъ такого вліянія,

Digitized by Google

на какое дають ему право его достоинства и патріотизмъ. Этому причиною то, что онъ Фаваріотъ, не имѣетъ въ Греціи ни связей, ни богатства и одинъ долженъ бороться съ умыслами и заговорами. По той-же самой причинѣ, онъ часто принужденъ употреблять въ свою пользу оружіе непріятелей, и ему трудно будетъ достигнуть до верховной власти въ Греціи. Хотя онъ искусился уже въ тайнахъ Европейской политики, но первымъ стремленіемъ его всегда остается независимость отечества. Впрочемъ, если-бы когда нибудь оно должно было избрать себѣ покровителя въ Европѣ, то я увѣренъ, что Мавроко́рдато предпочтетъ націю самую сильнѣйшую и безкорыстнѣйшую — Великобританцовъ (?).

Маврокордато представилъ меня Президенту Кондуріотти. Щегольски одѣтый по обычаю своего острова, онъ сидѣлъ на софѣ, по-Турецки, и перебиралъ четки. Онъ не говоритъ ни на какомъ иностранномъ языкѣ, и потому всѣ наши разговоры были кратки и незначительны. Фамилія Кондуріотти конечно богатѣйшая на Идрѣ: имѣніе ея, какъ говорятъ, стоитъ около милліона.

При началѣ революціи, фамилія его давала большія суммы для поддержанія морскихъ силъ; сіи пожертвованія, вмѣстѣ съ славою отличнаго гражданина, возвели Кондуріотти на первыя степени правленія. Но съ того времени слава его безпрестанно упадала. Прежде уважали въ немъ человѣка твердаго; но опытъ доказалъ, что въ немъ болѣе упрямства, нежели истинной твердости. Честность его не имѣетъ на себѣ пятна: его обвиняютъ въ томъ, что онъ пристрастенъ къ своимъ друзьямъ

Digitized by Google

и къ жителямъ острова Идры, своимъ соотечественникамъ. Гибельное окончаніе экспедиціи, предпринятой имъ противъ Египтянъ, весьма много уменьшило довѣренности къ нему. Впрочемъ, какъ бы строго ни разсматривали его распоряженія, но онъ будетъ примѣрнымъ гражданиномъ во всѣхъ переворотахъ. Онъ показалъ, что люди богатые не должны отказываться отъ общественныхъ должностей и оставаться на берегу зрителями бури, но обязаны бросаться въ самую величайшую опасность и, если такъ суждено, погибнуть вмѣстѣ съ своимъ отечествомъ.

Греческій станъ не только не получалъ подкрѣпленій, но постепенно ослабѣвалъ отъ побѣговъ многихъ солдатъ, которые въ Греціи оставляютъ знамена по своей волѣ. Тщетно старался Президентъ вооружить сильный и воинственный народъ Аркадіи. Сначала нѣсколько тысячь жителей собралось на помощь Наварину; но мало по малу они всѣ разошлись. Прочіе жители Пелопоннеза, раздраженные грабительствомъ и притѣсненіями Румеліотовъ въ Мореѣ, не хотѣли вооружаться, а если и соглашались, то только съ тѣмъ, чтобы имъ дали предводителемъ Колокотрони, подъ начальствомъ котораго они уже два раза побѣждали Турковъ. Въ тоже время Наваринъ, потерявъ надежду на помощь съ сухаго пути, только моремъ имѣлъ свободное сообщеніе. Президентъ возвратился въ Каламату заключить договоръ съ Майнотами и заставить ихъ идти на помощь осажденнаго города.

Президентъ хотѣлъ ѣхать моремъ въ Старый Наваринъ, оживить храбрость гарнизона Неокастронскаго и оттуда распоряжать военными дѣйствіями.

Мы сѣли на корабль въ Армиросѣ, во владѣніяхъ Спартанскихъ и только ожидали перемѣны вѣтра, какъ вдругъ узнали что Египетскій флотъ стоитъ передъ Модономъ.

Я провелъ три дня на берегахъ Лаконіи, и хотя вообще мало восхищаюсь древностями, но, признаюсь, ходилъ по берегу съ удивленіемъ и почтеніемъ. Въ это время Генералъ Мурзина (Murzina), одинъ изъ трехъ военныхъ министровъ и могущественнѣйшій изъ начальниковъ Майнотскихъ, приплылъ въ Армиросъ со ста шестидесятью человѣками солдатъ, для совѣщаній съ Президентомъ. Майноты, какъ извѣстно, никогда не покорялись Туркамъ; защищенные неприступными горами и чрезвычайною бѣдностію, они всегда сохраняли свою независимость. Физіогномія ихъ не столь красива и гораздо суровѣе и угрюмѣе въ сравненіи съ другими Греками; они отличаются также длинными, густыми волосами, развѣвающимися по плечамъ, и широкими шароварами, которыя сходятся складками около пояса.

Генералъ Мурзина отличался отъ своихъ солдатъ не столько блескомъ оружія, сколько высокимъ ростомъ, мужественными формами и огромными усами, подъ тѣнію которыхъ никогда не можетъ показываться улыбка, готовъ я сказать. Онъ сѣлъ подлѣ Президента, на берегу моря, гдѣ назначено было мѣсто совѣщаній. Передъ ними, на землѣ лежала прокламація: ее хотѣли обнародовать въ области Майнѣ, дабы побудить народъ къ вооруженію. Прокламація была прочитана вслухъ, въ присутствіи солдатъ, сопровождавшихъ начальника, но она не произвела въ нихъ никакого движенія (по крайней

Digitized by Google

мѣрѣ мнѣ такъ показалось). Немного болѣе сдѣлала она впечатлѣнія, появившись у нихъ въ горахъ. Майноты не проливаютъ крови своей за слова. Къ нимъ можно примѣнить пословицу: *нѣтъ денегъ*, *нѣтъ и Майнотовъ*. Такъ исчезла сія надежда на помощь Наварину.

Предметъ моего путешествія былъ исполненъ. Я простился съ Президентомъ и поѣхалъ назадъ, въ Наполи-ди-Романію. Въ городѣ не встрѣтилъ я никакого непріятнаго происшествія, хотя я не взялъ провожатыхъ и тѣмъ имѣлъ случай удостовѣриться, что путешественникъ столь-же безопасенъ въ Пелопонезѣ, какъ въ Италіи, Испаніи или въ Португаліи.

Каждый житель вооруженъ мушкетомъ, пистолетами и ятаганомъ, который имъ запрещено было носить во время Турецкаго владычества. Теперь они съ тщеславіемъ показываютъ оружія, вырванныя ими у своихъ притѣснителей. Вооруженіе народное, болѣе общее, въ Мореѣ могло-бы доставить пятьдесятъ тысячь воиновъ. Народъ здѣшній красивъ и силенъ. Во время посѣщеній, которыя дѣлалъ я бывши въ Триполицѣ и Каламатѣ, мнѣ удалось наконецъ увидѣть нѣсколько женщинъ. Нѣкоторыя изъ нихъ показались мнѣ достойными поэтическихъ похвалъ, еще и нынѣ расточаемыхъ имъ стихотворцами.

Я осматривалъ четыре *епархіи* или префектуры; но не должно воображать себѣ, что онѣ чѣмъ нибудь похожи на Европейскія учрежденія такого же рода. Здѣсь, до сего времени нѣтъ еще никакого гражданскаго правленія, и суды еще не

устроены. *Епархъ* одинъ исполняетъ нѣсколько должностей, которыя должны-бъ быть отдѣлены отъ его званія. Совѣтъ префектуры состоитъ изъ одного чиновника, который обыкновенно спитъ и ѣстъ въ той же самой комнатѣ, гдѣ даетъ аудіэнціи. Въ Мореѣ нѣтъ почтоваго учрежденія для писемъ: правительство производитъ сношенія свои посредствомъ нарочныхъ, а частные люди принуждены посылать свои письма съ курьерами. Газеты Идрскія, Аѳинскія, Миссолунгскія не распространялись еще въ народѣ, но ихъ съ жадностію читаютъ люди высшихъ сословій. Миссолунгскія вѣдомости поддерживаются большимъ расходомъ оныхъ на островахъ Іонійскихъ. На Идрскія вѣдомости только двѣсти подписчиковъ, а на Аѳинскія и того менѣе.

(Продолж. впредь.)

Digitized by Google

НЕКРОЛОГІЯ. **Францискъ Карпинскій**, одинъ изъ лучшихъ Польскихъ Поэтовъ XVIII столѣтія, родился въ Литвѣ въ 1745 году. Родители его были небогатые дворяне. Они отдали своего сына въ общія воспитательныя заведенія Литвы, и Карпинскій еще во время обученія своего показалъ рѣдкій поэтическій талантъ. Когда, по окончаніи курса наукъ, онъ пріѣхалъ въ Варшаву, могущественный домъ Князей Чарторыскихъ принялъ его въ особенное свое покровительство. Въ это время Дворъ Станислава Августа былъ также прибѣжищемъ всѣхъ людей съ дарованіями и благородное стремленіе, поощрять возникающія дарованія, сдѣлалось предметомъ соперничества между просвѣщенными Поляками. Король пожаловалъ Карпинскаго званіемъ Каммергера, а впослѣдствіи далъ ему двѣ деревни въ арендное содержаніе на пятьдесятъ лѣтъ. Кажется однакожь, что нашъ Поэтъ, по своему характеру, не былъ способенъ къ придворной жизни и не годился быть гражданиномъ большаго свѣта. Сначала находился онъ учителемъ въ нѣкоторыхъ знатныхъ домахъ; послѣ являлся какъ поэтъ, но никогда не умѣлъ заслужить такой блестящей значительности въ обществѣ и не пользовался такими милостями вельможъ, какъ многіе другіе ученые и артисты, его современники. Наскучивъ большимъ свѣтомъ и обществомъ, къ тому-же терзаемый несчастною любовью и неисполнившимися надеждами, Карпинскій удалился въ деревню и остальные дни жизни своей провелъ въ уединеніи.

Поэтическія заслуги Карпинскаго значительны. Въ блестящую эпоху Литтературы Польской, въ

Польшѣ было нѣсколько оригинальныхъ поэтовъ, но еще болѣе поэтовъ - подражателей и переводчиковъ. Даже въ сочиненіяхъ первыхъ явно вліяніе Французской Литтературы XVIII вѣка; послѣдніе-же, въ самомъ изображеніи предметовъ и формѣ, слѣпо подражали твореніямъ Французской школы, надолго остававшимся образцами для Польскихъ литтераторовъ. Карпинскій, на поприщѣ Поэзіи явилъ сильный, неподверженный чуждому вліянію характеръ и дарованіе оригинальное. Онъ былъ исполненъ нравственности и въ религіозныхъ понятіяхъ своихъ навсегда остался христіаниномъ, непоколебимымъ, неизмѣннымъ среди господствовавшей тогда моды на легкомысліе, сбивавшееся иногда въ цинизмъ. Въ Поэзіи, не подражая никому слѣпо, онъ проложилъ собственную свою дорогу, и сочиненія его, называемыя *Селянками*, хотя принадлежатъ вообще къ Сельской Поэзіи, но составляютъ новый, особый родъ стихотвореній, самимъ Карпинскимъ созданный. Древніе, оставившіе намъ образцы въ Сельской Поэзіи, Ѳеокритъ, Віонъ, Мосхъ, переносили вымыслы свои въ златой вѣкъ. Воспоминаніе о семъ вѣкѣ было уже принадлежностію Миѳологіи, было многократно воспѣваемо поэтами, но жило еще въ народныхъ преданіяхъ. Потому-то картины Сиракузскаго Поэта, хотя и не находились уже передъ глазами его современниковъ, сильно еще дѣйствовали на воображеніе, возбуждая въ немъ множество древнихъ, религіозныхъ, поэтическихъ воспоминаній. Напротивъ, когда Виргилій повторялъ Римлянамъ Греческія пѣснопѣнія, они уже потеряли всю прелесть свою для народа, были понятны только ученымъ и поэтъ напрасно хотѣлъ

Digitized by Google

оживить интересъ оныхъ, смѣшивая съ происшествіями современными холодныя аллегоріи и сельскія сцены, не имѣвшія никакого отношенія къ Риму, къ положенію и духу Римлянъ. Въ средніе вѣки, нѣкоторыя пѣсни Трубадуровъ имѣли характеръ Сельской Поэзіи, но совершенно отличный отъ Греческаго. Усилія, подражать древнимъ были поводомъ къ смѣшнымъ противорѣчіямъ. Миѳологическіе пастухи златаго вѣка говорили языкомъ влюбленныхъ рыцарей и въ сельскихъ хижинахъ повторяли интриги, бывшія принадлежностію готическихъ замковъ феодальныхъ Бароновъ. Таковы Французскія эклоги Д'Юрфе, Испанскія Монтемаіора и многихъ другихъ, остроумно осмѣянныхъ Сервантесомъ. Сельская Поэзія начинала терять всю свою прелесть, не смотря на усилія нѣкоторыхъ Французскихъ писателей. Геснеръ рѣшился обратиться опять къ Грекамъ и его идилліи, впрочемъ не имѣющія никакого отношенія къ современному міру, навсегда останутся, какъ произведенія искусства, счастливымъ подражаніемъ. Онъ умѣлъ сохранять въ своихъ произведеніяхъ соотвѣтственный тонъ и цвѣтъ, умѣлъ всегда оставаться въ одной сферѣ, тогда, какъ всѣ другіе сельскіе поэты увлекались внѣшнимъ вліяніемъ и форма ихъ произведеній принимала противные сущности образы. Вообще въ эклогахъ Французскихъ и Испанскихъ господствуетъ форма рыцарскихъ романсовъ; Госпожа Дезульеръ иногда сбивается на пѣсенный ладъ, иногда идилліи ея превращаются въ элегію; Фонтенель, Французскій остроумецъ, вытягиваетъ свои эклоги подъ современную форму дидактическихъ посланій, изъ коихъ нерѣдко проглядываютъ эпиграммы.

Digitized by Google

Таковы были образцы Карпинскаго. Онъ не подражалъ ни одному изъ нихъ, счастливо угадавъ, что хотя сущность родовъ Поэзіи всегда одна, но предметъ и формы должны не повторяться, а развиваться всегда новымъ образомъ. Вотъ отъ чего Карпинскій сдѣлался поэтомъ своего народа и своего времени. Въ его пѣсняхъ отразился характеръ и духъ соотечественниковъ. Дѣйствіе происходитъ у него совсѣмъ не въ златомъ вѣкѣ: сцена въ деревнѣ, дѣйствующія лица люди обыкновенные, сходные съ нами духомъ и характеромъ, но поэтъ списалъ ихъ жизнь съ одной стороны, въ домашнемъ мирномъ быту ихъ. Небольшія заботы, тихія страсти, невинныя сельскія увеселенія суть черты Польскихъ *Селянокъ*. Все это облечено усовершенствованною версификаціею народныхъ пѣсенъ и отъ того-то Поэзія Карпинскаго есть самая народная, любимая всѣми его соотечественниками, ибо каждый Полякъ, читая стихотворенія Карпинскаго, оживляетъ въ памяти своей сцены когда-то видѣнныя, вспоминаетъ голосъ и риѳмъ, знакомые его слуху, родные ему, но являющіеся въ новой красѣ. Однимъ словомъ: *Селянки*, сложенныя изъ столь многихъ народныхъ элементовъ, одушевленныя высокимъ талантомъ, сдѣлались народными пѣснями. Правда, иногда Карпинскій оставлялъ сію общую начертанную нами идею Поэзіи, иногда слишкомъ вдавался въ вымышленную сферу златаго вѣка и, часто безъ надобности, давалъ своимъ лицамъ освященныя обыкновеніемъ, но нынѣ почти смѣшныя имена Меналковъ и Филоновъ. Все это убѣждаетъ насъ, что общій характеръ своей Поэзіи Карпинскій начерталъ себѣ не въ слѣдствіе.

Digitized by Google

какихъ-либо умозаключеній, не вывелъ a priori, а угадалъ счастливымъ инстинктомъ. Мы почти осмѣливаемся сказать, что онъ сталъ-бы еще болѣе оригинальнымъ, болѣе великимъ Поэтомъ, если-бы древніе образцы Сельской Поэзіи были ему вовсе неизвѣстны, или, если-бы онъ умѣлъ забыть о нихъ совершенно. Доказательствомъ-же, какъ много Карпинскій изучалъ пѣсни простонародныя (*) и до какой высокой степени постигъ онъ характеръ оныхъ, можетъ служить одно изъ лучшихъ его произведеній, историческая *Дума о Люидгардѣ*. Для этого рода Поэзіи, Польскіе писатели должны учиться изъ нея слогу и гармоническому теченію языка. Столь-же превосходны его Духовныя пѣсни, до сихъ поръ воспѣваемыя народомъ въ церквахъ. Гармонія стиховъ Карпинскаго была понятна даже иностранцамъ, и ученый Каульфуссъ, въ Разсужденіи о Польскомъ языкѣ, особенно ссылается на его *Селянки*, когда дѣло идетъ о риѳмѣ и гармоніи. Карпинскій испытывалъ свои силы въ Трагедіи и Комедіи, но жалкія драматическія произведенія его могутъ служить свидѣтельствомъ, какъ падаетъ, великій даже, талантъ пускаясь въ несвойственную ему сферу. Лучше успѣлъ онъ въ переводѣ Псалмовъ Давида, ибо здѣсь могъ развернуть свой лирическій та-

---

(*) Простой народъ въ Литвѣ говоритъ Русскимъ нарѣчіемъ, смѣшаннымъ съ Польскимъ языкомъ, или языкомъ Литовскимъ, совершенно отличнымъ отъ Славянскихъ нарѣчій. Подъ именемъ пѣсенъ народныхъ, мы разумѣемъ здѣсь пѣсни Польскія, Баллады и Селянки, повторяемыя между мѣлкою шляхтою и классомъ людей служащихъ, которые говорятъ по-Польски. Нѣкоторыя изъ сихъ пѣсенъ носятъ на себѣ признаки древности; но когда онѣ сочинены, въ Литвѣ-ли, или перенесены изъ Польши, до сихъ поръ никто невзялся изслѣдовать.

лантъ. Конечно, въ смѣлости и силѣ выраженій онъ не превзошелъ древняго перелагателя, Кохановскаго, но искуснымъ сложеніемъ строфъ и чистотою, легкостью версификаціи, сдѣлалъ переводъ свой болѣе пріятнымъ публикѣ и болѣе удобнымъ для пѣнія. Всѣ сіи произведенія Карпинскій написалъ въ Польшѣ. Удалившись въ Гродненскую деревню, подаренную ему Королемъ Станиславомъ, онъ поздравилъ давно невидѣнный домъ свой прекраснѣйшею элегіею, которая есть послѣднее извѣстное намъ его стихотвореніе. Въ остальные годы свои Карпинскій сдѣлался настоящимъ ребенкомъ, въ образѣ жизни и въ понятіяхъ. Онъ умеръ 16 Сентября (н. с.), 1825 года, будучи около 80-ти лѣтъ отъ роду, любимый и уважаемый всѣми. Карпинскій оставилъ много оригинальныхъ сочиненій и переводовъ въ прозѣ, но мы не будемъ разбирать ихъ. Полное Собраніе Сочиненій его издано въ Варшавѣ, въ 1804 году, 4 Т. in 8, и вновь въ Бреславлѣ, у Корна.

(Сообщено).

Digitized by Google

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Къ портрету Гёте.

Свободу смѣлую пріявъ себѣ въ законъ,
Всезрящей мыслію надъ міромъ онъ носился
И въ мірѣ все постигнулъ онъ
И ничему не покорился.

Жуковскій.

Сонъ.

(Сочиненіе Байрона.)

I.

Въ насъ жизнь двояка: сонъ имѣетъ міръ свой,
Предѣлъ двухъ царствъ, здѣсь бытіемъ и смертью
Зовомыхъ ложно; сонъ имѣетъ міръ свой,
И дикой сущности пространный край;
Въ видѣньяхъ сна свое есть бытіе:
Свои мученья, радости и слезы:
Ихъ слѣдъ тягчитъ намъ мысли на яву,
Намъ облегчаетъ бремя бѣдъ, они
Часть времени сей жизни, часть самихъ насъ;
Глашатаи безсмертья; появляясь

Какъ призраки протекшаго, вѣщая
О будущемъ, они имѣютъ власть,
Тиранство мукъ и наслажденій; то,
Чѣмъ не бывали мы, изъ насъ творятъ,
Колеблютъ духъ мгновенной тѣнью, страхомъ
Пустой мечты. Не тѣнь-ли и они?
Не тѣнь-ли все, что было? Что-жѣ они?
Творенія души? Душа властна
Дать бытіе мірамъ и населить ихъ
Свѣтлѣйшими всѣхъ знаемыхъ существъ
И даровать безсмертье существамъ симъ.
Мнѣ памятно видѣнье, можетъ быть,
Мечтанье сна: мысль наша и во снѣ
Объять способна годы, сократить
Въ единый часъ дѣянья долгой жизни.

II.

Я видѣлъ: два младыя существа
Стояли вмѣстѣ на холмѣ прекрасномъ;
Холмъ зеленъ былъ, съ отлогимъ, гладкимъ скатомъ,
Какъ мысъ послѣдній длинной цѣпи горъ;
Лишь водъ не зрѣлось у его подошвы,
Но жизни полная картина: рощи,
Поля, златыя жатвы и мѣстами
Людей жилища, и кудрявый дымъ
Вставалъ надъ сельскою ихъ кровлей; холмъ
Увѣнчанъ былъ древами, какъ короной,
Кругообразной рощей, насажденной
Рукой людей, а не игрой природы.
Ихъ двое, юноша и дѣва, тамъ
Смотрѣли, стоя, дѣва на окрестный,
Какъ и сама она, прекрасный видъ,

Digitized by Google

А юноша на деву; въ обоихъ
Блистала юность, въ дѣвѣ красота;
Но въ юности они не равной были.
Какъ полная, всходящая луна,
Уже вступала дѣва въ зрѣлый возрастъ,
И юноша моложе былъ лѣтами,
Но сердце годы упредило въ немъ;
Ему одинъ былъ въ мірѣ милый образъ,
Начертанный въ душѣ его глубоко,
И образъ сей тогда ему сіялъ:
Въ ея дыханьи, въ бытіи ея,
И въ голосѣ, и въ зрѣньи, онъ имѣлъ
Дыханье, голосъ, зрѣнье, бытіе.
Онъ трепеталъ, безмолвно ей внимая,
И лишь ея очами видѣлъ міръ;
Въ себѣ самомъ ужь не жилъ онъ: ему
Она лишь стала жизнью, океаномъ
Для помышленія его потоковъ:
При каждомъ звукѣ словъ ея, при каждомъ
Ея движеньи, въ немъ кипѣла кровь,
Пылали щеки и блѣднѣли; сердце-жь
Не вѣдало причины бури сей;
Но дѣва съ нимъ сихъ чувствъ не раздѣляла
И не къ нему ея летѣли вздохи:
Онъ былъ какъ братъ ей, но не болѣ; братомъ
Отъ дѣтскихъ лѣтъ звала его она,
Ни племени, ни рода не имѣя,
Послѣдняя могучихъ предковъ отрасль.
И имя брата было для него
И сладостно и вмѣстѣ ненавистно.
Зачѣмъ? На это отвѣчало время,
Когда другимъ ея дышало сердце;
Но и тогда уже любила тайно

Она другаго, и съ холма смотрѣла,
Не мчитъ-ли друга къ ней поспѣшный конь.

III.

Мое видѣнье измѣнилось. Мнѣ
Мечтался древній замокъ, и стоялъ
У вратъ его привязанъ конь, и въ залѣ
Я юношу увидѣлъ моего.
Онъ былъ одинъ, былъ блѣденъ и ходилъ
Впередъ и взадъ поспѣшными шагами;
Потомъ онъ сѣлъ и взявъ перо, слова
Неявственныя для меня писалъ;
Потомъ склонился на руку главой,
И въ судорожномъ вздрогнувъ изступленьи,
Вскочилъ и съ дикимъ скрежетомъ зубовъ
Терзалъ въ куски начертанныя строки,
И вдругъ, безъ слезъ, утихнулъ и разгладилъ
Чело свое насильственнымъ покоемъ.
Когда утихъ онъ, появилась дѣва;
Улыбкою цвѣли ея уста,
Но ей любовь его была не тайна:
Она ужь знала, скрыть сего не льзя,
Что тѣнь ея его мрачила сердце,
Что онъ страдалъ; всего-жь она не знала.
Онъ всталъ, и тихо за руку взялъ дѣву;
Въ чертахъ его видна была скрижаль
Неизъяснимыхъ мыслей, и чрезъ мигъ
Она исчезла, также какъ возникла.
Покинувъ руку, тихою стопой
Пошелъ онъ, будто не прощаясь съ дѣвой:
Они разстались, улыбаясь оба,
И вышедши изъ крѣпкихъ замка вратъ,

Digitized by Google

Онъ на конѣ пустился въ даль, и болѣ
Нога его въ томъ замкѣ не бывала.

IV.

Мое видѣнье снова измѣнилось.
Ужь юноша достигнулъ зрѣлыхъ лѣтъ;
Онъ по пустынѣ знойныхъ странъ скитался,
И тамъ пила душа его свѣтъ солнца.
Онъ окруженъ былъ мрачными мечтами,
И былъ не то, что прежде: на водахъ
И на землѣ онъ сталъ бездомный странникъ.
Вокругъ меня, какъ волны океана,
Носилися толпою привидѣнья,
И съ ними онъ; и наконецъ, я видѣлъ:
Онъ спалъ, полдневнымъ зноемъ утомленный,
Межь падшими колоннами, въ тѣни
Развалинъ, стѣнъ разбитыхъ, пережившихъ
Строителей, жильцовъ ихъ имена;
И близь него, на берегу ручья,
Паслись верблюды, кони, и на стражѣ
Стоялъ въ широкомъ платьѣ человѣкъ,
И многіе другіе тамъ-же спали,
И надъ главами ихъ свѣтлѣло небо,
Столь ясное и чисто-голубое,
Что только Богъ единый зрѣлся въ немъ.

V.

Мое видѣнье снова измѣнилось.
Супругой стала дѣва, и супругъ
Любилъ ее не болѣе, какъ *онъ*;
Въ своемъ дому, далеко отъ него,
Она жила въ кругу дѣтей прекрасныхъ;
Но на челѣ ея была видна

Digitized by Google

Оттѣнка грусти, внутренней борьбы
Непреходящій слѣдъ; въ ея очахъ
Уныніе и не покой, какъ будто
Тягчили ихъ непролитыя слезы.
Какая-жь грусть ея? Съ ней было все,
Что мило ей, и тотъ далеко былъ,
Кто могъ тоской, надеждой иль желаньемъ
Невинныя ея тревожить мысли.
Какая-жь грусть ея? Не бывъ имъ страстна,
Она ему не льстила и надеждой,
И онъ не могъ быть часть того, что душу
Снѣдало ей: лѣтъ прошлыхъ привидѣнья.

VI.

Мое видѣнье снова измѣнилось,
Мой странникъ возвратился; я его
Предъ алтаремъ съ невѣстою увидѣлъ,
Съ прекрасной дѣвой, но не съ той, что солнцемъ
Для вешнихъ дней его была; когда онъ
У алтаря стоялъ, его чело
Одѣлось страшнымъ мракомъ, и опять,
Какъ прежде, въ древнемъ замкѣ, грудь его
Потрясъ внезапный судорожный трепетъ
И на лицѣ видна была скрижаль
Неизъяснимыхъ мыслей, и чрезъ мигъ
Она исчезла, также, какъ возникла,
И онъ стоялъ спокоенъ, и обѣтъ,
Самъ словъ своихъ не слыша, произнесъ;
И все смѣшалось вкругъ него: онъ видѣлъ
Не то, что было, быть долженствовало,
Но древній замокъ, памятную залу
И незабвенное прощанья мѣсто,
И день, и часъ, и мрачность, и сіянье.

Все, что ко времени тому и мѣсту,
Что относилось къ дѣвѣ роковой,
Повергнулось межъ нимъ и свѣтомъ дня.
Зачѣмъ оно пришло въ такую пору?

VII.

Мое видѣнье снова измѣнилось.
Ее, владычицу его души,
Едва узналъ я: такъ ее томилъ
Недугъ душевный! Умъ ея блуждалъ,
Глаза утратили природный блескъ; она
Смотрѣла взоромъ не земнымъ, казалась
Царицею мечтательнаго міра,
Безсвязныя соединяла вещи
Въ бродящихъ мысляхъ, умственно обыкла
Незримое другими созерцать —
И это свѣтъ безумствомъ называетъ!
Но мудрость мудрыхъ большее безумство;
Такое зрѣнье — страшный Неба даръ:
Сей истины волшебный телескопъ
Сокрытую мечтаній далью жизнь
Къ намъ приближаетъ въ полной наготѣ,
И хладную творитъ хладнѣе сущность.

VIII.

Мое видѣнье снова измѣнилось.
Опять, какъ прежде, странникъ одинокъ;
Всѣ существа съ нимъ бывшія, исчезли,
Или возстали на него; онъ сталъ,
Раздорами, враждою окруженный,
Погибели и разрушенья мѣтой;
Мученье было яствъ его приправой,
Пока, какъ древній Понта властелинъ,

Digitized by Google

Обыкъ питаться ядомъ онъ — и ядъ
Не отравлялъ, но былъ ему родъ пищи,
Обыкъ жить тѣмъ, что многимъ было смертью.
Людей чуждаясь, сталъ онъ другомъ горъ;
Съ звѣздами, съ духомъ бдительнымъ вселенной
Держалъ бесѣду, и они его .
Своимъ волшебнымъ тайнамъ научили;
Ему была открыта книга ночи
И гласъ изъ бездны возвѣстилъ ему
Чудесное и тайное: Да будетъ!

IX.

Мое видѣніе исчезло; въ немъ
Ужь не было дальнѣйшей перемѣны.
Видѣнье странное: какъ на яву
Видна въ немъ доля сихъ существъ: погибнуть
Одной въ безумствѣ, въ горѣ обоимъ.

М. В.

Къ родной сторонѣ (*).

О Скалба родная!
Теки и красуйся по роднымъ полямъ,
Волнами плеская
По свѣжимъ, высокимъ, крутымъ берегамъ.
Лѣсъ мирный, печальный!
По прежнему свѣтлыхъ небесъ достигай
И сладостной, тайной,
Ты путника душу мечтой наполняй.

(*) Сочиненіе тринадцати-лѣтней дѣвушки.

Digitized by Google

Сводъ неба яснѣе
Въ родимыхъ краяхъ,
Лучъ солнца свѣтлѣе
Играетъ въ сре́бристыхъ и тонкихъ зыбяхъ.
Дубравы густыя,
И дубъ величавый въ родной сторонѣ,
И сосны большія!
По прежнему молча манитъ къ себѣ!
Ахъ! дѣтскіе годы
Мои протекли
На лонѣ природы;
Но бурные вѣтры меня унесли. . . .
Цвѣти, украшайся,
Родная страна!
Гордись, величайся,
Ты щедрой природы красою полна!

Надежда Теплова.

Digitized by Google

Пале-Рояль,

или

похожденія Г-на Каррона.

(Сказка.)

Важнѣйшій предметъ ученія для человѣка есть человѣкъ, и пусть онъ безпрестанно посвящаетъ свое время для его изученія, посвятитъ цѣлую жизнь, хотя-бы столѣтнюю, все это будетъ недостаточно для совершеннаго познанія неистощимаго предмета.

Не смотря на всѣ парадоксы софистовъ, всякій очевидно чувствуетъ, когда размышляетъ о самомъ себѣ, что человѣкъ есть двоякое существо, душа и тѣло, разумъ и вещественность, полу-богъ и тварь, невольникъ, подчиненный двумъ господамъ: *чувствамъ* и *уму*.

Къ несчастію, эти двое господъ худо понимаютъ другъ друга: одинъ летитъ въ небо, другой ползетъ по землѣ; одинъ старается заключиться въ настоящемъ, другой стремится въ будущее.

Такъ! все двояко въ насъ; и человѣкъ, который справедливо видитъ въ себѣ малый міръ, видитъ себя, также какъ и міръ, котораго онъ изображеніе, безпрестанно подверженнаго борьбѣ свѣта и тмы, добра и зла, созиданія и разрушенія,

Digitized by Google

тепла и холода, притяженія и оттолкновенія, движенія и покоя.

Намѣреніе мое теперь состоитъ не въ изслѣдованіи подробномъ столь важнаго предмета; мнѣ болѣе хотѣлось-бы бросить на человѣческій родъ насмѣшливый взглядъ Демокрита, нежели плаксивый Гераклита и я ограничусь изслѣдованіемъ двухъ противныхъ наклонностей, толкающихъ насъ безпрестанно отъ покоя къ движенію.

Думаю, что другіе люди созданы такъже какъ я, и должно, полагаю, судить о нихъ также, какъ сужу я о себѣ самомъ. Признаюсь, что всю жизнь мою я колебался между любопытствомъ и лѣнью, желаніемъ знать и какимъ-то отвращеніемъ учиться. Far niente (*ничего не дѣлать*) такъ хорошо; трудъ такъ тяжелъ: для него надобны усилія; для *ничего недѣлать* довольно не дѣлать ничего. Безъ лозы нуждъ, бѣднякъ провелъ-бы весь вѣкъ ни за что не принимаясь, а безъ болѣзней, происходящихъ отъ скуки, жизнь богача была-бы всегдашній сонъ.

Кажется, что въ такой борьбѣ лѣнь одолѣваетъ чаще, и не смотря на нѣкоторыя рѣдкія исключенія, я увѣренъ, что если-бы человѣкъ самый дѣятельный, самый трудолюбивый, Вольтеръ, на примѣръ, переначалъ свою жизнь, и въ семъ вторичномъ существованіи перевернулъ на выворотъ свое первое существованіе,

Digitized by Google

употреблялъ на дѣятельность все въ праздности потерянное имъ время, а терялъ все время, употребленное на труды, онъ почти усотерилъ-бы свои произведенія.

Видя во всѣхъ насъ одинакіе зародыши слабостей и свойствъ, всего яснѣе понимаемъ, что мы всѣ одного батюшки дѣтки; общія семейственныя черты во всѣхъ насъ замѣтны болѣе или менѣе, и всѣ мы участники въ тяжеломъ наслѣдствѣ семи грѣховъ и небольшомъ родительскомъ завѣщаніи четырехъ главныхъ добродѣтелей.

Впрочемъ, по этому отношенію, намъ, какъ законнымъ наслѣдникамъ, взаимно нечѣмъ гордиться и не за что жаловаться. Раздѣлъ совсѣмъ не такъ неравенъ, какъ иногда кажется нашему тщеславію, и мы сдѣлались-бы гораздо снисходительнѣе, если-бы, мѣряя себя вѣрнѣе, узнавали, какъ мало между нами разницы, относительно къ нашему нравственному богатству или бѣдности.

Разница кажется намъ отъ того большою, что мы сами очень невелики. Жители долинъ называютъ горами, что горцу кажется холмикомъ; соломенка для муравья бревно. Въ очахъ вѣчной мудрости наши дураки и наши мудрецы различаются весьма немногимъ. Люди, которыхъ зовемъ мы *чудаками*, такіе-же люди, какъ мы, и только черты у нихъ повыразительнѣе. Между тѣмъ, *чудакъ*, встрѣчаясь съ

нами, изумляетъ насъ, поражаетъ, сердитъ или смѣшитъ; мы думаемъ, что между имъ и нами нѣтъ ничего общаго; намъ кажется даже, что намъ показываютъ какое нибудь выдуманное лицо, въ то время какъ это можетъ быть изображеніе самихъ насъ, которое мы видимъ только въ увеличительномъ зеркалѣ.

Такъ разсуждалъ я однажды, въ то самое время, когда, подстрекаемый живымъ любопытствомъ, хотѣлъ идти изъ дому, и удерживаемый томительною лѣностью, оставался передъ моимъ каминомъ, не могъ рѣшиться ни на покой, ни на дѣятельность.

Одинъ изъ друзей моихъ, вошедшій тогда ко мнѣ, былъ свидѣтелемъ моей нерѣшительности, смѣялся, и желая показать мнѣ, до какой степени чудачества нѣкоторыя собратія наши могутъ довести такое противорѣчіе любопытствующей дѣятельности и непреодолимой лѣности, разсказалъ мнѣ слѣдующую повѣсть:

»Я зналъ (говорилъ онъ мнѣ) молодаго Англичанина, гораздо болѣе тебя тревожимаго любопытствомъ и лѣностью. Ты хочешь учиться и знать: у него это было настоящею страстью; ты чувствуешь небольшое оттолкновеніе отъ работы: у него было совершенное отвращеніе; наконецъ, ты читаешь, учишься иногда, даже пишешь часто, и въ то время, какъ ты жалуешься на свою лѣность, критика

Digitized by Google

оченъ можетъ пожаловаться на твою плодородную дѣятельность. Мой Англичанинъ былъ совсѣмъ не то: онъ не читалъ ничего, съ тѣхъ поръ, какъ ферула не принуждала его; не только чтобы писать для забавы, онъ не рѣшался отвѣчать даже на самыя надобныя письма, и дѣла его терпѣли отъ этого столько, что при огромномъ имѣніи онъ иногда бывалъ въ затруднительной безденежности, подобно нашему Принцу Конти, которому, послѣ долгаго терпѣнія, управители перестали, какъ сказываютъ, присылать даже и столько доходовъ, сколько надобно было для необходимаго содержанія дома; богатый и великодушный, съ нѣсколькихъ лѣтъ Принцъ такъ излѣнился, что лѣнился даже подписать имя свое на какомъ нибудь контрактѣ или какой нибудь роспискѣ.

Молодой Англичанинъ, о которомъ говорю тебѣ, назывался Лордъ Литтльгетъ. Онъ былъ молодъ, хорошъ собою, остроуменъ, осыпанъ дарами природы и счастія, которые обыкновенно раздаются такъ скупо. Но какъ природа и счастіе, такъ и отецъ и мать испотворовали его, по системѣ, оставляя ему въ дѣтствѣ свободу удовлетворять всѣ малѣйшія своевольства и молодыя его прихоти; изъ этого вышла, когда онъ возмужалъ, невозможность на чемъ нибудь удержаться и

Digitized by Google

покорять свои склонности какимъ нибудь установленнымъ правиламъ.

По счастію, склонности его, которыя могли-бъ быть порочны или злы, были только неопредѣленны и противорѣчащи. Молодой Лордъ, добрый и человѣколюбивый, зналъ только два сильныя чувства: *желаніе все знать* и *удовольствіе ничего не дѣлать*. Угадаешь слѣдствія: сдѣлавшись совершенно свободнымъ по смерти родителей, онъ не зналъ на что рѣшиться: не хотѣлъ быть ни холостымъ, ни женатымъ, провелъ много лѣтъ, переворачивая въ головѣ кучу плановъ неисполняемыхъ, и никогда не умѣлъ рѣшительно сказать себѣ: быть-ли невѣждой или учиться.

Наконецъ, старый родственникъ, которому онъ ввѣрилъ свои затрудненія, вдругъ извлекъ его изъ нерѣшимости по этому отношенію. »Вы хотите знать (сказалъ онъ ему) и не хотите читать: вижу одно средство удовольствовать любопытство ума вашего, не противорѣча лѣности: вамъ не угодно изучать книги, изучайте людей, путешествуйте.«

Лучъ свѣта поразилъ нашего Лорда; онъ поѣхалъ. Но неизлечимая лѣность его, путешествуя съ нимъ вмѣстѣ, находила средства сражаться съ его любопытствомъ, останавливала его на всякомъ шагу и часто удерживала цѣлыми недѣлями въ такихъ мѣстахъ, гдѣ всего менѣе могло быть возбуждаемо вниманіе, такъ, что круглый

Digitized by Google

годъ употребленъ былъ Лордомъ на переѣздъ изъ Лондона въ Бриссель и изъ Бриселя въ Парижъ.

Безплодный опытъ легко показалъ Лорду, что никакой прибыли не будетъ ему, хотя онъ и слѣдуетъ мудрому совѣту своего родственника. Онъ началъ размышлять снова: явно, что я не могу ни учиться, ни путешествовать; между тѣмъ я не хочу отказаться отъ ученія и вижу еще одно средство: я люблю разговаривать; Парижъ есть средоточіе, гдѣ соединяются люди умные, ученые, путешественники изъ всѣхъ странъ свѣта: стану говорить съ ними, особливо съ путешественниками, стану собирать, какъ пчела, возму себѣ знанія другихъ. Кто много видалъ, радъ разсказывать многое; слушанье не утомляетъ и обогащаетъ не обѣднивъ никого. Такъ! рѣшено: самъ ничего не буду я дѣлать, а знанія другихъ перейдутъ ко мнѣ легко и удобно.

Лордъ рѣшился и велѣлъ позвать парикмахера той отели гдѣ жилъ, разсуждая очень справедливо, что люди этого ремесла, по необходимости бѣгая болѣе другихъ, больше видятъ свѣта и больше знаютъ, что дѣлается и говорится въ Парижѣ. Онъ могъ узнать отъ своего парикмахера: гдѣ всего легче найдти въ Парижѣ собраніе людей и предметовъ, которые возбуждали-бы его любопытство.

Digitized by Google

Парикмахеръ не заикнулся. »Милордъ, сказалъ онъ, »есть такое мѣсто, гдѣ вдругъ найдете вы все, что въ Парижѣ и въ цѣломъ свѣтѣ есть лучшаго и худшаго, рѣдкаго и обыкновеннаго, важнаго и смѣшнаго, здѣшняго и иностраннаго, словомъ: панораму вселенной. Поселитесь тамъ, милордъ, обѣдайте тамъ, ужинайте тамъ, покупайте больше, и только, если вы играете, то запаситесь хладнокровіемъ и скромностію. Если вы любопытны, тамъ найдете людей еще болѣе васъ любопытныхъ. Тамъ такое мѣсто, гдѣ всего пріятнѣе раскрыть глаза и уши и всего необходимѣе осторожно закрыть ротъ и карманы.«

— А какъ называется это единственное мѣсто? вскричалъ Лордъ. — »*Пале-Рояль!*« отвѣчалъ веселый парикмахеръ. »Постойте: вотъ я спою вамъ пѣсенку: вы его лучше узнаете,« и онъ запѣлъ, на голосъ: A pied comme à cheval —

Tout autour d'un jardin
C'est un grand magasin
Où sont restaurateurs,
Agioteurs;
Fracs, pantalons, gilets, spencers,
Polichinelle, ombres, concerts,
Meubles, bonbons, bonnets, cheveux,
Bourse à coulans, bourses à noeuds,
Et frippons tout prêts à s'y glisser
Pour vous en débarrasser.

Digitized by Google

Grands cafés
Bien chauffés;
Bals très-bien étoffés;
Animaux différens et vivans,
Les uns laids, furieux,
Les autres gracieux,
Et d'autant plus à mon goût
Qu'ils ne sont pas cruels du tout.
On y trafique pour sa part
Des effets du tiers et du quart;
On y sait quand les *bons*
Ne sont pas bons.
Enfin, sans s'en apercevoir,
On y perd plus que son avoir;
On y parle sans rien savoir,
On y regarde sans rien voir:
Rien au monde enfin n'est égal
A ce fameux Palais-Royal.

Лордъ, восхищенный парикмахеромъ и его пѣсенкой, послѣдовалъ мудрому совѣту, переѣхалъ въ Пале-Рояль и занялъ обширныя и спокойныя комнаты.

Безконечное разнообразіе людей и предметовъ, безпрестанно представлявшихся глазамъ его, такъ, что онъ и не трудился искать ихъ, заняло его легко и пріятно, и мѣсяца на три позабылъ онъ совершенно, что хотѣлъ все знать и ничего еще не зналъ.

Наконецъ, когда опохотило его отъ удовольствія ходить по магазинамъ всякаго рода; пробѣгать глазами журналы

Digitized by Google

всѣхъ цвѣтовъ; бывать у ресторатёровъ всѣхъ этажей и всѣхъ цѣнъ; удивляться подъ всѣми возможными образами, красотамъ, крестьянками, гражданками и нимфами разгуливающимъ въ этомъ Европейскомъ гаремѣ; когда наскучило ему проводить время послѣ обѣда рыдая съ дѣвицею Дюшенуа, трепеща съ Тальмою, испытывая съ дѣвицею Марсъ ощущенія самыя живыя и разнообразныя, смѣясь съ Полишинелемъ, и послѣ всего, вечеромъ пить чай въ богатой залѣ и ѣсть мороженое въ прекрасномъ саду, Лордъ самъ себѣ отдалъ отчетъ и увидѣлъ, что точно онъ, какъ будто выслушалъ нѣсколько уроковъ Географіи въ космoрамѣ, Философіи въ газетахъ, Древней Исторіи въ театрѣ, Новой въ журналахъ, Литтературы въ листочкахъ прибавленій и Политики въ кофейныхъ домахъ. Но все это было такъ смѣшано и перемѣшано, что въ головѣ его, послѣднимъ выводомъ остался хаосъ нестройный. Основная цѣль была имъ потеряна: путешественники встрѣчались ему рѣдко, появлялись и исчезали въ глазахъ его будто Китайскія тѣни, такъ, что онъ не успѣвалъ ни завести съ ними связнаго разговора, ни заключить какихъ нибудь тѣсныхъ связей.

Уже скука и безнадежность начинали одолѣвать его, когда завтракая въ ротондѣ, онъ вдругъ увидѣлъ своего парикмахера: не замѣчая Лорда, артистъ бѣжалъ

въ кофейную Слѣпыхъ. Лордъ кликнулъ его и спросилъ: не знаетъ-ли онъ мѣста, гдѣ навѣрное можно-бы найдти собраніе иностранныхъ путешественниковъ позначительнѣе?

»Могу отвѣчать вамъ, милордъ (сказалъ парикмахеръ), »словами писателя, котораго имя дѣлаетъ много шуму въ Пале-Рояльскихъ галлереяхъ: *вездѣ и нигдѣ.* По всѣмъ мѣстамъ встрѣтите вы путешественниковъ и ни въ какомъ мѣстѣ они не усиживаются.

»Между тѣмъ, я могу показать вамъ хорошій пансіонъ, гдѣ обѣдаютъ самые опытные знатоки винъ и гдѣ послѣдній скажетъ вамъ: »Я не знатокъ въ винахъ, но по виду отличу Шато-Марго отъ Шато-Лафитъ и Пети-Бургонъ отъ Шамбертенъ;» могу показать вамъ игорный домъ, гдѣ богачу легко раззориться и мирный клубъ шахматной игры, гдѣ умнѣйшіе люди, обходивъ днемъ всѣ музеи и всѣ библіотеки Парижскія, забавляются вечеромъ, молчаливо заставляя сражаться шаховъ, ферзей, флоты, слоновъ и солдатъ, не расточая ни крови, ни денегъ народа.«

Лордъ записалъ на бумажкѣ нумера мѣстъ, означенныхъ парикмахеромъ. Въ тотъ-же день отправился онъ въ пансіонъ, въ игорный домъ, въ кофейную, и къ величайшему удовольствію нашелъ наконецъ то, чего такъ давно искалъ и не находилъ.

Digitized by Google

Однакожъ, если путешественники, съ которыми онъ познакомился, извлекли его изъ обыкновеннаго бездѣйствія и оживили его надежды, то все еще не насытили они вполнѣ его жаднаго любопытства. Одни были слишкомъ тяжелы, другіе слишкомъ педанты, третьи слишкомъ поверхностны и всѣ слишкомъ много говорили о томъ чего не знали, такъ, что имъ совсѣмъ не лестно было говорить о томъ, что они знали въ самомъ дѣлѣ.

Разговоръ шелъ скачками: все говорили и ни на чемъ не останавливались; притомъ, и тутъ, какъ и вездѣ, отрава общественныхъ разговоровъ, политика, вмѣшивалась, кстати и не кстати, въ самые поучительные разговоры и гнала прочь согласіе и разумъ.

Лордъ былъ-бы еще, уже въ сотый разъ, обезнадеженъ, если-бы къ счастію не подкрѣпила его встрѣча съ старикомъ, невысокаго роста, живымъ, ученымъ, любопытнымъ, ласковымъ, ловкимъ на цитаты, говорящимъ основательно, слушающимъ вѣжливо, насмѣшливымъ умѣренно и поправляющимъ своихъ собесѣдниковъ съ снисходительностію человѣка опытнаго, который лучше ихъ знаетъ всѣ предметы, происшествія и людей, о которыхъ говоритъ. Этотъ старикъ былъ привычный посѣтитель трехъ домовъ, въ которыхъ Англичанинъ проводилъ дни,

Digitized by Google

и взаимное влеченіе сближало ихъ болѣе и болѣе.

Вскорѣ Лордъ, ободренный довѣренностію, какую показывалъ и внушалъ ему новый другъ его, открылся въ своихъ слабостяхъ, въ своихъ противорѣчащихъ наклонностяхъ, нерѣшительности и особенно, въ желаніи, какое было у него прежде и теперь еще иногда есть: путешествовать для наученія.

»Хорошо сдѣлаете,« сказалъ старикъ. »*Кто много видалъ*, говоритъ Лафонтенъ, *тотъ долженъ многое пріобрѣсть*. Право, сожалѣю, что мои лѣта и привычки не позволятъ мнѣ вамъ сопутствовать; но мы можемъ испытать, по крайней мѣрѣ хотя мысленно, такую прогулку по свѣту, которой въ дѣйствительности я не въ силахъ предпринять съ вами. Немного сторонъ на свѣтѣ, которыхъ-бы я не зналъ; всѣ глубоко врѣзаны въ моей старой памяти, и я могу, можетъ быть лучше всякаго другаго, въ путешествіи вашемъ быть вамъ путеводителемъ. Посмотримъ: съ чего начать намъ, съ котораго полушарія? Сѣверомъ, Востокомъ, Югомъ, или лучше переѣдемъ сначала въ Америку.«

— Начнемъ государствами Сѣверной Европы, сказалъ Англичанинъ.

»Скандинавіею? хорошо: это страна, которую Готѳъ Іорнандъ называлъ *разсадникомъ человѣческаго рода*. Здѣсь кузницы, гдѣ выковали молнію, низвергшую Им-

Digitized by Google

перію Цезарей; отсюда, наконецъ, изъ здѣшнихъ льдовъ вышли всѣ побѣдители Запада и основатели всѣхъ государствъ новой Европы.«

Мы не Исторію теперь пишемъ или какое нибудь путешествіе, и я не буду пересказывать тебѣ подробно всѣхъ длинныхъ, поучительныхъ и любопытныхъ разговоровъ старика, котораго Лордъ Литтльгедъ взялъ въ путеводители своихъ мысленныхъ путешествій. Ты получишь объ нихъ настоящее понятіе, если я скажу тебѣ, что почтенный наставникъ его говорилъ обо всемъ, происшествіяхъ, мѣстахъ, людяхъ, съ такимъ совершеннымъ познаніемъ, какъ будто все было передъ его глазами. Разсказы его были картинны, и слушая ихъ не возможно было распознать: самъ-ли онъ видѣлъ все то, о чемъ говорилъ, или это были только плоды его чтенія и разговоровъ съ другими.

Несчастія Королевы Маргериты были первою драмою его повѣствованія; онъ разсказывалъ подробно о покойномъ Королѣ Датскомъ, и даже, описывая его поступки на одномъ балѣ, онъ предрекъ, что этотъ Король нѣкогда помѣшается въ умѣ.

Волненія Шведскія пришли въ разсказѣ къ своему череду. Описавъ всѣ подробности о Королѣ Густавѣ III, и переходя къ другимъ обстоятельствамъ, онъ, какъ будто тѣсно знакомый съ извѣстнымъ Рибингомъ, однимъ изъ заговорщиковъ, разска-

Digitized by Google

залъ Англичанину всѣ анекдоты объ ужасномъ дѣлѣ Рибинга и его товарищей; даже и о той ворожеѣ, которая за много лѣтъ прежде просила Густава остерегаться перваго, кто попадется ему на встрѣчу въ Стокгольмѣ, одѣтый въ красное платьѣ. Старикъ вспоминалъ, какъ Густавъ встрѣтилъ этого Рибинга, тогда еще молодаго придворнаго, вѣтреннаго и безпечнаго, и смѣялся надъ предвѣщаніемъ, по несчастію, такъ вѣрно сбывшимся.

Россію старикъ зналъ также очень хорошо Можно было сказать, что онъ какъ очевидѣцъ говоритъ о всѣхъ чудесахъ, произведенныхъ Императрицею Екатериною, и что онъ сопутствовалъ ей въ романическомъ путешествіи ея въ Крымъ; что Княгиня Дашкова показывала ему планъ Академіи, Андрей Шуваловъ читалъ свои Французскіе стихи, а Графъ Строгоновъ перебиралъ передъ нимъ всѣ свои рѣдкости.

Безъ утомленія слѣдовалъ Лордъ за своимъ путеводителемъ въ Камчатку и Сибирь. Ему казалось, что онъ видитъ юнаго Лессепса, въ санкахъ, скачущаго по льду на собакахъ, и какъ собаки его бросаются далеко въ сторону, не смотря на усилія сѣдока, увидѣвши въ сторонѣ отъ дороги добычу.

Негостепріимный Китай не избѣжалъ любопытства старика. Пекинъ зналъ онъ, какъ Парижъ, и сохранилъ прекрасный

Digitized by Google

планъ сей столицы, подаренный ему Графомъ Бутурлинымъ.

Два путешественника наши не замѣшкали переправиться на Индійскій полуостровъ. Лордъ узналъ отъ своего путеводителя всѣ обычаи народа, самаго древняго и самаго миролюбиваго на свѣтѣ.

Старикъ, бывшій въ дружбѣ съ двумя Набобами двора Типпо-Саибова, восхитилъ своего ученика, разсказывая ему о религіи Браминовъ и раздѣленіи Индійскихъ кастъ; далъ ему изображеніе, какъ на картинѣ, огромнаго Ягренатскаго пагода, великолѣпныхъ жертвоприношеній, когда Индійцы толпами бросаются и гибнутъ подъ колесами колесницы, на которой возятъ ихъ идоловъ, и тѣхъ погребальныхъ обрядовъ, при коихъ жены, готовыя измѣнить мужьямъ при жизни ихъ, сжигаются на кострѣ такихъ людей, которыхъ при жизни и не думали любить.

Ты повѣришь, что Египетъ не былъ забытъ. Старикъ утѣшался, разсказывая подвиги Французовъ и трагическую смерть Клебера. Повѣствованіе его было такъ живо, что Англичанинъ невольно хлопалъ отъ восхищенія, когда старикъ показалъ ему Французское войско, остановившееся, восклицающее съ удивленіемъ, при взглядѣ на древнія Ѳивы, и солдатъ, поднимающихъ на своемъ оружіи, какъ на носилкахъ, ученаго Денона, чтобы онъ могъ удобнѣе срисовать развалины великолѣпнаго города.

Digitized by Google

Старикъ былъ друженъ съ нѣкоторыми Мамелюками, даже зналъ дочь Розеттскаго банщика, на которой женился Французскій генералъ, и онъ умѣлъ разсказать своему ученику все, что касается до Египетскихъ нравовъ.

Персія привлекла потомъ ихъ взоры. Англичанинъ узналъ тамъ феодальную систему, почти забытую на Западѣ. Старикъ хорошо зналъ Астеръ-Хана, одного изъ любимцовъ Персидскаго Шаха, отъ котораго ясно понялъ, что если Персія просвѣтится и устроитъ свои войска, она вскорѣ приобрѣтетъ блистательную поверхность надъ Турціею.

Неутомимые въ своихъ мысленныхъ путешествіяхъ, наши друзья вступили въ Турцію и увидѣли въ ней всѣ признаки разрушенія и паденія государства. Старикъ зналъ очень хорошо одного изъ Султанскихъ чиновниковъ, почтеннаго многими знаками довѣренности Султана. Это былъ человѣкъ мудрый, судя по времени, въ которомъ, и по землѣ, въ которой жилъ. Противъ обычая Музульмановъ, онъ держалъ одну жену и любилъ ее страстно, также какъ и дочь свою. Музульманинъ этотъ, къ удивленію старика, доказалъ ему, что Турція не деспотическое государство, какъ обыкновенно думаютъ, но анархическая республика, управляемая улемами, страннымъ собраніемъ имановъ, кадилескеровъ и агъ, готовыхъ напасть

Digitized by Google

на Султана, если-бы онъ самъ захотѣлъ взять въ руки Турецкій скиптръ свой, т. е. саблю, или хотя немного разогнать невѣжество и фанатизмъ свѣтомъ ума и знаній.

Разговоръ нашихъ друзей о Греціи, сей древней отчизнѣ славы и Музъ, продолжался нѣсколько дней. Лордъ Литтльгедъ, опечаленный зрѣлищемъ тамошнихъ повсюдныхъ развалинъ, съ радостью услышалъ отъ своего почтеннаго путеводителя всѣ подробности новѣйшихъ подвиговъ Грековъ нашего времени, которые сами, безъ всякой чужой помощи, отбили отъ головъ своихъ кривую саблю Музульмановъ и утвердили свою независимость.

Желая подтвердить свой разсказъ, старикъ призвалъ въ свидѣтели Грека, находившагося въ одной съ ними комнатѣ, и случайно эта комната была богато убранная зала, въ которой предсѣдательствовала женщина, одѣтая какъ Минерва, съ шлемомъ на головѣ, съ эгидою на рукѣ, съ копьемъ подлѣ креселъ, отдававшая горделиво приказы юнымъ, прелестнымъ Гречанкамъ, которыя подносили присутствующимъ кофе и шербетъ.

Не будемъ слѣдовать за двумя друзьями въ Италію: и что тамъ слушать, чего смотрѣть? Пѣніе Доминикановъ, Августиновъ, Ѳеатиновъ, прерываемое изрѣдка гармоническою музыкою, единственнымъ изящнымъ искуствомъ, уцѣлѣв-

Digitized by Google

шимъ еще въ Италіи, раздается между развалинами.

Путеводитель Лорда хорошо зналъ Папу и съ почтеніемъ берегъ четки, подаренныя ему симъ первосвященникомъ.

Германія сдѣлалась послѣ того предметомъ ихъ наблюденій, и слѣдуя за своимъ путеводителемъ, Англичанинъ съ досадою долженъ былъ выслушать разсказы о побѣдахъ Французовъ. Впрочемъ, старикъ зналъ Императора Іосифа, Принца Генриха Прусскаго и всѣхъ знаменитыхъ особъ нынѣшняго и прошедшаго вѣка. Знакомый съ многими генералами Французскими и иностранными, старикъ разсказывалъ много такого, о чемъ не говоритъ еще Исторія, но что всѣ знаютъ.

Самъ догадаешься, что послѣ Германіи посѣтили Польшу; прошли по Литовскимъ лѣсамъ; говорили о Станиславѣ Понятовскомъ, котораго старикъ зналъ въ молодости, и проч. и проч.

Съ удивленіемъ замѣтилъ Лордъ, что всѣ мѣста и долины Швейцаріи извѣстны были старику такъ, что нѣсколько разъ онъ поправлялъ ошибки самихъ Швейцаровъ, разсказывавшихъ о своей родинѣ.

Еще болѣе удивило Лорда познаніе Англіи. Старикъ видалъ Питта и Фокса, говаривалъ съ горными Шотландцами объ ихъ нравахъ, пѣсняхъ, кланахъ.

Океанъ не остановилъ путешественниковъ, и старикъ подробно пересказалъ

Digitized by Google

всю новѣйшую Исторію Соединенныхъ Штатовъ и Южной Америки. Онъ учился съ Франклиномъ, видалъ Монрое и Джефферсона, служилъ съ Лафаэтомъ, отъ самого Кондамина слышалъ описаніе Амазонской рѣки, также какъ самъ Бугенвиль разсказывалъ ему объ островахъ Южнаго моря. Наконецъ старикъ самъ видѣлъ то, о чемъ не писалъ ни одинъ путешественникъ: дикарей, съ природною чешуею.

Возвращаясь изъ Америки, двое друзей проплыли мимо печальной скалы, на которой Провидѣніе осудило сына побѣдъ на казнь Прометееву, и старикъ со вздохомъ описалъ островъ Св. Елены такъ подробно, какъ будто самъ жилъ на немъ. Повернувъ къ Африкѣ, они осмотрѣли дворъ Мароккскаго Императора, и познакомясь съ Португаліей и Испаніей, узнавъ подробно отъ Секретаря Инквизиціи тайны сего страшнаго судилища, кончили путешествіе Франціею и — очутились спокойно въ залѣ кофейной *Тысячи колоннъ*, очень похожей на волшебную залу Тысячи одной ночи. Въ восторгѣ Лордъ Литтльгедъ обнялъ своего путеводителя и благодарилъ его за путешествіе, столь непродолжительное, легкое и поучительное.

Всѣ разговоры оставляли однакожъ въ любопытствующемъ умѣ Лорда какую-то пустоту, которую онъ старался поскорѣе наполнить. »Любезный наставникъ мой« (сказалъ онъ старому товарищу своихъ

Digitized by Google

путешествій)! »множество предметовъ узналъ я отъ васъ; не знаю еще одного, и вы оставляете меня въ этомъ случаѣ сущимъ невѣждою. Вы разсказали мнѣ исторію безчисленнаго множества людей и земель; но я до сихъ поръ не знаю еще ни исторіи вашей, ни даже имени вашего. Сдѣлайте одолженіе, разскажите мнѣ все то, что касается до васъ лично. Слушая разсказы ваши, много разъ хотѣлъ я почесть васъ, не Минервой, потому что Телемакъ вашъ не стоилъ-бы такой чести, но бродящимъ Жидомъ, или кѣмъ нибудь изъ его семейства.«

— Бродящимъ Жидомъ! сказалъ смѣясь старикъ. Вы тотчасъ увидите, что между имъ и мною нѣтъ ничего общаго. Жизнь моя, правда, была чрезвычайно разнообразна, безпокойна, исполнена приключеній всѣхъ родовъ; но какъ она не имѣетъ ничего таинственнаго, я готовъ, потому что вы этого хотите, разсказать вамъ ее въ короткихъ словахъ. Изъ нее узнаете вы только, что въ ограниченномъ кругѣ моего существованія испыталъ я всѣ превратности счастія, и безпрерывно тревожимый судьбою, видѣлъ себя, можетъ быть болѣе нежели кто нибудь другой, игрушкою и жертвою страстей, собственныхъ и чужихъ.

Предки мои, Милордъ, всегда жили въ Парижѣ, въ тихой безвѣстности, изъ которой, кажется, и не нужно извлекать

Digitized by Google

нихъ, чтобы не надоѣдать вамъ безъ всякой надобности. Мой отецъ былъ, можетъ быть, первый изъ нихъ, заставившій другихъ говорить о себѣ. Прихотливое счастіе улыбнулось ему, и въ то время, когда чужеземецъ, Шотландецъ Ла, явился во Франціи съ волшебнымъ прутикомъ своимъ, обращать бѣдныхъ въ богачей и богачей въ бѣдныхъ, отецъ мой, небогатый купецъ Парижскій, вымѣнялъ множество банковыхъ билетовъ, торговалъ ими ловко, и играя, то повышеніемъ, то пониженіемъ ассигнацій, въ короткое время сдѣлался значительнымъ богачомъ.

Онъ перемѣнилъ званіе и обычаи, перемѣнилъ и имя Лона въ Дюперрона, купилъ большой домъ подлѣ Пале-Рояльскаго сада, а мое рожденіе умножило его счастіе. О дѣтствѣ моемъ сказать вамъ нѣчего; развѣ то можетъ быть занимательно для васъ, что между всѣми моими сверстниками не было ни одного, который-бы показывалъ въ одно время болѣе моего живости, любопытства и — лѣности.

Разница между мной и вами, что вашъ отецъ, через-чуръ снисходительный, потворовалъ вашей лѣности, а мой, напротивъ, слишкомъ строгій, принуждалъ меня постоянно и вполнѣ заучивать всѣ мои уроки.

Латинскій и Греческій языки, Исторія, Философія, Ѳеологія, Литтературы древнія и новыя, Математика, Физика, все,

по неволѣ, долженъ былъ я проглатывать, и по странному жребію, мнѣ, какъ нарочно, попадались учители, которымъ не довольно было получить билетъ, но непремѣнно хотѣлось успокоить и совѣсть свою.

Надававши мнѣ всѣхъ необходимыхъ уроковъ въ танцованьѣ, музыкѣ, фехтованьѣ, искуствахъ пріятныхъ и полезныхъ, которыя, мимоходомъ сказать, часто разстроиваютъ все что важныя науки устроили, меня заставили прослушать полный курсъ Химіи у аптекаря Клюзеля, Анатоміи въ кабинетѣ Бертрана и провесть цѣлый годъ изучая антикварски разныя медали въ кабинетѣ одного Князя, и списывая нѣкоторыя картины его богатой галлереи.

Видите, какъ гнали мою бѣдняжку лѣность; мнѣ позволяли, къ сожалѣнію моему, только одно: небольшія прогулки. Времени у меня не было и прогулка часто ограничивалась бѣганьемъ съ лекція на лекціи, куда прилежно гоняла меня нѣжность родительская.

Семнадцать лѣтъ было мнѣ, когда мать моя скончалась; отецъ мой промедлилъ послѣ нее немного и я остался такимъ образомъ, въ возрастѣ самомъ опасномъ для человѣческой мудрости, совершеннымъ господиномъ моего времени и имѣнія.

Digitized by Google

Вы легко поймете, что начало моей вольности было окончанiемъ моего ученiя. Я проходилъ еще и послѣ того курсы, но признаюсь, что это были курсы забавъ, любви, игры, расточительности и шалостей. Превращенiе состоянiя отца моего не произошло вспарину такъ быстро, какъ теперь превращенiе моего состоянiя. Тотчасъ, профессоровъ смѣнили у меня ресторатёры, банкомёты, учители Эпикуровыхъ наслажденiй и прелестныя нимфы, отъ которыхъ скорѣе могъ я надѣяться благосклоннаго привѣта, нежели отъ угрюмыхъ Музъ.

Новыя упражненiя не были тягостны моей лѣности. Кто молодъ и богатъ, къ тому забавы сами бѣгутъ толпою на встрѣчу, не оставляя ему заботы даже и пожелать ихъ. Къ несчастiю, начиная новую жизнь свою, я взялъ въ путеводители человѣка столь-же извѣстнаго умомъ, сколько и приключенiями своей жизни, словомъ: знаменитаго Сенъ-Фуа. Благодаря его примѣрамъ и совѣтамъ, скоро прибавилъ я къ врожденнымъ слабостямъ моимъ еще новыя: сдѣлался забiякой, шалуномъ, закулиснымъ героемъ. Самыя смѣшныя приключенiя встрѣчались съ нами при нашихъ тогдашнихъ шалостяхъ. Разскажу вамъ два изъ нихъ.

Однажды, мы оба, я и наставникъ мой, сидѣли въ кофейной и онъ далъ мнѣ замѣтить недалеко отъ насъ сидѣвшаго

Digitized by Google

незнакомца, высокаго, сухощаваго, хладно-кровнаго, который мало, по видимому, занимался своею чашкою кофе, бывшею передъ нимъ на столикѣ, а только со вниманіемъ оглядывалъ всѣхъ присутствовавшихъ. Можно было видѣть, что его уши столько-же были заняты прислушиваньемъ, сколько глаза смотрѣніемъ. Разглядѣвши чудака, я не могъ не засмѣяться; но вдругъ увидѣлъ на столикѣ газету. Она отвлекла мое вниманіе; беру ее и читаю вслухъ, что какой-то огромный великанъ и съ нимъ карло, необыкновенно малаго роста, пріѣхали въ Парижъ.

Едва произнесъ я слово: *пріѣхали*, незнакомый чудакъ, съ важнымъ видомъ началъ повторять: *я пріѣхалъ, ты пріѣхалъ, онъ пріѣхалъ, мы пріѣхали, вы пріѣхали, они пріѣхали.*

Изумленный сими словами, приближаюсь къ его столику и спрашиваю: не мнѣ-ли *говоритъ* онъ? Чудакъ, съ прежнею важностію, начинаетъ: *я говорю, ты говоришь, онъ говоритъ, мы говоримъ, вы говорите, они говорятъ.*

Развѣ вы думаете, вскричалъ я, что можете такъ дерзко смѣяться надо мною? *Я смѣюсь*, отвѣчалъ неподвижный чудакъ, *ты смѣешься, онъ смѣется, мы смѣемся, вы смѣетесь, они смѣются.*

Это слишкомъ! вскричалъ я. Немедленно пойдемъ-те со мною! Чудакъ хладнокровно встаетъ и отвѣчаетъ: *я пойду, ты*

Digitized by Google

пойдешь, онъ пойдетъ, мы пойдемъ, вы пойдете, они пойдутъ.

Ничего не говоря болѣе, мы идемъ вонъ; Сенъ-Фуа слѣдуетъ за нами и смѣется. Въ нетерпѣніи, я не хотѣлъ идти далеко и въ первой уединенной аллеѣ остановивъ моего страннаго соперника, сказалъ ему: — Беритесь за вашу шпагу; мы должны драться! — Спокойно потащилъ онъ изъ ноженъ длинную шпагу свою, повторяя: *Я дерусь, ты дерешься, онъ дерется, мы деремся, вы деретесь, они дерутся.*

Сраженіе было неравно. Чудакъ бился искусно и хладнокровно; онъ ранилъ меня въ руку; Сенъ-Фуа старался развести насъ; я не противился. Довольны-ли вы, М. Г.? спросилъ я чудака. *Я доволенъ, ты доволенъ, онъ доволенъ, мы довольны, вы довольны, они довольны*, проговорилъ онъ, влагая свою шпагу въ ножны. Потомъ съ важною учтивостью онъ предложилъ проводить меня до моего жилища.

Очень радъ, сказалъ я съ досадою, если только вамъ угодно будетъ прекратить скучную шутку вашу и сказать, что васъ понудило такъ странно смѣяться надо мною.

Охотно, отвѣчалъ незнакомецъ дурнымъ Французскимъ языкомъ. Я Голландецъ, хочу узнать получше вашъ языкъ, и боюсь грамматики. Чтобы въ мою грубую память втереть насильно вокабулы, учитель совѣтовалъ мнѣ склонять и спра-

гать всѣ тѣ слова, которыя встрѣтятся мнѣ въ разговорѣ.

Вы повѣрите, что гнѣвъ мой прошелъ и замѣнился стыдомъ, что единственно отъ моей вѣтренности началъ я споръ съ этимъ чудакомъ и награжденъ былъ отъ него порядочною раною.

Въ другой разъ, прогуливаясь по садовой аллеѣ, я увидѣлъ молодаго щеголя. Онъ прошелъ мимо меня, присвистывалъ и, казалось, гордился своими преимуществами. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, съ нимъ встрѣчается пожилой человѣкъ, съ сердцемъ глядитъ на него и даетъ ему пощечину. Молодой человѣкъ, нимало не оскорбляясь, погладилъ свою щеку и спокойно продолжалъ прогулку.

Трусость его оскорбила меня. Бѣгу за нимъ и поравнявшись съ нимъ, говорю громко: — Вотъ молодой человѣкъ удивительно миролюбивый! — Онъ взглянулъ на меня съ пренебреженіемъ и не отвѣчалъ ни слова. Въ другой разъ нарочно встрѣчаюсь съ нимъ и упорно настоя въ моемъ преслѣдованіи, говорю еще громче: у этого человѣка долженъ быть снѣгъ вмѣсто крови.

Вдругъ мнимый трусъ этотъ останавливается, смотритъ на меня горделиво и даетъ знакъ слѣдовать за нимъ. Случайно мы приходимъ въ туже аллею, гдѣ получилъ я урокъ отъ спрягателя глаголовъ. Новый учитель мой не теряетъ времени на

разговоры и обнажаетъ шпагу; я слѣдую его примѣру, мы бьемся, и я былъ опять жестоко раненъ.

Видя меня раненымъ, противникъ мой великодушно проситъ меня прекратить битву. Готовъ, отвѣчаю я, но сдѣлайте одолженіе, изъясните мнѣ, какимъ образомъ вы такъ горячо вступились за вздорную шутку мою и такъ терпѣливо перенесли нестерпимую обиду отъ старика.

М. Г.! сказалъ мой противникъ съ усмѣшкою, человѣкъ, давшій мнѣ пощечину — *отецъ мой!* — Я остался пристыженнымъ и кое-какъ потащился домой, клянясь, что впередъ такъ безразсудно не буду вмѣшиваться въ дѣла чужія.

Исправленный и отученный такимъ образомъ нѣсколькими ударами шпаги, я вдругъ перешелъ въ другія общества и къ другимъ наклонностямъ. Любимица одной знаменитой Принцессы, нѣкогда знавшая моего отца, позвала меня къ себѣ, чрезвычайно обласкала меня, и вдругъ въ душѣ моей вспыхнули двѣ страсти, отъ коихъ всего легче повернуться головѣ молодаго человѣка: любовь и слава!

Новой путеводитель мой, женщина почтенная, достигнувшая среднихъ лѣтъ между юностью и зрѣлостью, счастливаго времени жизни, въ которое женщина бываетъ любезнѣе всѣхъ другихъ возрастовъ, еще сохраняя средства нравиться

Digitized by Google

и присоединяя къ прелестямъ юнаго возраста прелесть ума опытнаго и просвѣщеннаго.

У нее былъ я въ мірѣ совершенно для меня новомъ. Къ ней собирался лучшій свѣтъ придворный, самое щегольское юношество и самые ученые люди. Я узналъ обычаи, обращеніе и вѣжливость этого отборнаго общества, которое, можетъ быть, слишкомъ горделиво, но не совсѣмъ безъ причины, называло себя *хорошимъ кругомъ*.

Такъ, какъ въ волшебной картинѣ, мелькало здѣсь предо мною, одинъ за другимъ, множество людей самыхъ замѣчательныхъ изъ Парижа, Франціи и всей Европы. Ласковость моей покровительницы заставила Принца обласкать меня и я получилъ мѣсто въ его канцеляріи.

Мало такихъ людей, которые не дурѣютъ, когда счастіе слишкомъ скоро ихъ возвышаетъ. Не умнѣе другихъ, я не долго ждалъ времени заблужденія и одурѣлъ съ первыхъ шаговъ по скользкой дорогѣ честолюбія.

Приписывая моимъ достоинствамъ то, чѣмъ одолженъ былъ я случаю, горделиво подумалъ я, что заставилъ влюбиться въ себя женщину, открывшую мнѣ дорогу къ знатности, и дерзко осмѣлился объявить любовь мою; это безъ сомнѣнія показалось ей смѣшно. Холодное презрѣніе весьма непріятнымъ образомъ дало мнѣ знать, что

некстати принятая мною роль любовника, легко лишитъ меня роли покровительствуемаго; но изъ всѣхъ справедливостей самая рѣдкая та, которую отдаютъ самому себѣ; я удалился съ досадою, и моя признательность обратилась въ неблагодарность.

Молодая женщина, характера совсѣмъ противоположнаго характеру моей благодѣтельницы, завидующая тѣмъ достоинствамъ, которыя принуждена была уважать, замѣтила мою досаду, заманила меня въ свои сѣти и увлекла въ свои умыслы. Она была красива, вѣтрена, прихотлива, честолюбива, и не безъ причины не нравилась Принцессѣ, потому что слишкомъ нравилась Принцу.

Опутанный цвѣточными цѣпями, я легко допустилъ вести себя куда угодно. Должность, какую новая побѣдительница назначила мнѣ, болѣе была дѣятельна, нежели почетна: мнѣ приказано было все видѣть, все слышать, все переносить ей и тѣмъ давать средства забавлять Принца на счетъ другихъ тысячами анекдотовъ, болѣе или менѣе колкихъ и соблазнительныхъ.

Мои услуги скоро получили награду, какой онѣ стоили. Нѣсколько почтенныхъ особъ, справедливо оскорбленныхъ моими сплетнями, пожаловались Принцу. Жаркая сцена съ молодою интриганкою была слѣдствіемъ жалобы. Ей угодно было все сва-

лить на меня; меня выгнали изъ службы и запретили мнѣ являться ко двору Принца.

И такъ, при самомъ началѣ, я придворный въ немилости, взбѣшенъ, какъ отставной министръ и — съ досады философъ: участь многихъ мужчинъ, такъ какъ участь многихъ кокетокъ, подъ старость быть лицемѣрками.

Я говорилъ-бы вамъ о перебитыхъ предметахъ, если бы разсказывалъ о великомъ множествѣ друзей, которыхъ мои успѣхи привлекли ко мнѣ, а немилость Принца отогнала совершенно. Въ это время новыя связи были мною сдѣланы. Я бросился въ общество молодыхъ литтераторовъ того времени и вступилъ въ ряды горячихъ головъ, сражавшихся за правила ума противъ предразсудковъ, за дѣйствительныя права противъ привиллегій и проч. и проч. Я имѣлъ честь видѣть, какъ аплодировали моимъ куплетамъ и моимъ памфлетамъ въ клубахъ, въ театрахъ, въ кофейныхъ.

Мѣлкія перестрѣлки наши исчезли въ бурѣ революціи. Я перемѣнился снова: началъ писать *патріотическія* пѣсни, одѣлся въ мундиръ, взялъ ружье и водилъ народныя толпы къ дверямъ тѣхъ самыхъ домовъ, внутри коихъ прежде изгибался, мечтая о славѣ и почестяхъ и гдѣ послѣ видѣлъ всѣ мечты свои исчезнувшими, какъ сонъ.

Мнѣ хотѣлось поступать на поприщѣ революціи благоразумнѣе, нежели какъ

Digitized by Google

поступалъ я прежде въ извилистыхъ и темныхъ переходахъ придворной жизни. Меня наградили званіемъ офицера; но видно жребій мой былъ таковъ, что новыя связи всегда увлекали меня въ бѣду. Я попалъ въ друзья двухъ шалуновъ особаго рода. Одинъ изъ нихъ, послѣ сдѣлавшійся извѣстнымъ по своему революціонному неистовству, заставилъ меня участвовать въ своемъ Журналѣ; другой ввелъ меня въ клубъ *равенства*, гдѣ всѣ кричали, сами себя не понимая.

По ихъ слѣдамъ я рѣшился быть издателемъ журнала: *Желѣзный ротъ* было его названіе; но за правила и за статьи, въ немъ помѣщенныя, лучше-бы было назвать его *Адскимъ ртомъ*. И что сказать вамъ? Мы столько кричали, что наконецъ и революціонное правительство рѣшилось заставить насъ молчать. Мы бѣжали, спрятались; не буду описывать вамъ, какимъ образомъ, при возстановленіи порядка, едва могъ я избавиться отъ путешествія въ Кайенну.

Все это отучило меня отъ политическаго честолюбія. Мнѣ оставалось думать только объ одномъ: о литтературныхъ пальмахъ. Увы! напрасно думалъ я сорвать ихъ! Два паденія на театрѣ разрушили всѣ мои надежды, и я долженъ былъ отказаться отъ литтературы, хотя и утѣшалъ себя, что паденія мои были

Digitized by Google

слѣдствіемъ не недостатка моихъ дарованій, но жестокаго заговора.

Я забылъ сказать вамъ, что во время революціи я женился на молодой прелестной дѣвушкѣ; но революціонная женитьба моя была мнѣ несчастливѣе политики. Обобранный моею милою подругою, обманутый мужчинами, осмѣянный женщинами, жертва всѣхъ партій, я надѣялся за карточнымъ столомъ быть счастливѣе, нежели въ политикѣ и любви. Связи мои начались и здѣсь очень счастливо, но прекрасный отцовскій домъ, деньги мои, вещи, все растаяло на зеленомъ сукнѣ, гдѣ столько богатствъ перетапливается въ слезы и преступленія. Счастливый тѣмъ, что сберегъ свою честь и совѣсть, я нашелъ за дверьми игорнаго дома свой разсудокъ, и сдѣлавшись бѣденъ, сдѣлался уменъ и опытенъ. Богъ знаетъ, лучше ли было-бы, когда-бы игра обогатила меня!

Обѣднявши совершенно, я философствовалъ нѣсколько времени на чердакѣ. Вдругъ старая тетка моя умерла въ это время и оставила мнѣ тысячу экю дохода. Живо почувствовалъ я свое счастіе, достигнувъ этой *златой посредственности*, какъ говаривали древніе. Я рѣшился болѣе не испытывать бурь жизни, стоять на якорѣ въ тихой гавани моей, и поселился въ смиренномъ убѣжищѣ, гдѣ вы не одинъ разъ меня посѣщали. Съ тѣхъ поръ дни мои текутъ потихоньку; я ограничиваю

Digitized by Google

рѣ мои неиннотообразныя забавы прогулкою въ прекрасномъ саду, чтеніемъ журналовъ и новыхъ книгъ, какія нахожу въ кабинетахъ чтенія, не скучаю бесѣдою за общимъ столомъ гостинницы, гдѣ обѣдаю, и кончаю дни въ невинныхъ сраженіяхъ шахматами, причемъ мы проигрываемъ только время, а не деньги и не душевное спокойствіе. И такъ, вѣроятно, кончу я, любезный Милордъ, жизнь, которая всегда похожа была на безсвязный сонъ.

Уфъ! мой милый другъ (вскричалъ Лордъ Литтльгедъ)! Эта исторія, или лучше сказать, это сновидѣніе утомило меня, напугало, точно такъ, какъ будто самъ я перенесъ все, что съ вами случилось: бѣдная лѣность моя струсила. Ни слова объ опасностяхъ: ихъ перенесъ-бы я; но, Боже мой! сколько путешествій, сколько поѣздокъ надобно было вамъ сдѣлать! Душа, всегда обуреваемая страстями, не давала ни минуты спокойствія вашему тѣлу и я усталъ слѣдуя за вами, даже въ мысляхъ.

О какихъ поѣздкахъ и путешествіяхъ вы говорите? отвѣчалъ старикъ. Или вы думаете, что я еще васъ лѣнивѣе?

Трудно доказать это, сказалъ Лордъ Литтльгедъ.

Очень легко, возразилъ старикъ, и вотъ самое очевидное доказательство: какъ ни тихо перемѣняете вы мѣста своего пребыванія, но успѣли уже изъ

Digitized by Google

Лондона переѣхать въ Парижъ, а я во всю жизнь мою ни однажды не вышелъ изъ Пале - Рояля..

Год-демъ! вскричалъ Лордъ съ изумленіемъ, развѣ шутить вздумалось вамъ надо мною, и развѣ забыли вы, какое ученое путешествіе съ вами сдѣлалъ я по всему свѣту?

Я, кажется, говорилъ уже вамъ, Милордъ, что отцу моему удалось на нѣсколько времени переупрямить мою лѣность, и что я принужденъ былъ порядочно учиться. Не выходя изъ Пале Рояля, довольно найдемъ книжныхъ лавокъ и библіотекъ и можемъ узнать въ нихъ все, что дѣлалось отъ сотворенія міра до нашихъ временъ, въ каждой сторонѣ свѣта.

Согласенъ; но не своими-ли глазами видѣли вы прелестныя долины Швейцаріи, пагодъ Ягренатскій и островъ Св. Елены, видѣли...

Въ космарамѣ, Милордъ, а Швейцарію въ превосходной рельефной модели. Если угодно, вы можете сами наглядѣться на все это.

Прекрасно! вскричалъ Лордъ. Но всѣ эти знаменитые люди, изъ всѣхъ частей свѣта, съ которыми вы разговаривали, не уже-ли они приходили посѣщать васъ въ Пале-Роялѣ?

О! нѣтъ, Милордъ! не меня, но я легко все вамъ растолкую. Въ Пале - Рояльскомъ дворцѣ Орлеанскаго Герцога видѣлъ я Короля Датскаго, а у моей благодѣтель-

Digitized by Google

вицы, почетной дамы Герцогининой, я слышалъ какъ Густавъ III разсказывалъ всѣ подробности Шведскихъ смятеній; тамъ-же видѣлъ я Княгиню Дашкову, Графа Шувалова, Барона Строгонова и говорилъ съ ними; тамъ-же и Лессепсъ разсказывалъ мнѣ о своемъ путешествіи по Сибири. Теперь не нужно вамъ говорить и вы легко сами поймете, что въ разное время, въ Пале-Роялѣ-же, я видѣлъ пословъ Типпо-Саиба, ученаго Денона, Египтянку, супругу Генерала Мену, посланниковъ Турціи, Персіи и Марокко, Папу и всѣхъ знаменитыхъ людей, о которыхъ говорилъ я вамъ. Славные Американцы, Испанцы, Португальцы бывали въ Парижѣ, слѣдовательно и въ Пале-Роялѣ. Если вамъ угодно, я покажу вамъ хоть сей часъ Секретаря святой Инквизиціи, Ллорента, и онъ самъ разскажетъ вамъ все, что говорилъ я о тайнахъ сего страшнаго судилища.

А дикіе, покрытые чешуею?

О! за нѣсколько лѣтъ, заплативъ одинъ экю, вы увидѣли-бы сами здѣсь это произведеніе природы или шарлатанства!

Но если всѣ чудеса, все что слышалъ я отъ васъ удивительнаго о всѣхъ странахъ свѣта, если все это видѣли, слышали или читали вы въ Пале-Роялѣ, какъ могли случиться съ вами всѣ происшествія вашей жизни, когда вы изъ него не выходили?

Digitized by Google

Очень естественно и легко. Вотъ тамъ былъ домъ моего отца; здѣсь была школа, гдѣ я учился; вонъ гдѣ въ саду гулялъ я ребенкомъ. Въ Пале-Роялѣ жилъ Принцъ Орлеанскій; здѣсь были потомъ казармы гвардіи народной, трибуналы, суды, клубы, собранія, и все безчисленное множество учрежденій и заведеній всѣхъ родовъ были, суть и будутъ въ стѣнахъ Пале-Рояля. Живите только здѣсь, и каждый день вы болѣе и болѣе будете утверждаться, что самое жадное любопытство тщетно искало-бы повсюду въ другомъ мѣстѣ того, что здѣсь можетъ встрѣтиться ему на каждомъ шагу. Не удивляйтесь: Европа есть столица міра, Франція Европы, Парижъ Франціи, а Пале-Рояль Парижа.

Тутъ восхищенный Лордъ Литтльгедъ убѣдился наконецъ, что онъ можетъ помирить лѣнь свою съ желаніемъ все знать, не читая и не путешествуя. Онъ обнялъ своего друга, поклялся никогда не выѣзжать изъ Пале-Рояля и, вѣроятно, и теперь еще живетъ тамъ.

(Соч. Сегюра.)

Digitized by Google

II. СМѢСЬ.

Журналистика.

Нѣтъ счастія ни литтературѣ нашей, ни литтераторамъ нашимъ, за границею. То молчатъ о нихъ, какъ о мертвыхъ, или и того хуже клеплютъ на нихъ, какъ на мертвыхъ. Въ переводахъ съ Русскаго не узнаешь подлинника; въ біографическихъ и библіографическихъ извѣстіяхъ о Русскихъ перековерканы имена и содержаніе. Во *Всеобщемъ Журналѣ Литтературы иностранной* (Journal général de la littérature étrangère), въ Февралѣ мѣсяцѣ, 1827 года, *о Наукѣ стихотворства*, Поэмѣ Дидактической Депрео, переведенной Графомъ Хвостовымъ, объявлено — гдѣ-бы вы думали? въ отдѣленіи романовъ!! Надобно быть журнальнымъ сыщикомъ, чтобы отыскать такую диковинку. На мѣстѣ Переводчика, я отомстилъ-бы Французскому вѣтреннику, напечатавъ другое изданіе перевода подъ названіемъ: *Депрео выворотенный на изнанку*. Тогда пускай помѣстилъ-бы онъ *l'Art poétique* въ отдѣленіе: *poëmes burlesques*.

Кормчій (le Pilote, journal politique et militaire) сѣлъ на мѣль, 14 Іюня, 1827 года, и объявляетъ подписчикамъ своимъ, что онъ прекращается, обѣщая возвратить деньги, за нимъ оставшіяся. Хорошо подписчикамъ Французскимъ, но, кажется, намъ заграничнымъ *пиши пропало*. Впрочемъ, и съ полученіемъ газеты деньги все были пропадшія. Для

Digitized by Google

Французскаго періодическаго листа, Кормчій былъ замѣчательно тощъ и ничтоженъ. Сперва былъ онъ издаваемъ *Тиссотомъ* и *Кассано* (Tissot et Cassano) и тогда былъ онъ однимъ изъ лучшихъ журналовъ: Тиссотъ, *Литтераторъ* достойный уваженія, извѣстный переводами своими классическихъ поэтовъ и образомъ мыслей просвѣщеннымъ и благороднымъ, одинъ изъ основателей Французской Минервы и Газеты *Конституціонный*, давалъ Кормчему направленіе хорошее; но когда министерство начало покупать журналы независимые, товарищъ Тиссота согласился на сдѣлку и остался одинъ редакторомъ. Въ первые дни по совершеніи купчей выходило два Кормчихъ: *Кормчій*, Кассано, и *Кормчій*, Тиссотъ. Но полиція вмѣшалась въ этотъ журнальный дуализмъ и проданный выжилъ неподкупнаго. Во время журнальныхъ сдѣлокъ, въ 1824 году, вышла въ Парижѣ довольно забавная книжка: *Чрезвычайное собраніе журналовъ или разговоръ мертвыхъ и умирающихъ.* Тутъ содержится исповѣдь всѣхъ періодическихъ изданій Французскихъ. Мало въ нихъ совершенно безгрѣшныхъ. Во Франціи министерство почитаетъ журналы державами: заключаетъ съ ними договоры, платитъ имъ *сюбсиды* за вспомогательство, и проч. Видно Кормчій былъ плохой союзникъ и не стоилъ жалованья. Впрочемъ, возстановленіе цензуры для періодическихъ изданій во Франціи, прекратило на время потребность въ подобныхъ издержкахъ.

Постановленіе 24 Іюня нынѣшняго года о возстановленіи во Франціи цензуры на періодическія изданія, раздалось въ Журналѣ Преній, какъ труба

Digitized by Google

полуночная, которая въ публичныхъ маскарадахъ объявляетъ о послѣднемъ издыханіи масляницы. Люди еще ходятъ по залѣ, но уже не оживлены они громомъ оркестра потѣшнаго; Журналы еще движутся, но уже нѣтъ музыки, которая была такъ непотѣшна для чувствительныхъ ушей. Шумный міръ живыхъ смѣненъ тихимъ міромъ тѣней. Это постановленіе, въ силу законовъ 31 Марта 1820 г. и 25 Іюля 1821 г. можетъ быть дѣйствительно только въ промежутки времени, между закрытіемъ и открытіемъ Палатъ, и мѣсяцъ спустя послѣ начала засѣданій, если въ теченіи этого мѣсяца не обратится оно въ законъ согласіемъ обѣихъ Палатъ.

Въ выдержкахъ изъ записной книжки (Телеграфъ No 6, 1827), напрасно обиженъ Французскій Стихотворецъ Лебланъ и обогащенъ, ему въ накладъ, стихомъ его:

Crois tu d'un tel forfait Manco-Capac capable.

Лемьеръ, и такъ уже богатый подобными стихами. Кстати *о выдержкахъ!* Сколько уже было намекъ въ разныхъ журналахъ на *выдержки.* Это слово обратилось въ поживку нѣкоторымъ безсловнымъ словесникамъ нашимъ. Томимые голодомъ мыслей и словъ, они кидаются на каждое новое выраженіе, брошенное передъ ними, теребятъ его и обгрызываютъ съ алчностью: наздоровье!

Журнальный сыщикъ.

Мнѣнія Англійскихъ рецензентовъ объ Исторіи Наполеона, сочиненной В. Скоттомъ.

Едва-ли когда нибудь ждали такъ повсемѣстно и съ такимъ любопытствомъ появленія книги, какъ ожидали болѣе года Исторіи Наполеона, сочиняемой В. Скоттомъ. Всесвѣтная слава Сочинителя, его дарованія, предметъ сочиненія, все возбуждало великія надежды, и вѣроятно, отъ Лондона до Москвы и отъ Эдимбурга до Колумбіи, изъ десяти литтературныхъ разговоровъ одинъ посвящаемъ былъ разсужденіямъ о томъ, *что* и *каково* напишетъ В. Скоттъ. Теперь, только намъ Рускимъ остались еще ожиданіе и нерѣшительность. Исторія Наполеона напечатана и продается въ Лондонѣ; во Франціи и Германіи, вѣроятно, успѣли уже ее перепечатать и перевесть. Лондонская публика такъ жадно раскупала книгу, что въ *одинъ день* продано ее — 5000 экземпляровъ.

Трудъ Сочинителя *вещественно* награжденъ. Не знаемъ, и не можемъ сказать, не читавши его книги, какова будетъ *не*-вещественная награда. Излишнимъ почитаемъ предупреждать нашихъ читателей догадками, и передаемъ только извѣстные уже намъ отзывы соотечественниковъ В. Скотта. Трудно повѣрить, что-бы кто нибудь изъ Англійскихъ журналистовъ, не смотря на прилежность ихъ, успѣлъ уже прочитать внимательно и обсудить на досугѣ огромное твореніе В. Скотта, и всѣ сіи отзывы, вѣроятно, есть слѣдствіе перваго впечатлѣнія.

Digitized by Google

Намъ кажется, что *первое впечатлѣніе* невыгодно для В. Скотта. The Courier говоритъ, что новое сочиненіе не увеличиваетъ славы Сочинителя, ничего не прибавляетъ къ историческимъ свѣдѣніямъ объ эпохѣ, имъ описываемой, и что В. Скоттъ не умѣлъ изложить хорошо и того, что было уже извѣстно. Мы нашли болѣе подробное Библіографическое извѣстіе въ другой Англійской газетѣ, The Englishman (Лондонъ, Іюля 1827 г. No 1257) и переводимъ его для нашихъ читателей.

"Сиръ Валтеръ Скоттъ наконецъ издалъ давно обѣщанное имъ Жизнеописаніе Императора Наполеона, въ *девяти* томахъ, которые составляютъ всего 3940 стр. in 8. Величіе предмета и слава В. Скотта, возбудили надежды, столь живыя, что при первомъ появленіи своемъ новое сочиненіе В. Скотта не можетъ быть хладнокровно критиковано и точно обсужено. Наши надежды удовлетворены имъ вполнѣ, ибо онѣ не простирались далеко. Смѣшно было предполагать, что-бы человѣкъ, подобно В. Скотту, имѣющій столько частныхъ предубѣжденій и политическихъ предразсудковъ, могъ безпристрастно взвѣсить на своихъ вѣсахъ могущественный геній Наполеона, или чтобы писатель, котораго преимущественная способность есть воображеніе, а слогъ отличается чрезвычайною растяжительностію, могъ быть историкомъ періода исполненнаго событіями и достопамятнѣйшаго, какой только представляетъ Исторія. Два первые тома книги В. Скотта можно назвать болѣе изображеніемъ Французской революціи, составленнымъ (такъ какъ жизнь Питта, изданная Епископомъ Томлиномъ) изъ листовъ *Утренняго временника* (The Morning Chronicle) и

Digitized by Google

другихъ современныхъ извѣстій. Гдѣ разсужденія В. Скотта справедливы, тамъ, по нашему мнѣнію, они не весьма глубокомысленны, а гдѣ хочетъ онъ быть ученымъ, тамъ мы находимъ мало основательности и оригинальности. Очерки или изображенія характеровъ оставляютъ читателя въ недоумѣніи: какъ такіе люди, какими В. Скоттъ представляетъ вождей революціи, могли произвесть столь великія послѣдствія. Исторія юности Наполеоновой извлечена Авторомъ изъ Записокъ военнаго чиновника, бывшаго любимымъ адъютантомъ у одного изъ Наполеоновыхъ братьевъ, но почти все, кромѣ немногихъ анекдотовъ, давно уже было извѣстно публикѣ. Девятый томъ содержитъ въ себѣ заточеніе Наполеона на островѣ Св. Елены, и въ описаніи сего заточенія нѣкоторые эпитеты и замѣчанія В. Скотта могутъ возбудить улыбку. Мы предполагаемъ въ слѣдующихъ листахъ нашей газеты представить читателямъ *критическій разборъ сочиненія*, а между тѣмъ боимся, что едва-ли оно не есть новое доказательство справедливости старинной пословицы: Non omnia possumus omnes.« —

Разборъ, который обѣщаетъ Англійскій Журналистъ, будетъ немедленно по полученіи его во Москвѣ переведенъ и помѣщенъ въ Телеграфѣ.

F. —

Digitized by Google

Парижскія моды (*).

On ne porte presque plus de croix *à la Jeannette*. Nos merveilleuses suspendent un coeur en or à une grosse chaine d'or.

Les robes de promenade sont tout aussi écourtées que les robes de bal de l'hiver dernier; et l'on ne peut rien imaginer de plus ample que le haut des manches, soit do robes, soit de canezous.

Il est rare qu'un chapeau ait une bride non coupée. Les merveilleuses laissent flotter les deux bouts de ce ruban sur les épaules.

On ne saurait imaginer quelle quantité énorme de rubans est nécessaire pour garnir un chapeau. Chaque boucle en prend une demi aune.

On commence à doubler la passe des chapeaux de paille de riz Cette doublure est du crêpe crêpé, rose, jaune, ou cerise, selon les plumes ou les fleurs qui composent leur garniture.

Les cot-palis les plus nouveaux, les plus recherchés sont ceux dont une des deux raies est en soie écrue. Toujours une des raies tranche: on voit, par exemple, rose-vif et gris-acier, écru et lilas, jaune-safran et rouge-brun. jaune-jonquille et bleu-haïti, vert-saule et bleu-grec, paille et brun-solitaire, vert-myrte et blanc, bleu-foncé et gros-rouge.

La mode des broderies est revenue; on brode quantité de robes et de canezous.

Une nuance écrue, fauve clair, porte le nom de *girafe*. Les tailles qui avaient paru, il y a quelques semaines, tendre à se raccourcir, ont repris leur longueur.

Les redingotes habillées, en mousseline claire ou en organdi, avec transparent rose, jaune ou bleu, et

---

(*) До 15 Іюля (н. с.) 1827 г.

Digitized by Google

noeuds de mousseline ou de ruban, sont portées par des femmes de la plus grande élégance.

Habit bleu-flore, ou marron à large collet de velours; gilet de piqué blanc ou jaune; cravate blanche; pantalon de fil anglais bien souple et bien tombant; bas de soie à côtes, légèrement chinés en bleu; souliers à bout pointu, et à cordons très-courts; chapeau gris; voilà le costume d'un élégant, à la campagne, pour le dîner et le bal du soir.

Les jeunes gens à la mode mettent le matin des pantalons à guêtres, en étoffe fil et coton, à petites raies bleues ou lilas. Les guêtres ont, sur le coté, trois ou quatre boutons.

Plus d'épingle, ni à la chemise ni à la cravate. La cravate a un simple noeud; et l'on met à la chemise un bouton en or.

Почти не носятъ болѣе крестовъ *à la Jeannette.* Щеголихи надѣваютъ нынѣ золотое сердце на толстой золотой цѣпочкѣ.

Платья для прогулокъ также коротки, какъ бальныя платья прошедшей зимы; верхняя часть рукавовъ у платьевъ и каньзу чрезвычайно широкая.

Рѣдко увидѣть можно шляпку съ неразрѣзанною завязкою. Оба конца сей ленты должны развѣваться по плечамъ. Трудно вообразить, какъ много идетъ лентъ на уборку одной шляпки. На каждый бантъ (boucle) надобно ихъ полъ-аршина. Шляпки изъ соломы сарачинскаго пшена начинаютъ носить съ подкладкой, которая бываетъ изъ крепъ-крепе, цвѣта розоваго, желтаго или вишневаго, смотря потому, какія перья или цвѣты служатъ уборкою шляпы.

Digitized by Google

Самыя новыя и модныя котпали тѣ, у которыхъ изъ двухъ полосокъ одна сырцоваго шелка. Всегда одна полоска рѣзко отличается цвѣтомъ; напримѣръ, видите цвѣта: ярко-розовый и стальной, сырцовый и лиловый, шафранный и темно-красный, желто-жонкилевый и голубой Гаитскій, зеленый ивовый и голубой Греческій, соломенный и темный солитеръ, зеленый миртовый и бѣлый, темно-синій и густо-красный.

Опять начинаютъ вышивать множество платьевъ и канезу.

Рыжеватый оттѣнокъ сырцоваго цвѣта называется *камелопардовымъ* (*).

За нѣсколько недѣль таліи начали-было дѣлать короче обыкновеннаго; теперь длина ихъ прежняя.

Самыя модныя дамы носятъ нынѣ нарядные рединготы изъ прозрачной кисеи или изъ органди, на розовомъ, желтомъ или голубомъ, и банты изъ кисеи или лентъ.

Фракъ голубаго съ лоскомъ или каштановаго цвѣта, съ широкимъ бархатнымъ воротникомъ; жилетъ изъ бѣлаго или желтаго пике; бѣлый галстухъ; панталоны изъ Англійской ткани, узкія и безъ всякихъ завязокъ и пуговокъ внизу; шелковые чулки со стрѣлками и тонкимъ голубымъ узоромъ;

(*) *Камелопардъ* или *Камелеопардъ* (la girafe), присланный Пашею Египетскимъ въ подарокъ Королю Французскому, составляетъ теперь предметъ дневныхъ разговоровъ въ Парижѣ. Газеты наполнены анекдотами объ этомъ четвероногомъ пришлецѣ; ученые люди описываютъ его въ журналахъ или въ отдѣльныхъ брошюркахъ — является и модный цвѣтъ въ честь этой новости.

Digitized by Google

башмаки остроносые, съ коротенькими шнурками; сѣраго цвѣта шляпа: вотъ нарядъ щеголя въ деревнѣ, на обѣдѣ и на балѣ вечеромъ.

Молодые модные люди надѣваютъ, *утромъ*, панталоны изъ бумажной или холщевой матеріи, съ узенькими голубыми или лиловыми полосками и штиблеты, у которыхъ по бокамъ по три или по четыре пуговки.

Булавокъ совсѣмъ не носятъ, ни на рубашкѣ, ни на галстухѣ. Галстухъ просто съ узломъ, а на рубашкѣ золотая пуговка.

На приложенныхъ картинкахъ:

1. (Дама) Капотъ-шляпка, убранная зрѣлымъ овсомъ и краснымъ макомъ. Кисейное платье. Воланы обшитые лизере. Канезу органдинная.

2. (Мужчина) Шелковая шляпа. Суконный сюртукъ съ бархатнымъ воротникомъ и металлическими пуговицами. Панталоны изъ шерстяной матеріи.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ
ПЯТНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

I. НАУКИ и ИСКУСТВА.

Стр.

Исторія Литтер. Германской.

Гёте и Шиллеръ (съ Нѣм.). - - - 5

Теорія Изящныхъ Искуствъ.

Мысли объ Изящныхъ Искуствахъ (И. Я. Кронеберга). - - - - - - 17

Исторія.

Историческое обозрѣніе Миѳологіи Сѣверныхъ народовъ Европы (соч. Моне — *оконч.*). 25

Отрывокъ изъ жизнеописанія А. А. Барбье. 96

Нумизматика.

О кабинетѣ Восточныхъ монетъ Г-на Шпревица. - - - - - - - 93

Изящ. Художества.

О медали, приложенной къ Описанію Египта (съ рисункомъ). - - - - - 104

Путешествія.

Письма изъ Сибири (продолженіе). 181 и 285

II. КРИТИКА.

Начальныя основанія Химіи, Александра Іовскаго. Ч. I. изд. второе. М. 1827 г. 35

Цыганы. М. 1827 г. - - - - - 111

Отвѣтъ на критику Г-на —хова. - - 122

Six mois en Russie, etc. *Шесть мѣсяцовъ въ Россіи.* Письма писанныя Г-мъ Ансело въ 1826 г. Парижъ, 1827 г. in 8. - - 216

Digitized by Google

Стр.

Histoire de la guerre de la Péninsule sous Napoléon, précédée d'un tableau politique et militaire de puissances belligérantes, *etc*. (Исторія войны на Испанскомъ полуостровѣ во время Наполеона). Соч. Генерала Фуа. Парижъ, 1827 г. in 8, XV и 403 стр. - - 309

III. БИБЛІОГРАФІЯ.

Русская *Литтература* 1826 и 1827 годовъ. 44, 135, 233 и 324

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

Иностранная переписка. *Письмо изъ Дрездена — Извлеченія изъ другихъ писемъ.* 67
Рѣчь, произнесенная Англійскимъ Министромъ Каннингомъ, въ засѣданіи Нижняго Парламента (окончаніе). - - - 73
Изображеніе нынѣшняго состоянія Греціи. - - - - - - 157 и 352
Состояніе Наукъ и Словесности въ Италіи въ 1826 году (соч. Ф. Сальфи). 264
Некрологія: *Августъ Фридрихъ I, Король Саксонскій — Петръ Симонъ, Маркизъ Лапласъ — Іосифъ Піацци — Францискъ Карлинскій.* - - - 87, 173, 280 и 367

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

Стихотворенія.

В. . . М. — Сонъ (изъ сочиненій Байрона). - - —
Вяземскаго Князя П. А. — Къ Илличевскому. 3
Жуковскаго В. А. — Къ портрету Гёте. 129
Муравьева А. . . — Италія (Сонетъ). 60
———— ———— Смерть Данта. 106
Тепловой Надежды... — Къ родной сторонѣ. 136

Стр.

Къ N. N. - - - 3
На кончину *** (изъ Жанъ-Поля). - 105
Хоръ духовъ (изъ Байронова Манфреда; съ Англійскаго). - - 57
Отрывокъ изъ путешествія въ стихахъ. 61
Наборщику моихъ стиховъ. - - - - 4
Журналистъ Фиглярин и истина. - 5

Проза.

Мысли Наполеона о военномъ искуствѣ (Т.). 6
Дядюшка, или въ наше время все было лучше. 18
Полиметры Жанъ - Поль Рихтера. - - 29
Персидскій Шахъ и его дворъ (отрывокъ). 65
Лохъ - Ломонъ (М.). - - - - 111
Необходимость переписки между родными (И. Н. —). - - - - - 115
Пале-Рояль, или похожденія Г-на Перрона (сказка). - - - - - - 138

II. СМѢСЬ.

О портретѣ А. С. Пушкина. - - 33
Письмо къ Издателю. - - - - 85
Журналистика. - - 34, 92, 122 и 175
Мнѣнія Англійскихъ рецензентовъ объ Исторіи Наполеона, сочиненной В. Скоттомъ. 178
Парижскія моды (на Французскомъ и Русскомъ языкахъ). - - 52, 100, 125 и 181

Къ сей части принадлежатъ: *шесть* картинокъ Парижскихъ дамскихъ и мужскихъ модъ и *изображеніе медали.*

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

APR 21 1931

Digitized by Google